

Галина Гончарова

Волшебникам не рекомендуется

Глава 1

Апрельский денек начинался прекрасно. Дождик, моросивший всю неделю и изрядно портивший мне настроение, наконец-то решил отвалить в чужие края. Небо было чистым и обещало теплый солнечный день. Молоко не убежало, овсянка, которую мы с мужем тихо ненавидели и ели только для тренировки силы воли, не пригорела, а кофе не залил плиту. И на автобус (государственный) я вовремя успела, не измазавшись по уши, и с соседкой (стервой, занудой и сплетницей) не встретилась. Даже студенты решили взять выходной и не плевались бумагой, не болтали и не писали на партах. Никому не хотелось учиться, а я не слишком стремилась их учить. Так что мы быстро провели занятия без шума и пыли и смотались якобы на пруд за образцами, а на самом деле по домам. Все складывалось слишком хорошо. Стоило бы насторожиться, но куда там! Я была счастлива, как после прослушивания очередного выступления Жириновского! И решила устроить для нас с мужем маленький семейный праздник. Свечи, вино, лирическая музыка, танцы с продолжением в горизонтальном положении... Ники согласился со мной, сказал, что в апреле гормоны еще сильнее требуют праздника, чем в марте, и пообещал приехать домой к семи. Оставалось полчаса до назначенного срока. И я сейчас следила за мясом, за пирогами с повидлом, которые обожал муж, и одновременно резала салат, стараясь не оставить в нем своих пальцев. Было уже полседьмого, когда в дверь позвонили. Я развязала передник, окинула взглядом стол и кивнула. Все готово, осталось только подать на стол. И пошла открывать, на ходу поправляя прическу.

– Явился? Мой руки и... – Слова застряли у меня в горле, потому что вместо Ники на пороге я увидела какую-то девушку.

– Здравствуйте, Валентина Алексеевна, – вежливо улыбнулась она.

– Чего надо? – невежливо спросила я. Потом надела очки и оглядела гостью с головы до ног.

– Мне надо с вами поговорить.

– А с чего вы решили, что *мне* это надо? – Я не торопилась впускать нахалку в дом. Быть грубой я тоже не боялась. Я ее раньше в глаза не видела, никто мне о ней не говорил, сама пришла. Вот пускай сама и объясняется. Хотя девушка была красива – этакая модельная внешность. Высокая, под два метра, пергидрольная блондинка с голубыми пустыми глазами и фигурой Кошечки Бессмертного. Сплошные кости в разные стороны. Ну, если она и жвачку жует... Жует, точно, вон челюсти двигаются, как у американских суперменов или как у российских коров.

– Вы предпочтете разговаривать на лестнице? – спросила она.

Я предпочла бы выкинуть ее и захлопнуть дверь, но что-то подсказывало мне – не поможет. Еще в окно полезет, стекло разобьет...

– Косметика, лекарства и бытовая техника мне не нужны. Или вы продаете что-то еще?

– Я ничего не продаю! – В глазах девушки сверкнули молнии.

Я особо не испугалась, громоотводы сейчас не редкость. И насмешливо прищурилась.

– Тогда о чем нам говорить?

– О вашем муже.

Я пожала плечами.

– Валяйте, заходите.

Услышать какую-нибудь гадость я не боялась. Я люблю своего мужа, а он любит меня. И даже если он сбегал налево, мне наплевать. Это такие мелочи! Я искренне считаю, что муж может иногда гульнуть на стороне, набраться опыта, узнать что-нибудь новенькое. Главное, потом вовремя затащить его на профосмотр в КВД. А все остальное мелочи. Здоровый левак укрепляет брак и приносит женщине милые маленькие сувениры.

Блондинка с брезгливой гримасой на тощей раскрашенной мордашке огляделась вокруг.

– Бедно живете. В комнату не пригласите?

– Разуйтесь и проходите, – пожала я плечами.

Разувшись, блондинка значительно потеряла в росте. Я ей позавидовала. Вот хоть пристрелите, никогда не понимала, как можно носить сапожки на пятнадцатисантиметровой платформе и не ночевать в травмпункте. Мой личный предел – десять сантиметров, и то не шпильки, а что-нибудь типа копыт.

В гостиную незнакомка опять огляделась.

– Решили устроить вечер на двоих, Валентина Алексеевна? – ехидно спросила она. – Должна вас огорчить, вечер отменяется.

– Вы, наверное, мексиканских сериалов насмотрелись, дорогуша, – покривилась я. – Говорите-ка коротко и по существу, а то я и на дверь показать могу. Шваброй.

Блондинка упала в кресло и положила ногу на ногу.

– Будем знакомы, меня зовут Орланда ан-Криталь, но вы можете называть меня просто Ольга.

– Меня вы уже знаете. Что дальше? – Интересно, кто дал ей такое дурацкое имечко? Я знала мальчика, которого звали Дележив (дело Ленина живо), и девушку с именем Прапемая (праздник Первого мая), но Орланда? Или она не русская? Ладно, сейчас разберемся, кто есть ху.

– Не знаю, как и начать. Валентина, вы...

– Алексеевна, – перебила я.

– Хорошо, Валентина Алексеевна, вы знаете, *кто* ваш муж?

– Серов Николай Игоревич, историк, работает в хранилище, – пожала я плечами.

– Ошибаетесь.

Я насмешливо разглядывала эту дуреху. И даже не комплексовала. Я ведь ждала мужа, то есть уже и оделась, и накрутилась, и причесалась. Хотя дома я всегда хожу хорошо одетой. Никогда не понимала женщин, которые одеваются для улицы, а дома выглядят лахудрами. Живем-то мы с мужем, а не со знакомыми. Сейчас я смотрелась так же шикарно, как и Орланда. Только в другом стиле. Не топ-модель, но жена и мать. И смотрела на блондинку с легким превосходством. Это ж надо – так себя изуродовать! А главное – во имя чего? Моды? Пф-ф...

– Да неужели? И в чем же?

– Для начала – он не Серов Николай Игоревич.

– А кто? – ласково спросила я. Интересно, она психбольная или просто аферистка?

– Его зовут Серый Ник, – торжественно объявила Ольга.

Я кивнула:

– Хорошо. Пусть его зовут Серый Ник. Пусть его даже зовут Старый Ник, мне это безразлично. Что дальше? – Мне неожиданно стало смешно и захотелось поиздеваться над блондинкой. – Вы пришли сказать мне, что ждете от него ребенка или что он любит только вас?

Блондинка отчаянно замотала головой:

– Нет, нет!!! Все не так!!! Не перебивайте меня, Валентина Алексеевна, мне и так тяжело!

- Еще бы, - не удержалась я. - По вам сразу видно, что умственная деятельность не для вас.

Блондинка сверкнула глазами, но все-таки удержалась от грубостей и продолжила:

- Вашего мужа зовут Серый Ник, и он не историк! Он - колдун! Вэари!

Я кивнула еще раз, напомним себе о китайском болванчике.

- Хорошо. А вы кто?

- Так вот, - продолжала блондинка, не обратив внимания на мой вопрос, - колдуны выбирают себе мир по вкусу, живут там, как обычные люди, иногда даже женятся. Но ни-ког-да не заводят детей! Ни-ког-да!!!

Меня невольно заинтересовал рассказ.

- Почему?

- Это долго объяснять! Но я попробую вкратце, тем более вы кандидат биологических наук и не должны быть такой идиоткой, как кажется.

Идиотку я ей спустила. Временно.

- Все вэари проходят нечто вроде инициации, - продолжала разглагольствовать блондинка. - В этот момент их генетический код стирается. Он уже не несет информации о самом человеке. Вы же знаете, вы наверняка читали, что спираль - это основополагающая форма Вселенной. Так вот, в момент инициации генетическая цепочка колдуна или ведьмы, с вашего позволения вэари, необратимо изменяется. Теперь она несет закодированное знание о Вселенной! Представьте себе яйцеклетку - с одной стороны нормальная ДНК, с другой - Вселенная в миниатюре! На первом же этапе они начинают распадаться. И яйцеклетка гибнет. Детей не получается ни при каких условиях. Это одна сторона. Наши ученые проводили эксперименты и выяснили, что может быть и по-другому. Во-первых, колдун может иметь ребенка только от другого колдуна...

Монолог начал действовать мне на нервы.

- А колдунья - только от другой колдуньи. Ну и извращенцы, - опошлила я.

- Не смейтесь! - вспыхнула Ольга.

- Да я и не смеюсь, я плачу...

Действительно, какой уж тут смех? Тут лечиться надо. Может, посоветовать ей знакомого психиатра? Нет, пока подожду. Посмотрю, как наша встреча пойдет дальше. Терпением и ангельским характером я не отличаюсь, так что, возможно, придется приглашать к блондинке не психиатра, а травматолога. Или вызвать сразу обоих? Пару недель на реланиуме - и ты как новый. А гипс, который придется ей накладывать после нашего общения, сыграет роль смирительной рубашки.

- Пойдем дальше. Возможен и третий вариант. Наше сообщество пополняется не только изнутри, но и извне. Кое-кто из людей способен пройти инициацию, но только если этот человек обладает врожденными магическими способностями. Но и тогда подобное очень сложно. Получается примерно у одного человека из миллиона. Это не преувеличение, а статистика. Поэтому в среде колдунов установлен строгий контроль размножения. Каждому колдуну и каждой ведьме назначается пара с учетом их магических способностей, физических, умственных и т. д. и т. п. И они должны родить не менее одного ребенка в тысячу лет. Мне уже шестьсот девяносто два года!

- Хорошо же вы сохранились.

Я ни на секунду не верила этому бреду. Колдуны, вэари, генетический код, контроль рождаемости... Вы лучше послушайте, что придумывают студенты для халявного получения зачета! После сессии такие убогие выдумки вас просто рассмешат.

- И я хочу, чтобы вы отпустили своего мужа! Отдайте его мне, Валентина Алексеевна!

Я фыркнула. Жалко девчонку. Такая молодая, а уже свихнулась. Но я недаром уже год воевала со студентами. И отлично знала, что с сумасшедшими спорить не надо. Достаточно подстроиться под их видение мира и неназойливо выкинуть из своей жизни к такой-то матери.

- Простите, а почему вы не хотите подождать? Вам около семисот лет? Прекрасно! Больше пятидесяти лет мы с мужем так и так не проживем, экология не позволит, вот и подождите. Для вас это не так и долго, а у меня будет свой кусочек счастья. Не так уж много я и прошу, верно?

- На вас мне плевать! - процедила блондинка. - Презренная смертная!

Интересно, почему она так разозлилась? Может, надеялась, что я сразу выгоню мужа из дома? А вот фиг вам! Ники мне самой дорог как память о наших безумных ночах и веселых днях.

- Тем более, - парировала я. - Проваливайте из моего дома и плюйтесь за порогом!

На «смертную» я решила внимания не обращать. На «презренную» пока тоже. Пока. Блондинка смотрела на меня с ненавистью, а я на нее - как на клопа в компоте. И противно, и компот жалко.

- Теперь я понимаю, что он в тебе нашел.

- Вы в лучшем положении, - начала злиться я. На часах уже без пяти семь, так где же Ники?! - Я смотрю на вас то же самое время, но искренне не понимаю, что хорошего можно найти в вас. Если мой муж должен сделать вам ребенка, вам придется подождать до моей смерти, лет этак сто.

Я не особо возражала, когда мой муж гуляет, но надеялась на его хороший вкус. Эта выдра была не в его вкусе, это точно.

- Вы мне не верите, - вздохнула выдра.

- Простите, не верю, - согласилась я.

- Но подумайте сами! Вы живете явно не на зарплату!

- Муж подрабатывает, составляя княжеские биографии для новых русских.

- Вы вместе уже два года, но у вас до сих пор нет детей!

- Вы не слышали о противозачаточных таблетках? Могу подарить вам учебник по сексологии и справочник по фармакологии.

- Чем же мне доказать вам, что это правда?!

- Вы - колдунья?

- Да. Я - взари. Но мы не колдуем на глазах у других людей.

- Значит, вы врете. Я вам не верю. Проваливайте.

Глаза блондинки сверкнули.

- Хорошо! Но потом не сожалейте! Что вам показать?

Я огляделась вокруг. О!

- Будьте умницей, выстирайте магическим образом портьеры! А то я уже год собираюсь!

Блондинка открыла свою сумочку и извлекла из нее какую-то палочку. Ее она направила на шторы.

- Assertveeff! Lakessaart! Eesweferr!

По комнате пронесся ледяной ветер. С кончика белой блестящей палочки сорвался большой шар нежно-розового цвета. Он все рос, пока не достиг окна. И закрыл собой шторы. Мне показалось, что они как-то очутились внутри пузыря. Он держался еще две минуты, а потом с громким хлопком растворился в воздухе. Я подошла к портьерам. Возможно, это был только гипноз, но шторы оказались чистыми и пахли мятной свежестью. Я тут же распахнула окна. Запах мяты хорош, никто не спорит, но только в умеренных дозах.

– Теперь вы мне поверили? – спросила блондинка.

Я пожала плечами. Если честно, Гудини и похлеще трюки проделывал. Может быть, эта девица и правда маг, но что из этого следует? Что мужу надо устроить скандал – это первое. А чего он от меня такие новости скрывал?! И что она почему-то не может согнуть меня в бараний рог – это второе. А значит – фиг ей, а не Ники!

– Ну и что дальше?

– Когда к вам придет ваш муж, вы выставите его за дверь?!

– Не выставлю.

Блондинка захлопала глупыми коровьими глазами.

– Но мы же... вы же...

– Мы ни о чем не договаривались, – отрезала я. Кто бы она там ни была – Ники мой муж! Мой! И точка! – Вы продемонстрировали мне свои колдовские способности, но вам все равно придется подождать, пока я не умру.

– С каким бы удовольствием я вас прикончила прямо сейчас!!!

– Так за чем же дело стало? – Я и правда заинтересовалась. Нет соперницы – нет проблемы, так? А она решилась на беседу с «презренной смертной».

– Ник меня не простит!

– Ах, вот оно что! А что вы так на него набросились? Приспичило? Не с кем вам, что ли? Так купите вибратор! Могу вам адрес секс-шопа дать, мы с мужем туда частенько заходим.

Ольга побагровела. В сочетании с пергидрольными волосами это смотрелось ужасно.

– Ах ты...

Моя рука ласково погладила тяжелую вазу.

– Так кто я? Продолжайте, не стесняйтесь!

Блондинка мудро решила помолчать. Я улыбнулась нежно, как гюрза, которой отдавили хвост.

– Гуляйте отсюда, милочка, и не попадайтесь мне на глаза. А то я вас без всякого колдовства препарирую! У меня большой опыт, не рискуйте своим здоровьем.

Ольга с трудом успокаивалась.

– Валентина, вы еще не знаете всего!

– Неужели? – В моем голосе слышались раскаты приближающейся грозы.

– Дело в том, что накануне погиб один из самых сильных колдунов!

– И что?

– Теоретически наш с Ником ребенок должен получиться такой же силы, как и погибший. Число колдунов не должно уменьшаться, только увеличиваться! И поэтому Верховный взари приказал нам в самый короткий срок зачать ребенка!

- А вы не думали об искусственном оплодотворении?

- На нас это не действует.

- Да, моему мужу можно только посочувствовать.

- Ваш муж отказался подчиниться Верховному вэари! - взорвалась наконец блондинка. - Он не желает изменять вам! Вам, однодневке, резиновой кукле, нелепой игрушке, прихоти!!! Из-за вас его заключили в темницу!

- Что-о-о?! - Вот теперь я разозлилась по-настоящему. - Какой-то козел арестовывает моего мужа за супружескую верность?! - Я посмотрела на блондинку. Ольга почувствовала, что я в ярости, и выставила перед собой волшебную палочку, но меня сейчас не остановила бы никакая магия. Я медленно сжала кулаки, чтобы не вцепиться Олечке в крашенные патлы. - Немедленно говори, как до него добраться! Я ему покажу, где раки зимуют! Я его в каждого рака носом потыкаю!! Я его по всем речкам проволоку! Лично!

Приступ ярости не проходил. Я схватила ту вазу, которую поглаживала минуту назад, и шваркнула в стену. Она разбилась, обдав Ольгу дождем осколков. Блондинка вздрогнула и съехала в кресле, глядя на мой разгулявшийся темперамент. Вообще-то я мирный и очень дружелюбный человек. Даже слишком добрый! Я никогда не скандалю. Просто не умею этого делать. Я часто ставлю зачеты автоматом. У меня нет врагов. И я стараюсь никому не делать зла, но иногда... Иногда на меня накатывает такое! До сих пор это было всего два раза. Первый - когда меня в школе попытался столкнуть в грязную лужу один пацан. Ему удалось запачкать мое новое пальто, а потом я просто озверела. Из всех сил я треснула его по голове портфелем, а потом пинками загнала в ту самую лужу. И только потом поняла, что завуч держит меня за руки и уговаривает успокоиться, а учитель химии поднимает паршивца из лужи и тащит в медпункт. Это было в третьем классе, и после никто не осмеливался меня и пальцем тронуть. Второй раз такое случилось в институте. Я возвращалась домой поздно вечером зимой. Нам выдали стипендию, и на нее мне следовало прожить еще неделю, пока из свадебного путешествия не вернется мама. Домой надо было идти мимо пустыря. Фонари не горели, и когда из темноты появилась темная фигура, я даже не испугалась. Сначала. Потом по ушам ударил мерзкий шепот. Что-то вроде: «Молчи, а то хуже будет!» Я даже не испугалась того, что мне заломили руку и потащили на пустырь. Но когда эта озабоченная сволочь начала отрывать пуговицы с моей шубки, а потом положила... положил мне руку на грудь, я не выдержала. Первый удар пришелся по яйцам коленкой. Второй - по ним же, но носком сапога. Потом началось сплошное избивание насильника. В общем, примерно через час я волоком притащила негодяя в ближайшее отделение милиции. За руку и по всем лужам мордой. Мало ли, вдруг его оправдают, а так ему будет ясно, что преступлению соответствует наказание. Опять же, не бросать его зимой в переулке? Мне не жалко, но замерз бы насмерть! Меня бы потом еще и засудили.

В милиции меня очень благодарили. За мальчиком оказалось три изнасилования, причем два из них с убийством. Список его повреждений, который мне потом показал следователь, включал семь сломанных ребер, полностью отбитые детородные органы, сломанную ногу, три вывиха и четырнадцать выбитых зубов. О количестве синяков я даже не спрашивала, и так ясно, что оно было трехзначным. «Неужели вы его сами? Без помощников?! Круто вы его! - поделился следователь. - С такими потерпевшими, как вы, и милиции не надо!»

И сейчас я впала в третий приступ бешенства. Верховному вэари можно было только посочувствовать. Я успокоилась почти сразу, стоило только вазе разлететься на кусочки, но бешенство не ушло окончательно. Оно схоронилось в глубине рассудка и готово было вырваться наружу, как только я встречу с негодяем, который разлучил меня с мужем.

Я перевела дружелюбный взгляд голодного крокодила на Ольгу. Блондинка поежилась.

- Как мне найти вашего Верховного вэари?!

- Я не могу этого сказать!

Моя рука легла на вторую вазу.

- Не можете?!

- Погоди!

Я выразительно сомкнула пальцы на узком горлышке вазы.

- Ну?!

- Я могу сказать, где он будет в ближайшее время, но тебе это не поможет!

- Это мне решать!

- Через семнадцать дней по времени мира эльфов будет ежегодный слет волшебников. В мире Кастрелл, 4н-17а. Кас, по классификации эльфов.

- 4н-17а. Кас, мир Кастрелл, - повторила я. - Понятно. Значит так, мужа я своего не отдам, так и передай вашему Верховному волшебнику. И скажи, чтобы он не попадался мне на глаза лет пятнадцать. А то еще одним взари, или как вас там, будет меньше. Гарантирую.

- Вы не знаете, о чем говорите!

- Зато я отлично знаю, что сделаю с ним при случае!

- Для того чтобы справиться с ним, да даже встретиться, вы должны стать волшебницей!

- Это так сложно?

- Да. Инициацию выдерживают немногие.

- Таких, как я, тоже мало. Как можно пройти инициацию?

Глаза блондинки засветились злостью.

- Я все расскажу тебе! Надеюсь, ты погибнешь! Тогда твой муж точно придет ко мне!

Я фыркнула:

- На твоём месте я бы не обольщалась. У Ники слишком хороший вкус. Интересно, он хоть раз переспал с тобой?

По кислой гримасе блондинки я поняла, что попала в точку. И сладко улыбнулась.

- Не горюй, мой муж - ответственный человек. Лет через двести ты его обязательно дождешься, если он до той поры не придумает, как отвертеться.

- Тварь!

- Все мы твари божии, - парировала я. - Но ты - особенно! Ладно, давай о деле. Что нужно для инициации?

- Найти книгу «Sapremiolanksis». У твоего мужа она наверняка есть. И отыскать там нужное заклинание. Называется «Инициатор». Прочитаешь - а дальше по обстоятельствам. Там узнаешь, что нужно делать.

Я кивнула:

- Это все?

- Все.

- Тогда - до встречи в мире Кастрелл. Поклон нижайший Верховному волшебнику.

Блондинка поднялась из кресла и пошла к двери. Но на пороге обернулась. Страх прошел, но взамен появилось желание сказать мне какую-нибудь пакость. Зря. После моего общения со студентами у нее не было шансов со мной справиться, тем более в словесном поединке.

- Надеюсь, наша встреча не состоится при жизни.

- Если вы на это надеетесь, то лучше вам не приходить на шабаш через семнадцать дней.

С этими словами я захлопнула за ней дверь и бросилась звонить на работу мужу. Сейчас кто-нибудь поднимет трубку, скажет, что Ники опять задержался на работе, я отчитаю его, а к завтрашнему дню забуду всю эту чушь, как страшный сон. Или буду рассказывать своим студентам, ради прикола.

К телефону долго никто не подходил. Потом трубку сняла Катя, одна из работниц архива.

- Кать, привет, это Вэл, - поздоровалась я. - Мой благоверный там далеко?

- А его вскоре после твоего звонка вызвали к заказчику! Он что, еще не приехал?

- Наверное, скоро появится! Ну, я ему холку намылю! Ладно, спасибо за информацию.

- Пожалуйста. Пока.

- Пока.

Я повесила трубку и задумалась. Что делать? Не скажу, что я так во все это поверила, слишком уж это... бредово, но вдруг? Любой русский человек - истовая помесь из христианина, язычника и атеиста. И я - тоже. Поэтому я оставляю двадцать процентов на всякий случай. Что же теперь делать? Пойти в кабинет к мужу и хорошо покопаться там. И если я найду эту клятую книгу, как ее там?! Я точно прочитаю заклинание. Никому я своего мужа не отдам! И тем более этой крашеной тощей кляче! Это же просто оскорбление для меня!

Я вспомнила, как мы познакомились с мужем. Это было два года назад. Я тогда пришла в библиотеку и поднималась по лестнице на второй этаж. А Ники спускался. И сильно задел меня плечом. Задел - и пошел вниз, не извиняясь. Я вцепилась в перила, чтобы не упасть. Потом, через пять ступенек, этот наглец обернулся.

- Простите, я вас толкнул.

- Ничего страшного, не стоит извинений, - вежливо ответила я. - Я уже плюнула вам на спину.

Он смешно вывернул голову, потом снял пиджак и рассмотрел его на свет.

- Вы врете.

- Зато теперь мы квиты.

Он улыбнулся.

- Если мы квиты, я могу пригласить вас на чашку кофе?

Я осмотрела его с головы до ног. Симпатичный. Высокий, светловолосый, голубоглазый, с длинными ресницами и великолепной фигурой. И отлично это знает. Вон как улыбается. Соглашусь - и сценарий известен заранее. Сперва чашка кофе, потом приглашение пообедать, потом - поужинать, а потом - проснуться и вместе позавтракать. Но я никогда не вписывалась в штампы.

- Простите, но вы не в моем вкусе.

Он ошарашенно хлопнул глазами.

- Почему?

Я пожала плечами:

- Вы мне не нравитесь. Вот и все.

Наверное, я была первой, кто так разговаривал с ним. Потому что Ники выдал:

– Давайте я приглашу вас на чашку кофе и вы мне расскажете, что нужно сделать, чтобы понравиться вам?

Издевка просто вылезла из меня:

– Попробуйте избавиться от десяти килограммов тщеславия. Оставшихся пяти будет больше чем достаточно. А теперь простите, у меня дела.

Не знаю, как Ники нашел меня, но на следующий день он пришел в университет с цветами. Так продолжалось несколько недель подряд. Я злилась, потом мне стало лестно, потом мы начали встречаться, а потом, месяца через четыре, Ники сделал мне предложение и я приняла его. Оказалось, что он очень мил. Я защитила кандидатскую и стала писать докторскую. Ники сидел в архиве, от души копаясь в старых бумагах. Детей и правда пока не было, но какие, блин, дети в мои двадцать пять лет? Это же крест на свободной жизни! Фамилию я менять не стала, а муж не настаивал, так что я по-прежнему Ставрогина Валентина Алексеевна, кандидат биологических наук. Кто-то может удивиться: такая молодая – и уже кандидат. Но все просто. Мама у меня учитель биологии. За свою счастливую жизнь я сменила четыре детских садика и семь школ, так как мама обожала разъезжать по стране. При такой чехарде школ и программ знания тоже страдали. У меня было всего три пятерки – по русскому, по литературе и по биологии. И то – лишь за счет моей любви к чтению и патологической грамотности. Разбудите меня ночью и проведите диктант – и я уверена, в нем не будет ни одной ошибки. Ну и еще «халявные» предметы. Труд, физкультура... И обязательная двойка по пению. Если кому-то медведь просто наступил на ухо, то на моем ухе он точно станцевал «Лебединое озеро». Не могу взять ни одной верной ноты, хоть меня пристрелите. И когда мы переехали в очередной раз, я просто пошла в восьмой класс вместо седьмого. В восьмом классе пения уже не было – и это послужило главным аргументом. Так что в институте я оказалась в неполных шестнадцать. Хорошо, «на пять», я знала только биологию. Вывод напрашивался сам. Сперва красный диплом, потом аспирантура, которую я не стала затягивать, наша свадьба – и затем диссертация.

Ники, Ники, что же происходит вокруг нас?! Да ладно! Разберемся!

Я бросилась в кабинет. Наша трехкомнатная квартира делилась просто: гостиная, спальня, кабинет. Половину его занимали книги по биологии, половину – архивы Ники. По негласному уговору мы никогда не копались в чужих материалах. Это же просто отвратительно, когда кто-то порылся в твоих книгах и записях, убрал неизвестно куда все самое необходимое и сложил по ящикам стола рабочие материалы. А ты теперь, будь любезен, раскапывай! Ищи, как Шерлок Холмс! Я нетерпеливо расшвыривала бумаги и блокноты в разные стороны. Потом взялась за ящики письменного стола. Один из них был заперт. Я только фыркнула. Потом сделала несколько вдохов-выдохов, чтобы успокоиться, выдернула шпильку из волос и приступила к работе. Замок поддался не сразу. Я возилась с ним не меньше двадцати минут, сопровождая свои действия сочными заклинаниями на русско-татарском. Но стоило мне распахнуть ящик... Господи боже мой! Книгам, что лежали в нем, наверняка было не одно столетие. Пергаментные, рукописные, в переплете из телячьей кожи, украшенные камнями и тиснением. И с названиями на чужих языках. Я аккуратно вынимала их и складывала на столе в стопки. И в самом низу я нашла толстый черный том с нужным названием. «Sapremiolanksis». Мое счастье не знало границ. Вот сейчас я прочитаю это заклинание, как там его – Инициатор? – и...

Меня спас оглушительный телефонный звонок. Ники?! Меня вихрем снесло к аппарату. Нет, это оказался не он. Звонила мама. Сейчас она была в Америке, в Лос-Анджелесе, со своим пятым мужем, и чувствовала себя прекрасно. Погода в Америке стояла солнечная, бизнес шел отлично, но хотелось домой, в Россию.

– Не могу дождаться, когда увижу тебя и Николая! У вас все хорошо?

– Да, вполне. Может, отдохнуть поедem, куда-нибудь в лес, на турбазу. Так что не волнуйся, если никто не будет подходить к телефону.

– Хорошо. Мы, может, через месяц вернемся.

– Позвонишь мне, я вас встречу.

- Еще чего! Даром, что ли, Толик (мой пятый по счету отчим) всех этих дармоедов развел! С фирмы кто-нибудь придет, не надорвется! Ну все, целую! Мужу привет передавай!

- Ты тоже. Пока.

- Бай.

Я положила трубку и потерла лицо, размазывая косметику. Звонок, слава Аллаху, спас меня от непоправимой глупости. Я бы сейчас прочла это заклинание – и что потом? Что бы со мной случилось? Я почти голая, нельзя же считать одеждой кружевное белье и полупрозрачный халат? Нет, надо одеться. И взять с собой самое необходимое. Не обязательно спальный мешок, но хотя бы зажигалку. А еще лучше – теплые носки и чего-нибудь пожрать. А вы как думали? Герои берут семейный меч и копье, а умный янки – бутерброды с сыром. Потому как семейный меч грызть не станешь даже при железодефицитной анемии.

И я занялась сборами. Опять же, это героям сказок легко и просто. Прицепил на пояс папину, а то и дедушкину железяку, взял лошадь – и поехал. А в жизни так легко не бывает. На переодевание и сборы ушло около получаса. Серебряный индийский браслет с колокольчиками запутался в джинсах, и я не стала выпутывать его. Любимая зеленая (маскировочная) футболка, свитер, коротенькая куртка, кроссовки, рюкзак с самыми необходимыми мелочами – и я готова к встрече со вселенским злом. Теперь надо проверить, все ли включено. А то устрою пожар или потоп – вот веселуха будет! Никакой магии не надо! Соседи снизу меня тогда без колдовства за можай загонят. Еще не забыть две пары очков и контактные линзы. К сожалению, у меня плохое зрение. Дальновзоркость. Последствия сотен и сотен прочитанных книг. А что нам еще скажет этот фолиант? – *Должен знать любой человек, что путь к полному овладению своими колдовскими способностями труден и опасен... если же готов ты рискнуть, прочти заклинание слово в слово и слушайся своего спутника...*

Спутника у меня не было, но я все равно решила идти до конца. Своих мозгов хватит. Надела рюкзак, пригладила волосы, подергала шнурки на кроссовках и начала громко произносить непонятные слова. Вспышка огня озарила комнату. Пустота. Темнота.

Человек, а точнее волшебник, которого Валентина знала как Ники или Николая, а все, кто обладал хоть малейшими колдовскими способностями, – как Серого Ника, сидел в роскошном кресле и мрачно смотрел на окно с изящными коваными решетками. «Железные решетки мне не клетка и каменные стены не тюрьма» – припомнилось давно забытое стихотворение. Блин, если автору они тюрьмой не были, значит, у него под рукой имелись напильник и отмычки! А что тут? Волшебник прекрасно понимал, что шансов выбраться у него ноль целых ноль десятых ноль сотых. Остальные доли – на божественное вмешательство, но на него взари особо не рассчитывал – рылом не вышел для помощи свыше. Покои, в которых он сидел, были огромными. Одна спальня занимала площадь, равную их с Вэл квартире. И роскошно обставлены. Им такая роскошь и не снилась. То есть Ник мог в любой момент превратить скромную обстановку семейного гнездышка в нечто подобное, но зачем? Вэл при очень небольших деньгах и отсутствии специального образования сделала из их квартиры настоящий дворец. Торжество классики и вкуса. А здесь, хоть пол и ломился от антикварной мебели, но пышность и аляповатость резали волшебнику глаза. Но хуже всего было то, что он не мог отсюда удрать. Магия здесь попросту не работала – заклятия накладывали на века, и накладывали колдуны мощнее его. Сила тут тоже не поможет: решетки на окнах, дверь металлическая. Подкоп – и тот не сделаешь. Сиди и жди, пока не выпустят. А его не выпустят, пока не пожелает эта чертова дура Орланда! Ник сплюнул на чисто вымытый паркет. Эта кретинка вбила себе в голову, что он – мужчина ее мечты. Наверное, потому, что всегда вызывала у него изжогу. И спать с ней Ник не собирался ни при каких обстоятельствах! Ну вот, помяни черта! Хотя на черта Орланда не тянула. Как сказала бы Вэл – выдреныш. Мелочь. Ник окинул насмешливым взглядом появившуюся на пороге женщину в прозрачном пеньюаре. М-да, если она и надеялась выглядеть привлекательно, то зря. Ник вспомнил, как Вэл однажды обозвала таких девиц «суповым набором – кости и кожа, наверное, навар большой будет, жаль, проверить нельзя», и развеселился.

- Я рада, что ты в хорошем настроении, – пропела женщина.

Дверь захлопнулась. Ник вспомнил опыт жизни в России и минут десять перечислял всех предков, родственников и знакомых монстров Орланды, живописуя отношения между ними. Но даже мат не отвлек от главной заботы. Вэл, его Вэл где-то там, совершенно одна, без помощи и поддержки, даже без малейшей надежды на успех, осваивает магию. Интересно, почему? Хотя ответ как раз известен. Они же муж и жена. Если Вэл решила, что таким образом сможет помочь ему, то свернет горы. Подумаешь там – магия! Вот она и не подумала, прежде чем бросаться в эту авантюру! Да еще Орланда говорила про сюрприз! Какой?! Черт, черт, черт!!!

Глава 2

– Твою мать!

Это были мои первые слова в другом мире. А как только я смогла дышать, слышать, видеть и говорить, я добавила к ним еще парочку русских народных. Я сидела в здоровенной луже, глубиной мне по пояс, и от любимых свежевystиранных джинсов остались лирические и очень грязные воспоминания. За шиворот тоже текло. С неба моросил мерзкий дождик. Стояла ранняя осень, судя по окраске листьев на деревьях, а осень я просто ненавидела. Это Пушкин мог писать: «Унылая пора, очей очарованье...» Он-то, небось, дома у окошка сидел, а не посреди этого, с позволения сказать, «очар-рования», в грязной луже. И штаны он сам себе тоже не стирал после прогулки в такую очаровательную, мать ее трижды за ногу, погоду. С другой стороны, чего я сижу-то? Что я в этой луже забыла?

– Так, Вэл, – скомандовала я себе. – Выползай из лужи, и будем с тобой обозревать обстановку.

Дурные привычки возвращались мгновенно. Еще когда мне было девятнадцать лет, мама вышла замуж в пятый раз и перебралась к супругу, переписав квартиру на мое имя. До встречи с Ники я жила одна, радио тихо ненавидела, телевизор смотреть было просто скучно, оставалось только разговаривать сама с собой. Выйдя замуж, я неохотно рассталась с этой привычкой, но, похоже, не до конца. Вот и сейчас, болтая вслух, я незаметно выбралась из лужи. Лужа была, как водится, посреди дороги, дорога посреди поля, а что вокруг поля, я не видела. Наверное, лес. Он темнел далеко на горизонте. Но в лес мне не нужно.

– А куда тебе нужно? – спросила я у себя. – А черт его знает. Обещали же какого-то проводника! Вот крокодилы бессовестные!

– Это кто бы говорил о совести! – раздался позади меня скрипучий голос. – Ты еще о Боге вспомни, чудо природы!

– А чего о нем помнить? – спросила я, почему-то не оборачиваясь. – Неужели ему есть до меня дело?

– Ни-ка-ко-го! – ответил тот же голос. – Не забывай, ты теперь начинающая колдунья, точнее взари, а они вне юрисдикции местных божков.

Это меня порадовало, но ненадолго. Навалились другие заботы.

– А ты кто?

– А я и есть тот самый проводник, – порадовал меня голос.

Я неосторожно обернулась, хлопнула глазами, нога подвернулась, я взмахнула руками и, повинаясь закону подлости, грохнулась в ту же лужу, но на этот раз спиной вперед. Теперь меня надо было стирать целиком. И лучше с пятипроцентной хлоркой.

– Молодец, – порадовал меня проводник. – Теперь твоя внешняя и внутренняя сущности стали еще больше похожи друг на друга.

– Иди ты знаешь куда, – предложила я. – Свинья безголовая! Предупредить нельзя было?!

– О чем? – невинно хлопнул ресницами проводник.

– О себе.

Я выбралась из лужи во второй раз и сейчас тихо радовалась, что рюкзак уцелел и сделан из непромокаемой ткани. А в нем у меня лежат пакетики с отвратительным растворимым кофе «Моккона» и металлическая чашка. Хотя хрен мне удастся разжечь костер под таким дождем. Небось тут все в округе на девять частей состоит из воды! Ну и фиг с ним! У меня еще и фляжка с водкой есть. Я ее взяла исключительно в лечебных целях, для растирания. Вот и будем лечиться!

- Хороша, – одобрил проводник.

- На себя посмотри, – окрысилась я. – Может, представишься, невежа?

Мое возмущение имело под собой веские основания. Честное слово. Я ожидала многого, но *такого*?! Я биолог и могу отвечать за свои слова. Так вот, передо мной стояла натуральная игуана! Такая симпатичная ящерица, с хвостом в чешуйках, длина сорок сантиметров, форма головы, как рыцарский шлем. И сейчас ее морда приобрела явно обиженный вид.

- Меня зовут Ганя.

- Ганя – он или она? – уточнила я.

- Она. У всех женщин проводниками служат только женщины, а у всех мужчин – мужчины. Считается, что они быстрее могут найти общий язык.

Интересно, кто это решил? По-моему, с этой ящерицей общий язык могла найти только другая игуана. А я бы предпочла в проводники кого-нибудь посимпатичней и пообщительней. Например, лошадь. На ней еще и ездить можно. А эту ящерицу, чует мое сердце, еще и на себе тащить придется!

- Понятно. Раз ты проводник, давай объясняй, что мы теперь должны делать?

- По счастью, у нас разные задачи, – фыркнула ящерица. – Ты будешь искать проход в нужный тебе мир, а я должна следовать за тобой и говорить, что нужно сделать теперь. И не более того.

Эта система мне была знакома. Как говорил преподаватель по высшей математике, я ставлю вопросы, а вы ищите на них ответы. И конкретнее. Хоть вы и биологи, но не растекайтесь мыслью по древу познания.

- Конкретизируйте свои предложения, мадам, – попросила я. Боевой дух куда-то ушел. Наверное, замерз и решил поискать, где потеплее. А у меня хлюпали и кроссовки и нос – наперегонки. Игуана смотрела на меня без всякого сочувствия. Ей-то что, она рептилия. Хладнокровная во всех смыслах этого слова, зараза! А вообще, кажется, ящерицы едят! Я плотоядно осмотрела игуану. Жирненькая. Вкусная, наверное. Ящерица как-то нервно дернула хвостом и заговорила:

- В этом мире, Валентина, тебе надо забрать учебник магии. С ее помощью ты сможешь открыть дверь в нужный тебе мир. А дальше посмотрим, что будет.

- А где он находится? – прохлюпала я.

- Не знаю.

- А как называется?

- Междумирианник.

- Так и называется?

- Да!

Я почесала репу.

- А где находится ближайший город, ты не знаешь?

- Не могу сказать.

Я развернулась и пошла на восток, не интересуясь, успевает ли за мной ящерица. Метров через тридцать оглянулась. Игуана с самой несчастной мордой шагала посреди дороги, обходя лужи и высоко поднимая хвост. Я подождала ее, потом взяла в руки и посадила себе на шею. Ящерица свесила хвост с моего плеча и кивнула:

- Спасибо.

– Всегда пожалуйста.

Я шлепала по грязной дороге, моросил мерзкий дождик, хлюпали промокшие насквозь кроссовки. В общем, настроение было преотвратным. Но требовалось как-то разговорить проводника.

– Слушай, Ганя, – неуверенно начала я, – а что ты еще можешь?

– В каком смысле?

– Да в самом прямом! Допустим, я попаду в переплет. Ты мне поможешь?

– Это не входит в мои обязанности.

– Но и запрета на это нет?

– Но и у меня нет желания помогать тебе!

– Лучше бы оно появилось.

– Зачем?

Замерзшие мозги работали плохо.

– Со мной весело. Со мной гораздо веселее, чем со всеми остальными колдунами!

– Не обольщайся.

– Ладно, с этим мы выяснили. Помощи от тебя не дождешься. А что ты еще обязана делать?

– Опекать тебя, пока ты не вступишь в полную силу, подсказывать и направлять. Но не помогать.

Я кивнула. Все ясно. Ладно, чешем к городу на горизонте. Тут-то и пригодилась моя дальнорукость! Даже из той лужи я видела что-то похожее на башни. Но добралась до места я только к вечеру. Устала, промокла, вымоталась и была зла, как сорок дюжин цепных собак на дележке одной кости.

Город был обнесен огромной каменной стеной высотой аж в четыре моих роста. И дорога вела прямо в высокие деревянные ворота, к которым стояла длинная такая очередь... Ящерица посоветовала мне ждать и нырнула в рюкзак. Стоять мне не хотелось, и я цапнула за рукав одного деревенского парня.

– Слышь, что здесь происходит?

– А то не видишь? Стоим, пока стража поклажу осмотрит и пошлину соберет. Живодеры проклятые!

– А его величество сейчас в городе? – спросила я, прикидывая в уме, как пройти без очереди.

– Не-а, короля сейчас нет, только принц Арен, – ответила деревня.

– Мерси, – ответила я и отвалила.

– И тебя туда же, – напутствовал меня парень.

А город-то на холме построен. Я улыбнулась. Ну как кстати! И рванула в гору так, словно за мной черти гнались. Хм, кажется, я себя переоценила. Но так правдоподобней будет. К воротам я подлетела вся в мыле и с высунутым языком. Ну ничего, зато согрелась. И вообще, бег полезен для фигуры! И я, начхав на стражу, попыталась вбежать внутрь.

– Стоять, бродяга! Куда прешь?! – Один стражник лениво загородил мне дорогу.

Я перевела дыхание, сфокусировала на нем расползающиеся в разные стороны глаза и заорала на весь город, совсем как в институте на своих студентов:

- Ты кого задерживаешь, чужирка?! Я тут бегу, блин, последние три часа, чтобы доставить новости принцу Арену, коня загнала на фиг, а в меня всякий воротный столб будет копытами тыкать?! Да я принцу скажу, он из тебя фундамент сделает, чтобы ты, дубина, важных гонцов не задерживал!

Стражник захлопал глазами, и я поднесла к его носу маленький, но крепкий кулачок, украшенный перстнем-печаткой с рубином. Подарком мужа. Это решило дело. Он посторонился, и меня пропустили в ворота, кстати, не спросив ни монетки пошлины. И я взяла с места в карьер. Был соблазн потребовать лошадь, но тогда мне могли бы навязать сопровождение, чтобы ценное имущество не заиграло, а это было вовсе ни к чему. Я завернула в какой-то проулок и потеряла рюкзак:

- Вылезай, чуня!

- Не Чуня, а Ганя, - поправила меня ящерица, высывая голову.

- Да хоть Ваня или Маня, - фыркнула я. - Слушай, расскажи мне о политической обстановке в этом мире, а?

- Зачем?

- Но я должна знать, у кого мне предстоит выцарапать этот путеводитель, как там бишь его, - Марыванник?

- Междумирианник, - отчеканила ящерица. - Ладно, слушай. Сейчас здесь процветает христианство, почти как у вас несколько веков назад. Общий лозунг: «Загнать всех в рай», для непроникшихся - с добавлением: «любыми методами». К методам относятся пытки, казни, очищение водой и костром, а также искоренение всех иных форм жизни, то есть оборотней, вампиров, эльфов, гномов - в общем, всех, кто больше одарен природой. Но они, не проникшись почему-то всей святостью инквизиции, как могут, сопротивляются благому делу. Кто-то бежит, кто-то сражается, кто-то в темпе вальса маскируется под местное население. Например, эльфы дня за два до твоего появления принимали у себя священника. Но идеи христианства пришлись им не слишком по вкусу. Они решили проверить священника на благочестивость, связали его и пустили по речке без лодки. Тот, естественно, утонул. Чем и доказал свое благочестие. Но эльфов не убедил. А остальное посольство эльфы выкинули за дверь и принялись эвакуироваться. Кстати, отец принца Арена, король Кастариен, - очень активный христианин и сейчас собирается двинуть войска прямо на эльфов, тем более что его государство граничит с эльфийским лесом. А все магические книги стаскиваются к главному очистителю для уничтожения. - И Ганя хитро подмигнула мне.

- А кто такие очистители?

- Типа ваших инквизиторов.

Учитывая, сколько я читала об инквизиции, меня очистители не вдохновили.

- Добрые, значит, дяди.

- Об их доброте все наслышаны... кто удрать успел.

- Значит, надо попасть к главному очистителю, - почесала я в затылке. - Он гостей не принимает?

- Принимает. В пыточных камерах.

Туда мне еще было рано.

- Ладно, заползай обратно, а я пока поброжу по городу. Мне надо поужинать, вымыться и выспаться.

Ящерка понятно нырнула обратно. Я вышла из тупичка и пошла куда глаза глядят. Глядели они в основном по сторонам и под ноги, так что монаха в грязно-коричневой рясе я заметила, только крепко столкнувшись с ним лбами.

- О, темная сила!

- Чтoб тебе пусто было! – взвыли мы в два голоса, и монах рассерженно уставился на меня.

- Куда несешься?!

- Сам смотри, куда лапти ставишь, чучело бритое, – не осталась я в долгу. – Последние фaры церковным кагором залил, что ли?

- Да как ты смеешь, мерзавка?!

Отдавленная нога болела все сильнее, так что благоразумие отошло на задний план и не высывало носа, чтобы по нему сволочизм не врезал. Обстановка накалялась.

- Ты, козел недобритый, сам смотри, куда прешь, – взвилась я. – Думаешь, раз юбку надел и живот отрастил, как у беременной, так тебе и дорогу уступать будут?! Лучше натужься и роди себе хорошие манеры, урод паршивый, евнух добровольный!

- Чтo-нибудь случилось, святой отец? – вмешались в нашу мирную беседу два стражника.

- Да, случилось! – взвился этот свин с тонзурой. – Это ведьма!! Арестовать ее!!!

- Слушай, не верещи, как кот, которому яйца дверью прищемили! – поморщилась я, понимая, что называют некоторые осложнения.

В следующий миг мне в зад уперлись два довольно острых копыя. Нет, я могла бы посопротивляться, но зачем? Так или иначе, мне нужно попасть к верховному очистителю, а меня туда буквально тащат! Может, еще и покормят? Хорошо бы. Пока мы шли по городу, я рассматривала архитектуру, людей, но тщательнее всего – дорогу. Падать еще раз в лужу не хотелось. Выводы были грустными. Архитектура убогая, зданий из камня – минимум, то есть те, без которых не обойтись. Королевский дворец, церковь, тюрьма. Остальные – деревянные дома, изредка на каменном фундаменте. Люди меня тоже не впечатлили. Одеты все крайне убого. Мужчины – в лосины и грубые рубахи до колен, кое-кто в плащах. Женщины – в те же рубахи и длинные юбки. Головы у всех женщин покрыты платками. На их фоне я в своих относительно грязных джинсах и куртке смотрелась, как африканец в тундре. Одно хорошо. Я как сникерс: под толстым-толстым слоем, только грязь. Так что необычность моей одежды в глаза не бросалась. Дороги тоже отвратные. Лужи по колено, грязь – по пояс. Оказывается, не только в России беды – дураки и дороги. Тюрьма меня тоже не впечатлила. Тоже мне, стены! Если я из такой тюрьмы не убегу – это позор для всей России-матушки в целом и для моих предков в частности. Они ж в гробах перевернутся, а потом ко мне каждую ночь являться будут, ежели я нашу семью опозорю! Я хорошо знала историю своего рода. Мама рассказывала, что моим прапрадедом был Валентин Хромая Нога – человек выдающейся биографии. Шесть доказанных грабежей с убийствами, около пятнадцати недоказанных, три ходки на Сахалин и, соответственно, три побега. В последнюю, четвертую ходку он встретил там мою прапрабабку – Аньку-модистку. Анечка промышляла более изящно. Нанималась служанкой в богатые дома, а потом там разные ценности пропадали. Убийств на ее совести не было. Но в Валентина она влюбилась по уши. И он в нее. Сладкая парочка в четвертый раз сделала ручкой каторге, грабанула машину инкассаторов, то есть карету казначейства, как она тогда называлась, поделила честно добычу – на всех четверых поделничков – и осела в деревне под Псковом. Жили, как говорится, не тужили, трех сыновей родили, двух дочек... Так неужели я с такой мелочью, как средневековая тюрьма, не справлюсь? Смешно. Но повели меня не сразу в тюрьму. Стражники затащили меня в комнату, где сидел монах вдвое толще первого.

- Это вы кого привели?! – полюбопытствовал он.

- Ведьму, святой отец, – отчитался один из стражников. – Она отца Ерохимуся оскорбляла по-всякому. Он и приказал, дескать, ведите к очистителям, бес в ей сидит сильный...

Интересно, в каком месте у меня сидел бес? Может, еще узнаю?

- Ладно, отпустите ее, а сами пока в уголке по стойте, – приказал святоша.

Руки на моих предплечьях разжались. Я потеряла мышцы. Ну, козлы! Синяки ведь останутся. Да не до синяков сейчас! Я внаглую плюхнулась на стул напротив очистителя

и закинула ноги ему на стол.

- Ну что, будешь говорить?! - и побольше наглости в голосе, побольше... Любой священник должен подчиняться старшему по званию. У них же дисциплина, как в армии!

- А... э... у... а... - выдал на-гора очиститель.

Я попробовала еще раз:

- Признавайся, негодяй, где сейчас главный очиститель?!

- Как это где? - очень натурально удивился священник. - Как и всегда, на верхнем этаже. Он же никуда и никогда не выходит...

- А колдовские книги?! - и еще больше командного рыка в голосе. Такого тона мои студенты как огня боялись. И очиститель оказался не крепче.

- А они у него...

- Хорошо. Свободен. Проваливай.

Священник послушно встал из-за стола и даже сделал два шага к двери, прежде чем до него дошел комизм ситуации. Стражники давно уже давились фырканьем в уголочке.

- Взять ведьму!!! - взвыл несчастный кошачьим сопрано. И закашлялся.

- Что ж ты так, - пожалела я его, обтирая кроссовки протоколом чьего-то допроса. - Надо было начинать хотя бы со второй октавы, а ты сразу взял ля-бемоль третьей.

Священник еще раз попытался заорать, но куда там! Я его хорошо понимала. Как у меня болело горло после лекций! Но бегемот в рясе не растерялся. И зажестикублировал. Я даже засмотрелась, попутно выдирая листки из какой-то книги на его столе и чистя ими джинсы. Это ж надо, какой талант пропадает! Его бы - да в наш двадцатый век, в эпоху немого кино! Такие бы деньги заколачивал! Это ж надо - жестами, причем более-менее цензурными, объяснить, кто я такая, откуда я на свет появилась, что со мной святая инквизиция (простите - очистители) сделает и куда меня надо вести. Я бы час на него смотрела, но, к сожалению, до стражников дошло, они цапнули меня за плечи и поволокли куда-то вниз. Мой рюкзак остался на столе священника вместе с ящерицей и кучей необходимых мне вещей. Надо будет прихватить при побеге. Так что дорогу я запоминала. Меня свели по лестнице, протащили по коридору и впихнули в темную камеру, захлопнув за мной толстенную дверь. Глухо лязгнул засов.

Я огляделась вокруг. М-да, невесело. Я охлопала карманы. Что при мне? Носовой платок, зажигалка, блокнот, ручка, часы, шпильки в волосах и нахальство. Последнего так даже переизбыток. Теперь осмотрим камеру. Да, это явно не люкс в отеле «Ритц». Мрачно, холодно, всего света - из маленького окошка под потолком, причем такого маленького, что в нем и кошка застрянет. И то решеткой перегородили. В углу куча соломы. А на соломе? Какое-то тряпье? Я с интересом посмотрела в угол.

- Привет?

- Приветствую тебя, - отозвалась куча. - Кто ты?

- Решили, что я - ведьма. А ты?

- Я - эльф.

- Эльф?! Настоящий?!

В детстве я обожала Толкиена. Интересно, много он наврал про эльфов?

- Настоящий. Какой же еще?!

- А что ты здесь делаешь?

- Отдыхаю на курорте! Неужели не видно?!

- Почему же, – пожала я плечами. – Милое местечко. Тепло, темно, спокойно, никто не мешает. И запахи великолепные. Любой насморк исчезнет. – Вонь в помещении стояла такая, что хоть коромысло вешай. – А кто тебе выписал путевку?
- Главный очиститель. А тебе?
- А я знаю? Может, им моя внешность не понравилась?
- Мне она тоже не нравится.
- Ты меня еще толком и не видел, – слегка оскорбилась я. – Кстати, а от кого это так воняет? Вас что, в туалет не выводят?
- Здесь это не принято. А дерьмо у всех пахнет одинаково, что у людей, что у драконов.
- Насчет драконов поверю на слово, лично не нюхала, – отозвалась я.
- Можно подумать, я нюхал! – возмутился эльф.
- Так сам же признался. – Я рассеянно оглядывала стены. – Сидеть в тюрьге без канализации? Даже мой прапрадед себе этого не позволял! И я семью не опозорю! Или они тут общественный туалет откроют, или тюрьмы не останется! А сбежать ты не пробовал?
- Смеешься?
- Издеваюсь. Нет, в самом деле, ты решил здесь еще неделю просидеть? Понюхать?
- А у нас что – есть выбор?
- Даже если меня съедят, у меня будет минимум два выхода, – оптимистично отозвалась я. – Но не исключено, что я найду и третий. Устрою людоеду язву с прободением желудка или аппендицит с перфорацией...
- Куча тряпья шевельнулась.
- Ты говоришь о побеге серьезно? У тебя есть сообщники на воле?
- У меня есть мои гениальные способности, нахальство и отличная наследственность.
- Я подошла к двери и стала осматривать ее.
- М-да, хрен откроешь. Замка нет, только засов. А его шпилькой не отопрешь. Значит, нужно, чтобы нам его открыли снаружи.
- И как ты это сделаешь? Напишешь прошение главному очистителю?
- Ага, счаз-з-з. В пяти экземплярах. Ты не прикован?
- Нет.
- И не связан?
- Нет.
- Это хорошо. А драться умеешь?
- Могу завязать узлом железный прут.
- Это каждый дурак может. А в ухо ты дать сможешь?
- Смогу. Но, чтобы дать в ухо, надо еще до кого-то добраться. Кому ты тут морду начистишь? Крысам?
- Кому надо. Слушай. Вот что мы сделаем.

На разработку и уточнение плана ушло минут восемь. Потом эльф художественно разлегся в особо грязной луже, а я завизжала, легко взяв верхнее соль. Эльф на полу

боролся с желанием плюнуть на конспирацию и зажать уши. Орала я вдохновенно, проникновенно и с немалым опытом. Легкие у меня тоже были закаленные. Я просто кожей ощущала, как вибрируют камни в стене. Прерывалась, чтобы набрать воздуха, – и начинала орать заново. А еще думала об иерихонской трубе. Звучи, мой голос сладкозвучный, иерихонскою трубой! Может, стены сами рухнут?

Эксперимент поставить не удалось. Не прошло и пяти минут, как к камере подлетели стражники. Окошко в двери распахнулось.

– Чего орешь, ведьма?! – осведомился один.

– Вы меня с кем посадили?! – заорала я, используя отлично тренированные преподаванием биологии легкие. – Он же мертвый!!! Здесь дохляк!!! А-а-а-а-а!!!

Со своего места мне было видно, как эльф кривится от боли. Все-таки моим ультразвуком да по ушам – это не для слабонервных мифических созданий. И стражники тоже не выдержали. Дверь в камеру распахнулась. Стражники влетели внутрь. Не знаю, что они хотели – вынести труп или заткнуть меня, но главное было сделано. Эльф взлетел с пола. Двоих стражников столкнула лбами, третьему я добавила коленом по фамильной ценности, а потом схватила за уши и добавила тем же коленом по морде. Этому приему меня учила подруга:

«Тинка, – говорила она, – учти, нормальных мужиков мало, а баб много. И чтобы удержать при себе мужика, требуется расправляться с соперницами. Это – наиболее эффективно. Хватаешь за уши – и лбом об колено! И не миндальничай. Интеллигенция сейчас не в авторитете, а нам надо быть в ударе».

С соперницами мне так расправляться не доводилось, но на стражника подействовало отменно. Только кость хрустнула. Да, подруга бы мной гордилась. Хотя речь шла и не о соперницах.

– Бежим, – потянул меня за руку эльф.

– Стоять! – командным тоном рявкнула я. – Вконец охренел? Свобода по голове поленом ударила?!

Эльф застыл на месте.

– Чего ты орешь?!

– А до тебя не доходит?! Немедленно иди сюда и помоги мне раздеть их!

– Зачем?!

– Я хочу ими воспользоваться!

– Нашла время!

– Ты о чем подумал, пошляк?! Хотя каждый думает в меру своей испорченности. Мы сейчас увяжем их в рулончики и положим в угол. Пусть подумают, что это мы! А мы накинем их плащи и нанесем дружественный визит главному очистителю. Мне нанесли здесь оскорбление, и я хочу покинуть эту тюрьму с моральным удовлетворением в кармане.

Эльф тоскливо посмотрел на меня.

– Слушай, а может, все-таки ограничишься физическим?

Я плотоядно посмотрела на эльфа. Ну почему он так далеко от меня? С каким удовольствием я бы отвесила ему пару подзатыльников. Но пришлось ограничиться вежливым:

– Шевели задом, кретин, пока нас не замели!

И эльф начал шевелиться. Должна признаться – получилось у него неплохо. Особенно для начинающего рецидивиста. Стражники были раздеты до штанов и связаны их собственной одеждой в самое краткое время. Мы накинули камзолы и плащи

и медленно, с достоинством, пошли по коридору. Я цапнула со стола в караулке связку ключей.

– Давай освободим всех? – предложил эльф.

– И поднимем весь город на уши? Нет, это только перед уходом. Пошли! Нам наверх!

Свет в коридорах был, хотя и паршивый, но эльфа мне рассмотреть удалось. Да, в чем-то Толкиен не врал. Эльф оказался высоким, атлетически сложенным парнем с золотыми волосами и голубыми глазами. Чем-то он был похож на Ники. Только немного симпатичнее. Мы шли по коридорам, и я тщательно считала все повороты. Ну, вот и оно. Та комната, в которую меня привели на «допрос». Я толкнула дверь и вошла. Толстый монашек так и сидел за столом. Ну, надо быть вежливой девочкой!

– Здорово, чувак!

Его так перекосило, что я пожалела об отсутствии фотоаппарата. Такое зрелище задаром пропало! И лихо сцапала мерзавца за воротник рясы.

– Где мои вещи, козел?!

– А... у... э...

Я пнула его в коленную чашечку.

– Вежливо повторяю вопрос. Где мои вещи?! Следующим ударом сломаю ногу. Или ее вон тот тип тебе сломает. Ты кого из нас предпочитаешь?

– Все здесь, – заторопился монашек. – Все ваши вещи тут. Только зверушка ваша удрала!

– Зверушка не пропадет, – решила я. – Подержи его. Кстати, а как найти главного очистителя?!

– Вверх по лестнице и направо до конца коридора.

Я бегло сунула нос в рюкзак. Все было на месте.

– Отлично. Спасибо за информацию, лапочка. – Я подмигнула эльфу. – Сверни ему шею.

Эльф размышлял недолго. Приподнял монашка за воротник, встряхнул, как крысу... в комнате послышался легкий треск, словно ветку сломали. Тело обмякло и было отброшено в угол, как ненужная ветошь.

– Еще распоряжения будут?

– Пока нет.

Я пошарила на столе. На нем лежал кинжал. Симпатичный такой, из какого-то черного металла, с рукояткой, отделанной черным камнем. Просто сам просится в руки. Я надела рюкзак.

– Пойдем отсюда?

И даже не посмотрела в сторону трупа.

Потом, потом я помучаюсь угрызениями совести, потом мне будет плохо, а пока – вперед, и не стоит забывать, что этот тип спокойно погрел бы руки на костерке, где меня изжарили.

Прикарманенный ножик я засунула за пояс. Подумала, он мне еще пригодится. Тем более я всегда питала любовь к холодному оружию. Никакого внутреннего трепета я не испытывала. Даже ничего отдаленно похожего. И никакие заповеди меня не мучили. Цинично-то говоря, этот монах отправлял в тюрьму, а оттуда и на смерть столько людей, многие из которых были и получше его, что моя совесть заткнулась и уснула. Может, сам он и не казнил, но пошел бы по статье как соучастник. А теперь мне надо еще и к главному очистителю. Во-первых, мне нужен Междумирианник, а во-вторых, хорошо бы объяснить очистителю насчет несправедности его дела. Можно даже без слов, но с

физическими увечьями.

- Ты со мной к главному очистителю? - спросила я.

- С тобой, - почему-то вздохнул эльф.

- Неужели ты не желаешь отомстить? - удивилась я. - Они же держали тебя в камере, в которой я бы и собаку не поселила?!

- Желаю. Но попасться не хочется.

Я пожала плечами.

- Постараемся не попадаться.

- Не ждал такой жестокости от женщины.

Пфф! Не жил он в России во время перестройки. Узнал бы, что такое настоящая жестокость. Я молча пошла по коридору к лестнице. Мне повезло, по дороге никого не встретилось. Не уверена, что могла бы увидеть убийство еще раз. Хотя бы сегодня. Но и моя душа была спокойна. Я ничего не обещала монашку. Я не обещала оставить его в живых, если он мне все расскажет. Я не нарушала слово. Подумаешь, убила. Если он верит в Христа, или в кого тут принято верить, значит, должен верить и в рай, следовательно, я ему просто помогла немного раньше достичь райского блаженства. То есть он меня еще и благодарить должен! По лестнице я прыгала через ступеньки. Сзади сопел эльф. И тут наше везение кончилось. У двери стояли и курили три стражника. Я взлетела к ним на крыльях вдохновения.

- Вы че, вконец охренели?! Из тюрьмы половина заключенных поубегала, а вы и в ус не дуете!

- Кто поубегал? - выдавил стражник слева, хлопая глазами.

- Я, - честно призналась я. И ударила одного из стражников удачно украденным кинжалом в живот. Клинок вошел как в масло, сталь хорошая. Мужчина взвыл и согнулся пополам. Еще двоих прикончил эльф. Мгновенно выхватил меч и снес им головы. На меня брызнуло кровью. Но странное дело, я, всегда не выносившая крови, сейчас даже не поморщилась. Не до того. И толкнула дверь. Все было завалено книгами. По самый потолок. Я схватилась за голову. Ну и где тут прикажете искать Междумирианник? Да я постарею раньше! С другой стороны, зачем мне самой искать эту книгу? Мне просто надо найти ее хозяина и вежливо попросить его отдать нужную литературу. Он-то знает, что тут где валяется! А я иногда бываю просто убийственно убедительной.

- А-а-а-у-у-у! Есть кто живой?! - заорала я.

И через минуту услышала ответ:

- Иди сюда!

- Ты со мной или здесь подождешь? - оглянулась я на эльфа.

- Здесь подожду. Не люблю смотреть на пытки.

- Я тоже, - честно призналась я. И направилась на голос.

Я прошла три поворота, прежде чем попала в большую и довольно светлую комнату, также заваленную книгами. Огромный стол посередине был уставлен скляночками самого что ни на есть алхимического вида, а рядом со столом в кресле на колесиках сидел мрачный тип в таком же коричневом балахоне, но с большим железным медальоном на груди. По медальону шла надпись: «Да очистятся души неверных под моей железной рукой». И выдавлена рука в перчатке, подкладывающая дров в костер. Все мои хорошие манеры мгновенно испарились. Инквизицию я просто ненавидела, получив за нее уже в институте «неуд» по истории.

- Привет, калека, - сказала я. Мой голос был нарочито спокойным, но те, кто хорошо

знал меня, сейчас посочувствовали бы несчастному и не стали меня злить. Очиститель меня вообще не знал и, увидев перед собой хрупкую девушку, решил, что ему ничего не угрожает. Наивный такой.

– Ты откуда взялась, девка? – спросил наглец. – А ну пошла вон!

– Ага, вот прямо сейчас взяла и пошла, – фыркнула я, задевая локтем за стопку древних пергаментов и роняя их на пол. – Прости, я нечаянно. Нет, если я явилась, от меня так просто не избавишься. Но у тебя еще есть шанс остаться относительно целым.

– Убирайся отсюда, – прошипел этот увечный. – И скажи страже внизу, что я приказал тебя высечь.

– Мазохизмом не страдаю, – отрезала я. – Но мигом стану злобной садисткой, если не получу того, что мне надо. Давай сюда Междумирианник, и разойдемся без членовредительства.

Инквизитор не внял моим увещаниям. Ну нельзя с этими людьми по-хорошему! Нельзя!!!

– Стра-а-а-жа-а-а!!!

Я покачала головой.

– Клиент скорее мертв, чем жив. До тебя что, до сих пор не доехало? Я пришла сюда специально за Междумирианником и уйду только с книжкой под мышкой. А ты останешься. Но еще неизвестно, в каком состоянии. – Я подумала и уселась на стол, что-то небрежно смахнув на пол. Судя по дырке в паркете – концентрированную серную кислоту. – Еще не решил отдать мне книгу? Очень жаль. Мне ведь придется какое-то время побыть здесь, а я такая неловкая!

Я взяла в руки склянку, понюхала, повертела и решительно вылила прямо на колени главному очистителю. Судя по его воплю, это была тоже кислота.

– Ах, простите, я такая неловкая к вечеру! Не волнуйтесь, сейчас я проведу реакцию нейтрализации! Вот только как найти щелочь? Я знаю! Опытным путем! – На колени очистителю полетело еще несколько баночек. Я подождала две минуты, наблюдая за попытками инвалида избавиться от дымящейся рясы и демонстративно позевывая, а потом выплеснула на него ведро воды, примеченное в углу. Теперь главный очиститель стал похож на жабу в кресле.

– Ну как, говорить будем? – полюбопытствовала я. – Или опять поиграем в юного химика?

Очиститель так сверкнул на меня глазами, что я поняла без перевода.

– Хорошо. Даю тебе три минуты, можешь сказать все, что хочешь, о моих родственниках, предках и потомках безнаказанно. Но тихо.

Два раза предлагать не пришлось. Оказывается, я многого не знала о своих предках. В частности, они успели согрешить с половиной ада и были прокляты навеки другой половиной. Фантазия у дяденьки работала не хуже, чем у моих студентов. Я даже пожалела, что не могу конспектировать за ним. Но не просить же повторять на бис? Да и время кончилось. Я вклинилась в описание отношений моей прабабки с Вельзеврулом. Наверняка местный аналог Вельзевула.

– Мужик, я думаю, с моими родственниками все ясно. Хотя им было по жизни плевать на все религии мира. Теперь отдай мне книжечку с милым названием Междумирианник, и я свалю отсюда на века. И даже не буду показывать на тебе умения, которые мои предки приобрели в ходе разврата с чертями.

Изображать из себя героя-народовольца очиститель не стал. И правильно. Я пока еще не собиралась записываться в христианство, и всепрощение мне чуждо. Он с трудом подкатил на своем кресле к стопке книг, вытащил одну и швырнул в меня.

– Подавись, ведьма!

– И вам того же, и вас туда же. – Я ловко перехватила книгу в пяти сантиметрах от моего носа и посмотрела на обложку. А то еще подсунет какую-нибудь местную библию. Нет, на обложке было выдавлено золотом: «Miejdumiriannik». Она, драгоценная. – Мерси, козел. – Я уже хотела уйти, но потом передумала. – Дяденька, а вы не сделаете добровольное пожертвование в фонд беглецов от очистителей? Обещаю, вам это зачтется. И вас не сожгут, а повесят... если будете живы и попадетесь к нам в руки.

Намек инквизитор понял мгновенно. Он подкатил к столу, достал увесистый мешочек с местной валютой и от души швырнул в меня. Ха,дохлый номер! Я отклонилась и перехватила кошель на лету. Заглянула внутрь. Ювелир из меня, как из огурца – банан, но золото я всегда отличу.

– Грации ди тутто, – пропела я, затем засунула мешочек в карман, повернулась и пошла к выходу. Но на пороге обернулась. – Учти, урод, ты пока еще не покалечен. Так, по мелочи. Но если ты и дальше будешь продолжать охотиться на ведьм, я могу и вернуться. С дружеским визитом. И после него тебя будут собирать по частям. Усек, гусек?

Я обрушила в проход пару стопок книг, чтобы очиститель не сразу смог выбраться и позвать на помощь, и помчалась к эльфу. Тот честно ждал меня у входа.

– Нам еще надо в тюрьму, – предупредила я. – Не хочу оставлять этому озабоченному никого, на ком он смог бы отыграться за меня.

И мы рванулись по лестнице вниз.

– Ты еще ключи не потерял?

– Обижаешь!

– Привыкай, я не всегда бываю мила и добра.

По пути нам никто не встретился. Я даже надулась. Всего шесть воинов на весь монастырь. Хотя зачем они здесь нужны, с такими-то замками. Их и ключами хрен отопрешь. С другой стороны, кому-нибудь приходилось отпирать замок, который старше вас минимум в два раза и вышел из строя уже при продаже? А вот я имела такое удовольствие. В нашем институте замки подбирались по принципу «но пассаран», то бишь – «оно не пройдет». Оно – это ключ. И открывали мы их исключительно с помощью пинков, толчков и добрых пожеланий заводу-изготовителю. Так что тюремные запоры я освоила в пять минут. Не прошло и получаса, как все камеры были открыты и заключенные бодро рванулись на волю. Мы с эльфом вышли вслед за ними, самыми последними, и только теперь я поняла, почему так мало солдат было в здании. Зачем там больше, если позади тюрьмы находятся казармы городской стражи? Вот с ними-то и сцепились любители свободы.

– Надо помочь им, – рванул было эльф, но я ловко цапнула его за заостренное и вытянутое ухо.

– Совсем сдурел? Наше первое дело не мстить, а рвать когти! Или ты по подзатыльникам соскучился? Так я тебе лично отвешу парочку, дай только на волю выйти!

Слава Аллаху, этот мифический придурок внял моим словам, и мы бодро потрусили в сторону от свалки. Хорошо еще, что никто не додумался обнести тюрьму стенами.

– Эй, ты что, меня забыла? – раздался писклявый голосок.

Я нагнулась и подхватила за хвост игуану.

– Жива все-таки?

– А ты сомневалась?

– Ты пока еще не комодский дракон. Наступят – и поминай как звали. – Я водрузила ящерку себе на плечо, и Ганя тут же вцепилась в меня холодными мокрыми лапками. Было не слишком приятно, но спорить я не стала. – Я тут книжечку достала. Междумирианник, нет? А то мне и вернуться не поздно!

– Междумирианник. – В голосе ящерицы звучало искреннее удивление. – Как тебе это удалось?

– Мы с главным очистителем немного побеседовали о химии, и он согласился, что мне нужны дополнительные знания, – прищурилась я.

– А жив он остался?

– За кого ты меня принимаешь?

– Я знаю, ты убила монаха! И стражника!

Оправдываться я не собиралась. В крови бродило шальное веселье. И вообще... а вдруг я не до конца убила? И монаха не я, это эльф... И в конце концов, что за наезды?! Я тут крайней записалась? Может, они бы сами через неделю по пьянке померли!

– Ну и что? Они сами виноваты!

– Но они просто выполняли свой долг!

– А я выполняла свой долг! Они меня посадили в тюрьму, так? А долг любого заключенного – сделать ноги, напакостив по дороге всем, кому только можно.

– Все равно это слишком жестоко!

– Как им сжигать ведьм на костре, так это правильно, а мне и отомстить нельзя?! – с ходу завелась я. – И вообще, ты кто – проводник или моя совесть?!

Кажется, наши мнения по этому вопросу не совпадали.

– Если ты так будешь поступать и впредь, я от тебя откажусь!

– Да на здоровье! – встала в позу я. Чтобы какая-то ящерица мной командовала?! Да не бывать такому! – Только расскажи, что нужно для того, чтобы стать ведьмой, и проваливай на фиг!

За милой беседой мы свернули в какой-то темный переулок и прижались к стене. Эльф так и оставался с нами.

– И расскажу! И сразу же уйду! – воинственно задрала хвост ящерица. – Значит, так! Междумирианник нужен тебе, чтобы попадать в другие миры. Насколько я вижу, это и правда он. Чтобы стать колдуньей, тебе необходимо иметь несколько вещей. Во-первых, волшебную палочку. Из чего ее сделать и как – прочтешь в этой же книге. Во-вторых, надо изготовить себе защитный амулет. Он необходим, чтобы передать свою силу потомкам или ученикам перед смертью. Подробности там же. И последнее. Для того чтобы обрести *истинную* власть над своей силой, чтобы пошла перестройка генетического кода, тебе нужно съесть плод с яблони из сада Двенадцати Дев. О нем ты тоже подробнее прочтешь в этой книге. Только не забудь, что, если у тебя не будет волшебной палочки и амулетов, если ты придешь к дереву неподготовленной, плод просто убьет тебя. К счастью, меня это уже не касается. Как мы и решили, я удаляюсь. Ты совершенно добровольно отказываешься от моего сопровождения?

– О, более чем добровольно! – теперь я тоже уперлась рогом. Тоже мне сокровище! И без нее справлюсь! Я в свое время разобралась с инструкцией к телефону «Филипс», неужели я не разберусь с таким пустяком, как Междумирианник? Уж средневековым бюрократам до наших точно далеко.

– И ко мне не будет претензий в случае летального исхода?!

– Боже упаси! Какие претензии можно услышать от трупа?!

– И ты считаешь, что мои мудрые советы не способны ничего дать тебе?!

– Пока я не получила от тебя ничего полезного, кроме сомнительных наставлений, укоров совести и головной боли. Такое удовольствие мне и даром не нужно, и с доплатой не возьму! Я решительно не желаю обзаводиться второй совестью в случае молчания первой!

– Мы должны следить, чтобы гордыня начинающих колдунов не перехлестывала через край! – патетически возгласила ящерица.

– О, без этого я великолепно обойдусь! Ответь мне на один вопрос, и можешь проваливать!

– Какой вопрос?

– Я – первая, кто отказался от проводника?

– Вторая.

– И кто же был первым?

– Это уже второй вопрос.

Она что – вконец обнаглела?! Мое терпение лопнуло по швам, и злость горохом высыпалась наружу.

– Вали отсюда, жаба бесполезная.

Морда игуаны исказилась, язык вырвался изо рта и едва не стегнул меня по ноге.

– Надеюсь, ты кончишь так же, как Рон Джетлисс! Прощай!

Я очаровательно улыбнулась. По моим наблюдениям, именно это доводит оппонента до белого каления. Когда он весь из себя такой и сякой, пышет жаром и брызжет слюнями, а ты поплеываешь в потолок и невозмутимо полируешь ногти.

– До скорой встречи.

Ящерица вспыхнула ярким пламенем и начала растворяться в воздухе. Я проследила за ее угасанием и повернулась к эльфу.

– Ну что, будем выбирать? Кстати, как тебя зовут? А то напакостить в городе мы успели, а познакомиться – еще нет.

– Лефрозль.

– Очень приятно. А я – Тина.

– Взаимно. Жаль, что наше знакомство не состоялось в более спокойной обстановке.

– Взаимно, – передразнила я.

Вообще-то все в институте с легкой руки мужа звали меня Вэл. Тиной меня называла только одна подруга. Почему я решила представиться именно так? Черт меня знает! Может, я просто решила не делать себе лишней рекламы?

– И как ты думаешь выбирать отсюда, Тина?

– Надеюсь, ты мне pomoжешь. Стена тут в четыре моих роста, так что я не собираюсь изображать скалолаза. Нужно где-нибудь увести двух лошадей, и мы предстанем как гонцы его высочества. Выпустят мгновенно.

– А голова у тебя варит! Но ты зря прогнала проводника.

– Теперь уже поздно об этом говорить. Расскажешь мне, в чем я ошибалась, когда будем за городской стеной, идет?

– Идет.

В замке над хрустальным шаром склонились два человека – мужчина и женщина. Рядом с ними сидела ящерица. Та самая игуана.

– Преклоняюсь перед твоей мудростью, папочка, – шепнула женщина. – Это была великолепная идея – дать ей такого проводника.

- К сожалению, она отказалась от него.

- Да, и очистители ее не схватили. Но Междумирианик - это очень сложная книга! Я надеюсь, она сама сложит голову в какой-нибудь аванюре без нашей помощи...

- Благодаря твоему заклинанию?

- Разумеется!

- Я бы не стал на это рассчитывать. Понимаю, ты не можешь любить ее, но глупо не признавать ее достоинства. Она умна и активна. И может не погибнуть.

- Но мы постараемся «помочь» ей?

- Разумеется. А пока иди к Нику и обрадуй его известием о скорой гибели его жены.

- Слушаюсь, монсеньор. С удовольствием, монсеньор!

Оставшись один, человек взгляделся в хрустальный шар и покачал головой.

- Ей-же-ей, Ника можно понять! Какая женщина! Не будь здесь затронуты интересы моей дочери...

Глава 3

- Осторожнее! Ты топаешь, как полк солдат!

- И это мне говорит эльф, чуть не получивший по лбу вилами и граблями!

- Не пререкайся!

Я возмущенно засопела, но решила оставить выяснение отношений на более позднее время. Все-таки в первый раз лошадей ворую! Но сколько впечатлений! Мы решили грабануть конюшню трактира. Я настаивала на частной собственности, но эльф отсоветовал. Сказал, что там сторожа и собаки, да и нет в этом городе хороших лошадей, а вот в трактире разный народ останавливается. И охраны там меньше. Он оказался прав. Всего один сторож, перед которым я появилась прелестным видением – в майке и трусиках.

- Помогите, пожалуйста! Меня ограбили!

Разумеется, сторож предложил мне пройти в конюшню, чтобы подробнее узнать про ограбление, ну и заодно про мои ножки. И я не отказалась. Дальше было дело техники. Эльф молнией влетел за мной и треснул сторожа кулаком по лбу. Связать его, как тюк с тряпьем, было совсем просто. А вот перемещаться по грязной конюшне в полной темноте, да не просто так, а выбрать лошадей и оседлать их, оказалось сложнее. Эльфу хорошо, он в темноте видит, как кот, но даже он едва не наступил на замаскированные сеном грабли, а я пока еще и вижу плохо, и в лошадях не разбираюсь, да и седлать их не умею. Поэтому все делал эльф, а я скромненько стояла группой поддержки. Моральной.

- Подойди, поддержи ремень.

Я сделала два шага вперед.

- О Санта Магдалена Розалия донна Пьетра дель Севилья!!!

- Что еще?

- Я в навоз наступила!

- Лучше бы он тебе в рот попал! Если нас застукают – мы быстро вернемся обратно! И еще будем благодарны за это. Конокрадов здесь не любят.

Я кратко объяснила, куда эльф может засунуть себе всю эту конюшню, и взялась за ремень. Минут пятнадцать прошли в ожесточенных сборах. Мы покинули трактирный двор, ведя лошадей под уздцы, и только отойдя метров на сто, вскочили в седла. То есть эльф-то просто взлетел в то самое седло, а я влезла с третьей попытки, после того как Лефроэль слез и сильно подпихнул меня в зад.

- Ты что, на лошади никогда не ездила?!

- Да я и видела-то живую лошадь раза четыре в своей жизни!

- Сочувствую.

- Не фиг мне сочувствовать. Посмотрела бы я, как ты на «Запорожец» отреагировал.

- За-по-ро-жец? Что это за ужас? Это какое-то чудовище, страдающее запором?

- Почти, – согласилась я, вспоминая грохот, с которым заводятся эти монстры автомобилестроения.

- Ладно, тогда выпрямись в седле, сожми колени, держись уверенно.

- А ты прикрой уши, мы подъезжаем к воротам.

- Чем?!

Я чертыхнулась, потом достала из рюкзака вязаную шапочку.

– Попробуй этим.

Хм, вот это я зря. Шапочка-то была рассчитана на меня, а не на него. А у меня и голова поменьше, и волосы короче, и уши не торчат. Такое ощущение, что эльф натянул эту шапку поверх рыцарского шлема.

– Знаешь, держись лучше в тени, а говорить буду я. Я с местной стражей уже базарила.

Караул успел смениться. Я пнула ногой задремавшего стражника и рывкнула так, что стена дрогнула:

– А ну, встать!!!

Стражник подскочил вверх на два метра, выронил свою алебарду, наклонился, зашарил руками по земле и потерял шлем. Я с нескрываемым презрением наблюдала за ним. Секунд десять, не больше. Если дольше затянуть паузу, у нас просто не будет шансов выбраться. И то десять секунд – это слишком много. Даже мои студенты начинают соображать уже через семь.

– Смир-р-р-на!!! Под суд бы тебя отдать, мерзавца, да некогда! Приеду – урою, если на посту заснешь! А ну открыть ворота гонцу его высочества!!!

Стражник бросился выполнять приказ, едва не теряя по дороге доспехи. Какие там задержки и проверки документов? Быстрее бы от неожиданного начальства отделаться! Я даже особо не волновалась. Главное – всегда погромче орать и делать наглую морду. Это же классический случай. Если кто-то на тебя орет, значит, право имеет! Мы с эльфом выехали за ворота и пустили коней в галоп. Когда город скрылся с глаз долой, мы свернули с дороги и, проскакав метров двести, остановились в укромной ложбинке. Я кое-как слезла с лошади, потирая отбитый зад.

– Ну что, ужинать будем, жертва обстоятельств?

– А у тебя есть еда? – поинтересовался эльф.

– Ну, едой это не назовешь, но хоть что-то.

В моем рюкзаке, тщательно завернутые в полиэтилен, лежали три помидора, два огурца, несколько бутербродов с колбасой и с сыром, бутылочка с минералкой и три плитки шоколада. Так что я выложила все, кроме двух плиток и фляги с водкой. Провизия была разделена честно – мне одна четверть, эльфу – три четверти, учитывая его габариты и мое отсутствие аппетита. Наевшись, мы разлеглись на траве.

– Вода эта у тебя какая-то горькая, – вынес вердикт Лефроэль.

– Зато полезная. Ладно, давай поговорим о наших планах на будущее.

– Давай. Чем ты намерена заняться?

– Собираюсь стать колдуньей. Междумирианник у меня есть, теперь надо его быстренько прочитать и смотаться за волшебной палочкой, за амулетами и за фруктом. И лучше бы уложиться в семнадцать... то есть уже шестнадцать дней.

– А потом?

– Пойду мылить шею верховному колдуну. Надо только мочалку поубедительнее подыскать.

Я даже зауважала эльфов. Лефроэль не стал интересоваться моим психическим здоровьем и щупать лоб на предмет высокой температуры. Просто поинтересовался безразличным тоном:

– А с чего это ты так на него озлилась?

Я пожала плечами. Рассказать не рассказать? А чего скрывать-то?

- Ты представляешь, сегодня после обеда звонят нам в дверь. Я открываю. А там на пороге стоит такая выдра! Ну, то есть до выдры ей далеко, так, выдреныш...

Так, слово за слово, я и рассказала эльфу всю историю. Он внимательно слушал, не перебивая, а потом уточнил:

- Ты все это всерьез? Может, бросишь?

- Уже поздно. Я уже здесь.

- Я могу отправить тебя домой, так что ты обо всем забудешь.

Я передернулась так, что чуть с плаща не скатилась.

- И буду ждать мужа домой?! Бегать по больницам и моргам?! Волноваться и закатывать дешевые истерики?! Ну уж нет! Тем более у меня появился шанс прожить свою жизнь интересно!

- Но, может быть, слишком коротко?

- Зато со вкусом.

- И с мучительной смертью.

- Зато с вечной памятью о себе.

- И отсутствием всякого посмертия!

- Я всегда была атеисткой, так что христианский рай мне не светит.

- Непробиваемая самоуверенность!

- Великолепная вещь, особенно в отсутствие денег, внешности и связей!

Перепалка доставляла нам обоим искреннее удовольствие.

- Тьфу! И этой женщине я обязан жизнью!

- Ты мне ничем не обязан!

- Если бы все было так просто!

- А что, собственно, тебя мучает?

Эльф закатил глаза и застонал.

- Неужели колбаса несвежая? - полюбопытствовала я.

- Совесть.

- Несвежая совесть? Но я твердо уверена, что оставила ее дома, в шкафу!

Эльф не выдержал и засмеялся.

- Я не имел в виду бутерброды. Но поставь себя на мое место! Что ты будешь сейчас чувствовать?

- Без понятия. Откуда я могу знать о психологии эльфов, если я даже об их существовании узнала только пару часов назад?

Я не преувеличивала. Конечно, фантастику я любила, но нельзя же строить планы, основываясь на произведении Толкиена? Это, бесспорно, великий роман, но сколько в нем правды? Толкиен же по иным мирам не шлялся. Или все-таки шлялся? Теперь это уже не проверить.

- Ладно, слушай. Дело в том, что меня послезавтра, то есть уже завтра, собирались казнить. Сжечь на рассвете, как нечисть. Если бы не ты, я постарался бы прорваться, когда начнется казнь, и наверняка был бы убит. И вот приходишь ты. Девчонка, гораздо

слабее меня. Человек. По нашим меркам просто ребенок. И умудряешься меня спасти! Как я себя буду чувствовать после такого?

- Живым.

Лефроэль застонал, как Отелло в момент ревности.

- Я чувствую себя обязанным! И не знаю, как тебе отплатить!

- Серьезный вопрос.

Я почесала нос. Что бы такого придумать, чтобы Лефроэль особенно не напрягался? О!

- Ты знаешь мою историю. Мне нужен хоть кто-то, кто поможет в поисках всей этой чуши. Чтобы я вернулась, отсиделась денек – и уже потом отправлялась на новые подвиги. Можешь ты мне предоставить такое место?

- Могу!

Эльф раздумывал недолго.

- Я могу пригласить тебя в мой мир. Я не очень знатен, но имею определенный вес. К моей гостье отнесутся с уважением.

- Ты уверен?

- В крайнем случае набьем самым наглým типам морды. Договорились?

- Договорились.

Мы ударили по рукам.

- Тогда все великолепно. Едем к тебе домой, там я отсыпаюсь и читаю книгу, а потом отправляюсь за приключениями.

- Ехать не надо.

- А как тогда?

- Нам нужно добраться только до *ворот*, а там в дело вступит магия.

- А долго до них?

- Часов шесть пути.

- А прямо сейчас мы не можем отправиться?

- Я не найду их в темноте.

- Понятно. Значит, выезжаем с рассветом. Лефроэль, можно тебя спросить?

- Что?

- А как ты попал в тюрьму?

- Чисто случайно. Я приехал в этот мир, чтобы забрать свою дочь.

- У тебя есть дочь?

- Я не монах. И у меня была связь со смертной женщиной. Она родила мне дочку. Сама понимаешь, полукровкам сейчас будет тяжело в этом мире. Поэтому я решил переправить ее в другой мир.

- Получилось?

- Да, разумеется. Я отправил ее вместе со своими друзьями.

- А сам остался?

– Я прикрывал отход. И не успел ни удрать, ни покончить с собой. А потом решил, что умереть всегда успею.

– Пока жив – надейся.

– Очень мудрые слова. И, как видишь, мои надежды оправдались.

И все же что-то было не так.

– А что, магией ты никакой не владеешь? Мог бы ведь сбежать, приказать тюрьме рассыпаться или просто перебить очистителей...

– Моя магия – это магия живого. И то мне необходимо иметь это живое перед глазами или хотя бы в радиусе десяти метров. А иначе никак. А много живой зелени ты видела в тюрьме или в ее окрестностях?

Я попыталась вспомнить. Действительно, ни травинки, ни былинки.

– А другие эльфы не могли найти тебя? И помочь?

– Могли. Но сейчас у нас очень много проблем с беженцами. А королева одна. Ей не до каждого эльфа...

И в голосе Лефроэля мне послышалась едва уловимая горечь. Конечно, я не устояла.

– А что у вас за королева?

– Потом расскажу. Давай попробуем уснуть?

Упс! Кажется, болезненная тема. Ладно, проехали. Друзья тем и хороши, что в душу не лезут. Я умолкла и смотрела, как эльф поводил руками над травой, заставив ее вырасти и распушиться, а потом расстелил на ней плащ и растянулся на нем во весь рост.

– Иди сюда.

Я послушно уткнулась в плечо эльфа. И попрошу оставить все грязные мысли при себе. Во-первых, я верная жена, а во-вторых, глупо отказываться от тепла, тем более весенней ночью. Лучше поступиться скромностью, чем своим здоровьем. Мы проснулись с первым лучом солнца. Только теперь я смогла рассмотреть эльфа как следует. Пожалуй, в отношении красоты Толкиен не лгал. Лефроэль и правда был чертовски красив. Светло-золотые волосы, ярко-голубые кошачьи глаза, точеные черты чумазого лица. Даже растрепанный и грязный, он вызывал желание поставить его под стекло и любоваться. Как выгляжу я сама, я старалась даже не думать. Так для здоровья полезнее. Мы дожевали шоколад, сделали по глотку «аква вита» от простуды, я оседлала коней под чутким руководством и с постоянной помощью эльфа, и мы отправились в путь. Причем не по дороге, а куда глядели эльфийские глаза. От дороги нам лучше было держаться подальше. Наверняка же нас разыскивали: сперва перетряхнут город, потом спросят стражу, узнают, что никаких гонцов местный принц не отправлял, и бросятся в погоню. И лучше нам не сталкиваться. На рассвете я предпочитаю спать, а не заниматься членовредительством. К месту, где располагались *ворота*, мы подъехали только к полудню. *Ворота*. Ну что про них можно сказать? Больше всего они были похожи на Стоунхендж. Только у нас он был какой-то кариесный. А здесь стояло гораздо больше глыб, и расположение их казалось очень продуманным и математически завершенным. Или в Стоунхендже тоже расположены *ворота*? А мы просто не знаем, как ими пользоваться? Да запросто! Эльф соскочил с коня и помог слезть мне.

– Сейчас я открою *ворота* и смотаемся.

Он начал делать какие-то пассы и одновременно что-то бормотать сквозь зубы. Я осматривала горизонт на предмет посетителей.

– Долго тебе работать?

– Не меньше получаса. Я же не маг...

– Твоя магия – магия живого, – продолжила я. – А вон те типы, которые скачут сюда полным ходом, не пользуются вообще никакой магией. Но нашьпигуют нас стрелами, как курицу чесноком.

– Отвлеки их, – попросил эльф, не переставая жестикулировать. – Если я прерву заклинание, мы сможем пройти в *ворота* только через три дня. Оно тебе надо?

Я вздохнула. Хороший вопрос. А оно мне вообще надо? Лезть в чародеи, отбивать своего мужа у какой-то колдовской вешалки, намыливать шею главному колдуну? А теперь еще и это. Нет, Тина, так не годится! Ну что это за настроение?! Я понимаю, что ты не выпалась, но сейчас ты проснешься и будешь активно развлекаться. Ты уже сделала свой выбор, и теперь все рассуждения про нужно не нужно просто глупы. Не фиг думать, прыгать надо! И вообще, оставшись без головы, к визажисту не ходят!

Я ждала. Прошло двадцать минут. Всадники приблизились так, что стали видны гербы на их щитах, но таранить нас конями не спешили и перешли на шаг. Я сняла майку, бывшую когда-то белой, и помахала ею над головой. Воины медленно останавливали лошадей вокруг меня. Я неторопливо натянула майку, потом куртку и рюкзак. Всадники наблюдали за моим одеванием, отвесив челюсти. Насколько я знаю, в Средние века стриптизерш не было, а зря. Стражники смотрели на меня так, словно в первый раз видели голую по пояс женщину. Я подтянула джинсы, сжала покрепче баллон с лаком для волос в кармане куртки и поинтересовалась:

– Ну и какого лешего вам здесь надо?

– Чего? – не поняли они.

– Кого ловите, спрашиваю?! Не даете семейной паре отдохнуть на природе!

Вперед выехал всадник на белой лошади.

– Мы ловим преступников.

Вот так удивил! А я уж подумала, что вас шишки кое-чем околачивать отрядили.

– Ну и ловите где-нибудь подальше! Не мешайте семейной жизни!

– Вы знаете, что произошло сегодня ночью?

– Где произошло? – невинно поинтересовалась я. Эльф чего-то там выделял среди кирпичей. В общем, надо тянуть время. Я и тянула... стражников за... хвост!

– В городе!

– В каком городе?

– В Леогорлане!

– Первый раз слышу, – честно призналась я. Мне ведь так и не сказали, как называется то сборище сараев, куда меня загнала ящерица.

– Не притворяйся! – рявкнул всадник. – Мне все известно!

– Все-все? – заинтересовалась я. – А сколько позвонков у попугая?

– Чего?

Выпученные глаза товарища показывали, что о попугаях он никогда не слышал.

– Ну вот и не хвались, что самый умный. Так чего вы сюда приперлись?

– Ты не заговоришь нам зубы, мерзкая ведьма! – завопил кто-то из его товарищей.

Я оскорбилась до глубины души.

– Сам козел! И вообще, следи за базаром! Думаешь, раз горшок на голову надел, то тебя никто и не узнает?! А мне ведь многое про тебя порассказали! Ты вор, взяточник

и казнокрад! И именно ты утаил те колдовские книги!

Быть разоблаченной я не опасалась. Самое сложное дело – доказать, что ты не верблюд. А это я им живо обеспечу. Надо только заморочить им голову и подбросить обвиняемого. А лучше – парочку. И готово. До пенсии будут друг другу свою невинность доказывать. Все взгляды обратились на незадачливого типа в железном горшке.

– Клоор, она говорит правду? Это ты прикарманил колдовские книги?

– Да вы что... – начал заикаться несчастный.

– Да он это, точно он, – подлила я масла в огонь.

Всадники начали спешиваться, подозрительно поглядывая на бедного Клоора. Ну ничего, переживет.

– А все-таки что ты здесь делаешь и кто ты? – поинтересовался командир.

Может, признаться честно? Так и так, я из другого мира, а здесь ищу способ набить морду главному колдуну. Нет, лучше еще поиздеваться.

– А ты кто такой, что задаешь мне подобные вопросы?! Смерд! Холоп! Коровья лепешка!!!

Мужик окосел от моей наглости. Средневековье.

– Как ты посмел меня преследовать?! – грудью напирала я. – Кто тебе позволил, сожри тебя очиститель?! Что вообще за наглость?!

– Тина! – Голос эльфа прорезал наш спор. Остроухий стоял почти в центре «Стоунхенджа», а вокруг него колебалось голубоватое марево. – Ко мне! Скорее!!!

– Стоять! – взвыл командир и цапнул меня за руку.

Я брызнула ему в нос из баллончика с лаком, а потом повела им вокруг себя. Надо сказать, вонял этот лак, как целый лакокрасочный комбинат. Воины закашлялись и принялись тереть глаза. Я, не размениваясь на всякие мелочи типа «прощайте, приятно было познакомиться», пнула между ног того, кто стоял ближе, на долгую память и помчалась к эльфу. Мареву уже закрывало его почти до шеи, когда я влетела в туман, ловя его руку. Голубая пелена закрывала глаза. Кажется, я еще видела, как к камням бросились стражники, стараясь ухватить меня хоть за что-нибудь, но опоздали. Меня уже не было в этом мире. Нас не было.

Миг ослепительной черноты.

Свет.

Глава 4

Мы стояли в таком же каменном круге, намертво сцепившись руками. Сейчас меня от эльфа не отодрали бы и все силы ада. Немного успокоившись, я начала разглядывать окрестности. Камни такие же, как и там. Только здесь они выглядели как-то по-другому. Поновее, что ли? Да, именно так. Будто по ним каждую неделю проходит уборщица с тряпкой. И поляна вокруг другая. Небольшая, а вокруг нее лес. Здоровенные такие сосны и дубы, высотой с семи-девятиэтажный дом. И эльфы.

Они появлялись неизвестно откуда. Казалось, они просто выходят из стволов деревьев. Такие красивые, с волосами самых невероятных цветов – белыми, черными, красными, синими, золотыми, – они были совсем не похожи друг на друга и все же казались братьями и сестрами. Что-то в них крылось неуловимо одинаковое. То ли черты лица, то ли просто его выражение – холодное и высокомерное. Им не было дела ни до кого, кроме себя. И до Лефроэля тоже. Погибнет он или выживет – это его сугубо личные проблемы. Он выжил – им до фонаря. Но он приволок с собой меня! И это явно стало нарушением и эльфам не нравилось. Мне они не нравились еще больше. И я даже прикинула, кого первого бить в морду, ежели что. Молчание сгустилось и нависало над нами, как большая корзина с навозом. И прорвалось. Таким же неаппетитным, как содержимое упомянутой корзины, мелодичным, но до крайности высокомерным голосом.

– Лефроэль, что это значит?! Зачем ты приволок сюда эту соплячку? – наконец открыл рот один эльф.

На вид ему было не больше двадцати лет, а его одежда играла драгоценными камнями, которых хватило бы на годовой бюджет России и Америки, вместе взятых. Я оскорбилась до глубины души. Соплячку?! Ну, погоди у меня, наглец! Хамов я привыкла учить, не отходя от кассы!

– Добрый день, дедушка, – пропела я, с усилием отлепляясь от Лефроэля. – Я знаю, вы просто счастливы меня видеть!

– Помолчи, однодневка, – бросил эльф, даже не глядя в мою сторону, и вновь повернулся к Лефроэлю. Но от меня не так-то просто отвязаться, если я этого не хочу.

– Я действительно живу гораздо меньше любого эльфа, но за мою короткую жизнь я успела получить то, что так и осталось недоступным вам. А именно – хорошие манеры.

– Ты еще будешь меня вежливости учить, однодневка?! – взорвался эльф.

Я смотрела невинными глазами.

– Но кто-то же должен, если ваши родители не озаботились? Хотите дам вам почитать книгу о правилах поведения в обществе?

– Ты сейчас уже никому и ничего не дашь!

Эльф покраснел и надулся.

– Тина! – вскрикнул Лефроэль.

Но я и сама понимала, что эльф явно колдует. И от меня может не остаться даже зубных коронок. А так хотелось жить! Руки и особенно ноги действовали быстрее головы. И я, не сомневаясь, пнула колдующего эльфа в пах. Как говорится – против лома нет приема. Колдовать? Пусть сначала свое будущее потомство со штанов отскребет! Магия, которую я чувствовала всей кожей, куда-то исчезла. И я добавила согласно подружьиным рекомендациям. Цапнула остроухого наглеца за волосы и треснула мордой об колено. Во второй раз это прошло еще легче – неплохо и очень эффективно. Во все стороны брызнула ярко-алая кровь. Я вовремя отдернула ногу, чтобы не запачкать джинсы, ухватила эльфа за длинную челку, с маху развернула и добавила ногой под зад для скорости. Эльф врезался лбом в сосну и затих. Он даже не сопротивлялся. Если бы он начал драться всерьез, я бы так легко не отделалась. Но не привык этот элфенок, чтобы ему вот так, внаглую, без вызова, били морду. И никто не привык. Я обвела глазами зрителей. Потребовать, что ли, оплатить представление? Куда там! Эльфы

стояли, как сушеных тараканов объевшись. Я озиравлась, готовая добавить любому по первой просьбе по любому месту и в любом количестве. Если меня сейчас раздерут на кусочки, пусть по мне хотя бы грозная память останется. Хотя верилось в свою смерть с трудом. А ведь если эльфы накинутся все разом, меня от травы никто и ничем не отскребет. А они кинутся? Я вообще-то ожидала драки. Но в толпе раздались медленные аплодисменты.

– Bravo, дорогая!

Я картинно раскланялась.

Из толпы медленно вышла высокая, обалденно красивая женщина.

– Я вижу, этот паршивец наконец-то получил достойный урок? Конечно, поздновато, надо бы еще в раннем детстве начинать, но, может, все-таки подействует? Как вы думаете?

– Не знаю, – пожала я плечами. – Но, если он не усвоит хороших манер, намекните мне. Я приеду и проведу с ним еще пару-тройку уроков. Разумеется, бесплатно.

Зеленые глаза женщины одобрительно блеснули.

– Как приятно общаться с воспитанным человеком. Не расскажете, как вы здесь очутились?

– С удовольствием. Эта история началась вчера днем...

– Нет, подождите! – остановила меня женщина. – Теперь уже я оказалась недостаточно вежлива. Дорогая Тина, прошу вас пожаловать ко мне. У меня сегодня великолепный чай с пирожными. Там и побеседуем.

– Буду весьма признательна, – ответила я. – Теперь я вижу, что рассказчики не преувеличивали и гостеприимство эльфов действительно одно из лучших во всех мирах.

Женщина улыбнулась, довольная комплиментом.

– Прошу вас.

– Благодарю. – Я послушно отправилась по указанной мне тропинке.

– Лефррозль, – распорядилась женщина. – Ты пока свободен, через два часа я жду тебя.

И в несколько шагов оказалась рядом со мной.

– Вот и мой дом.

Дом? Скорее уж дворец из белого камня, такого легкого и воздушного, что было непонятно, как он еще на земле стоит. Четкие линии, изящество, красота в каждом движении резца, в каждом каменном завитке.

– Это прекрасно! – выдохнула я. – Высшие силы, как прекрасно!

Белая дверь без скрипа распахнулась перед нами. Эльфийка довольно улыбалась.

– Я рада, что вам так нравится мой дом, Тина.

– Простите, госпожа, но я не могу не восхищаться этим прекрасным творением, – решила я побыть вежливой. Когда-то же надо!

– Я вас понимаю. Кстати, меня зовут не госпожа, а Лирин.

– Рада знакомству, Лирин.

– Может, тогда перейдем на «ты»? Если пересчитать мои годы на человеческие, окажется, что мы почти ровесницы.

Лирин выглядела не так высокомерно, как ее народ, и я невольно улыбнулась.

– С удовольствием.

– Тогда садись, Тина, сейчас нам принесут завтрак.

– Благодарю.

Мы с эльфийкой с удовольствием уничтожали пирожные с каким-то странным напитком. Я немного завидовала Лирин. И это вполне объяснимо. У нее есть все: красота, молодость, очень долгая жизнь. С другой стороны, у меня все это тоже есть. Я тоже молода и красива, хотя моя красота ближе к земле. Да, если кто-то творил людей из грязи, то для эльфов использовали или воду, или воздух, даже скорее последний. Лирин казалась настолько хрупкой, что только дотронься – и она взлетит в небо. Золотые волосы рассыпались по спине сплошным водопадом кудрей. Лицо словно вырезанное из самого лучшего мрамора. Или фарфора. Только живого. Светло-зеленые глаза смотрели невинно и искренне. Нежно-голубое, почти белое платье с переливами розового оттенка облегалo точеную фигурку и подчеркивало ее изящество и легкость. Я не такая. У меня неопределенно-темные, слегка вьющиеся волосы с проблесками рыжины и не самые большие серо-зеленые глаза. Я скорее спортивная, чем изящная, а мое лицо в сравнении с эльфийскими ликами слишком яркое и резкое, даже, наверное, грубоватое. Но я же не собираюсь жить среди эльфов. А для человека я оч-чень даже ничего. И потом, если мне немного повезет, я тоже получу очень долгую жизнь. Так что все хоккей. Завидовать мне особо нечему. И мы можем подружиться.

– Это верно, – внезапно согласилась эльфийка. – Мы разные настолько, что не стоит нас сравнивать и оценивать по одной шкале. Но мы все же можем быть подругами.

– Согласна. Ты читаешь мои мысли?

– Только те, что лежат на поверхности. В глубину души я стараюсь не заглядывать. И потом, у тебя очень выразительное лицо. На нем можно прочесть все, о чем ты думаешь.

Я пожала плечами. Меня это почему-то не раздражало. Читает она мои мысли – ну и пускай читает. Лишь бы в обморок не падала, а то я такое могу подумать...

– Но я все же хочу услышать о твоих приключениях, – попросила Лирин, откидываясь на спинку стула.

– Какие уж там приключения, – застеснялась я. – Так, по мелочи. Открываю я вчера дверь, а там на пороге чудное виденье, блин...

Лирин слушала внимательно, не перебивая и только иногда уточняя имена или фразы. Когда я закончила рассказ, она налила в чашку какого-то напитка из отдельно стоящего кувшинчика и протянула мне.

– Выпей. Сейчас это тебе понадобится.

Я повиновалась. Вино было густым и терпким, пахло медом и осенней листвой, а на языке после него оставался привкус малины.

– А теперь слушай. Как назвалась эта выдра?

– Орланда ан-Криталь. Ты ее знаешь?

– Да ее все знают! Девочка, ты чертовски наивна! Эта Ольга, как она представилась, и есть дочь верховного колдуна! Все миры знают, что она от твоего мужа без ума, потому и карты подтасовала.

– Это как?

– А так. Когда выбирают пару для колдуна или колдуньи, используют нечто вроде карточек, на которые записываются все их характеристики. Сила, способности, реализованные и нереализованные, предпочтения и все такое прочее. И вот на ее карту выпала карта твоего мужа. Но этого мало. Она-то в него уж лет пятьсот как влюблена,

а он от нее, как очиститель от демона, шарахается.

– Ну ни фиги себе постоянство, – не удержалась я.

– Это еще что! – фыркнула Лирин. – Ничего бедняжке не помогает! Даже виагра! И тут погибает один из самых сильных магов. Да как-то странно погибает! От магического удара, нанесенного неустановленным лицом. Но лицу этому колдун точно доверял, потому что нашли его голым и в постели. Хотя и до акта. И вот колдун погибает, а число взари действительно должно оставаться неизменным.

– Число кого?

– Да колдунов же! Самый минимум, который они могут себе позволить. Ровно пять тысяч пятьсот пятьдесят шесть. Конечно, сейчас их больше, но именно это число необходимо для развития их общества дальше.

Я подумала о генетическом вырождении, но спросила вместо этого о другом:

– Прости, но почему?

– Это такой закон природы. Долгая жизнь, но ослабленная наследственность. Людям, чтобы зачать ребенка, требуется от года до двадцати лет, нам, эльфам, – до пяти тысяч лет, колдунам – до тысячи лет. Невесело, да? Это ведь и к тебе теперь относится. Но вернемся к нашим баранам, то есть волшебникам. Что ты думаешь об Орланде ан-Криталь?

– Она спокойно пойдет к цели и по трупам. Только ума у нее недобор. Зато амбиций и самодовольства выше крыши. Но она достаточно труслива. В общем, крыса помоечная, – охарактеризовала я ее.

– Отличный анализ! Одобрю и поддерживаю! Идем дальше! Как лучше избавиться от тебя? Или разрушить ваш брак? Да просто прийти к вам домой и сказать тебе всю правду! Ты согласишься, и ваш брак с Ником распадется сам. Олечка получит все, что пожелала. Все довольны и счастливы. Чувства однодневки вроде тебя – прости, но я говорю как Орланда – в расчет не принимаются.

Угу, счаз-з-з-з! Так я и поверила, так я и выгнала, так я и позволила какой-то выдре лезть ко мне в семью!

Пусть закатает губы на уши и не высовывается! А то я ей все выступающие части тела оборву! Получит она! Это точно! Но – на орехи! Хотя вслух я сказала короче:

– Но она не учла меня!

– Это так. Но прости, твое поведение весьма нетипично! Нормальная женщина перебила бы всю посуду в доме об голову мужа и подала на развод.

– Но я не такая! Ник не изменял мне! А то, что он колдун, или как там... Ну и пусть! В хозяйстве все пригодится!

– Отличный подход к делу! – захлопала в ладоши Лирин. – Bravo! Бис!

Я не могла не улыбнуться.

– А что теперь – на всякие пустяки внимание обращать?! Перешагнула – и дальше пошла!

Эльфийка только головой покачала от моего нахальства.

– Хорошо. Тогда ты должна умереть. Все просто. Тебе сообщают о способе получить Силу и даже подсказывают путь. Ты мчишься сломя голову и ломаешь ее и в буквальном смысле тоже. Олечка утешает твоего мужа. Все опять счастливы.

– Кроме меня, – проскрежетала я.

– Это еще не все, – успокоила меня Лирин. – Ты слушай дальше. Да, все правильно, у каждого, кто желает обрести силу, должен быть наставник. Проводник. И тебе подсовывают заведомо провального проводника. Эта ящерица служит Олечке. Служит

давно, верно и преданно. И завела бы она тебя, куда ветер семя не носил! Так что ты поступила совершенно правильно, выгнав ее. Хотя и не знала об этом.

– Ах, она стерва! – прошипела я. – Я ее на краковскую колбасу пушу! Кстати, а в остальном мне эта ящерица не наврала?

– В таких делах не врут.

– Ну и на том спасибо.

– Было бы за что!

– Действительно, не за что, – протянула я. – Лирин, тебе не кажется, что тут есть кое-какие несуразности?

Эльфийка прищурилась и посмотрела на меня.

– Ну-ка, ну-ка?

– А почему Орланда вообще пришла ко мне? Я же однодневка? Со мной можно и не считаться.

– Хороший вопрос. А еще? Есть?

– Конечно! На кой черт она мне рассказала про взари? Не знала бы я – ну и не узнала! А так она сама себя подставила.

– Получается так. Хотя подставляла она в первую очередь тебя. И если бы не твое невероятное, чего уж там, везение...

– Везение?

– Ты невероятно везучий человек, Тина! Ты знаешь, что в том мире, откуда вы с Лефроэлем так легко удрали, было еще восемнадцать экземпляров Междумирианника?

– Восемнадцать?!

– Да! И как минимум три из них можно было достать, не подвергая свою жизнь никакой опасности! Но тебе повезло! Верховный очиститель не казнил тебя сразу. Он решил сперва поиграть с тобой.

– Он же инвалид! – вырвалось у меня.

– Но ты красива, а он все же мужчина. И потом, выбирая между раскаленными клещами и его постелью, что выбрала бы ты?

Я поморщилась. Это героиням романов позволительно по три раза на дню бросаться под поезд. Все равно их автор вытащит. А я себе такой роскоши не позволю. Я лучше всех своих врагов под паровоз загоню! Конечно, я бы постаралась отвертеться от железа. Любым путем. Вообще любым. Я не девушка, а чего мой муж не знает, то ему и не повредит. Противно, зато жива останусь.

– То-то и оно! – Лирин была полностью в курсе моих душевных терзаний. Маску, что ли, носить? – А теперь представь, как тебе повезло. Ты же не думаешь, что дом верховного очистителя так плохо охраняется?

Я пожала плечами. В тот момент я вообще ни о чем не думала. Ноги бы унести!

– Дело в том, что все войска верховного очистителя на тот момент отбыли на дело. Возле столицы долгое время орудовала банда Кранаеста, кстати, неплохого природного колдуна. И у очистителей появился шанс захватить их всех. Естественно, все силы были брошены на поимку разбойников. И вы смогли сбежать.

– Минутку, – дошло до меня. – А ты откуда это знаешь?

– Оттуда и знаю, – огрызнулась Лирин. – К твоему сведению, я наследница короля эльфов. Мы недавно эвакуировали последних своих подданных из того мира, подальше

от очистителей, но системы наблюдения все равно оставили. На всякий случай. Вот они игодились. Я задеировала их, когда туда отпраился Лефрозль. Да-да, ты правильно поняла! Я наблюдала за вами! Помочь я бы ничем не смогла, но вы и сами выпутались.

Я только хлопала глазами.

– Принцесса эльфов?

– Что есть, то есть. По праву рождения. А этот придурок, который спорил с тобой, мой дальний кузен. Сорок девятая вода на соплях. Все мечтает на мне жениться, чтобы напаять корону.

– Надеюсь, ты его пошлешь куда подальше? – наконец очнулась я. – Он же дурак! Такому ни корону, ни корову не доверишь!

– Что есть, то есть. Вообще-то мне Лефрозль очень нравится, – тихо призналась Лирин.

– Я тебя понимаю, – кивнула я. – Должна сказать, у тебя отличный вкус.

– Благодарю. Только Лефрозль... Ты ведь не знаешь, зачем он направился в тот мир?

– Знаю. Хотя бы часть.

– Дело в том, что у него там дочь от человеческой женщины. Ей уже шесть лет.

Я подмигнула Лирин.

– Ну и что ты расстраиваешься? Предложи ему привезти свою дочь сюда. На это мужчин тоже ловят. В смысле, на милосердие к их чадам.

– Он не знает, что я знаю о его дочери.

– Так скажи ему?

– Не могу.

– Да почему?! – возопила я.

– У нас это не принято.

Я помотала головой.

– Принято не принято – наплевать! Ты – королева, так?

– Пока так.

– Вот и установи собственные правила! Признайся ему... кстати, а есть в чем признаваться?

Под моим пристальным взглядом эльфийка опустила голову и поморщилась.

– И почему я с тобой откровенничаю?

– Потому что я тебе не подданная, на Лефрозля видов у меня нет, да и разносить сплетни я не стану. Ну так?

– Ну, есть.

– Любишь? – допрашивала я не хуже верховного очистителя.

И чего это они все верховные? Вэари, очиститель... Интересно, а низинные, низовные или как там их – есть?

– Люблю, – вздохнула Лирин.

– Ну так и признайся ему. Или – еще проще. Возьми да переспи.

Лирин непроизвольно поморщилась, и я подмигнула ей.

- Подруга, ты ведь не будешь утверждать, что он станет первым мужчиной в твоей жизни?

- Не буду, - раздраженно отозвалась Лирин. - Ну, соблазню я его. А дальше что?

- Вот и посмотришь по результатам. Может, еще и смысла нет признаваться в любви. Может, такое сокровище тебе и даром не надь, и с деньгами не надь...

Лирин только головой покачала:

- Даже если у нас все сложится, меня мой кузен сожрет. Он ведь только и ждет, пока я промахнусь.

- Это тот, что на полянке?

- Ага. И ты теперь тоже его враг, так что будь осторожнее.

Я довольно улыбнулась.

- Да, я его не пряниками кормила.

- Ты ему, похоже, нос сломала. Но ты будущая взари. Это другое! Официально он тебе ничего не может сделать с того момента, как я пригласила тебя в гости. Мы должны держать нейтралитет с волшебниками, все согласно договору. Даже с теми, кто еще не прошел полного посвящения. Кузен же не разобрался, кто ты такая, и спровоцировал тебя. И получил по заслугам. Сам виноват. Жаль, что ты ему голову не оторвала.

- А избавиться от него никак нельзя? - поинтересовалась я.

- Если бы! За убийство одного эльфа другим положена смертная казнь.

- А не убивая? Выслать или еще как?

- А толку-то? Так он хоть у меня под присмотром. А что он без моего пригляда наделает - и подумать страшно!

Мои глаза блеснули.

- Скажи, Лирин, а что у вас бывает за покушение на убийство?

- Смерть. Как и за само убийство.

- А ты не побоишься казнить? Родственничка-то?

- Да он меня уже достал до кишечника и обратно! - взвилась королева. - Мне бы шанс, а уж на плаху я его загоню в момент. Но как?! Осторожный, паразит!

- А за покушение на королевского гостя?

- Тоже смерть. Или изгнание. Если все это доказано. Но как такое можно повернуть?

- Все возможно, - промурлыкала я. - Скажи, Лефроэль согласится нам помочь?

- Он предан мне. Он согласится.

Я заговорщически подмигнула эльфийке.

- Должна тебе сказать, Лирин, я никогда не признавала святости родственных уз. Есть у меня один план... Если ты и Лефроэль поможете мне, от кузена твоего мы избавимся, что называется, «на ять».

- Это как? - Зеленые глаза зажглись интересом.

Я наклонилась к эльфийке.

- Сейчас мы с тобой....

Обсуждение плана заняло минут пятнадцать. Потом эльфийка откинулась на спинку кресла. Глаза ее блестели, как у сытой кошки.

- Тина, если все получится, я буду тебе по гроб жизни обязана!

- Получится. Вот только как с доказательствами?

- С доказательствами? Но всегда можно допросить память предмета. Это способен сделать любой эльф. Вина будет неоспорима. Но не опасно ли это для тебя?

- Опасности я не боюсь. Я предлагаю тебе сыграть в дурака. Ты, я, Лефроэль и кое-кто четвертый. Наш дурак. Есть только одно «но». Если он будет орать, что ему подстроили ловушку...

- Мы обычно применяем старый принцип, Тина. Намерение есть действие. Так что ори не ори... Я успела ударить первой. И точка!

- Хорошо. Тогда сегодня же вечером, пока все не успело рассосаться... Ты согласна?

- Конечно, согласна. Играем. Что там?! – обернулась она к слуге.

- Пришел Лефроэль.

- Впусти его.

- Ваше величество, – поклонился вошедший Лефроэль.

- Закрой дверь, – приказала Лирин. – Мой отец умер.

- К-как...

- Я узнала это утром. Наступила окончательная смерть.

- Ваше вы... величество?

- Пока еще высочество. А величеством могу и не стать. Мне нужна твоя помощь, Леф...

- Все, что могу! Только прикажите, ваше высочество!

- Присядь, пожалуйста.

Эльф повиновался и уставился на нее явно влюбленным взглядом. И что они – договориться не могут? Ну и идиоты. Хотя у них еще тысячи лет впереди. Можно и жвачку пожевать. А с другой стороны, только проблемы вечны. А вот с жизнью и чувствами совсем наоборот. Они очень даже конечны. Поэтому надо пользоваться, пока они есть. Не проблемы, конечно, а жизнь и чувства.

- Скажите, ваше величество, а что стало с вашим отцом? Или это неизвестно?

- Он погиб, – вздохнула Лирин. – Его убили люди. Они выдали его очистителям. Что с ним случилось дальше, неизвестно. Пока его цветок жил – надежда была, сейчас же...

- Подонки.

- Моя мать погибла, пытаюсь спасти отца. Мы практически бессмертны, Тина, но мы тоже уязвимы. И ты могла в этом убедиться.

- Да, вполне. Сегодня утром.

- Эввириоль не простит тебе этого, – вмешался Лефроэль.

Я насмешливо взглянула на него из-под ресниц.

- Если ты поможешь, я не буду нуждаться в его прощении.

- Как помочь?

- Скажи, Лефроэль, ты предан своей королеве?

- Ваше величество, прикажите - и я отдам за вас жизнь, - пылко произнес эльф.

- Ей не нужна твоя жизнь, - поморщилась я. - Давай поменьше патетики. Мы должны сделать вот что...

С Лефроэлем мы справились за десять минут. Его не пришлось долго уговаривать. Эльф согласился почти сразу. Хотя и немного посомневался.

- Честно ли это?

- А иначе мы с ним никак не справимся.

- Но разве это так необходимо?

- Или он, или я, - жестко ответила Лирин. - И в этой ситуации я выберу себя.

- Что ж, давайте попробуем. Тина, ты не обидишься, если...

- Я же сама это предложила. Лирин?

Эльфийка хлопнула в ладоши. Не прошло и минуты, как в дверях выросло какое-то сказочное создание. Что-то вроде ожившего дерева.

- Это моя гостя, - указала на меня Лирин. - Проводи ее в гостевую комнату напротив моей спальни, позаботься о ванне и одежде. Тина, жду тебя через три часа.

За это время я приняла ванну, вымыла голову какой-то странной жидкостью с запахом тюльпана и переоделась в эльфийскую одежду. Длинное светло-зеленое платье из тонкого шелка при полном отсутствии нижнего белья было потрясающе удобным и легким. Честно говоря, я иногда взглядывала вниз, чтобы убедиться, что я одета, настолько оно не ощущалось на коже.

- Сегодня вечером у нас бал в честь моей госты, - объявила Лирин, как только я вошла к ней. - Остальное за тобой.

- Именно.

- Да, еще одно. Твое платье хорошо для бала, но нужны украшения.

- Украшения? Но у меня ничего нет.

Я коснулась сережек в ушах. Простенький турецкий ширпотреб. Я люблю дорогие красивые серьги и хорошие духи, но я ничего не брала с собой. Зачем? Глупо же искать приключений на свою задницу и при этом надевать вечернее платье и бриллианты!

- А нельзя как-нибудь смотаться в мой мир?

- Нет. Я одолжу тебе свои.

- Не стоит. Так даже лучше.

- Но хотя бы серьги и браслет.

- Нет. Не стоит. Пока никто не знает, что мы подружились, пусть так и остается. Беседа и бал - этого все же мало для подозрений. Когда все начинается?

- Через два часа.

- Долго. Лирин, - я вдруг вспомнила последнюю беседу с ящерицей, - ты не знаешь, кто такой Рон Джетлисс?

Эльфийка вскинула брови.

- Откуда ты знаешь это имя?

- Ящерица сказала, что надеется - я кончу, как он. Так как он кончил?

- Он еще не кончил, - вздохнула Лирин. - Это долгая история. Даже не знаю, с чего

лучше начать.

– С чего хочешь. Ты все приготовила для...

– Да, все.

– Тогда у нас еще есть время. Расскажи? Пожалуйста!

– Хорошо. – Лирин несколько минут помолчала и кивнула каким-то своим мыслям. – Рон Джетлисс – один из самых одаренных волшебников нашего тысячелетия. Но тут все не так просто. Лет пятьсот назад он побывал в Мертвом Мире...

– Мертвый Мир?

– Сейчас он мертв. Тогда же это была гигантская лаборатория черных магов. Вы, смертные, наверняка не знаете о том, что произошло недавно.

– Недавно?

– Около пятисот лет назад.

– Ну, совсем недавно! – съязвила я.

– Для нас, не для вас. Но я продолжу. Маги бывают разные, Тина. Есть и такие, которые считают себя выше всего мира. Вот около семисот лет назад и образовался такой союз из сотни или чуть больше взари, которые не боялись ничего. Для них было чуждо само слово «доброта», они презирали всех и вся. И вот они заключили союз. Они хотели стать бессмертными. И проводили опыты на людях и иных формах жизни.

– ?

– Друиды, вампиры, гномы, оборотни, тролли – всех просто не перечислить. Должна сказать, пока они не трогали остальных взари, те тоже их не трогали. То ли не знали, то ли знать не хотели – один черт. Мы также держались в стороне. Эльфов они тоже не касались. Философия была проста. Пусть весь мир летит к чертям, да и не один мир, лишь бы мы остались целы. Но вмешалась сама судьба. В одном из миров, откуда эти уроды набирали себе материал для опытов, у Рона была девушка. Обычная смертная, хотя и с зачатками способностей. Почти как ты. Ты ведь тоже сможешь стать сильной колдуньей, если у тебя будет время и подходящие условия. Хотя пока ты ничего не знаешь и не умеешь. Не обижайся, Тина, но ведь так оно и есть!

Я фыркнула:

– На правду не обижаются, Лирин! Я и сама понимаю, что волшебница из меня, как из кошачьего хвоста – веник! Мне бы учиться, учиться и учиться! Так ведь не дают же!

– Ну так потом учиться будешь!

– Согласна. А что там было дальше с той девицей?

– Ничего хорошего. Ее похитили для опытов. Никто не знал, какие чувства испытывал к ней Рон. Он никому ничего не говорил. Но... вот твоя реакция на это происшествие?

– Да я бы им рога без объявления войны поотшибала! – возмутилась я.

– Вот и Рон так же поступил. Он взбеленился и отправился в Мертвый Мир. Что там с ним произошло – не знает никто. Но он вернулся оттуда в ужасном состоянии.

– В ужасном состоянии? Это как?

– На него смотреть было страшно. Он настолько изменился, что его мать родная не узнала бы. В гроб и то краше кладут. Гораздо краше, поверь мне. Многие пытались дознаться, что именно с ним произошло, но он молчал. Хотя даже внешне он сильно изменился. С ним случилось нечто. Но – что?! Он молчал как рыба. А потом Рон начал мстить. Ему удалось собрать войска и уничтожить этот мир. Весь. Целиком. Не уцелело ни одно живое существо. Он разрушил даже несколько планет. И этого волшебники ему не простили. Его поймали, судили и приговорили к вечному заточению в предмете

в каком-то далеком мире.

– К вечному заточению? А не проще было прирезать?

– Почему-то волшебники так не поступили. Но почему? Я не знаю.

– Странно. А как это – в предмете?

– А вот такая кара. Тебя превращают, например, в табуретку – и ты ничего не сможешь с этим поделать. Ни колдовать, ни говорить. Другой волшебник сразу узнает превращенного, но сделать что-то сможет, только если он сильнее волшебника, который накладывал заклинание.

– Не понимаю...

– Ну все же просто, – подняла брови Лирин. – Если сильный человек поднимет камень и положит под него золото, то достать это золото сможет только сильный человек, также подняв камень. А если он слаб, то золота ему не видать. Так же и с заклинаниями. Ты сможешь видеть все заклинания более слабых волшебников, но не более сильных.

– Но слабый человек может воспользоваться рычагом, например.

– А слабый волшебник – дополнительными источниками маны. Магической энергии, если ты не знала. Хотя против сильного и умелого волшебника это что щит из соломы против горящих стрел.

Чего-то я не понимала.

– А Рон Джетлисс? Он же был сильным?

– Да. Но прости, отец твоей Олечки – а это он накладывал заклятия на Рона – сильнейший. Верховный волшебник выбирается из самых могущественных в магических поединках. Может быть, Рон и победил бы в нем, но он никогда не интересовался властью, а заклятие накладывали сразу несколько сильнейших взари.

– Печально.

– А когда было легко? – риторически спросила Лирин. – Ничего у тебя просто не будет, Тина. Смирись с этим.

– Ох ты е-мое. – Мне стало грустно. Я и раньше подозревала, что мне придется нелегко, но только сейчас осознала – насколько. Но довольно печали. – Не пора ли нам?

– Идем, – согласилась эльфийка.

Надо сказать, что день не задался с самого начала. Еще с того момента, как увял белый асфодель, стоящий на подоконнике.

Мой отец умер, теперь я это точно знала. А я – его наследница. Только вот ведь беда – я молода, я женщина и я не замужем.

А эльфы – это сборище остроухих интриганов.

И они тоже скоро поймут, что ждать короля не приходится. Из наследницы я стану добычей, начнется схватка между родами, а впереди всех примчится мой кузен – та еще гадина. И как с ними справиться? Попросить помощи? Но у кого?

У волшебников?

Смешно. Взари мне не помогут или запросят такую цену...

А что делать?

Над этим вопросом я и размышляла, когда кто-то нарушил защиту. Пришлось поспешить к воротам, а там...

С земли поднимались двое. И если первая, растрепанная девчонка в странной одежде,

была мне незнакома, то второй...

Лефроэль!

От радости я едва устояла на ногах.

Леф... живой, хвала Лесу!!!

Лефроэль, в отличие от многих, был полностью лоялен моему отцу, даже почти предан трону. А еще... еще он мне ужасно нравился. И переживала я не за одного, за двоих... Только сделать ничего не могла, даже отправиться его выручать. Я – единственная власть в мире эльфов, если я уйду – меня никто не заменит. И не власти мне жалко, а памяти моих предков. Они этот мир берегли, а я вот не справлюсь. Недостойна окажусь...

За своими мыслями я пропустила достаточно жестокую расправу девчонки с моим кузеном... но порадовалась от души. Туда и дорога!

Пригласить ее к себе в благодарность?

Я всмотрелась.

А ведь...

Девчонка была волшебницей. Потенциальной, с сильным даром и... начавшей проходить испытания!

Да!

Вэари просто так не прибавляются. Может, попросить через нее помощи у ан-Криталия?

Но после разговора с девчонкой я готова была уже плясать от радости.

Тина оказалась во всем этом бульоне совершенно случайно, но отсиживаться в сторонке не собиралась. Она хотела воевать... ну так и пусть получает, что хотела.

Я помогу ей, а через отцовских шпионов пушу нужные слухи. И представлю ее помощь мне как дело рук вэари.

Спесь ан-Криталия в этом случае сыграет мне только на руку. Пока мои главные заговорщики будут пытаться связаться с ним, я хорошенько прорежу их ряды. А остатки постараюсь подгрести под себя.

Это-то я смогу.

Выполоть сорняки, причесать растения...

Надо только сделать так, чтобы Тина ни о чем не догадалась. Да и Лефроэль... а чем плохо?

Мне срочно надо выйти замуж. И муж должен быть в меру сильным и не слишком властным. Лефроэль подходит.

А чего он сам хочет... среди людей у него сейчас пассий нет, среди эльфов тоже... прости, дорогой, но у меня нет выбора.

Мне нужен муж – лучше пусть это будешь ты. Вдохнуть, выдохнуть... Тина предлагает хороший план. С моими дополнениями он более чем подойдет!

Мы вышли из дворца. Лирин улыбнулась и взяла меня за руку. По ее лицу невозможно было догадаться, насколько она нервничает, но я чувствовала, что ее пальцы дрожат.

– Дамы и господа, – произнесла она, входя в круг танцующих. – Позвольте представить вам госпожу Тину. Я благодарна ей за все, что она сделала для эльфов, и с этой минуты Тина считается моей полноправной гостьей.

Все зашумели. Это и правда была неслыханная честь. Лирин объяснила мне, что королева никого не приглашает в гости. Ее умоляют об аудиенции. За всю историю правления ее отца только три человека удостоились подобной чести. Она же еще никому ничего подобного не позволяла. И теперь какой-то ведьме-недоучке! Даже не прошедшей инициацию! Да еще и с порога накатившей в морду эльфу. Я стояла и мило улыбалась. Наконец все притихли.

– Объявляю бал открытым! Кавалеры приглашают дам! – провозгласила Лирин.

Лефроэль тут же подошел ко мне и опустился на одно колено.

– Я не умею танцевать, – зажеманилась я.

– Я научу тебя, – предложил эльф.

– Я надеюсь, ты... вы окажетесь талантливым... учителем, – пропела я.

Моя улыбка была настолько сладкой, что я боялась захлебнуться в патоке. Но требовалось играть свою роль. Я обещала Лирин. И потом, неподалеку стоял Эввиrolь.

Лефроэль обнял меня, и мы закружились в танце. Точнее, кружился эльф. Я даже не дотрагивалась ногами до земли, обвисая на его руках. Это не мешало мне обнимать эльфа за шею и прижиматься к нему. Если бы эту картину увидел мой муж, он тут же развелся бы со мной. И в суде его бы поняли. Я вела себя как последняя проститутка. Но дело требовало. Один танец, второй, третий... Наконец эльф устал, и мы оказались на краю поляны. По странному совпадению, совсем близко от Эввиrolя.

– Принеси мне выпить, – попросила я.

– Одну минуту, любовь моя, – ответил эльф и тут же исчез.

Я стрельнула глазками в Эввиrolя. Тот явно прислушивался к нашему разговору, хотя и старался казаться безразличным. Жаль, с разбитым носом у него это плохо получалось. Большая часть следов уже прошла, но вокруг глаз еще оставались синие круги, сделавшие Эввиrolя похожим на шпиона в маске. Лефроэль не заставил себя долго ждать. Он примчался с двумя бокалами какого-то напитка и протянул мне один из них. Я коснулась губами холодного стекла.

– Тина, милая, ты остаешься у королевы? – спросил Лефроэль.

Ну и актер. Не знай я, что он любит Лирин, я бы и правда ему поверила. Интересно, а что подумает Эввиrolь? Надеюсь, он тоже купится.

– К сожалению, – пожала плечами я. – Но ее величество так любезна... и я не смогла отказаться.

– Я был бы счастлив предложить тебе свой дом... и свою постель.

– Я была бы счастлива оказаться в твоём доме, – вздохнула я.

– Только в доме?

– А ты как думаешь? – Глазами я стреляла так, что боялась окосеть на всю жизнь.

Заметив, как Эввиrolь наострил уши, я ринулась в атаку:

– Милый, моя спальня как раз напротив королевской. Третья по коридору налево на втором этаже. Ты не желаешь зайти, посмотреть на обстановку?

– С удовольствием, солнышко.

Я опять глянула краем глаза на Эввиrolя. Теперь тот улыбался во весь рот. Кажется, клюнул. И я принялась еще ожесточеннее флиртовать с Лефроэлем. Лирин наблюдала за нами с трона и милостиво улыбалась. Черт возьми, как это было... утомительно! Бедные женщины, которые живут, сидя на шее у мужа! Им-то приходится постоянно из себя идиотку строить! Но все когда-нибудь кончается. Кончился и бал. Лефроэль

проводил меня до дворца, обцеловал со всех сторон руки и распрощался. Я потянулась, собираясь зайти внутрь, постаралась незаметно оглядеться – и краем глаза увидела в тени Эввиroleя. Как мило. Мы с Лирин не стали заставлять эльфа ждать и вскоре выключили магические светильники.

Лефроэль тоже не заставил себя долго ждать. Через полчаса он появился в моей комнате. И мы начали развлекаться от души. Мы с Лирин поменялись комнатами, я натянула на голову парик, улеглась и завернулась в одеяло. Напротив, похоже, времени даром не теряли. Стонали, качались на кровати так, что она скрипела, выдавали всякие фразочки типа: «Скажи это, скажи...» Говорил только Лефроэль, Лирин в основном стонала, опасаясь, что кузен узнает ее голос. Я изображала статую свободы под одеялом. Пришлось ждать часа три. В соседней комнате так и не утомонились. Я даже позавидовала. Им хоть есть чем заняться, пылкую любовь изображать. А я лежу и себя за зад щипаю, чтобы не уснуть. Если так еще два часа продлится, я просто завтра на этот зад не сяду. А еще лучше – отыщу Эввиroleя и оторву все, что отрывается. Но вот пришел великий час. В коридоре послышались осторожные шаги. Напротив так же стонали и вздыхали. Я ухмыльнулась. Наконец-то заскрипела дверь, внутрь просочилась тоненькая полоска света, и по этой полоске скользнул силуэт эльфа с вытянутой рукой. Он медленно, неслышно шел к кровати. Я не шевелилась, стараясь дышать ровно. И когда силуэт оказался от меня на расстоянии вытянутой руки, я одновременно отбросила одеяло, хлопнула по магическому выключателю и улыбнулась:

– Ку-ку, Гриня!

Эввиroleй потерял дар речи. На пару секунд он застыл скульптурой с кинжалом, а потом взревел и бросился на меня. Я взвизгнула и треснула его по руке подушкой, сбив нож в сторону. И вскочила на ноги. Нет, ну кто просил Лирин отращивать такие длинные волосы? Я просто запуталась в парике. И вообще, где эти паршивцы? Мы с ними как договаривались? Я начинаю, они – заканчивают. А они, видимо, чем-то заняты. Доберусь я до этих героев-любowników, головы посворачиваю! Я швырнула в эльфа париком и заорала так, словно меня режут. Но эта перспектива и правда была не за горами. Еще две секунды, и меня этот мерзавец на салат оливье нашинкует. Без майонеза. Я пока уворачиваюсь, но я не Брюс Ли. Это он всех пяткой по ушам, не снимая ботинок. А я так, побоку. Я опять ударила эльфа по руке, выбивая нож, и добавила по яйцам вместо успокоительного. Но куда там. Он рвался оторвать мне голову за провал своего плана. Еще две минуты, и прощай, Ники. Я никогда не увижу тебя...

Но столько ждать не пришлось. В комнату наконец влетели эльфы-стражники и наставили на Эввиroleя копы с наконечниками странного лилового цвета. Отравленные? Колдовские? Меня это уже не волновало. Волновало только одно. Что случилось с Лефроэлем и Лирин? Я рванулась к ним в комнату и застыла на пороге. Оказывается, они не имитировали стоны, а на самом деле занимались любовью. Какой там Эввиroleй? Какое покушение? Да если на них дворец рухнет, они и тогда не остановятся!

– Чтоб вам! – ругнулась я. Треснула дверью так, что она чуть с петель не слетела. И отправилась распоряжаться, пока эта парочка не соизволит вернуться из nirваны.

Эввиroleя связали, как колбасу, и уложили в углу. Против заговоренных веревок ничего не поделаешь. Я уселась в кресло с книгой ждать своих приятелей. Со мной остались трое эльфов-стражников. Я лениво листала Междумирианник. Не прошло и двух часов, как дверь распахнулась. На пороге появились довольные и смущенные Лефроэль и Лирин. То есть Лефроэль был довольным, а Лирин – смущенной. Я помахала им рукой.

– Ну, как провели вечер?

– Великолепно, – подмигнул мне Лефроэль. – И не без твоей помощи. Кстати, прими мою вечную благодарность.

– Я сохраняю ее вместо закладки в книге, – зевнула я. – А на меня тут покушались, ваше величество. Или на вас? Не знаю. Я тут с Лефроэлем договорилась за вас, вы ушли, а я заснула. Просыпаюсь – а тут ваш кузен с ножичком. Наверное, яблоко мне почистить хотел или колбасу порезать. Из меня. Или он на вас покушался, ваше величество? Комната-то ваша, обо мне никто не знал, что я здесь ночую. Какие у вас родственники

милые. Так заснешь, а проснешься уже в мире ином.

Лирина улыбнулась, как голодная гадюка. Я одобрительно кивнула. Да, сентиментальность этой эльфийке не свойственна.

– Собирайте суд, – приказала Лирин стражникам. – Немедленно!

Троица вылетела из комнаты. Лирин подошла к кузену.

– Значит, все-таки решился, падаль, – прокомментировала она. – Что ж, ты свой удар нанес, теперь дело за мной.

Я посмотрела на Лефроэля. Лицо у него было, как у кота, сожравшего целую банку сметаны. Почувствовав мой взгляд, эльф подошел ко мне и наклонился.

– Ты хоть сказал ей, что любишь? – спросила я.

Вот уж не знала, что эльфы умеют краснеть. До кончиков острых ушей.

– Не успел.

– Так скажи! Чего тянуть!

– А если она не...

– Не майся дурью! Стала бы она с тобой спать, если бы не любила!

– У тебя все так просто...

– Попробуй – и ты поймешь, что все еще проще.

Лефроэль повернулся к королеве.

– Лирин, я давно хотел сказать тебе...

Эльфийка порывисто обернулась. В глазах ее блеснули слезы.

– Да?!

– Лирин, я люблю тебя. Ты выйдешь за меня замуж?

Эльфийка бросилась ему на шею.

– Обязательно! Я так люблю тебя!

– Я тебя тоже люблю.

Я деликатно покашляла в кулак.

– Ребята, я понимаю, что любовь – святое чувство, но вы уверены, что стоит об этом говорить над будущим трупом?

Пленник замычал и задержался. Хорошо, что ему вставили кляп, а то пропал бы такой торжественный момент. Я улыбнулась ему.

– Настройся на душеспасительный лад, лапочка. Ты уже труп, так что не усугубляй. А то будешь изрядно замученным трупом.

Мы молча сидели над эльфом, которого подставили под топор, но я не испытывала никакого чувства вины. Не я начала эту историю. Он сам решил, что может стать королем, убив Лирин. Она оказалась умнее или удачливее. Она встретила меня. И согласилась с моим планом. Так что нет смысла обманывать себя. Все выбирали добровольно. Стоит ли жаловаться? Хотя есть и радостные стороны. Лирин теперь нашла себе мужа. Это уже плюс. Да и от Лефроэля я отделалась. Не думаю, что молодая жена его отпустит сразу после свадьбы куда-то там отдавать долг. Тем более что он его уже отдал, когда открыл для нас двоих переход между мирами сюда, к эльфам. Кстати, Лефроэль и Лирин сидели рядом на кровати с жутко счастливыми лицами, держались за руки и ворковали обо всякой чепухе, вроде размера обручальных колец. У меня просто

изжога начиналась от зависти. Где-то сейчас мой муж? Мне же тяжело одной! Вот что он – сбежать не мог? Спасение утопающих – это всегда дело рук самих утопающих. Пусть у Ника нет прадеда-уголовника, зато есть исторические примеры. Граф Монте-Кристо только чего стоит! Прокопался же на свободу, хоть и за семнадцать лет... М-да, пример неудачный. Семнадцать лет я мужа не прожду. Ладно! А д'Артаньян с Атосом и Портосом? Три мушкетера двадцать лет спустя? Мало того что сами удрали, так еще и кардинала по дороге сперли. Как возмещение за моральный ущерб. А потом еще и продать его умудрились! Учитесь, дети! Читайте классику!

Нет, если бы какой-то мерзавец меня в тюрьму засунул, уж я бы постаралась устроить ему веселую жизнь. Как верховному очистителю. Мне не жалко, фантазии у меня на всех хватит. Вон мой предок, Валентин Хромая Нога, четыре раза с каторги бегал и ни разу не повторился. Каждый раз что-нибудь новенькое полиции подбрасывал. Творческий человек был. Главное только поймать вдохновение, а там карусель завертится... Мои мысли прервал вошедший эльф.

– Ваше величество, суд собран.

– Идем, – предложила королева. – Тина, ты с нами?

– С вами. Этого с собой захватим?

– А то как же!

Королева пошевелила пальцами. В следующий миг тело связанного Эввиrolя взмыло над полом и полетело вслед за нами. Судя по мычанию, эльф не одобрял такой способ передвижения, но нам было наплевать на такие мелочи. Суд у эльфов проходил на огромной поляне, над которой чья-то воля плотно сомкнула кроны гигантских деревьев.

В суде участвовали двенадцать эльфов, Лирин – тринадцатая. Она уселась во главе стола присяжных, и Лефроэль открыл заседание.

– Свободный народ! – начал он. – Сегодня чуть не свершилось самое страшное преступление за всю нашу историю! Брат поднял руку на сестру, подданный – на королеву, один эльф – на другого! Это страшно! Мы должны примерно наказать подонка! И это я предоставляю вам!

Голос эльфа прямо-таки дрожал и срывался от праведного гнева. Не знаю я, чем он в это время занимался, я бы поверила. Я ожидала длительного продолжения, часа так на полтора, но Лефроэль сел на место. Поднялся один из двенадцати эльфов-судей. Довольно старый, но симпатичный.

– Ваше высочество, это правда? – спросил он.

– Величество. Сегодня я узнала, что мой отец мертв.

Эльфы помолчали. Лирин спокойно продолжила:

– По законам Леса, я его наследница.

– Да, ваше величество, – согласился эльф. – А Эввиrolь...

– Хотел убить меня и занять мое место, свалив вину на нашу гостью, взари Тину, – ответила Лирин.

– Если это так, то негодяй заслуживает смерти. Но мы должны выслушать и его. Вы ничего не имеете против, ваше величество?

– Как пожелаете, Вербозель. Как пожелаете.

Эльф сделал знак стражнику, и изо рта Эввиrolя извлекли кляп.

– Что вы можете сказать в свое оправдание? – строго спросил остроухий.

Несколько секунд Эввиrolь просто хватал ртом воздух, а потом возопил на всю поляну:

- Не виноват я!!!

- Ага, я сама к нему пришла, - громко и очень ехидно согласилась я. - И вообще, это я ему нож дала, правда, солнышко? Хотела покончить жизнь самоубийством. Оригинальным способом!

Лефроэль фыркнул, Лирин не сдержала улыбки, Вербоэль чуть сдвинул брови.

- Мы выслушаем и вас, но в свое время, - обернулся он ко мне.

Я пожала плечами и заткнулась.

- Итак, что еще вы можете сказать в свое оправдание?

- Я пришел к этой твари! - взорвался Эввиоль. - Я не собирался убивать свою сестру, я хотел...

- А меня, значит, убивать можно! - опять не сдержалась я. - Ну, спасибочки на добром слове! Это так у вас с гостями обращаются? Я тоже к вам в следующий раз с подарком приеду. С ядерной боеголовкой! Простите, я уже заткнулась.

- И тебя я убивать не собирался! Ты же сама меня в гости приглашала! Ты говорила, что твоя спальня на втором этаже, третья по коридору налево!

- А что ты делал в спальне направо?

- Перепутал! Всякое бывает!

- И ты собирался прийти в гости к женщине, которая тебе сломала нос?

- Чего не бывает между любовниками! - пожал плечами Эввиоль.

- И которую ты обозвал тварью? Только что, при всех!

- А как тебя еще назвать, после этого скандала?!

Я задыхнулась от возмущения. Еще пять минут, и я не выдержу. Лежачего не бьют, но никто не говорил, что лежачего не убивают. Вот!

- Что вы можете сказать в свое оправдание? - уточнил у меня Вербоэль.

Видали?! Уже «в свое оправдание»! Ой, как я тебе щас скажу! Щас так скажу, что год не проикаешься!

- Вербоэль, вы простите, что я вас так называю, но, для начала, я право и лево не перепутаю даже под градусом, а он перепутал? Но это мы оставим. Черт с ним. Дело в том, что я назначала свидание Лефроэлю, а не этому убогому. А с ним мы и знакомы-то не были до этого дня. У меня семья, муж, кстати, любимый. И с ним сейчас уйма проблем. Мне не до Эввиоля. Да и Лефроэля я приглашала не на любовное свидание. Я собираюсь вскоре уезжать и хотела попросить его помочь мне кое в чем разобраться. И кстати, почему ваш Эввиоль пришел в мою, а точнее, королевскую спальню с ножом в руках? Развод я бы и так ему дала, если бы мы были близки.

- М-да, какая сложная проблема. Мне кажется, вы не говорите всю правду.

- Простите, но я не могу. Я обещала молчать.

- Я полагаю, я смогу помочь, - вступила Лирин. - Тина и правда договаривалась о свидании с Лефроэлем, но не для себя, а для меня. Я давно люблю Лефроэля, а сегодня ночью и он признался мне в любви. Мы поженимся как можно скорее. А чтобы не запятнать мою репутацию, Тина уступила мне свою комнату, сама же легла в моей. Не приди вовремя помощь, Эввиоль убил бы мою подругу, приняв ее за меня.

- Мне кажется, когда я договаривалась с Лефроэлем, ваш кузен, ваше величество, был неподалеку. - Я приняла покаянный вид. - Боюсь, я не проявила достаточной осторожности и подвергла свою жизнь опасности. Но еще больше мне не по себе при мысли, что он мог бы прийти позже или вы - вернуться раньше, и тогда опасности

подвергалась бы ваша жизнь! Это действительно было бы непростительно!

- Не вини себя, Тина. Мы обе виноваты.

- Больше всех виноват этот подонок! - Я кивнула на Эввироля. - Он хотел вас убить, государыня, а ему за это даже ничего не будет?

- Будет, - заверил меня Вербоэль. - Я все понял и предлагаю приговорить неблагодарного паразита к смертной казни.

Все двенадцать эльфов, включая Лирин, встали, а это означало полное согласие. Я довольно улыбнулась. То, что сейчас я отправляю на смерть живого эльфа, меня особо не мучило. Я его не заставляла покушаться на кухню. Я только предоставила ему шанс. Кажется, есть такая заповедь - «не искушай», но я и не искушала. Я просто дала ему возможность совершить то, о чем он всегда мечтал. Но на моих условиях и с выгодой для меня. Теперь королева эльфов мне кое-чем обязана. Надо только правильно воспользоваться этой благодарностью, получить помощь и свалить отсюда по своим делам, а то королевская благодарность - это ненадежно. Весьма и весьма. И потом, что, собственно, я делаю в этом лесу? В гостях у эльфов хорошо, но дома лучше. У меня там мама, отчим, пятый по счету, может, весточка от мужа меня ждет или сам муж. Междумирианник я добыла, а за всем остальным могу и из моего мира отправляться, если так приспичит. Если мне мужа не вернут в самое ближайшее время. Если вернут, тогда я, так и быть, не пожелаю голову верховного колдуна на блюде. Впрочем, над этим еще надо поразмыслить.

Два человека склоняются над кристаллом.

- Папа, ты что-нибудь видишь?

- Нет, дорогая. Эта тварь теперь у эльфов.

- Как она смогла к ним попасть?! Они не принимают людей!

- Я все чаще думаю, что ты совершила ошибку, дорогая. Ты не должна была помогать этой девчонке стать волшебницей.

- Я надеялась, что она свернет себе шею!

- Милая моя, она же русская! А с русскими связываться просто нельзя! Они всегда выкидывают что-нибудь невероятное! Что-то, чего от них никто не ожидает! Их к этому приучили. И хорошо приучили. Какое-то время назад жизнь твоей соперницы и правда была под угрозой, но сейчас она вне опасности и, похоже, очень довольна собой. Ее эмоции так сильны, что я чувствую их даже через защиту эльфов. А как наш пленник?

- Он впал в отчаяние. Он сильно привязан к этой твари. Я сообщу ему, что она некоторое время назад была в опасности. Это поможет мне.

- Иди.

Орланда ан-Криталь выходит из комнаты. Человек склоняется над магическим кристаллом. Спустя несколько секунд над ним возникает изображение Тины.

- Как я понимаю Ника, - вздыхает колдун. - Какая женщина! А как она его любит! Ради любви преодолеть такое! Интересно, способна ли на это Орланда? Сомневаюсь. Она красива, умна, но до Тины ей далеко. Тина совсем другая, их смешно даже сравнивать. Но чем дольше я смотрю на нее, тем больше восхищаюсь. Какая женщина!

Глава 5

Эввириоль казнили в то же утро. Я сама не присутствовала там, Лирин рассказала, что все было очень простенько. Топор, плаха, палач. Перед смертью Эввириоль начал поливать Лирин такими словами, что все убедились в его виновности. Лефроэль тоже навестил меня. И очень обрадовался, застав у меня Лирин. Я деликатно закрыла глаза, чтобы не мешать нежной встрече. Как я их понимаю. Когда мы с мужем встречались даже после одного дня в разлуке, нам было глубоко наплевать на окружающий мир. Наконец я устала ждать и подняла ресницы. Эльфы отпрянули друг от друга и уселись напротив меня.

– Чем ты планируешь заниматься? – спросила Лирин.

– Ничем особенным. Мне нужны еще волшебная палочка и талисман. Из чего изготовить талисман, я пока не знаю, а что касается волшебной палочки – я уже придумала. Надо сделать ее из ветки дерева Эстрид.

– Дерева Эстрид?! Ты с ума сошла?! – Лирин смотрела на меня как на психа. Как я ее понимаю.

– Что тут такого? – уточнила я.

– Вот именно, – не понял Лефроэль. – Лирин, объясни мне, ты же знаешь, что я постоянно сбегал с уроков!

– Дерево Эстрид, – объяснила эльфийка, – это дерево, которое выросло в очень необычном месте и в необычное время. Ты знаешь, что такое философский камень?

– Спрашиваешь! Мечта алхимиков! Но пока его никто не получил.

– Ошибаешься. В Междумирианнике сказано, что однажды это все-таки произошло. Потом изобретатель расколол камень, растер в пыль и высыпал ее на землю. Очень неудачно высыпал. Потому что на том месте кто-то посадил яблоню. Ну и само деревце выросло немного необычным. Его нельзя вырыть, оно дает яблоки, которые могут спасти от смерти, оно очень необычно и обладает зачатками разума. Принадлежит царю Кусману, а этот царь живет в мире Эстрид. Отсюда и название дерева. Кстати, оно прекрасно защищает себя. Последний, кто попытался отломить с него веточку, умер в тот же миг. Говорят о каком-то проклятии, но слухи не подтверждаются. В свое время мы пытались исследовать его, но потерпели неудачу. Это дерево великолепно защищается от заклятий. Кстати, мы кое-что переняли у него, когда пытались огородить наш мир от любителей подслушивать и подглядывать.

– И ты надеешься на удачу? – повернулся ко мне Лефроэль. И протянул руку – пощупать лоб. Я отмахнулась не глядя.

– Нет у меня температуры, я вообще великолепно себя чувствую. Что тебя так удивляет?

– Но ведь есть материал для палочки и попроще? Там перо грифона или василиска, рог ригантуса...

– Есть. Но яблоня Эстрид – это самый крутой материал. А я не должна ограничиваться полумерами. Мне еще с верховным вэари разговаривать. – Я непроизвольно постучала крепко сжатым кулаком по ладони. Эльфы покатались со смеху.

– Хорошо, – наконец сказала Лирин. – Если добудешь волшебную палочку, вернешься похвастаться?

– От меня так просто не отделаться, – ухмыльнулась я. – Я к вам еще и с мужем заеду.

– Обязательно! Должна же я видеть, ради кого ты идешь на такой риск! Это должен быть просто необыкновенный человек.

– Ты немного ошиблась в формулировке, – поправила я Лирин. – Дело не в необыкновенности и не в какой-то жуткой любви. Дело в том, что Ники – мой муж. Я жуткая собственница. Я могла бы развестись с ним, но теперь это дело принципа.

Фиг кто до моего мужа дотронется!

– Бедная Орланда ан-Криталь, – оскалилась Лирин.

– Она не бедная, – показала я зубы. – И я позабочусь, чтобы у нее было одно из самых богатых надгробий во вселенной.

– С удовольствием пришлю цветочки на могилку этой паршивке, – согласилась Лирин.

Я подумала, что у меня, оказывается, есть хорошая подруга. Как странно, в моем мире я общалась со многими людьми, но никогда не считала их своими настоящими друзьями. Хотя и знала кое-кого по десять-пятнадцать лет. А с Лирин мы знакомы второй день, но уже понимаем друг друга с полуслова. Почему так странно получается? Ладно, я в любом случае не философ, а биолог. Просто мы друзья, и это хорошо.

В тот же день, после обеда, я отправилась в мир Эстрид. Время тянуть не стоило. У меня было семнадцать дней, а теперь осталось неполных четырнадцать. Мало! Кстати, ничего себе мирок. Уютный такой. Без машин и прочих гадостей технического прогресса. Трава зеленая, лес, дорога, телега с лошадей. Пастораль! Карту мира для меня Лирин раскопала в библиотеке. И столица с яблоней должна была находиться совсем рядом. За лесом и через холм. Если ходко пойду, как раз к полуночи туда доберусь. Ночь в поле проведу, а с утра и к царю. Красть мне как-то не с руки. Попробуем сперва договориться. Я свернула с дороги, посмотрела на солнце и решительно углубилась в лес. Лирин очень огорчилась, что не может меня переправить поближе к городу, но эльфы пробивают себе проходы в другие миры в таких местах, где нормальный человек без пол-литры не пройдет. Вот меня и засунули в чисто поле. Зато вытащить меня Лирин обещала в любой момент. Надо только сосредоточиться на ней и громко попросить. И самой открывать двери между мирами не придется.

Ноги уверенно несли меня по березняку. Ходить по лесу я умею, кроссовки удобные, не натирают. В час километра по три по здешнему бурелому получается. Комары тут злющие, как тигры. Или они во всех мирах такие? Тема для диссертации. Сравнительная характеристика комаров в мирах таком, сяком и разэтаком. А где-то, наверное, есть мир, где и динозавры живы! Останусь жива – попрошу мужа съездить туда на каникулах. Птеродактиля привезу, живого, докторскую защищу-а-а-у-у-у... Это ж надо – коленкой да об такую кирпичину! С ума сойти! Откуда эта камнюка вообще в лесу взялась?! Хотя почему в лесу? На холме. Мне этот холм напоминал лысую макушку посреди довольно густой шевелюры. Хм, не такую уж и лысую! Вон, на холме дерево торчит. Да какое! Такое деревце ни один ураган не свернет. Я вообще-то обойти холм хотела, но наткнулась на второй камень и заинтересовалась. По-моему, в лесу таких камней не бывает. Они зарастают мхом, травой, их засыпает листьями, и в итоге их не заметишь, пока лбом не врежешься. А эти два камня один в один. Серые, гладкие, с беловатыми прожилками. Странные камушки. А вон и третий, четвертый... Странно как-то. Любопытно. А значит, полезем на холм. Хотя полезем – это грозно сказано. Пешочком, не торопясь, за десять-двадцать минут одолеем. Это вам не Монблан. Вблизи стало еще интереснее. Во-первых, у дерева были странные корни. Такое ощущение, что они срослись с камнем холма. И само дерево в пять моих обхватов, если не больше. И гнездо на нем. Явно не воронье. Если бы птеродактили себе гнезда вили на деревьях, это бы как раз оно и было. Слезить посмотреть? Обязательно! А если хозяева гнезда дома? Съедят, как червяка. Я совсем уже собралась уйти, но любопытство одолело биолога. И я решила. Лазить по таким деревьям – сплошное удовольствие. Зацепок – на выбор, по веревочной лестнице подняться – и то труднее. Она-то шатается, а дерево неподвижно. Мне до гнезда оставалось не больше двух метров, когда из него выглянула голова птенца раза в два больше моей.

– Ты кто? – спросил птенец.

– А ты кто? – ляпнула я от неожиданности. Хорошо, хоть не сорвалась.

– Я птенец птицы Рок, – объяснила птичка. – Мы маму ждем. – Клюв у нее был, я вам скажу... Если это птенец, то мамочке я как раз вместо зубочистки.

– А я Тина. Я тут мимо проходила, захотела посмотреть, кто на дереве живет, – объяснила наконец я.

- А ты тоже птенец?

- Нет, я человек. Но я хорошая.

- Человек? А мама мне ничего о человеках не рассказывала!

- Еще расскажет, - решила я. - Познакомиться мы познакомились, узнать я о вас узнала, теперь я пойду, - решила я. - Маме привет.

Из травы у подножия холма раздалось шипение. Последний раз я такое слышала, когда у нас отопление в институте включили. Трубы оказались забиты воздушными пробками, и пришлось спускать воздух. Вот так он и шипел. Ну, может, чуть потише. Я оглянулась и чуть не взвыла. С одной стороны птичка Рок, с другой - змея. На полном серьезе - змея. Длинное, иссиня-черное тело было хорошо видно на фоне травы и земли. Не знаю, как ее зовут, но размерчики у нее, как у хорошей двухсотлетней сосны. По толщине. Я, естественно, выбрала наименьшее из двух зол и перелезла в гнездо. Птенцы меня пока не съели, а со змеей мы не договаривались. Птенцов оказалось трое. А гнездо было завалено всякими игрушками. Саблями, украшениями, тканями... Одним словом - барахолка.

- Я боюсь, - захныкал птенец. - Она нас съест. Я боюсь.

А ведь и правда может. Змеи едят птенцов. И я этой змее как раз вроде разминочки перед обедом. А жить так хочется...

- Умолкните, - цыкнула я на птенцов. Потом начала копать в груде хлама. Кажется, их мама питалась одними рыцарями. Оружия в гнезде хватало. Любого и на любой размер. Это было кстати. Очень кстати. Рыцарям привычно махать этими оглоблями, но я фехтовать не умела. Мы только в детстве дрались на палках, играя в гвардейцев кардинала. Наконец я нашла то, что мне подошло, - легкий, длинный и узкий, с острым концом меч из синеватой стали. Рукоятка меча была сделана, как у рапиры, а по клинку бежали черно-синие руны. Я не люблю оружие, но этот меня заворожил. Было в нем что-то хищное, жестокое. То, чего напрочь лишены ржавые железки в музеях. Я попробовала пальцем остроту клинка, порезалась и зашипела от боли. Ладно, перетерпим. Потом перегнулась через край гнезда. Змея уже выбралась на холм и теперь примеривалась лезть на дерево. Я откашлялась. Змея замерла и посмотрела на меня. Говорят, змеиный взгляд гипнотизирует. Да ничего подобного! Все мое нахальство осталось при мне.

- Вы что-то потеряли?! Или так, в гости?! Так хозяйки дома нет, заползите попозже.

Остолбенели все: и птенцы, и змея. Я и сама не представляла, с чего у меня язык развязался, но, кажется, это чудовище меня поняло. Хм, знали бы создатели фильма «Анаконда», что прототип их творчества жив и здоров в другом мире. Хотя... форма головы более характерна для гадюки.

Змея чего-то медлила, и я попробовала еще раз:

- Так вы скажете, чего вам надо, или будем говорить за деньги?

Несколько секунд змея обдумывала ответ. Потом решила.

- Пс-с-с-тенцы мои! С-с-сброс-с-сь ихс-с-с мне. Я отблагодарю тебя!

Птенцы умоляюще смотрели на меня. Я поняла, что не дам змее съесть их, и покачала головой. Ну кто, кто меня просил лезть?!

- Ползи лучше отсюда, - решила я. - Эти птенцы под моей охраной, как редкий вид.

- Отдай ихс-с-с-с мнес-с-с.

- Я тебе что сказала, ты, гадюка-переросток! - завелась я. - Вали отсюда, пока я тебе обрезание не сделала!

- Тогда-с-с-с я и тебяс-с-с с-с-съем.

- Отравишься.

Змея не вдавалась в дискуссию. Она просто поползла вверх по стволу. Я прицелилась, сцапала из гнезда какую-то безделушку и швырнула в глаз змее. Ну и попала, естественно. Змеюка зашипела, но не остановилась. Эх, мне бы сейчас какое-нибудь приспособление для ловли этой твари. Петлю, крючок, мешок, но ведь ничего нет! Придется обойтись своим неотразимым обаянием. Я стояла в гнезде, которое прикрывало меня снизу. Теперь главное – ударить вовремя. Змеи опасны, но и я не ангел. Змея об этом не знала. Она собралась в пружину и выметнула тело вверх. Она надеялась обрушиться на нас и первым же ударом проглотить меня, но у меня были другие планы. И мгновенная реакция. Я сжалась в комок нервов и мышц. Адреналин кипел и пел. Страх не было, только бешеное спокойствие. Возбуждение битвы? Да о какой тут битве можно говорить, с таким-то противником?! Змея падала на меня. Если она дотронется до меня хотя бы кончиком хвоста – отскребать меня от веток будут всем эльфийским королевством. У меня есть пара секунд и один, максимум – два удара. Потом сюда примчится Орланда ан-Криталь, расцелует змею в благодарность за избавление от меня – и они обе отравятся. Но сильные удары не всегда отличаются точностью. Змеиная морда была совсем рядом, когда я слегка отклонилась и нанесла удар в тот миг, когда ее голова находилась от меня меньше чем в полуметре. Меч словно сам потянул за собой мою руку в единственный подходящий момент.

Сперва мне показалось, что я промахнулась, так легко клинок прошел сквозь мерзкую гадину. Но потом змеиная голова отделилась от тела, и я тихо поздравила себя. На что-то другое ни сил, ни нервов уже не осталось. Я тряпкой осела на дно гнезда. Птенцы прижались ко мне с двух сторон. Не скажу, чтобы мне было так приятно, но ладно уж. Внизу кто-то сильно лупил по дереву. Я подозревала, что это змеиное тело, которое еще не смирилось со своей смертью. Хотелось вылезти и посмотреть, но сил просто не оставалось. У меня тряслись руки, когда я снимала рюкзак и доставала из него флягу с водкой. Водка была так себе, но я бы не оценила сейчас и вино 1500 года. Даже крепости не почувствовала. Только руки трястись перестали. Я подумала, хлопнула еще рюмку, то есть крышку фляги, и начала собираться.

– Не уходи, – попросил птенец, сидящий слева. – Сейчас мама прилетит...

Это-то меня и волновало.

– Если ваша мама подумает, что я вас обижаю, я уже никогда отсюда не уйду. Мне пока еще жить хочется.

Птенцы меня поняли. Я с сожалением оставила меч в гнезде и полезла вниз. Добралась до холма, осторожно обошла змею и начала спуск. Далеко я не ушла, услышала хлопанье крыльев и писк птенцов. Потом опять хлопанье крыльев. Уйти я бы не смогла и решила остаться. Уселась на кучу листьев, оперлась спиной об осину. Через несколько секунд небо надо мной потемнело. Ко мне спускалась гигантская птица. Она напоминала мне грифа с головой орла-могильника. Но размеры! Не меньше двадцати метров в размахе крыльев. И в лапе у нее было что-то зажато. Я не рассмотрела. Первой заговорила именно птица Рок:

– Я благодарна тебе, женщина. Эта змея погубила много моих птенцов. Но она была хитра и не попадалась мне на глаза. Я обязана тебе жизнью моих детей.

– Ты ничем мне не обязана, – ответила я. – Я сделала это для твоих детей, а ты, если бы так случилось, сделала бы то же для моих.

– Моя благодарность не имеет границ. И я хочу кое-что подарить тебе. Вот, возьми мое перо. Если я тебе понадобится, подожги его и позови меня. Я прилечу.

Я убрала перо в мешок, подумала и поклонилась в знак благодарности.

– Сожалею, что не могу тебе ответить тем же. Я еще не владею такой магией.

– Это не важно. И еще...

В лапе птицы сверкал в роскошных ножнах тот самый меч, которым я расправилась со змеей. Мои руки сами потянулись к оружию, но я одернула себя. Ну зачем мне оружие? Что я с ним буду делать? Я не умею с ним обращаться. И потом, я ведьма – или уже где? О чем и сказала птице. Та только махнула лапой, небрежно снеся по пути

две осинки.

- Ты научишься. И потом, магия может подвести, меч же - никогда.

Это было справедливо. И я приняла клинок со словами благодарности.

- Есть ли у тебя какое-то дело в нашем мире? - спросила птица. Я поперхнулась слюной.

- Как ты узнала, что я не из вашего мира?!

- Я просто чувствую. И потом, у меня есть своя магия. Зачем ты сюда пришла?

Несколько секунд я размышляла. Могу ли я доверять этой птице? Потом решила рискнуть.

- Мне нужна веточка с яблони Эстрид.

- А проклятия ты не боишься?

- Боюсь, - не покривила душой я. - Но понимаешь, одна выдра решила отобрать у меня мужа. Возможно, нам придется перевестись в магическом поединке. Так что мне нужна вся сила, которую я смогу набрать. А о проклятии я читала. Только никто не знает, как его избежать.

Птица тоже помолчала несколько секунд. Потом заговорила. Медленно, неуверенно:

- Понимаешь, женщина, слышала я от матери, а та от своей прапрапрабабки, что яблоня Эстрид - разумное дерево. И обладает своей магией. Значит, с ним, как и со всяким разумным существом, можно договориться. Не знаю, поможет это тебе или нет, но...

- Это очень важно, - утешила я птицу. - Моя благодарность тебе просто не знает границ.

Дальше последовали расшаркивания, уверения в вечной дружбе и преданности, и птица полетела к своим птенцам. Я подумала, приладила ножны на пояс с левой стороны, чтобы было удобнее вытаскивать, и отправилась дальше. Дело на месте не стояло. И о времени я не забывала. Скоро, очень скоро будет Великий Шабаш, или как там его, а у меня и половины аргументов для верховного взари не приготовлено. Перо птицы Рок, да еще данное добровольно, это очень крутой амулет, и сила в нем немаленькая, но и у меня большие планы. Итак - вперед!

Тот же зал, те же двое людей, мужчина и женщина, над хрустальным шаром.

- Дочка, твоя соперница вышла из мира эльфов и стала доступна наблюдению. Не хочешь полюбоваться?

- С удовольствием. А что она делает?

В хрустальном шаре маленькая Тина ругалась со змеей.

- Зачем она защищает этих птенцов? Что за глупость?!

Маги смотрели на бой, потом на беседу человека и птицы. Женщина схватилась за голову.

- Она хочет получить жезл из древесины Эстрид?! Этого нельзя допустить!

- У нас нет выбора. Ты сама толкнула ее на инициацию. Уверю тебя, мы не единственные, наверняка не единственные наблюдатели. Есть еще многие. А наши законы очень строги. Если ты убьешь будущую взари во время инициации, даже я не смогу спасти тебя. Тебя казнят, медленно и мучительно.

- Но неужели ничего нельзя сделать?!

- Что ты предлагаешь?

- Я сама отправлюсь туда! Я не стану убивать эту мерзавку, но я могу чинить ей препятствия!

- Смотри. Если Ник узнает...

- Он никогда не узнает! Я отправляюсь!

Орланда ан-Криталь вихрем вылетела из зала. Мужчина наблюдал, как Тина идет по лесу. Легко, уверенно, двигаясь в одном четком ритме, словно она только этим и занималась всю свою жизнь. Жаль. Очень жаль, что эта девочка встала на пути у его дочери. Какая из нее вышла бы волшебница!

Мы все спешим за чудесами, но нет чудесней ничего, чем ванна с пеной и духами под крышей дома моего... Да простит мне автор песни эту вольность, но когда я в шестнадцатый раз влезла головой в паутину, ванна и правда стала самой большой мечтой моей жизни. Уже темнело, когда я выбралась из леса и подошла к городу. Но на этот раз я не полезла внаглую в ворота. Незачем. Во-первых, очереди толком не было, всего четыре человека и две телеги, а это для любого, кто жил в России, даже и не очередь. Так, разминка. А во-вторых, сейчас я уже могла заплатить пошлину за въезд. Местная валюта у меня была, спасибо Лирин. Хотя платить я все равно не собиралась. И внимательно наблюдала за стражниками. Брали они убого и бездарно. Когда подошла моя очередь, я уже была во всеоружии.

- Плати пошлину, - зарычал на меня какой-то придурок. Из рта у него так несло перегаром и чесноком, что я едва не заплатила. Но потом опомнилась.

- Молодой человек, - таинственно осведомилась я, - вы знаете, что такое «Дирол» с ксилитом и карбамидом?

Стражник оглянулся вокруг и опять уставился на меня. Я поманила его пальчиком. Голова в железном шлеме опустилась на мой уровень. Ну почему у меня нет насморка?

- Это то, что вам бы очень не помешало, - шепнула я. - Вы пьете на посту, а за это царь по головке не погладит.

- А... у... ы... э... плати! - прорвало стражника.

- А вот я сейчас пойду к начальнику стражи да как сообщу, что его стража на посту выпивает на краденые деньги да еще закусывает маринованным чесноком, - тихонько пообещала я.

Ворота я прошла спокойно, обеднев только на четыре подушечки «Дирола» с ксилитом и карбамидом. Ну и пусть их, все равно мне эта жвачка никогда не нравилась. Несмотря на всю ее рекламу.

Согласно карте, яблоня Эстрид росла прямо посреди площади. И вокруг нее царь возвел что-то вроде забора. Стражу не ставили - бесполезно. Почему - я так и не поняла. Ладно, на месте разберемся. Я прошла по городу не больше пятидесяти метров, когда моего слуха коснулось слово «Эстрид», и я вжалась в стену, наострив уши. Говорили две женщины.

- ...Эстрид?

- Так ты думаешь, стоит пойти на площадь, Невзоровна?

- Стоит, Марфеевна, стоит. Прошлым-то летом мой оглоед совсем от рук отбился, только что горькую хлестал да дрался. Так я сходила, яблочко взяла да на закуску ему и подсунула. Съел, не подавился. Зато потом как рукой сняло. Ни капли в рот не берет. Работать начал, корову купили...

Основное до меня дошло. Ничего интересного. Что эти яблочки на многое способны, я и так знаю. Надо пробраться к яблоне, пока никто не заметил и не напакостил. Да, я действительно становилась волшебницей. Переход между мирами, как сказано в книге, начинается инициацию, а завершена она будет, только когда я пройду окончательное посвящение. Но и сейчас я уже владела экстрасенсорными способностями. Лирин кое-что показала мне, и я могла гипнотизировать человека, могла лечить наложением рук, могла видеть болезни. Если немного напрячься, то я смогла бы и левитировать. То есть я

уже умела половину от того, что Библия описывала как божественное чудо. Я двинулась вперед. У ворот в высоком заборе, в три человеческих роста (перелететь не удастся, я пока не настолько сильна), стояла стража. Три человека. Это мне еще под силу. Я не стала тратить время на разные глупости. Просто вынула из уха блестящую сережку за неимением хрустального шара и прочих прибабасов и начала покачивать ею в воздухе.

– Ребята, вы это видели? Вы ничего подобного не видели, вам просто негде было такое видеть, такое зрелище надо видеть своими глазами...

Стражники сперва уставились на нее, потом заслушались, а затем благополучно попали под гипноз.

– Отоприте ворота, – приказала я.

Старший из них, судя по перьям на шлеме, безропотно снял ключ с особого крюка и отомкнул дверь. Вообще-то забор был скорее фикцией, чем реальной защитой. Оказавшись внутри, я могла говорить об этом со всей уверенностью. Перед настоящим ударом такой заборчик не устоял бы. Но этого и не требовалось. Воров на яблочки не находилось, забор просто защищал яблоню на всякий крайний случай, а таких давно не случалось. В этом царстве все его жители готовы были молиться на яблоню и на своего царя, который раздавал кусочки яблока. Интересно, он делал это добровольно или добровольно-принудительно? Если яблонька обладает разумом? Дерево росло одно, как восклицательный знак посередине чистого листа. Даже трава рядом с ним отсутствовала. Я медленно приблизилась к яблоне. Листья зашумели, хотя ветра не было совсем.

Все, что растет на земле, все, что ходит по земле, да и сама земля – живые, – гласил Междумирианник. – Захочешь напиться – попроси разрешения у реки, захочешь сорвать цветок – попроси разрешения у поля, захочешь колдовать – проси разрешения у всего мира. И будь благодарна, если он не станет сопротивляться. Но не иди против их воли.

Вот так, коротко и ясно. Наши предки, которые просили прощения у души убитого зверя, были умнее нас. И жили ближе к природе. И иногда им удавалось то, о чем мы не можем даже мечтать. Строчки выплыли из памяти, и я сделала то, чего, наверное, не делал никто. Я заговорила с яблоней.

– Подобрю ли, поздорову, деревце. Цепких тебе корней, крепкой коры, зеленой листвы.

Я даже не представляла, как говорят с яблоней, несла, что черт на язык положит. И черт не подвел. На стволе яблони медленно-медленно раскрылись три щели. Две – вертикальные, одна – горизонтальная. И в горизонтальных щелях зажглось зеленое пламя. Глаза и рот, не иначе. Яблоня молча смотрела на меня. Ждала продолжения. Что ж, продолжим.

– Прибыла я сюда из другого мира, чтобы с тобой повидаться. Прошу у тебя твою веточку, какую не жалко. И отслужу тебе за нее, чем только смогу.

Оказывается, у деревьев очень красивые голоса. У этой яблони – точно. Голос напоминал шелест листвы. И слушать его было приятно.

– Говоришь, отслужишь, чем можешь, взари?

– Отслужу.

Поправлять яблоню я не стала, хотя до взари мне еще, как до Шанхая. Несколько минут дерево молчало, а потом кивнуло.

– Хорошо. Знаешь ли ты, взари, что у здешнего царя три сына? – Я молча покачала головой. Дерево продолжило: – Дробить королевство царь не хочет, кому его отдавать – не знает. Я же хочу, чтобы все досталось младшему сыну, Вышеславу. Он и умен, и добр. Царь со мной беседовал, да совет мой не ко двору пришелся. Если корону младшенькому отдать, двух старших сыновей обездолить придется, разве ж они такое стерпят? Они-то дураки да игроки, да и за ними могут люди встать. Черный человек для каждого найдется. Что царевич сам не придумает, то черный ему подскажет. Война, смута,

разор... Нельзя этого допустить! Распорядился тогда царь – кто добудет ему жар-птицу, того он и на трон посадит. Приедет Вышеслав с жар-птицей – никто и слова поперек не скажет, даже братья промолчат. Помоги ему стать королем, а я тебе отдам мою веточку.

Я помотала головой, собирая мысли в горку.

– Я должна помочь вашему Вышеславу (кстати, а как его зовут друзья? Вышка? Вышак?) добыть жар-птицу и вернуться с ней к отцу. И чтобы он был цел и невредим, так? А что там решит его отец – это меня не касается. Хорошо?

– Договорились. Дотронься до коры.

Я послушно приложила руку к дереву. И чуть не завизжала от боли. В руку словно воткнулись сорок гнилых сучков, а потом кто-то еще принялся возить ими в ране. И это продолжалось сто лет или даже тысячу. Потом боль кончилась. Я так же стояла у яблони, вполне целая и невредимая. Просто теперь на коре дерева темнел отпечаток моей ладони.

– Теперь клятва принята. Договор скреплен. Иди.

Я кивком попрощалась с яблоней и выползла из сада, попутно освободив стражников от заклинания. Все тело гудело, зубы ныли, колени дрожали. Если я где-нибудь не отдохну, то придется отдыхать прямо в луже. На мое счастье, по дороге попалась корчма. «Яблоня и корона», – прочла я вывеску. Для меня – в самый раз. Я заползла внутрь, даже не оглядевшись, свалилась за столик и потребовала еды и чего-нибудь запить. Только не алкоголя. Сейчас меня свалил бы с ног даже тоник. Заказ прибыл, я расплатилась и уткнулась в поднос с блюдами.

Глава 6

Сказать честно, такой едой только врагов кормить. Что не переварено, то пережарено, а остальное просто свински пересолено. Нельзя было пересолить только воду, но трактирщик и тут постарался – она зверски воняла сероводородом, словно гоголь-моголь из тухлых яиц. Интересно, из какого болота ее взяли? Гадость. Я зажала нос и выпила. Стало легче. О кишечных инфекциях потом подумаю. Есть *это* я не могла, но и черт с ним. Давно собираюсь сесть на диету. Лучше подвести итоги. Итак, что мы имеем? Кучу проблем на свою голову. Это однозначно, но уже привычно. Любой, кто преподает в институте, меня поймет. Студенты – это те же школьники, только страсть к проказам у них сильнее, а мозг изобретательнее. Приходится быть все время начеку. Но это лирика, вернемся к реальности. Имеется конкретный царевич Вышак, простите, Вышеслав, которому нужно добраться до жар-птицы. А я должна ему помогать. Вопрос – как? Можно либо ехать с ним, либо следить за ним. Но я не Джеймс Бонд. Если я попытаюсь следить за ним, он меня мгновенно расколлет. А потом и рыло начистит. И будет прав. А если ехать с ним – что тогда? Как ехать? Как биолог, я допускаю все, даже то, что у царевича появятся вполне нормальные в такой обстановке желания. Вдвоем с красивой (а также самой обаятельной, привлекательной и скромной) женщиной, на природе, в романтической обстановке... Хорошо, если это не так, а если появятся? Я смогу его не искалечить, но все дружелюбие пропадет безвозвратно. Можно и уступить, рассудив по-человечески: чего Ники не знает, то ему и не повредит, но ведь есть еще и Олечка, чтоб ей каждый день так обедать, как мне сейчас. Сто пудов, что она своего не упустит. И настучит моему мужу. А он мне устроит скандал. Или даже развод. И потом, мне-то никто, кроме него, не нужен! Никакой царевич! Вот такая проблема.

Служанка поставила на стол кубок с вином. Я подняла брови и посмотрела на нее.

– Это что еще такое?

– Это угощение от хозяина. Это всем, кто не заказывает вино, – объяснила девушка и тут же слиняла.

Молодец мужик. Я бы наливала в эти кубки крепкую самогонку, чтобы потом еще захотелось. Или чтобы человек немного утратил контроль над собой. Ввязался в спор, в игру или просто перестал следить за своим кошельком. Я понюхала содержимое стакана. Пахло, кстати, приятно. Я осторожно отпила. Хм, вкусно. Я сделала глоток. Еще один. И выпила бокал до дна. По-моему, отлично. Уж всяко лучше той кислятины, которую у нас часто выдают за марочное вино. Я обвела взглядом трактир. Милое место, такое симпатичное средневековое. Жаль, фотоаппарата нет. Но ничего не поделаешь. Это закон. Вся сложная техника при переходе из одного мира в другой разлагается на фиг. И публика соответствующая. Дверь открылась. Я перевела глаза к входу и выругалась. На пороге стояла Орланда ан-Криталь, вода ей сероводородом. Она меня тоже мигом заметила, кивнула в сторону двери, мол, жду тебя там, и вышла. Я подумала и осталась сидеть. Я, между прочим, устала. Орланда появилась примерно через десять минут, очень недовольная. Я подмигнула ей и кивнула на грубый табурет за своим столом. Надутая Орланда присела рядом. Молчание меня не тяготило, так что первой заговорила она:

– Ты меня удивила. Я наде... думала, что тебя убьют в первый же день, а ты уже здесь.

– Вы, – поправила я ее. – Мы с вами на брудершафт не пили, да и не станем.

Тему подставленной мне игуаны и ее мудрых советов я обошла стороной. Всякому овощу свое время.

– Зато ты кое-чего другого выпила, – ухмыльнулась Орланда, кивая на бокал из-под вина.

– Вы из общества трезвенников? Или, судя по цвету лица, язвенников?

– Нет, – улыбнулась Олечка.

И чего она такая довольная, словно мне в суп высморкалась? Долго пояснений ждать не пришлось, девочка слишком упивалась своим умом.

– Я подсыпала тебе в вино настойку сеаваррила.

- А по-русски? – уточнила я. – Это что – слабительное?

- Почти, – довольно согласилась Олечка. – Стоит тебе выйти под солнце, и ты превратишься в волка. И будешь волком, прости, волчицей, пока не покинешь этот мир. Ты счастлива?

Я рассмеялась. Не знаю, на что она рассчитывала, но смеха она не ждала. Вытаращила глаза и открыла рот. Я уточнила:

- Скажите, а речь у меня сохранится?

- Да, и даже магические способности, только облик будет волчий, если ты, конечно, не... нет, этого я тебе не скажу.

- Ну и не надо, – рассмеялась я. – Олечка, мы на брудершафт пить не будем, но я обещаю, я попытаюсь удержать своего мужа от сдирания с вас шкуры. Вы сейчас решили мне огромную проблему.

И это была истинная правда. При наивной вере в чудеса у здешних обитателей я просто смогу явиться к царевичу в виде говорящего волка, и никаких проблем с общением не возникнет. Хотя и проблем появится до фига. А что у нас на улице? Ночь. Это хорошо. Я бросила на стол деньги и кивнула Орланде:

- Желаю вам такой же успешности в изведении меня и дальше.

Оставила ошалевшую Орланду в трактире и смоталась. Мне требовалось сделать кое-что ужасно важное. В волка я превращусь, как только встанет солнце. До этого времени надо выбраться из города и спрятать свои вещи. Я буду странно выглядеть в волчьей шкуре и при мече. Я промчалась к крепостной стене, слевитировала и приземлилась в кучу грязи. Гадство какое. Но что нам грязь, где наша не пропадала. В смысле – носом не пропахивала. На каток ходила, лыжами увлекалась, акробатикой занималась плюс еще бальные танцы и бассейн. И все по разным городам. Да, если бы эта Орланда была чуть-чуть поумнее, она бы мне ничего не сказала про зелье. Классно бы я тогда выглядела волчицей, но в брюках и куртке из «кожи молодого дермантина». А так я сейчас разденусь, все спрячу поглубже, а голой-то в лесу холодно... Интересно, а это не розыгрыш? А то я сейчас тут просижу как дура в неглиже (с голой ж...) на куче листьев, а к рассвету ни в кого не превращусь? Я тогда эту Орланду на ленточки порву, моргалы выколю и в зоопарк отправлю. С табличкой: «Жаба слепая». Кусты подозрительно затрещали, и я поняла, что у Орланды есть и еще сюрпризы. Это оказались трое мужиков, по виду – типичные обезьяньи дети. А я тут без часов и трусов! Это грустно. Мне. А вот ребятам-зверьям было веселее. Они остановились, поглядели на меня и начали стратегическое обхождение. Это плохо. Если они на меня набросятся с трех сторон, хоронить будет нечего.

- Какая баба! – сообщил один.

- А вот мы ее сейчас... – решил второй. Явно озабоченный тип. Нет бы о погоде, о природе поговорить, они сразу лапать лезут.

- Чур, я первый, – решил третий.

- Эй, мужики, – влезла в разговор я, – вы кроманьонцы, австралопитеки или неандертальцы?

Ответа я ждать не стала, пусть пришлют моему мужу на мыло, а мне сейчас не до серенад под луной. Я взяла с места низкий старт и мгновенно поняла, что ошиблась. И одетой по лесу бегать грустно, а голой – хоть удавись. Я уже заполучила несколько царапин и снова влетела головой в паутину. Потом отдала чей-то хвост, судя по чешуе – змеиный. Но решила не извиняться. Некогда. За спиной топали три кабана. Я летела, как испуганная газель. Эх, мне бы ее копыта. А так я врезалась ногой в какой-то камень (убить бы того, кто эту дрянь по лесу раскладывает) и остановилась. То есть какое-то время я еще двигалась, прыгая на одной ноге, потом впечаталась лбом в дерево и остановилась окончательно. Не потому, что решила драться. Просто вокруг столько птичек летает. Надо сосчитать. И земля как-то странно шатается. Наконец в глазах прояснилось, и я с тоской поглядела на небо. А до рассвета еще сколько? Минут десять

точно. Убегать я уже не могу, город вижу, но мне до него не добраться, да и что я там буду делать в волчьей шкуре, ковриком работать? С очистителями я уже знакома, обойдусь без местного эквивалента этих садистов. Или лучше попытаться побегать дальше? Очистители еще в перспективе, а эти три гамадрила озабоченных уже лапы ко мне тянут. А грязны-то! Хоть картошку сажай!

– Вы когда руки мыли? – поинтересовалась я.

Бесполезно. Окружают, сопят, и намерения самые ясные. Что-то мне тут не нравится. Солнышко, ау, где ты, родимое?!

Солнышко не торопилось, поэтому первому же типу, который дотянулся до меня лапищей, я отвесила крепкий удар между ног. Действительно, крепкий. Похоже, что один из троих уже не мужчина. Такой генофонд пропадает! Мир Эстрид мне этого не простит. И я улучшила породу еще раз. Второго я, правда, достала не коленкой, а лодыжкой, но эффект все равно был потрясающий. Вот только с третьим я оплошала. Он перехватил мою ногу, дернул на себя, я грохнулась, сверкнув известным местом (где вы, фотографии из «Плейбоя»?!), и он тут же подмял меня под себя. Ну почему, почему, почему я все время забываю противогаз?! Запахи от мужика шли такие, что ни один освежитель воздуха не помог бы. Я активно царапалась, сдирая с мужика застарелую грязь, отбрыкивалась руками и ногами и визжала так, что пожарная машина сдохла бы от зависти. Кусаться я все-таки не решалась. Всякую гадость в рот тащить не хватало! И тут вышло долгожданное солнышко! Орланда не солгала. Я была отомщена сторицей. Неведомая сила (а точнее, тот компотик из сеа... не помню) выгнула меня, кожа начала покрываться шерстью, лицо странно вытягивалось... Мужик странно побледнел, сказал «Ой!» и грохнулся в обморок. Я решила, что за это Орланда умрет безболезненно. И встала – на четыре лапы.

Надо было искать царевича Вышака.

В тюрьме Ник весело хохотал, глядя на вытянувшееся лицо Орланды ан-Криталь. Около получаса назад волшебница пришла к нему и принесла с собой зеркало. Провела рукой, и он увидел свою жену голой в чаще леса. Он видел и погоню и драку. Если бы все сложилось по-другому, если бы кто-нибудь хоть пальцем тронул Вэл, он бы Орланде шею свернул. Но сейчас он не мог даже руки поднять. Смех просто свернул его в дугу. Серая волчица в чаще встряхнулась, почесала лапой за ухом и притаилась в траве.

– Довольно! – Орланда с размаху швырнула чашу об стену. Ника окатило брызгами холодной воды, но ему бы сейчас не помог и Ниагарский водопад. Он беспомощно хохотал, даже не вытирая слез. – Не смей смеяться!!! – Разъяренная волшебница наколдовала несколько литров ледяной воды и хотела обрушить их на Ника, но куда там! Колдовать, когда ты в ярости, просто опасно. Вот и у Орланды вместо ледяной воды получились духи. Ник перестал смеяться. Куда там смеяться – глаза резало.

– «Шанель номер пять», – определил он. – Вэл они тоже нравятся.

Орланда зашипела от ярости и выскочила за дверь камеры. Ник опять закатился от смеха, вспоминая, как Вэл голая летела через лес.

– А мне чертовски повезло с женой! – сообщил он стенам камеры, не сомневаясь, что эти его слова рано или поздно дойдут до Орланды и еще подпортят ей настроение.

В башне пожилой маг с удовольствием наблюдал за Вэл-Тиной через зеркало, устроившись в любимом кресле. Когда к нему ворвалась Орланда, он насмешливо похлопал в ладоши.

– Дорогая, ты была великолепна! Изуродовать такой замысел! С этим не каждый справился бы!

– И ты туда же! – Орланда пулей вылетела за дверь. В зеркале серая волчица наблюдала за дорогой. Маг послал изображению воздушный поцелуй.

– Ах, какая женщина, какая женщина, мне б такую... – задумчиво пропел он.

Голоса у него просто не было, слуха тоже, так что Высшие Силы поморщились

и привычно закрыли уши в ответ на просьбу колдуна.

Я сидела в засаде у дороги. И отлично видела, как из города выехали три царевича. Симпатичные. Я даже сопровождала их до первой же развилки. Дорога разделялась на три части, и парни решили бросить монетку. Я наострила уши. Как хорошо, что волки слышат лучше людей. Обязательно при встрече поблагодарю мою соперницу. Говорили трое.

– Так, бросаем монетку, – сказал чернявый и самый старший на вид. – У кого решка, тот направо едет, остальные еще бросать будут.

Монетка взлетела в небо, чернявый поймал ее и прищурился.

– Герб.

Монетка перешла ко второму типу. Тоже темноволосый, но чуть помоложе. Чем-то они были очень похожи. Выпученные темные глаза, низкие лбы, безвольные подбородки, полоска усиков над верхней губой а-ля Людовик Четырнадцатый. Мне они не понравились. Однозначно.

– Герб, – подбросил монетку второй и протянул третьему всаднику. – Что, Славка, твоя очередь?

Славка, он же, вероятно, Вышеслав, подбросил монетку вверх. Я прищурилась. Телекинезом я начала овладевать с самого первого дня в другом мире. И удержать монетку нужной стороной в воздухе было несложно. Хорошо, что только монетку. С чем-то посерьезнее я пока не справлюсь.

– Решка, – доложил царевич.

Старший брат хлопнул его по плечу.

– Катись, Вышеслав, а мы пока тут монетку бросим.

Вышеслав послушно прищипил коня. Я осталась на месте. Хотелось посмотреть, кто куда поедет. Но стоило Вышеславу скрыться из вида, как братья переглянулись, старший засунул монетку в кошелек и они направились по одной дороге. Я очень сомневалась, что они куда-нибудь доберутся кроме трактира. Но это не мои проблемы. Я развернулась и помчалась за Вышеславом. Нет, ну как хорошо, а? Не тело – сказка! Быстрое, сильное, зубы такие, что иные львы от зависти удавятся, слух и зрение волчьих, желудок железный, гвозди есть можно, одежды не нужно... Теперь я понимала, почему очистители так ополчились на оборотней. Завидуют, гады!

Вышеслава я догнала быстро, некоторое время бежала в стороне от дороги, приглядываясь. Надо было знакомиться. Я еще раз посмотрела на его снаряжение. Лук и стрелы, к сожалению, есть. И если я заговорю из кустов, то получу стрелу в какое-нибудь чувствительное место. И даже осудить парня не смогу. Лично я на его месте сперва добежала бы до дома, закрылась на все замки, а потом начала думать. Придется рисковать. Я обогнала царевича, промчалась по дороге и нашла то, что искала, – здоровое дерево, лежащее на виду у проезжих и прохожих. Немного покопалась и просунула под него лапы. В случае чего вытащу за минуту, но со стороны видно, что лапы мне придавило намертво. Готовься, Тина, твой выход. Я откашлялась и попробовала поговорить. Получилось неплохо. Этаким басом.

Вышеслав появился через пятнадцать минут. И увидел лирическую картину – аз есмь с лапами под деревом. И захотел разжиться ковриком у кровати. Достал лук, достал стрелу. Я не стала дожидаться, пока он его натянет (выстрелит еще с дурна ума), и заговорила:

– Не убивай меня, добрый молодец, я тебе еще пригожусь!

Правильно я сделала, что не стала дожидаться, пока он лук натянет. Выпустил бы еще стрелу с перепуга, потом лечи дырку в шкуре. И так у него лук со стрелой на землю упали. Вместе с челюстью. Я не торопилась. Пусть очухается, подберет все, отряхнет.

А то картина Репина – волк заговорил! Тут мигом начнешь прикидывать, сколько выпил! Наконец царевич оклемался, сполз с лошади и подошел ко мне.

– Это ты со мной говорил?

– Я. А ты кто думал?

– Так волки ж не разговаривают!

– Заклятье на мне. Говорить могу, а человеком обернуться не сумею.

– А за что заклятие?

– За любовь. За то, что я в любви успешнее оказалась, – сказала я чистую правду.

– Так ты волчица?

– Теперь да. Помоги мне, вытащи мои лапы, подними дерево. А я тебе отслужу, чем смогу.

– Да чем ты сможешь, – махнул рукой царевич. И взялся за дерево. Чуть-чуть приподнял, едва не обделался. Я мигом лапы выдернула.

– До смерти мне тут без тебя сидеть! Чем мне тебя благодарить?

– Да что ты можешь?

– А чего ты здесь ищешь? Кто ты таков, молодец?

– Вышеслав, царевич. Решил наш батюшка на покой уйти, а кому царство передать – не знает. Сказал, чтобы привезли мы ему жар-птицу. Кто ее привезет, тому он корону и оставит.

– Понятно. Что ж, поехали вместе. Чем смогу – помогу. Слыхала я, что у царя Хурама есть жар-птица. А добираться до того царя конным три месяца.

– Как же нам быть! Это ж год проедем!

Я почесала лапой в затылке. Как-как, в позе одного из обитателей речного дна, вот как! Лирин мне про все чудеса этого мира рассказала и про жар-птицу не забыла, только вот время! Не могу я здесь три месяца штаны протирать, а то и больше! Эх, была бы я эльфом, *ворота* бы открыла. Хотя... кое-что и я смогу! Поболтать с ветром любой маг сумеет. Что для конного три месяца пути, то для ветра считанные часы. Ежели договорюсь с ветром, он нас куда скажу, отнесет! Только вот...

– Вышеслав-царевич, есть у тебя где коня оставить? Чтобы в плохие руки не попал?

– Где ж я его оставлю?

– А нам без него придется ехать! Подумай пока, а я с ветром поговорю.

Карту Лирин я помнила. Царство Хурама на север отсюда. Значит, звать надо северный ветер. Как там у нас заклинание начиналось?

Frenni frenni nerri renniKatte gatte zeddi dzenniLerre lette ewwe werneFrancenallo laddeterne.Северный ветер, дыхание бури,Злые холодные вихри задули,Выслушай, ветер, просьбу мою.Кровью своей я залог отдаю!

Без крови тут никак, пришлось чуть рвануть переднюю лапу зубами, чтобы упало несколько капель. Хотя до земли они не долетели. Уже в воздухе они становились полупрозрачными и растворялись на лету. Стало внезапно холодно, а воздушные потоки приняли вид огромного полупрозрачного лица, изрезанного морщинами.

– Что тебе нужно, вызвавшая? – сложилось в завываниях.

– Отнеси нас в царство Хурама! – крикнула я.

- Хорошо.

- Садись скорее на меня, - рывкнула я на царевича.

- На тебя? Но я...

- Заткнись и садись! - вежливо предложила я. - Ветер ждать не станет!

Этот аргумент царевич понял. И мгновенно уселся мне на спину. Ох и тяжелый, зараза! Но жаловаться тут некому, сама напросилась. Можно и потерпеть. Северный ветер подхватил нас и помчал метрах в пяти над землей. Царевич вцепился в мой загривок так, что чуть шкуру не снял. Я бы и сама в кого-нибудь вцепилась, но никого под зубами не было. Не прошло и шести часов, как мы, замерзшие и уставшие, опустились на поляну в лесу.

- Царство Хурама, пять часов до столицы, - проревел ветер. И исчез.

Я попыталась повернуть голову и рывкнула на царевича:

- Отцепись и слезь! Думаешь, ты такой легкий?!

Он так не думал, потому что отцепился и буквально сполз на траву.

- Кошмар!

- Нет бы поблагодарить. Ладно, полежишь минут пять и вставай. Нам надо до столицы добраться до темноты. А там посмотрим.

Так мы и поступили. И прибыли на место через пять с половиной часов. Столица - это было так, просто название. Вот у Славкиного папочки все четко. Стены, ворота, стража... А тут! Через такую стену только ленивый не перелезет. Ворот и стражи я не видела, да и не больно хотелось. Я усадила царевича на кучу листьев и встряхнулась.

- Сиди здесь. Ясно?

- Ясно.

А сама полезла через стену. И хоть я волк, а не кот или обезьяна, но волк с человеческим разумом. И могу многое из того, что обычным санитарам леса недоступно. Перелезла, прыгнула, ссутулилась и побрела по улицам. На вид - собака собачья. Побитая и потрепанная жизнью. До дворца Хурама добралась через час. Ясно, на что здешний правитель свои доходы тратит, во дворец фиг пролезешь! Ну да мы лезть не будем, мы так, по мелочи, пробежим вокруг, понюхаем, где что стоит, где подземный ход, где просто кухонная дверь. Кстати, и перекусить не мешает. Смеркалось, так что меня почти не было видно. Я сливалась с темнотой. Обежать вокруг дворца оказалось несложно. Пару раз туда-сюда, мигом разобралась, где что находится. Запахи прекрасно рисовали мне картину окружающего мира. Вот здесь тайный подземный ход, тут за стеной два стражника болтают, здесь казарма, там кухня, а еще там готовят что-то такое вкусное... Какая, блин, жар-птица, если я сейчас до нее доберусь, то просто сожру! Мне бы не местного павлина, а пару куриц на тарелочке. Ну что, попробуем пробраться внутрь? Я подошла к тому месту, куда выходил потайной лаз. Замаскировано было здорово: камни, кусты, красота, одним словом. Но маскировка годилась только для людей. Волчье чутье не обманешь. Я еще раз поблагодарила Орланду ан-Криталь за подарок и принялась разгребать землю на крышке люка. Справилась быстро. Потом ухватила зубами за железное кольцо в его крышке и потянула. Сюда бы Вышеслава с его-то медвежьей силой! Хотя нет! К медвежьей силе прилагается еще и чисто медвежья дурость. А мне сейчас надо сделать все тихо и незаметно. Я едва челюсти в железе не оставила, но люк своротила. И нырнула в потайной лаз. Пришлось потратить еще немного времени, чтобы вернуть крышку на место. Я очень надеялась, что в ближайшие часы восемь меня никто не обнаружит, а там пусть маскируют все по новой.

Я медленно пошла по узкому проходу. Человек бы здесь согнулся втрое, но мне было в самый раз. На противоположном конце хода, как и положено, находилась крепкая деревянная дверь, запертая на засов. А это для нас уже не проблема, если только засов не заговорен. Вот очистители пользовались заговоренным. Даром Лефрозль, что ли,

выбраться не мог? А тут я просто пошевелила когтями на лапе, и засов с той стороны двери медленно вышел из пазов. И опустился на пол без всякого грохота. Телекинез называется. Какая красота. Теперь вперед? Или за царевичем сбегать? Нет, лучше все проверить самой. Мне тут только русских сказок не хватало. Еще потом что-нибудь доставать придется, а времени-то нет! Уже пятнадцатый день подходит, а мне еще столько сделать надо! Вперед, Тина! И я почала по коридору, тщательно принюхиваясь, анализируя картину из звуков и запахов и одновременно благодаря дурочку Орланду за то, что послала мне волчье тело. Если она хотела мне напасть, то очень кстати. С такими врагами и друзей не нужно. Человеком я тут бы уже попалась раза три. А так я медленно шла по коридору, заранее прячась от людей за занавесками или просто притворяясь ковриком. Одним словом, спасибо, Олечка! Пока что о птичке не было ни слова, но наконец я кое-что полезное услышала.

– ...отнес?

– А то! Жрет, зараза, за троих гусей! А ты только таскай, да помет убирай! Срет-то она тоже за троих!

– Зато красивая!

– Да чего в ней такого?! Перья светятся – и все! А так курица курицей.

– Никакого у тебя художественного вкуса!

– У тебя его много! Пойду-ка я лучше спать, а то завтра с утра снова комнату чистить! Царь-то желает птичку показать какому-то послу.

– Да, нехорошо, если посол в помет влезет!

– Ага. Ладно, всех снов тебе.

– И тебе.

Спорщики разошлись. Я подумала и пошла за тем, что говорил о жар-птице. Обсуждали точно ее, а определить, кто и что сказал, труда не составило. Тот, кто убирал за птицей, ею и пах. Характерный такой запах, типа куриного помета. Я его в этом мире уже нанюхалась.

Мужик дошел до какой-то комнаты и хлопнул за собой дверь. Я подождала немного за углом, пока не услышала храп, а потом приблизилась и принюхалась. Отлично! Мужчина там явно один. И спит. Будем допрашивать. Я нажала лапой на дверь и скользнула внутрь. Мужик действительно спал. Я остановилась в трех шагах от кровати и позвала:

– Дружище, ау-у?!

Мужик дернулся, как от удара, подскочил и вытаращился на меня. Сон плавал в его глазах, но еще три секунды – и он заорет дурниной. Уже медленно открывался рот с остатками зубов, когда я начала действовать.

– Не ори, а то проснешься! – приказала я.

Рот сам собой захлопнулся.

– А разве я сплю?

Я широко улыбнулась.

– А ты что, говорящих собак где-то видел?

– Не видел...

Это прозвучало достаточно заторможенно, и я подбавила жару:

– Ты просто птичьего помета нанюхался, вот я тебе и снюсь.

– А что, может быть, – согласился мужик.

- Ты же у нее сегодня убирал? У жар-птицы?
- Убирал. Три раза! Красивая, а такие кучи наваливает... - пожаловался бедолага.
- А где она находится? По коридору налево? - поинтересовалась я.
- А зачем тебе? - удивился мужик.
- Ну, я же тебе снюсь, а значит, должна о чем-то поговорить?

Усыпить его я могла в любой момент, это несложно, но мне надо было не усыпить, а получить важную информацию. А это посложнее будет. Гипнозом-то я пока владела не очень. Далеко мне до Кашпировского или Ельцина. Те-то всей стране мозги морочили!

- А давай выпьем? - предложил мужик.
- Наливай! - предложила я.
- Вот те на! - удивился уборщик. - Так ты и водку пьешь?
- Так я же тебе снюсь! А значит, могу и водки выпить!

Пить водку я не собиралась, но разговорить пьяного будет проще.

- Сейчас разолью, - решил парень. - Первый раз вижу, чтобы собака водку пить соглашалась!
- Ты и говорящих собак не видел, - напомнила я. - После этой пернатой заразы чего только не приснится! Скажи спасибо, что с тобой стены пока не разговаривают!
- Спасибо. А они могут?
- Могут. А хочешь - пойдем к жар-птице и у нее выпьем?
- Не хочу. Да и далеко идти!
- Правда? А куда?

- По коридору налево, потом до конца, в синюю дверь, свернуть направо и через три комнаты как раз она и будет, - ответил слуга. - Только там заперто, а ключ у самого царя-батюшки!

Все! Больше мне ничего для счастья не надо... на ближайшие три минуты. С ключом разберемся на месте. Я пристально поглядела ему в глаза:

- Спи! Твои веки тяжелеют, ты не можешь сопротивляться моему голосу, ты должен спать, спать, спать...
- Так я же уже... хр-хр-хр...

Я перевела дух. Отлично! Как он там сказал - по коридору налево? Впере-е-е-ед!!!

Не прошло и пятнадцати минут, как я была у комнаты с птицей. Дверь, естественно, оказалась заперта. Да не на засов, а на здоровенный висячий замок. Таким только волков оглушивать. Вот как его теперь открывать прикажете? Откусить, что ли?! Грызть железо не хотелось. Я пристально смотрела на допотопный агрегат. Механизм я понимала, открыла бы этот замок простой шпилькой, имейся она у меня с собой! Но у меня не было ни шпильки, ни рук. Хотя...

Я опять рванула свою многострадальную лапу зубами. Выкатилась капелька крови. Я поднесла лапу к замку, и капелька нырнула в отверстие для ключа. Теперь требовалось сосредоточиться. Я зажмурилась и представила, что вместо капельки крови у меня в руках тоненькая иголка. Я аккуратно согнула воображаемую иглу, потом повернула ее в замке, один раз, второй, теперь в другую сторону, надо нащупать механизм... есть! Голова просто раскалывалась от боли, когда я повернула воображаемую иглу в замке, и тяжеленная дура, не меньше шестисот граммов

металла, рухнула прямо мне на левую лапу.

– Ау-у-у-у!!! – тихо, но эмоционально выразилась я. Очень хотелось еще добавить, но не стоило шуметь. По крайней мере, замок упал на мою лапу, а не на пол. Так что шума не было. А мое вытье можно принять за обычный сквозняк. Или за вытье собаки во дворе. Да мало ли! Я подхватила чертову железку за дужку, открыла лапой дверь и скользнула в комнату. И сразу поняла, что попала куда нужно. Комната представляла собой гигантскую оранжерею. Она была просто уставлена всевозможными растениями в кадках, со стеклянного потолка свисали кашпо с цветами, а в одном из них сидела искомая жар-птица. Вот скажу честно – никакого впечатления она на меня не произвела.

Обычный фосфоресцирующий павлин. Кажется, еще и с кривыми лапами. А вот как его достать – это вопрос. Я мудрить не стала. Подпрыгнула в воздух и в прыжке цапнула птичку за длинный пышный хвост. Та заорала и навалила кучу прямо мне на лапы. Мерзость какая. От запаха меня замутило, но я не сдавалась. Мне нужно было удержать эту тварюгу. М-да, картина оказалась та еще. Я в виде волка стою в луже жидкого птичьего помета и, крепко зажмурившись, держу за хвост одно из самых красивых созданий в этом мире. Если бы еще характер этого павлина соответствовал его красоте! Эта милая птичка уже раза два попыталась клюнуть меня в ухо. Ну и попала, конечно! А у волков ушки чувствительные. Мне очень захотелось перехватить птицу за шею и покрепче сжать зубы. Кстати, эта пташка не только клевала меня и гадила. Она вдобавок орала, как испорченный граммофон. Какое-то мерзкое шипение, бульканье и сипение. Еще десять минут – и сюда сбежится весь дворец. И вряд ли они будут довольны увиденным. Надо бежать. Я огляделась вокруг. На одном крючке вместо кашпо висела симпатичная золотая клетка. Взять ее, что ли? Упихать в нее павлина и удрать. Хотя нет! Как я буду ее брать? Рот-то занят птицей! А волчьи лапы просто не приспособлены для снятия всяких нужных вещей с крючка. Пока я размышляла, тварь изловчилась и еще раз преобольно клюнула меня в ухо. Это решило дело. Я открыла верещащей птицей дверь и помчалась по своим следам обратно к потайному ходу. Птица орала не переставая. Вот зараза! Теперь мне уже не удалось притвориться ковриком, и я пробежала мимо остолбеневшей служанки. Усыпить ее тоже не получилось – для этого нужны слова, а попробуй поговори с павлиньим хвостом во рту. Пришлось ускориться.

И вовремя. Через три минуты во дворце начался настоящий переполох. Визг, крики, шум, гам. Такое ощущение, что первоклассники ловят сбежавшего из коробочки африканского таракана. Почему именно первоклассники? Потому что в их действиях не было никакой системы. Я бы себя ловила совсем по-другому. На повороте мне встретился толстый стражник.

– Стой!!! – завопил он. – Жучка, Шарик, Бобик!!! Брось птицу!

Очень хотелось ему ответить, кто из нас шарик, а кто бобик, но пришлось смолчать. Главным сейчас было не отпустить тварь. Тем более что вцепилась я в птицу очень удачно, у самого основания роскошного хвоста. Парой перьев она, может, и пожертвовала бы, но не всем хвостом сразу. А я ее ни за что не выпущу!

Стражник бросил копье и растопырился, загородив толстым задом проход. Я хотела остановиться, а потом пойти на прорыв с демонстрацией зубов и когтей, но не смогла этого сделать. Чертова птица изгваздала мне своим пометом все передние лапы, я попыталась затормозить, но проскользила так, что только когти скрежетнули, и врезалась прямо в живот стражнику. В самый последний момент я успела извернуться и влететь в него не истошно орущей птицей, а задними лапами. Мы упали и покатались брэнчащей кучкой по полу. Естественно, первой затормозила я. Волчья реакция гораздо лучше человеческой. Птица наконец замолчала, я что было сил оттолкнулась когтями от кольчуги и прыгнула в сторону, выровнялась и понеслась по коридору. Птица, похоже, смирилась со своей безвременной смертью и обвисла у меня в зубах. Вот и чудненько, вот и ладненько. И так проблем хватало. Мои уши улавливали грохот облавы за спиной. Бряцали доспехами стражники, переговаривались слуги, кто-то визжал слева от меня, короче, весело было всем. Я мчалась к двери потайного хода. Еще два поворота, один поворот... И я влетела в родную темноту. Три секунды ушло на то, чтобы поставить на место засов. Телекинезом я могла пользоваться даже с птицей в зубах. И помчалась по коридору что было сил. Следовало как можно скорее добраться до Вышеслава, передать ему птичку, вызвать ветер, на этот раз – южный, и драпать из королевства так, словно у нас земля под ногами горит. Кстати, это тоже возможно. Мы сперли здешнее

национальное достояние, так что судить нас не будут. На месте головы оторвут. А Вышеслав ведь царский сын. Если все это кончится войной, никогда себе не прощу. Я осторожно высунула голову на поверхность и осмотрелась. Отлично. На улице была глубокая ночь, темень такая, что хоть глаз выколи, на небе тучи (последствия вызова северного ветра), народ сидит по домам – что мне и надо! И птичка очень кстати. Сейчас она не орет, зато светится, как лампочка Ильича. Я могу видеть в темноте и как ведьма и как волк, но зачем же отказываться от фонаря? Я мчалась по улицам так, что ветер за ушами свистел. В ушах он свистеть просто не успевал. Помедлив у самой крепостной стены, я взлетела на какой-то сарай, оттуда перепрыгнула на крышу соседнего дома, а потом, тщательно примерившись и помогая себе телекинезом, – на городскую стену. Три метра в ширину, два в высоту. На несколько секунд у меня сердце провалилось в пятки, но я все-таки удержалась. Спрыгнуть со стены для меня уже труда не составило. И я помчалась по лесу к Вышеславу.

Глава 7

Ох, хвала Высшим Силам, Богу, Аллаху, Будде и кто там еще есть из этой компании! Вышеслав сидел и ждал меня на том же месте, мне и искать его не пришлось! Он даже костерок развел. А зря. Кто же так вскакивает? Когда я с птицей в зубах вылетела на поляну, Вышеслав подпрыгнул на метр в высоту, споткнулся об кучу хвороста и едва не загремел носом в костер.

– Фефок фафай фуфефь!!! – рявкнула я сквозь зубы. – Ффофей!!!

– Ась?

Ну, я бы тоже себя не поняла (попробуйте поговорить с птичьим хвостом во рту), но мог бы и догадаться, если не совсем дурак! Я молча показала лапой на мешок с едой, лежащий возле костра. Вышеслав понятиливо протянул мне выхваченную из него колбасу.

– Ты проголодалась?

Больше всего мне хотелось сожрать этого венценосного идиота. Или хотя бы птицу, чтобы он на трон не попал. Но волшебная палочка мне еще была нужна. Поэтому я сдержалась и показала лапой на птицу и на мешок.

– Она голодная?! – осенило царевича. – Сейчас покормлю!

Мы с птицей одинаково возвели глаза к небу. От злости телекинез получился немного более интенсивным. Продукты просто вылетели из мешка в разные стороны, а мешок завис прямо перед моим носом в воздухе.

– А, так ты птицу хотела туда положить? – дошло до жирафа, простите, царевича. – Так бы сразу и сказала!

Ох, как бы я ему сказала! Но я была занята. Запихивала птицу в мешок и затягивала узлы на горловине, чтобы тварь не выбралась. Потом отдышалась, попутно сосчитала до ста, как с особо тупыми студентами, задающими особо гениальные вопросы (объясните, Валентина Алексеевна, почему кальмары не живут в реках средней полосы России), и наконец разжала челюсти.

– Так, костер гасить, продукты по карманам, мешок в руки. Сейчас вызову южный ветер и помчимся отсюда со всей возможной скоростью. Ясно?

– Д-да? А почему до утра подождать нельзя?

– В ментовку загремим.

Вышеслав кивнул, словно что-то понял, и начал рассовывать продукты по карманам. Все, за исключением той самой колбасы. Я проглатывала, почти не разжевывая. Все, теперь можно и колдовать.

Alle, Walle, digittalis, Rezus, rez funzionalis Elle, velle wwodowlaz, Выноси отсюда нас!

Опять пришлось пройтись зубами по моей несчастной лапе. Чует мое сердце – шрам останется. А, ладно, покажу мужу. Он меня на руках носить будет за все мои страдания. Я ведь его спасаю! Капли крови медленно выцветали в воздухе. Вышеслав одним прыжком оказался у меня на холке.

– Эх, выноси, залетная!

– Сам ты.... – огрызнулась я. Прыгает, как Тарзан, прямо на холку, а я вам не слон. В нем же не меньше ста кило! Тяжелый, паразит! И потом, что значит – залетная?! Эт-то еще что за намеки?!

Южный ветер покорно подхватил нас и понес обратно, чтобы спустя восемь часов выкинуть нас в пределах видимости столицы, злых, голодных и вымотанных. Зато с добычей. А это с лихвой перекрывало все наши неудобства.

– Ложись-ка ты спать, – посоветовала я Вышеславу. – А я пока за своей одеждой сбегаяю.

– За какой одеждой?

– За той самой. Думаешь, когда я была человеком, то ходила только в своей шкуре?

Вышеслав послушно свернулся под кустиком, обнял мешок с драгоценной птицей и захрапел, как фисгармония. А я вытащила у него из кармана кусок хлеба, проглотила, почти не разжевывая, и помчалась к тому месту, где спрятала свои вещи. Я собиралась войти вместе с Вышеславом в город и сразу же явиться к дереву Эстрид. А что, все выполнено! Птичку добыли, пусть теперь что хотят, то с ней и делают, хоть бульон сварят! А мне, пожалуйста, веточку от яблони, и я попрошу Лирина, чтобы она меня вытащила из этого мира. У меня все меньше времени оставалось до встречи с верховным колдуном, и еще ни одного весомого аргумента не было. Волшебная палочка не готова, медальон не сделан, яблочко и то не съела. Но пока я шла по графику. В среднем по три дня на добычу каждого «аргумента» – и еще примерно неделя останется на всякие приятные мелочи. Может, что еще придумаю для большего взаимопонимания с верховным колдуном? Интересно, можно ли в нашем мире купить ядерную боеголовку?

Лапы уверенно несли меня по лесу. Вот и место, где я спрятала свои вещи. Все в наличии. Одежда, связанная в компактный узел, и родной рюкзак. Я закинула их на спину и отправилась обратно. Вся пробежка заняла около трех часов, но даже этого времени было слишком много! Вышеслава я нашла там же, где и оставила, только с небольшим дополнением в виде копы в груди. Он полуприслонился к дереву, закрывая телом мешок с птицей, а перед ним стояли два неприятных типа. Те самые его братья! Вот блин! С такими родственниками и врагов не надо! Обстановку я оценила сразу. Эти два паразита просто ждали, пока Вышеслав не помрет сам от потери крови. А они тогда заберут все, что им нужно, без труда и без увечий. Точнее, уже не без увечий. Ну ни на минуту нельзя парня одного оставить, обязательно во что-нибудь вляпается! Ладно, сейчас разберемся с любящей родней, а потом вправлю мозги этому олуху. Я отшвырнула вещи в кусты и, не сбавляя скорости, бросилась вперед. Подсекла одного братца головой под колени, одновременно сбивая лапой другого. Они были сильны, но совсем не ждали моего нападения, да и приближалась я бесшумно. Ох, я их сейчас! На мой немилосердный взгляд, предательство было самым страшным из всех грехов, а караться оно должно только одним – неотвратимой, но очень медленной смертью. Это я и собиралась проделать с братьями Вышеслава. Теперь силы позволяли. Спасибо Олечке за наше счастливое детство! Я тихонько зарычала и начала обходить их слева. Но эти паразиты решили не принимать бой!

– Бежим! – заорал один из них, тот, что постарше. – Бешеная собака!

– Сам ты собака!!! – заорала я. – А я волк!

Картина Репина «Не пили?». Да нет, вроде не пили. А собака разговаривает? Я оскалилась, как голодная акула.

– Я вас сейчас на части порву, козлы позорные, сявки блохастые...

Больше ничего не потребовалось. Братцы с такой скоростью рванулись наутек, что я бы их точно не догнала. Да и не до них.

– Вышеслав, постарайся осторожно лечь на землю, я тебя не опущу!

М-да, одного взгляда на царевича мне хватило за глаза. При здешнем уровне медицины – он просто не выживет. Пробито легкое, да еще как пробито – рядом с сердцем. С такой раной даже на ногах не стоят. А Вышеслав еще и сражаться пытался. Я его даже немного зауважала. Может, ума у него особо и нет, но для правителя ум необязателен. Это я по своему опыту знаю. По историческому опыту родной страны. Главное для правителя – это способность стоять на своем и за свое имущество до конца. А это у Вышеслава есть. Права была яблонька, ой права!

– Я умираю? – уточнил царевич.

Я была уверена, что стоит мне только выдернуть копьё – и все. Вышеслав получит ответ на свой умный вопрос у местного бога.

- Не знаю. Наверное, да.

- Скажи, ты сможешь отнести птицу назад? Чтобы она не досталась никому из них? Они подлые предатели...

Каждое слово давалось Вышеславу все труднее. «Предатели» так вообще вышли пополам с кровью.

- Мой бедный друг, - вздохнула я. И тут же осеклась. Тина, да что ты стоишь, как пенёк на полянке?! Если Вышеслав умрет, тебе веточки с дерева век не получить! А ты прощаться вздумала! Жаль, его опасно передвигать. Эльфы бы его вмиг живой водой на ноги поставили! А я дура! Не догадалась... Не догадалась? Я-то и правда не подумала, но Лефроэль! Я набросилась на свою сумку, нещадно расшвыривая вещи по поляне. Вот и аптечка. Только совсем не та, с которой я вышла из своего мира. Когда Лефроэль увидел мои лекарственные средства: пластырь, бинт, йод, стрептоцид, активированный уголь, ему просто стало плохо.

- И этим вы лечитесь?! Да как вы еще живы-то?!

Короче, эльф собрал мою аптечку заново. Но теперь в ней были четыре маленьких пузырька - и все. Он мне показывал этикетки. В белом - живая вода, в черном - мертвая, в синем - универсальное противоядие, а в красном - такое же универсальное средство против болезней. Хоть против гриппа, хоть против чумы. Три капли на человека - и бегаешь как новенький.

- Вышеслав, ты должен мне довериться, - приказала я. - Сейчас я выдерну копьё, и ты потеряешь сознание. А очнешься уже полностью здоровым. Ясно?

В глазах царевича отрешенность сменялась безумной надеждой.

- Э...о прав...а? - выдавил он вместе с кровью.

- Клянусь, - сказала я.

- Я помогу.

Царевич кое-как приподнялся. Непослушные пальцы обхватили копьё.

- Сейчас. - Голос был похож на стон, но пальцы уверенно дернули копьё из груди. Хлынула ярко-алая, просто невероятно алая кровь. Вышеслав откинулся назад. И я поняла - умер. Ну и пусть. Сейчас мы это исправим. Сложно держать флакончик в зубах, но я справилась. Три капли из склянки черного стекла упали на рану. Это происходило на самом деле - и это было чудо! Не хуже божественного.

Три капли мертвой воды творили в ране невероятное. На моих глазах кровь темнела, сворачивалась, пробивалась новая, нежно-розовая кожа, соединялись разорванные ткани... Куда там нашему убогому аспирину. Недаром Лефроэль был так удивлен.

- Почему вы не пользуетесь ни живой, ни мертвой водой? - спрашивал он у меня.

- У нас их нет. Только сказки остались, - пожимала плечами я.

- Но это же глупость! В каждом мире есть и живая и мертвая вода! Согласно закону Эртенсуса, там, где есть жизнь, есть и способы ее охраны и защиты!

- Может, и так, но жизнь об этом не знает.

- Это просто ужасно. Надеюсь, ты потом, когда окажешься в своем мире, изменишь это положение вещей?

Я задумалась, но потом покачала головой.

- Нет, Лефроэль, я этого не сделаю. Если в нашем мире еще есть живая и мертвая вода, пусть они останутся в неизвестности. Я слишком хорошо понимаю, что будет, если они попадут в грязные руки...

Ох ты, елки-палки! Увлечшись своими воспоминаниями, я и не заметила, как у

Вышеслава на месте раны осталась только засохшая кровь. Я попробовала отскрести ее лапой и увидела здоровую кожу. Все, действие мертвой воды завершено. Теперь – живая вода. Ровненько три капли из пузырька с белой этикеткой упали на губы Вышеслава, засияв под лучами солнца, как три алмаза. Вышеслав пошевелился и открыл глаза.

– Я уже проснулся?

– Да ты и не спал.

В глазах Вышеслава появилось странное выражение.

– Да, я не спал... Я помню, они напали... Копье пронзило мне грудь... Ты сказала...

– Да. Ты выдернул копье и на время потерял сознание. А я зашептала твою рану.

Не стоит травмировать бедного парня. Зачем ему знать, что он уже успел умереть и родиться второй раз с помощью эльфийских зелий.

– Все так странно...

– Вышеслав, очнись! – взорвалась я. – Ты жив, ты цел – и это главное! Теперь бери мешок с птицей под мышку, положи на меня наши сумки – и пошли! Мне позарез нужно в ваш город! Ты проведешь меня через ворота?

– Конечно! Я буду счастлив! Тина, а ты не хочешь остаться у нас? Погостить?

– Зачем? Ты получишь свое, а я – свое. Чтобы расколдоваться, мне нужна веточка с яблони. Да-да, с той самой яблони. Но когда я пришла к ней, она приказала помочь тебе в обмен на веточку. Что я и сделала. Теперь ты будешь царем, а я отправлюсь домой.

– Я к тебе привязался.

– За такой короткий срок?

– Ну и что? Ты мне жизнь спасла. Более того, ты помогла мне занять престол...

– Пока еще не помогла. Эй, полегче, ты с меня шкуру сдерешь!

За разговорами Вышеслав успел подняться на ноги, упихать мои вещи обратно в сумку и теперь пытался получше присобачить ее мне на спину. Но пока получалось плохо.

– Теперь лучше?

– Теперь да.

Мы очень медленно шли по дороге к городу и молчали. Даже несносная птица в мешке заткнулась.

Вышеслав очень переживал из-за своих братьев, я по морде видела, а по запаху обоняла. Так он еще в депрессию впадет.

– Не кисни, царевич. Ведь ничего им не удалось? Ты жив, птица у тебя.

– Жив. Но они же мои братья! Тина, как могут предавать самые близкие тебе люди?!

Вот на это у меня ответа не было. Как-как, да только так и предают. И обманывают, и все что хочешь. Так получается, что ты их считаешь близкими людьми, а они тебя почему-то – недалеким человеком.

– А с тобой такого не случилось?

– Со мной нет. А вот с мамой да.

– Расскажи? Все время скоротаем.

Мне было не жалко. Да и история простая, как одноклеточное. Моя мама – одна в семье. А еще у нее есть двоюродные сестры. Три штуки. Но характерами они не сошлись

с рождения. У моей мамы всегда было огромное шило в заднице. Наверное, за счет всех остальных добропорядочных родственников. Любви к приключениям у моей мамочки на троих бы хватило. И в один прекрасный день, после третьего развода, мы оказались на мели. Поехали на море, а там у нас украли большую сумму денег. Дома у мамы деньги были, вернее возможность заработать, но выбираться требовалось сейчас. И мы попросили родственников прислать денег. Ни один не откликнулся! Хотя мама обещала возратить долг сразу после приезда домой. В тот момент – в Тулу.

– Но они вам просто не помогли, – пожал плечами Вышеслав. – Это не предательство.

– Не знаю. Мама тогда на них жутко обиделась. Они до сих пор не общаются.

– А ты по родным не тоскуешь?

– А я их и не знала. Да и невелико удовольствие. Нашу ветвь вообще в семье не любят. И бабушка замуж вышла против всей родни, и маме на месте не сиделось, а теперь еще и я.

– Традиция, однако, – расхохотался царевич.

Я подумала и присоединилась. Так, за болтовней, и время и дорога летели мимо, даже не задевая нас.

Но вот и ворота. Закрытые. Интересно, почему так? День же!

– Постучим?

Вместо ответа Вышеслав грохнул ногой по воротам:

– Подонки, мерзавцы, негодяи!!! Открыть ворота немедленно!!!

В воротах распахнулось окошко, и оттуда выглянула голова стражника.

– Чего ломитесь, уроды?

– А ну открыть ворота!!! – взревел Вышеслав.

Стражник вгляделся в него пристальнее. Лицо в окошке как-то побледнело. Потом послышался подозрительный звук типа икоты, а через секунду и грохот упавшего тела. У нас просто челюсти отвисли.

– Эт-то еще что такое? – удивилась я. – Они у вас все такие слабонервные или через одного?

– Да нет, никогда так не было, – пожал плечами Вышеслав. И еще громче замолотил по воротам. Теперь уже не руками, а рукоятью топора. И не напрасно. Опять высунулась чья-то рожа. Я отошла подальше. Чесноком завоняло так, что любой вампир копыта бы отбросил.

– Чего... ой!

Из-за ворот опять послышался звук падающего тела. Я с интересом посмотрела на Вышеслава.

– Что происходит?

– Не знаю. Скажи, а ты не можешь сама открыть ворота?

– Могу.

Я напряглась. Засов осторожно задвигался в пазах. Я справилась меньше чем за минуту. Вот что значит практика! Вытащила засов и отпустила его. Он упал на что-то мягкое. Кажется, на стражника. Вышеслав толкнул калитку, и мы вошли внутрь. Стражник, на котором валялся засов, поднял голову, собираясь сказать что-то плохое о наших родственниках, – и тут же опять ушел в глубокий обморок. Но на этот раз я поняла, куда он смотрел. На Вышеслава.

- Они что - так тебя боятся?

- Не знаю. С чего бы?

Вот и я не знала. Хотя видок у Вышеслава был тот еще. Одежда вся в крови, лицо бледное, глаза злые. Но что тут такого?! Я сама иногда выгляжу и похуже. Особенно после пятой пары. Вот когда хочется плеваться, ругаться и драться! А Вышеслав-то чего?

- Может, их попробовать в чувство привести? - предложила я.

- А на фиг?

Да, лихо от меня Славка выражений нахватался. Потом еще историки-лингвисты будут выяснять происхождение слова «фиг». Засоряю я иномировую культуру, засоряю. Лирин не одобрит.

- Надо же узнать, чего они на тебя так смотрят?

- Как - так?

- Словно у тебя рога, хвост и ослиные уши отросли.

Вышеслав, балбес, принял все за чистую монету и пощупал голову.

- Да нет, не отросли.

- Значит, кальция в организме не хватает, - сделала я вывод. - Давай, приводи их в чувство!

Вышеслав послушно занялся одним из стражников. Тем, который первый нас встретил. Не прошло и двух минут, как местный секьюрити открыл глаза. Потом увидел Вышеслава и опять начал их закатывать под лоб.

- Чего смотришь?! - рыкнул Вышеслав. - Царевича не признаешь?!

- Да как не признать, признаю, - согласился стражник. - Так ведь ты умер?

Теперь умирающего лебедя изобразил уже Вышеслав. Тоже закатил глазки и собрался уйти от реальности. Этого я ему сделать не дала. Накатила лапой по уху и рявкнула:

- Очнись, придурок! С какого рожна вы все решили, что Вышеслав умер?!

Последняя фраза относилась уже к стражнику. Увы. Я как-то забыла, что в этом мире волки не разговаривают. Так что стражник опять ушел в нирвану. Зато Вышеслав вернулся в форму.

- Так я что - умер?

- Ну нет! С трупами я никаких дел не имею! Я биолог, а не патологоанатом.

- Че-го?

- Да жив ты, идиот! Живее всех живых, еще и этого кретина припадочного переживешь!

Это Вышеслав понял. А я загрустила. Что за жизнь такая пошла, что на мужиков орать приходится, чтобы до них хоть что-то дошло? Или это мне такие экземпляры попадаются? Тот же Ники, да я с ним за всю свою семейную жизнь ни разу голос не повысила. А тут ору и ору с утра до вечера. Зверею. И в буквальном смысле слова - тоже.

Вышеславу надоело церемониться, и он отвесил стражнику пару оплеух. Помогло не хуже нашатыря. Стражник открыл ясны очи и окатил нас дурным взглядом.

- С-собак-ка разг-говаривает?!

- Не разговаривает она! - рявкнул Вышеслав. - Пить меньше надо! Или хотя бы закусывать!

Оно и правильно. Не фиг этому стражнику все объяснять. Сие не есть его проблемы.

- Тогда понятно, - философски протянул стражник.

- Что - понятно?! - пошел вразнос Вышеслав. - Что тебе, тараканий сын, понятно?! Царевич домой вернулся с победой, так вы его тут обмороками встречаете?! Нажрались с утра пораньше?! Распустились?! Вот я вас всех на дальнюю границу - с печконегам воевать загоню! Там вас быстро закусывать научат, паразитов!

- Так как же не выпить, - занял стражник. - Горе-то какое!

- Какое такое горе!

- Дык вы ж умерли!

- Вот сейчас я тебе в ухо врежу - сразу поймешь, кто из нас жив, а кто умер! - вызверился Вышеслав. - Вам что, выпить без повода нельзя было?! Меня хоронить решили?!

- Ваше высочество!!! - теперь стражник взвыл по-настоящему. - Не велите казнить, велите слово молвить!

- Так давно бы молвил, недоумок! - Вышеслав немного успокоился и говорил почти мирно. - Тянешь тут кота за... хвост!

- Ваше высочество, так ждали вас троих, вас да братьев ваших! С подвигом ждали, а тут! Часа два тому назад приезжают ваши братья в город, и ведь лица на них нет! Говорят, так, мол, и так, разделились они, то есть вы и они, чтоб скорее птицу чудную добыть, договорились на развилке встретиться, да напала на вас вражья сила! Из леса разбойников набежала тьма-тьмушая! Бились вы все утро и одолели их, да только вы в бою и пали! Копьем вас кто-то пронзил! А они уж еле живые вашему батюшке новость понесли...

- Вот козлы, - процедил Вышеслав.

- Генетические выродки, жертвы аборта! - поддержала я. Я бы и еще поддержала, но тут стражник опять ушел в глубокий обморок, и Вышеслав погрозил мне кулаком.

- Ты мне так стражу до нервного тика доведешь!

- А ты их закаляй! Чего они у тебя такие все невыдержанные! Волк заговорил - и сразу в обморок! Да со мной хоть что заговорит - я на ногах устою!

- Ладно, пошли?

Вышеслав отпихнул от себя стражника и поднялся на ноги.

- Куда?

- Как куда? Во дворец! Устроим им явление меня народу?

Развлекаться я любила. Особенно так.

- Устроим!

Явление Вышеслава пред светлы очи жителей города было ошеломительным. По улице словно шел сам воскресший Христос, а не обычный парень с собакой. Хотя так и было, это я насчет воскрешения.

Но думаю, здесь культ воскресшего Вышеслава не устроят. Не тот народ.

Царевич шагал по улице. Люди сперва просто провожали его взглядами, потом до них доходило, что Вышеслав как бы умер, и они застывали на месте, а затем осознавали, что царевич действительно в драной и испачканной кровью одежде, но абсолютно здоров. Вышеслав делал вид, что не замечает изумленных взглядов, и всю болтал со мной.

- Тебе у нас понравится! Обещаю! Я знаю, остаться ты не сможешь, но ты потом приедешь погостить?

Ради конспирации рта я не открывала, но кивнула. Приеду с удовольствием. Еще и мужа сюда привезу, познакомлю с Вышеславом.

- Отлично. А я издам закон - в честь тебя. Волков в наших лесах больше убивать не будут.

Вот так и издаются законы. Так мы прошли полпути до дворца. Потом же...

- Царевич Вышеслав?

Голос принадлежал невысокой худенькой девушке, выглянувшей из окна. Мы как раз проходили мимо ее дома. Вышеслав поднял голову.

- Да, это я.

- И ты живой?

- Ты же меня видишь? Я живой, слово царевича!

- Подожди минуту, я сейчас к вам спущусь!

Лицо девушки исчезло из окна. Я с удивлением посмотрела на Вышеслава.

- Кто это?

- Моя старая знакомая. Мы в детстве вместе играли!

- Да-а? А кто она?

- Ее дядя - начальник городской стражи. Сама она сирота, так он ее сперва во дворец брал, потом перестал, когда у его жены пятый ребенок родился. Катя, она умница. Интересно, а зачем она нас остановила? Нам до дворца рукой подать.

- Может, она тебя хочет потрогать, чтобы убедиться, что ты не привидение?

Девушка вылетела из-за ворот, как ракета.

- Вышеслав, тебе грозит опасность! Тебя могут убить!

Эк удивила! Его уже сегодня угробили, едва откачала!

- Твои братья сегодня вернулись в город, они распустили слухи, что ты умер! Теперь ты появился здесь, но до дворца вам не дойти, вас перехватят и убьют!

- Ну ни фиги себе, - протянула я, совершенно забыв, что я - молчащая собака. - А ты-то откуда это знаешь, а, девочка?

Девочка оказалась крутой и в обморок не упала. Только глазами на меня сверкнула.

- Мой дядя служит вашему старшему брату. А я недавно относил ему обед. Он сейчас в карауле на улице Ратников.

Мне это ничего не говорило, но Вышеслав нахмурился.

- Хреново, Тина. Эта улица - одна из основных, ведущих к дворцу. Если они перекроют еще пару улиц, нам просто не пройти! А что они могут сделать за это время...

Что могут? Да что угодно! Отречение от престола отца Вышеслава, а то и падение с крыши дворца. Или еще проще. Сердце горя не выдержало. Как же, младший сын погиб! А если этому сердцу помогли не выдержать горя чем-то типа яда, так кто тут это разберет! Здесь же патологоанатомов не водится, а слова «химический анализ тканей» относятся скорее к матерным выражениям. И что теперь делать прикажете? Вешаться от отчаяния? Или броситься грудью на баррикады, чтобы героически погибнуть в неравном бою? Это для камикадзе и садомазохистов. А мы - нормальные люди, нам бы

и врагу холку намылить, и самим уцелеть. Что же делать? А вот что! Я хоть и не ведьма, но кое-что уже могу. Как насчет телепортации? Хотя нет. Это мне не под силу. Еще впишемся в какую-нибудь стену на молекулярном уровне. Или срастемся с кем-нибудь. Чтобы телепортироваться, надо точно знать место или видеть его своими глазами. Хоть один раз. Вышеслав может описать мне свой дворец, но это мало чем поможет. Так, телепортация отпадает как непрактичная. Воспользоваться ветром? Хрен редьки не слаще. Нас-то он доставит по адресу да заодно и дворец разнесет на запчасти. Невыгодно. Тогда что? И тут мне в голову пришла потрясная идея.

– Вышеслав, я знаю, что нам делать! Мы им столько пыли в глаза пустим! Девушка, у вас найдется чистая рубашка и плащ?

Только теперь до девчонки дошло, что мне говорить не положено. Она пискнула и начала красиво падать в обморок. Вышеслав ловко перехватил ее и встряхнул.

– Очнись, Катюшка! Это не волк, это заколдованная женщина! Все в порядке! Ответь ей!

Девушка помотала головой.

– Я в порядке. Да, у нас есть чистая рубашка и плащ. Пойдите здесь, я сейчас все принесу.

Не прошло и пяти минут, как девушка вылетела на улицу. В руках у нее была белая рубашка, а через плечо перекинут красный плащ.

– Вот!

Вышеслав быстро стянул с себя лохмотья и переоделся. Какая прелесть. Настоящий сказочный царевич. Глаз радуется. Я же пока присматривалась к девчонке. Да, не красавица. Прыщей нет, волосы русые, лицо круглое. Невысокая, худая, чтобы не сказать тощая. Не такая уж красавица, но, видно, умница. Глаза серые, живые, веселые.

– А в честь чего ты решила нам помочь? – спросила я.

Девчонка уже освоилась.

– Мне царевич Вышеслав всегда нравился, – шепнула она мне в самое ухо. – Знаю, я ему не пара, но хоть чем-то помочь...

– Обнадеживать тебя пока не буду, но лучшей жены ему не найти.

– Благодарствую на добром слове.

– Не на добром, а на правдивом.

Я и правда решила сосватать эту девушку Вышеславу. Подкину ему идею, а там пусть сам крутится. И яблоне скажу при случае. Вышеслав смелый, а девчонка умная. Отличная будет пара.

– Я готов, – прервал мои мысли царевич.

– Тогда тебе придется опять сесть на меня верхом.

Левитация. Очень простое заклинание. Но если тебе приходится еще нести на себе под сотню килограмм живого веса, оно становится вовсе не таким простым. Я медленно плыла по воздуху. Вверх и вверх. А теперь прямо, повороты регулируются взмахами хвоста. Вышеслав крепко вцепился в мой загривок. С высоты пятиэтажного дома мы видели и засады на улицах. Они нас тоже, но сделать ничего не могли. Луков или арбалетов у них не было, а кирпичом не добросишь. Вот и дворец. Сверху он выглядел как пряничный домик. Четыре купола, между ними остальной дворец. Не знаю, как эта постройка точно называется.

– Куда приземляться? – прокричала я Вышеславу.

– Давай рули на красный купол! Там самое главное здание!

Я послушно взмахнула хвостом. Мы опустились куда сказано. Отсюда не только видно далеко, но и падать тоже высоковато.

– А как теперь вниз? Так спрыгнем?

– Тут есть проход. Давай за мной!

Вышеслав открыл небольшую дверцу и нырнул внутрь.

– Мы сюда на спор лазили. Ну и от нянек прятались, когда они нас особенно донимали.

– Когда уши мыть не хотелось?

– И шею тоже.

Мы долго спускались по какой-то дурацкой лестнице. Наверное, я вытерла шкурой все углы, а сумки вообще пришлось пока оставить наверху. Минут через двадцать Вышеслав поднял руку, призывая к молчанию, и пропустил меня вперед. Я скользнула в темноту. Нет, обязательно при встрече поблагодарю Орланду ан-Криталь за подарок. Побольше бы таких врагов! Будь я сейчас человеком – да разве мы бы смогли пройти такой путь? Без волчьего обоняния, без волчьей силы. Да никогда! После всех ходов и переходов мы оказались «на галерке». В тронном зале имелась витражная крыша. Слюдяная, по-моему. Ее нужно было протирать, чистить, закрывать во время града. И к ней вели несколько черных ходов, чтобы только слугам пройти. Вот через это витражное окно мы и смотрели в тронный зал. А там творилось что-то немыслимое. Хотя вру. Мыслимое и даже осмысленное. Государственный переворот там творился! Царь, явно отец Вышеслава (что-то такое у них во внешности, что сразу понимаешь – родственники), сидел на троне, сжав руками голову. На его лице было такое отчаяние, что я даже его пожалела. Бедный мужик. Ой, недаром говорят, что один сын – нет сына, два сына – полсына, а три сына – один сын. В том смысле, что хоть один-то должен человеком получиться?! Двое старших братьев Вышеслава сейчас стояли у трона. Вышеслав их слышать не мог, а вот я слышала, и отлично.

– ...должен решать, кто из нас наследует трон. – Это старший сын. Понятно, пошли добровольно-принудительные разговоры под грифом «Попробуй не отдай!».

– Вышеслав даже не похоронен, а вы мне говорите о троне! Мой сын умер! – как мог, выворачивался отец Вышеслава. Получалось плохо. Может, он и горевал, но благодарным деткам не было до этого никакого дела.

– Мы живы! У тебя еще двое сыновей! – настаивал средний сын.

– Но вы не привезли жар-птицу!

– Зато вернулись живыми! Отец, тебе придется выбрать!

Мы с Вышеславом, которому я поспешно пересказывала суть разговора, переглянулись. Довольно. Царевич опять взгромоздился ко мне на спину, потом размахнулся мечом и треснул по витражу.

Какие у них были морды! Это что-то с чем-то! Смесь недоверия, ужаса и дикого изумления. Мы плавно приземлились прямо перед троном.

– Ну что, не ждали, подлецы?! – прорычал Славка.

Царевичи опешили.

– А... э... у...

Содержательного диалога не получилось. Я решила добавить:

– Так, переворот отменяется, самозванцев нам не надо, и так проблем до фига. Есть радикальное предложение – сделать вам ритуальное харакири. Сами управитесь или помочь?

Добавки не понадобилось. Орала братцы душевно. Вместе с царем. Так орала, что осколки витража внутрь посыпались. Я покачала головой. Мы разрушаем предметы

искусства, археологи нам этого не простят. Вот и витраж раздолбали! А как красиво было! Особенно вечером и в полдень, когда солнце проникает внутрь зала под прямым углом. Ох и варварское отношение к культуре. Братья-царевичи тем временем, продолжая орать, как коты кастрируемые, ломанулись к дверям. А зря. Чем-чем, но телекинезом владеет каждая начинающая ведьма. И преотлично владеет. Мне Лириин объясняла. Колдовские способности активизируются при переходе из одного мира в другой и продолжают совершенствоваться. Заклинания я почти не знала, а вот дверь захлопнуть перед самым носом у братцев, да еще и засов заложить – это дело трех секунд. Но доходило до них гораздо дольше. Пока царевичи (имена их я так и не узнала, да и не очень нужно было) пытались проломить двери головой (напрасно; пусть по умственным способностям они и близки к дубу, но дерево все равно крепче), Вышеслав шагнул к отцу.

– Папа, это я, Славка! Я жив! Я правда живой!

Царь перестал визжать. Подумал. Поднялся с трона. Обошел вокруг Вышеслава. Протянул руку и осторожно дотронулся до его рукава.

– Сынок! Живой?! Живой!!!

В следующий миг отец с сыном слились в объятиях. Я порадовалась за них. А вот два других брата – не очень. Они поняли, что убежать им некуда, да и не удастся. А вот если изобразить, что типа Вышеслав убил отца, а они героически его защищали, да и закололи братца под шумок... Дурное дело – нехитрое. Они отлепились от двери, вытащили из ножен мечи и медленно пошли к трону. Я встала на дороге.

– Мальчики, а ваша мама не говорила вам, что ножик детям – не игрушка?

– Уйди, нечисть! – возопил старший из царевичей с горящими глазами и нехорошими намерениями.

– Сам ты нечисть, – обиделась я. – Небось неделю не умывался, а туда же, обзывается!

– Сейчас я тебе голову снесу! – выдал второй таким волчьим рыком. Сопляк! Куда ему до нашей завкафедры. Та как рывкнет – бумаги со стола сметает!

– Ой, сколько обещаний, – вздохнула я. – Не гони пургу, братан, понты корявые!

Не уверена, что я правильно употребила эти слова, но очень захотелось. На ребят это подействовало убойно. Они забыли о родственниках и с ревом бросились ко мне, размахивая отточенными мечами. Салатом мне быть не захотелось. Я кинулась драпать по залу, как раз между ними. Братцы – за мной.

– Вышеслав, помоги!!! – заорала я так, что в ушах зазвенело. Да, будь я еще в человеческом теле, я бы попробовала потягаться с этими парнями. У меня за спиной хватает всяких секций. Но я на четырех ногах и в волчьей шкуре. Одного загрызть буду, а другой меня угробит. Для заклинаний тоже время требуется. Тем более мне, я-то ни одного из них толком не помню, вообще заклинания – это гораздо хуже классификации позвоночных на латинском языке. Вышеслав, хвала Высшим Силам, отвлекся от отца. Сунул тому в руки мешок с птицей, вытащил меч и направился к нам. Я как раз удачно запустила братцам под ноги тяжелую вазу. Старший ее перепрыгнул, а среднего она сбила с ног. Я тут же развернулась и придержала его лапой.

– Дернешься – глотку перегрызу, – предупредила я. – Дернись, пожалуйста, а то твой братан меня второй день на салате держит!

Врала я внаглую. Очень охота было такую дрянь в рот брать! Он же год не мылся, воняет, как помойный бак. Предупредила для очистки совести, чтобы не дергался. Куда там! Средний брат побледнел как смерть и заткнулся. Только руки и ноги дрожали. Какое там дергаться! Я сама вскоре задергалась, потому что запах от него пошел, как от общественного туалета. А Вышеслав тем временем расправлялся со старшим братом. Мечи так и мелькали. И тут Славка споткнулся. Я завизжала так, что посыпались осколки витража, каким-то чудом оставшиеся в раме. Получилось очень впечатляюще. Это нас и спасло. Вышеслав еще падал, его брат отвлекся на мой визг – и тут царевич, еще в падении, достал его концом меча поперек живота.

Дальше все было даже скучно. Сперва вызвали стражу, убрали труп и заключенного, предъявили царю птичку, и тот приказал собирать народ для важной церемонии. Надо же было провозглашать Вышеслава царем. Среди этого шума мы и попрощались.

– Даже на коронацию не останешься?

– Не могу. Времени нет совсем!

– Но хоть потом приедешь?

– Постараюсь. Если жива буду.

– Обязательно приезжай. В человеческом облике. Мужа привози...

– Кстати! Ты Катерину-то на коронацию пригласи, свинтус! Девушка тебя об опасности предупредила, а ты небось и забыл?

– Сей же час слуг пошлю!

– Вот-вот, пошли. И я двинусь. Мне еще к яблоне надо.

– Давай провожу.

До выхода из дворца меня Вышеслав довел. Там попрощался за лапу, нагрузил на меня мои сумки, и я отправилась к яблоне. Там мне дорогу преградили двое стражников.

– А ну пшла отсюда, псина!

Второй, не говоря дурного слова, запустил в меня подобранным камнем. Ну и хамье!

– Пропустите, козлы позорные! Пасти порву, моргалы выколю, запорю на конюшне!!!

Я бы еще добавила, но куда там! И того хватило! Стражники заорали, как покусанные, и бросились бежать. Слабонервные! Вот с моими студентами хоть крокодил заговорит – они не удивятся! Зато могут спойть в мгновение ока и продать в зоопарк за хорошие бабки в евро. Я нагло пнула ворота передней лапой и прошла внутрь. Яблоня уже меня ждала, открыв свои древесные глаза.

– Я свое обещание выполнила, – честно сказала я. – Вышеслав к коронации готовится.

– Я тоже свое обещание выполняю, – согласилась яблоня.

Тонкая веточка медленно наклонялась ко мне. Я протянула руку и дотронулась до нее. Щелк! Яблоня чуть поморщилась, если это выражение применимо к древесной коре. В моей лапе осталась веточка толщиной с мой большой палец и длиной где-то двадцать – двадцать пять сантиметров. С одного конца она была украшена тремя зелеными листочками.

– Я тебе очень благодарна, – сказала яблоня. – Ты сейчас отправляешься домой?

– Да. Кстати!

Я вспомнила про Катерину и объяснила яблоне, кто это такая и зачем она нужна. Яблоня выслушала меня и зашелестела листвой.

– Надо подумать.

– Надо, – согласилась я. – Она отличная девочка. И умница, каких мало. Хорошая была бы пара. Ну, мне пора. Можно прямо от тебя отправиться?

– Можно.

Я зажмурилась. Представила себе эльфийку, как живую, и громко позвала:

– Лирин! Ты бы не могла переправить меня обратно?!

Та же комната, те же люди. Мужчина поворачивается к Орланде ан-Криталь.

- Ну что, дочка, тебя обставили?

- Но кто же мог знать! В волчьей шкуре она не смогла бы открыть проход! Она осталась бы там навсегда!

- А она этого не сделала! Ее вытащила эльфийка!

- Папа! Ты можешь как-нибудь наказать эту дрянь?!

- Которую? Тину? Извини – нет. Правила ты знаешь не хуже меня.

- Я не о Тине! Я об эльфийке!

- Милая, ты с ума сошла? Если мы только выкажем свое неудовольствие эльфам, они нас в порошок сотрут! Ты не смотри, что Лирин – женщина, да еще и совсем молоденькая.

- Ничего себе молоденькая – пятьсот лет с хвостиком!

- Для эльфов это даже не молодость, а так. Мелочи. Как и для нас. Но характер у нее – будь здоров! С ее отцом и то легче было дело иметь, чем с этой акулой! Она своего не упустит! Если я сейчас скажу, что недоволен, она мне мигом припомнит твою ящерицу, добавит попытку отравления подруги, приплюсует нападение тех трех кретинов, залакирует похищением подружкиного мужа и стребует с меня компенсацию за моральный ущерб этой девушке. Тине.

- И мы ничего не можем сделать?!

- Что я могу, если эльфийка совершенно права? Тут хоть из кожи вылезешь, но ничего ей не предъявишь!

- А помощь взари при прохождении инициации?

- Глупости! Это не запрещено.

- Но что-то же можно сделать?! – взывала Олечка не хуже бензопилы. Маг поморщился.

- Потише, пожалуйста! Хорошо, что ты предлагаешь? Штурмовать мир эльфов? Лучше пойдешь с башни бросься. Это будет быстрее и безболезненней.

- Пап, не издевайся!

- Я не издеваюсь, я говорю о фактах. Операцию ты успешно провалила, Тина в безопасности, материал для волшебной палочки она достала, теперь остается только ждать. Она должна сделать кое-что еще. Интересно, из чего она захочет изготовить медальон?

- Не знаю!

- А я рискну предположить. Тина не разменивается на мелочи, все предметы в ее обиходе должны обладать максимально возможной силой. Она очень хочет поквитаться с нами за похищение мужа. Очень.

- Но ты же этого не допустишь, правда, папа?!

- Но и запретить не смогу. Если она вызовет тебя на поединок – отдуваться будешь сама, дочурка. А силы и таланта у тебя гораздо меньше. – Взгляд чародея остановился на манипуляторе силовыми потоками (в просторечии – волшебной палочке), висящем на поясе Орланды. Самый обычный рог единорога. Такой – у каждого второго мага. Дилетантство. Орланда, отлично поняв, на что именно намекает отец, в ярости вылетела прочь и хлопнула дверь, едва не сорвав ее с петель. Маг грустно покачал головой.

- И в кого она у меня такая бестолковая?! Да, то, что я делаю руками, получается гораздо лучше.

Глава 8

Можно сказать, что я была счастлива.

Лефроэль находился рядом со мной, оппозиция притихла в ожидании очередной гадости с моей стороны – ну и чего еще надо?

Мне так точно ничего. Разве что еще чтобы у Тины все было в порядке.

Смешная девчонка, но она мне нравилась. Но насколько ж она безрассудна! Лезть везде головой вперед... а с другой стороны – может, это ее и спасет. То, что с ней происходило, было понятно. Оказавшись в мире, полном волшебства, Тина воспринимала его как большую сказку. А себя – как главную героиню. И не верила, что может погибнуть или попасть в серьезную переделку.

Эх, глупый ребенок...

С другой стороны, она была отличным прикрытием для моих планов. Пока она здесь – я могу ссылаться на поддержку вэари. Пока она здесь – на нее можно списать кое-какие акции, проведенные моими людьми. А что – вэари же! А ан-Криталь и слова сказать не посмеет! Инициация Тины идет с такими нарушениями, что узнай об этом вэари – верховным ему быть не больше минуты. Так что он молчит, хорошо так молчит...

– Ваше величество...

– Да?

– Вам письмо от верховного вэари, – доложил слуга.

Я кивнула.

Ага, вот и прорезался, умник. Теперь ему надо будет попробовать договориться с Тиной, а потом и со мной.

Плохо, если получится. Мне бы еще времени... но если Тина не согласится, оно у меня будет. А она не согласится. Я знаю, как с ней разговаривать...

Хотя мои преподаватели изящных манер точно в обморок бы упали от такой речи, но ведь если хочешь, чтобы тебя поняли, надо говорить на языке собеседника. Вряд ли Тина оценит высокий эльвеарр. А вот простое «на фиг» и «в болото!» – вполне.

Все-таки люди достаточно примитивны, даже лучшие из них.

– Тина, ты просто рехнулась! – выговаривала мне Лирин несколько часов спустя. Я, уже в нормальном человеческом облике, отмытая и накормленная, сидела у нее в покоях в огромном и чертовски удобном кресле. Лирин с Лефроэлем расположились напротив, на диване. Эльфийка оперлась на будущего мужа, как на подлокотник, но ему это было только в кайф. Где-то сейчас мой Ники?

– Почему – рехнулась? – вяло возразила я. – Все же получилось!

– Да, но как?! Хорошо еще, что с птицей все ладно вышло! У нас она двоих разведчиков съела!

– Какой ужас, – посочувствовала я.

– Они были не эльфы, – отмахнулась Лирин. – Но все равно жалко! И тебя она бы сожрала!

– Я же ее детей спасла!

– Тебе просто очень повезло!

– Я тут осмотрел твой меч, – подал голос Лефроэль. – Отличная вещь. Тонкий, легкий,

прекрасно сбалансирован! И с какой-то странной магией. Никогда такого не встречал! Ты еще долго у нас пробудешь?

- В смысле?

- Как скоро ты отправишься за материалом для медальона и куда?

- Завтра на рассвете. Так что меч в твоём распоряжении только до вечера.

- А на ночь?

- А ночью в твоём распоряжении буду я, - улыбнулась Лирин.

Я фыркнула. Лефроэль покраснел. Судя по его бордовым ушам, ночью ему будет явно не до мечей. И правильно! Я вот ночью стану Междумирианник листать, набираться опыта. А был бы здесь мой муж, книга бы осталась на столике у кровати. И я бы об этом ни минуты не жалела.

- Вернись на землю, Моисей! - грохнула по моим хрустальным мечтам Лирин.

- А откуда вы знаете о Моисее? - удивилась я.

- Чего я только не знаю, - фыркнула эльфийка. - Ты пойми, нельзя быть такой безалаберной! Один только компотик из сеавариллы чего стоит! Если бы мы тебя не расколдовали в течение трех дней, ты бы на полгода осталась в волчьей шкуре! Я думаю, зоофилией твой муж не страдает?!

- Не страдает.

- Ну вот! Не говоря уже о том, что в том мире противоядия нет, а перебраться самостоятельно через *ворота* из одного мира в другой ты в волчьей шкуре не сумеешь! Уж извини, талант талантом, но кое-что приходит только с опытом!

Тут я была с ней полностью согласна. Оказывается, Олечка хорошо подготовилась. Хотя Олечка ли? Для такого нужны мозги покруче. А, ладно, пакостить можно с любыми мозгами! И даже вовсе без оных. Достаточно желания.

- Тина, ты обязана быть осторожнее! Я дам тебе с собой хрусталик на цепочке, будешь определять наличие посторонних примесей в пище и в воде. Ясно?

- Ясно. Спасибо тебе.

- Да ладно, мы же подруги! А Олечку я никогда не любила.

- А волшебники не могут вам напакостить за то, что вы мне помогаете?

Лирин покатила со смеху.

- Тина, во вселенной много народов. Если те же вампиры узнают, что волшебники наехали на эльфов, они обязательно встанут на нашу сторону. Как и мы на их. Вампиры, листэрр, оборотни, коены, фретусы, гномы, тролли, да мне недели не хватит, чтобы их перечислить! Если волшебники решат без веских оснований предъявить нам претензии, они за это поплатятся! И очень быстро!

- Но у них есть основания! Я, например!

- Ну и что - ты? Ты - моя подруга. Я тебе обязана за Лефроэля, если подходить к проблеме официально! Более того, ты пока не волшебница. Это они тебя предали, подсунув ту ящерицу, а потом еще попытавшись отравить! Пусть только попробуют хрюкнуть - я их в порошок сотру!

- О! Кстати о взари! Тебе пока ничего не известно о странном поведении Орланды?

- Пока нет. Но я надеюсь, что скоро мне все сообщат. А куда ты отправишься теперь?

- В мир Латтераниан! Я читала, что лучший материал для медальона - это чешуя дракона Краттохен, в просторечии - Змея Горыныча.

- И как ты собираешься ее добывать? Он же тебя сожрет!
- Подавится. А не то – отравится!
- Если он отравится, тебе это будет глубоко безразлично! В драконьем желудке, знаешь ли, как в монастыре – мирские проблемы уже не волнуют!
- Но я должна попробовать!
- Как мило! Ты, подруженька, вконец рехнулась!
- Наверное. А что поделаешь? Я же должна выручать мужа?
- Хотела бы я посмотреть на твоего Ника. Знаешь, ему просто неоправданно повезло!
- Знаю. Но думаю, что Лефроэлю повезло не меньше.
- Гораздо больше, – заверил меня Лефроэль.

Я не стала уточнять, что он имеет в виду. Мы еще немного потрепались за жизнь, потом Лефроэль и Лирин отправились активно бодрствовать, а я, за неимением мужа, улеглась баиньки. М-да, замужество плохо влияет на человека. Сколько лет спала без Ника – и все путем, даже не чувствовала, что мне чего-то не хватает, а стоило прожить в законном браке около двух лет – и здрасте пожалуйста! Грущу, тоскую, плачу... Хотя нет, не плачу! Это уже потом, когда мы с мужем останемся одни, я устрою ему истерику. И пусть только попробует меня не утешить! Я его...

Так я и уснула в приятных мечтаниях.

А утро началось с сюрприза.

- Папа, ну хоть что-нибудь мы можем сделать?! Я не отдам ей Ника! Я его люблю!

Маг с отвращением покосился на дочку. Нет, ну сколько можно! И так уже все условия создали. Просто бочка меда! Так извольте ей теперь ложку, салфетку и английскую сервировку стола! Но родственные узы были превыше.

- Кое-что мы можем сделать, дорогая. Я направлю твоей сопернице письмо...
- Она мне не соперница! – возмущенно перебила Орланда ан-Криталь.

Маг сверкнул глазами.

- Спроси у Ника, кто кому соперник.

Подтекст был ясен. Как Орланда ни пыталась соблазнить Ника, тот оставался непоколебим, как скала. И как-то раз даже весьма нелестно высказался о внешности, уме и силе Орланды, сравнив ее с женой – и далеко не в пользу колдуньи.

Орланда надулась, но ненадолго.

- И что это будет за письмо?
- Прочти.

Орланда пробежала глазами по листу плотной бумаги и расплылась в довольной улыбке.

- От такого она не откажется! Я дам прочесть Нику?
- Делай, как знаешь. Сама отправишь?
- И немедленно!

Орланда вылетела из комнаты, как наскипидаренная. Маг протянул руку к бокалу с вином, с удовольствием отпил несколько глотков и улыбнулся. Если эта женщина, Тина, откажется от его предложения, то это и вправду нечто. Но вряд ли, вряд ли... Он бы точно не отказался. Не такое уж великое сокровище этот Ник, чтобы из-за него

идти и в огонь и в воду.

Я уже успела принять душ, оделась и завтракала, когда ко мне влетела Лирин. Волосы развеваются, глаза горят, в руках – письмо? Да, письмо. Такой симпатичный конвертик цвета лаванды.

– Что это? – удивилась я. – Сводки с фронта?

– Почти, – фыркнула Лирин, элегантно опускаясь напротив меня и наливая себе сока в хрустальный бокал. – С ясновидением у тебя все в порядке. Это печать верховного колдуна. Стандартное магическое послание.

Я помотала головой.

– Моя твоя не понимает. Почему магический? Это же конверт?

Лирин хлопнула конвертом об стол.

– Я и забыла, что ты пока еще новичок в магии. Значит, так. Все послания бывают шестнадцати типов. Перечислять не буду, тебе оно и на фиг не сдалось. – Земные афоризмы быстро приживались и у эльфов. – Это восьмой тип. Как только ты взламываешь печать, появляется изображение верховного колдуна – или того, кто писал это письмо, – и популярно объясняет тебе, что ему нужно. После этого в течение десяти минут ты можешь дать ответ. Тот, кто прислал письмо, мгновенно узнает его.

– В смысле мой светлый облик тоже будут транслировать?

– Что будут?

– Ну, перед колдуном также возникнет моя рожица и объяснит, кто есть ху и где он живет?

– Примерно так. А ты будешь объяснять?

– Не знаю. Если они отдадут мне мужа – тогда не буду.

– Помечтай, помечтай...

Я встала из-за стола, выпрямилась, оправила одежду и вскрыла конвертик. Морда верховного колдуна появилась незамедлительно. И симпатичная морда, должна добавить. Аристократическое лицо, седина в волосах, подтянутая фигура в какой-то черной хламиде типа плаща. Короче – совершенный прохвост. Никем другим с такой внешностью и на такой должности не станешь.

Верховный колдун проснулся на рассвете от странного ощущения, напомнившего тошноту. И только через две минуты понял, что девчонка вскрыла письмо. Оставалось только ждать ответа. А пока – вызвать дочку. Что он и проделал. Орланда шлепнулась на пол как была, в ночной рубашке, то есть почти голая. Верховный колдун швырнул ей халат.

– Наша подружка читает письмо. Интересно, почему так рано?

Ответа не последовало. Орланда напряженно уставилась в пространство спальни.

Колдун поклонился.

«Здравствуйте, дорогая Тина. Приветствую также всех, кто находится с вами в комнате, – если вы читаете мое письмо не одна. Я рад наконец-то поговорить с вами. Моя дочь много мне о вас говорила. Из ее рассказов я понял, что остановить вас – дело безнадежное. Вы твердо решили стать колдуньей, и вам пока все удастся. Должен признаться – я рад за вас».

– Я поверила, – насмешливо фыркнула Лирин. Я погрозила ей пальцем – не перебивай

дяденьку, видишь, как старается!

«Я знаю, что вы планируете», – продолжал колдун.

– Ну-ну, – процедила я. – Знание – сила.

Теперь уже Лирин погрозила мне кулаком. Ей тоже было любопытно.

«Вы хотите стать волшебницей, взари, и на нашем съезде предъявить права на вашего мужа. Возможно, потребовать перераспределения пар или просто самой родить ему ребенка. Это отличная идея».

И я и Лирин поспешно зажали себе рот, чтобы не высказаться. Колдун продолжал:

«Я с удовольствием принял бы ее, если бы не одно обстоятельство. Видите ли, я очень люблю свою дочь. А она без ума от Ника. Увы. Я не смог отговорить ее. Она твердо хочет родить ребенка именно от вашего мужа. И я предлагаю вам дать ей такую возможность. Для волшебников (а вы тоже наверняка войдете в наши ряды) сто лет – это меньше, чем год для обычных людей из вашего мира. Я полагаю, что Орланде этого хватит. Возможно, ее бестолковая любовь кончится и раньше. Вы же за это время станете по-настоящему сильной взари. Я с удовольствием помогу вам на этом сложном пути. К вашим услугам будет все: библиотеки, лаборатории, учителя... Вовсе ни к чему метаться по мирам за редчайшими артефактами сломя голову, осваивать магию по заведомо неполной книге и устраивать скандал на ассамблее. Вы все равно получите вашего мужа. Просто немного позже. Вам ведь несложно представить, что он уехал в командировку или в другой город? Подумайте над моим предложением. Уверю вас – оно очень щедрое. Жду вашего ответа. Надеюсь на личную встречу с вами. С уважением, верховный волшебник».

Где-то с полминуты мы с Лирин сидели молча. Потом эльфийка серьезно посмотрела на меня.

– Это и правда очень щедрое предложение. Если ты его не примешь, то можешь серьезно пожалеть. Ан-Кригаль не разбрасывается своими милостями. Хотя отработать потребует, сама понимаешь... но для взари это не так много. Подумай...

– Знаю. Как я могу надиктовать ответ?

– Нажми подушечкой большого пальца на печать и говори.

– Мерси.

Я вдавила печать в конверт так, что едва не проделала в нем дырку, и заговорила, следя за дикцией и построением фразы.

В спальне верховного колдуна на свободном пространстве засветилось нежно-голубое пятно. Орланда восторженно уставилась на свет. Ее соперница не заставила себя ждать. Из пятна появилась фигура Тины, сперва расплывчатая, но потом четкая и ясная, как и ее голос. Верховный колдун решил, что у Ника были веские основания хранить верность жене, но сказать это Орланде не успел. Тина заговорила, отвесив изящный поклон в мушкетерском стиле.

– Приветствую вас, верховный колдун, а также всех, кто находится с вами в комнате. Надеюсь, меня слышит также и ваша дочка. Я прочла ваше письмо. Оно меня порадовало. Сперва меня пытались просто запугать. Потом убить. Теперь – купить. Значит, вы начинаете меня немного уважать. И это хорошо. Нам действительно предстоит встретиться, и лучше, чтобы эта встреча прошла спокойно. Вы сделали мне предложение, и я его слышала. В свою очередь предлагаю вам немедленно отпустить моего мужа, хотя вы вряд ли на это пойдете. Но все же предлагаю. Теперь обещания. Если вы этого не сделаете, мы с вами поговорим на ассамблее. Ваша дочь не объяснила вам одну простую истину, хотя откуда ей это знать. – Презрение в голосе женщины заставило поежиться даже выдавшего виды верховного колдуна. – Не знаю, как там колдуньи и ведьмы, волшебницы и взари, а русские женщины своей любовью не торгуют, у них другая специализация. Так что вы зря извели бумагу и колдовство. Скажите моему мужу, чтобы он заехал подождать меня в мир эльфов, если все-таки решитесь укоротить амбиции вашей дочери. Я вскоре тоже буду там. А сейчас я отправляюсь по своим делам.

К шабашу, о, простите, ассамблее я хочу быть в форме. Приятно было с вами поговорить, хоть и не из глаза в глаз. Прощайте.

Фигура посреди комнаты отвесила еще один, откровенно издевательский поклон и растворилась в воздухе. Первой опомнилась Орланда.

- Ну и наглость! Что эта тварь о себе возомнила?!

- Она как раз ничего не возомнила, - поставил ее на место отец. - Она все говорит правильно. Это я ради тебя нарушаю колдовской кодекс. И если бы я знал заранее, что это за женщина, я бы тебе помогать не взялся.

- Папа?! - удивленно выдала Орланда.

- Вот именно, не взялся бы! А что это она говорила о специализации русских женщин?

- Не знаю.

- Так сходи спроси у Ника! И немедленно ко мне!

Верховного колдуна хуже чесотки разобрало любопытство. Орланда мгновенно вылетела из комнаты.

Ник еще спал, когда Орланда тряхнула его за плечо.

- В чем проблема, любовь моя? - спросил он, еще не открывая глаз. Орланда вспыхнула, но вторая фраза быстро опустила ее с небес на землю. - Опять овсянка убежала?

Поняв, что вопрос предназначался не ей, а Тине, Орланда тряхнула несчастного мага еще сильнее. Ник открыл глаза и широко улыбнулся. Потом увидел Орланду и откровенно помрачнел.

- Слушай, тебе делать, что ли, нечего?! Таскаешься сюда, как на работу! Что случилось?!

- Скажи, какая специфика у русских женщин?

- Не въехал. А с чего тебе это в голову взбрело?

- Это не важно.

Теперь любопытство разобрало и Ника.

- Давай рассказывай! Должна быть веская причина, чтобы оторвать меня от такого сна!

Орланда прищурилась.

- Поцелуешь меня - скажу.

- В щечку, - тут же выдвинул свое требование Ник.

- Нет! По-настоящему!

- Увольте! Я хоть и не завтракал, но целоваться с тобой не стану - стошнит еще!

- Тогда я ничего тебе не скажу!

- Ну и не говори. - Ник постарался укротить любопытство. - Я-то когда-нибудь все это узнаю, а вот тебе ждать нельзя, так?

Орланда несколько минут сопела, потом приблизилась и села на кровать. Ник тут же подвинулся, проявляя вежливость. А на самом деле - чтобы потом Тина его ни в чем не обвинила. Чист как стеклышко! Даже не прикасался. Несколько минут они так передвигались, пока Ник не понял, что кровать кончилась, замотался одеялом и пересел в кресло.

- Ну так что - созрела?

Орланда посопела еще пару минут, а потом кивнула.

- Помнишь, я тебе показывала письмо? Мы получили ответ от твоей жены. И чего ей вздумалось вставать в такую рань? - Время в этих двух мирах, у колдунов и эльфов, текло почти ровень, с разницей где-то в полчаса.

- Мы всегда вставали вместе в это время. - Ник не упустил возможность уколоть Орланду. - Утренние часы тоже можно провести... интересно, как и ночные.

Женщина нахмурилась, но стерпела.

- Так вот, она прислала ответ.

- Отрицательный? - попал в «десятку» Ник. Кого-кого, но свою жену он знал.

- Именно!

- И Тина, оставаясь вежливой, наговорила вам всяких гадостей?

- Чего еще можно ждать от этой плебейки?!

- Например, ее личного появления здесь и объяснения вам всей ошибочности ваших заблуждений, так сказать, из глаза в глаз.

- И она так сказала! А что это значит?

- Сокращение. С глазу на глаз и кулаком тебе в глаз. А что еще она сказала?

- Сказала, что русские женщины любовью не торгуют, у них другая специфика... или специализация. Что это может означать?

- Что вы ее круто разозлили. Иначе она бы промолчала. Было такое стихотворение, ей очень нравилось. Автора она не помнила. Кто-то из студентов для нее сочинил.

Коня на скаку остановит, В горящую избу войдет. В кольчуге за родину
встанет, Над мертвым врагом не всплакнет. Специфика русского быта Для женщин на все
времена. Не спросит у мужа подмоги, Со всем разберется сама...

- Ненавижу!!! - прошипела женщина. Ник и ухом не повел:

Но с нежной и чуткой душою, Упрямой в ратный доспех. И только в таких,
уж поверьте, Возможно влюбиться навек.

Орланда вылетела из комнаты, даже не дослушав последней строфы. Ник с удовольствием растянулся на кровати и послал воздушный поцелуй воображаемой жене.

- И только в таких, уж поверьте, возможно влюбиться навек!

Лирин смотрела на меня с восхищением.

- Знаешь, Тина, а я на какой-то момент засомневалась в тебе.

- Это в чем же?

- Я думала, что ты умнее. Но ты на самом деле благородная, рыцарственная...

Я поняла, что комплиментов ждать не приходится.

- ...невероятная дуреха! Ну почему ты отказалась?

Я не обиделась. Чего уж там, я и сама на миг заколебалась. Отдать мужа в аренду (весьма выгодную аренду, стоит заметить) этой дуре, пусть сделает ей ребенка, а потом, когда будем конкретными колдунами, мы поженимся опять. Что меня остановило? Да черт его знает! Как говорила Анечка-модистка, та самая, что сбежала с Валентином Хромая Нога и, кстати, была незаконнорожденной дочерью какого-то князя: «Я, может, и незаконнорожденная, но гордости мне досталось на целое семейство признанных князей!» И эта-то фамильная гордость тянула меня сейчас к черту на рога, в мир Латтераниан, за головой, то есть не головой, а всего одной чешуйкой дракона Карто...

Крато... хрен? Короче, Змея Горыныча – и точка. Но эльфийке надо все объяснить.

– Лирин, я не понимаю, что происходит.

– То есть?

– Пока я не узнаю, зачем Орланде понадобилось вступать со мной в контакт, зачем она явилась ко мне домой, – я ни на что не соглашусь. Если не знаешь всей обстановки, никогда не сможешь успешно торговаться.

– Логично. Ладно, проехали. Что у тебя по плану?

– Мир Латтераниан. И дракон.

– А что тебя тянет именно в мир Латтераниан? Дракона можно и где поближе добыть, – заметила Лирин. – Мои ребята там бывали – жуткая дыра. Типа вашей Киевской Руси, только еще примитивней.

– Киевская Русь примитивной не была, – обиделась я.

– Извини, если задела твое национальное самлюбие, – ухмыльнулась эльфийка. – Но лично я считаю первым признаком цивилизации нормальный ватерклозет.

– А там все пользуются кустиками?

– И как ты угадала?

– Так вот и угадала. Но главное не это. Вы же сможете забросить меня в тот мир и вытащить оттуда, если Олечка подстроит мне подлянку?

– Разумеется! Только позови, я активирую заклинание в единый миг.

– Отлично! Как, по-твоему, я подходяще одета?

– Более чем. Если забыть, что там так не ходят.

Я фыркнула. Собственно, моя экипировка представляла собой удобный спортивный костюм серо-зеленого цвета из непромокаемой ткани плюс рюкзак с несколькими полезными приспособлениями. Ну и меч. Лирин говорила, что это совершенный бред – брать с собой меч, если обращаешься с ним как с черенком от лопаты, но я осталась непоколебима. Честно говоря, мне он просто понравился! Ну не наигралась я в детстве в рыцарей!

– Ничего, перетопчутся! Какое их дело, какие на мне штаны?! Мой зад, чем хочу, тем и драпирую!

– Ага, – согласилась Лирин. – Только там женщины носят юбки.

Я вздохнула. М-да, за мальчишку я сойти не смогу. Даже за юношу. По чисто техническим причинам, именуемым «третий размер бюста». Ну и пусть. Выкручусь!

– И не забывай проверять все талисманчиком. Если помутнеет – значит отравлено. А то угостят тебя компотиком из аконита или мышьяка. Если сеаваррилы оказалось недостаточно.

– Могут. Особенно после моего отказа изучать магию под руководством верховного колдуна. Или лично под ним. – Особых иллюзий на этот счет я не питала.

– Думаешь, он хотел... – Лирин не договорила, но мы друг друга поняли.

– Точно не знаю, но боюсь, что да.

– Хреново.

– Еще бы. Отправляемся?

– Идем. Не из комнаты же тебя отсылать? Хотя бы с поляны.

Переноса я не почувствовала. И обнаружила себя стоящей на симпатичной лужайке. Ну что тут можно сказать? Миры – они часто очень похожи. Те, в которых побывала лично я. Небо – синее, солнце – желтое, деревья и трава – зеленые. Люди здесь такие же, как и в моем мире. Руки, ноги, голова. Больше я ничего об этом мире не знала. Разве что говорила на их языке. Но так может каждый – при переходе из одного мира в другой язык той местности, в которую вы попали, осваивается незаметно и автоматически. И стоит вам уйти прочь – вы тут же его забудете. По крайней мере, так это происходит у эльфов, а я пользовалась их наработками. Я считала, что говорю на родном, русском языке и все меня понимают. Мое заблуждение развеяла Лирин, подняв меня на смех. Ну да ладно. Мне было не до размышлений. Надо шевелить задом, если я не хочу опоздать. Пока я иду по графику, но что будет дальше? Мне нельзя задерживаться здесь больше чем на три дня. Впереди у меня еще сады Двенадцати Дев. И яблочко с какой-нибудь мутантной яблоньки. Интересно, а не родственное ли это растение достопамятному дереву Эстрид? Этого я пока не знала. Но было бы кстати. Если они родственники, значит, с ними можно договориться и получить то, что мне нужно. Мой опыт общения со студентами свидетельствовал, что с существом, способным на диалог, всегда можно договориться. Отслужу, чем смогу, если потребуется! Кстати, когда Лирин увидела мою волшебную палочку, у нее глаза на лоб полезли. Она и рассказала, что никто еще не получал от дерева *живую* веточку, да еще с неувядающими листками, тем более с тремя сразу. Максимум, чего могли добиться люди, – старые сухие сучья. Признаюсь, это польстило моему самолюбию.

Эй, Тина, хватит плавать в розовом тумане, время дорого! Спору нет, я могла бы выбрать другой мир, в котором водятся эти драконы, мир с более быстрым течением времени, так, чтобы здесь прошел год, а там, у Лирин, – один день, но увы. В таких мирах гораздо сложнее колдовать. А у меня было нехорошее предчувствие, что колдовать придется много и со вкусом. Я встряхнулась, одернула штаны и куртку и зашагала вперед. Мой путь лежал к Новограду. Во-первых, он был ближе всего к переходу, а во-вторых, рядом с ним водились драконы Краттохен. Как я буду с ними разбираться, я пока не знала. Вряд ли драконам понравится ошипывание чешуи, но выбора у меня не было. Вспомнив об Орланде ан-Криталь, я тихо выругалась и прибавила ходу.

– Она в мире Латтераниан.

– И что она там делает?

– А ты не догадываешься? Отправилась за чешуей!

– Пап, а как ты ее выследил?

– Поставил заклинание отслеживать все перемещения из мира эльфов. Могла бы и сама догадаться!

Орланда ан-Криталь опустила глазки. Да, теоретическая магия не была ее сильной стороной. Никогда.

– И что теперь делать?

– Кое-что я уже сделал. Я искажил ее переход таким образом, чтобы она оказалась в Порридж.

– Порридж?

– Орланда, возьми на себя труд хотя бы просмотреть карты того мира, куда вскорости отправишься.

– Лучше расскажи мне! Хотя бы в общих чертах!

– Порридж – это город в двух месяцах пути от Новограда. К тому же там сейчас не самая лучшая обстановка. Революция и все, что ее сопровождает: бунты, беспредел. К тому же там появился какой-то новый пророк Истинной Веры. Тоже та еще сволочь. Я даже не сомневаюсь, что твоя подруга задержится в Порридже на некоторое время или останется там навсегда. И ты должна туда отправиться.

– Зачем? Если она все равно сложит там голову?

- А вот в этом я весьма сомневаюсь. Я просмотрел историю России за последние двести лет и могу сказать с полным основанием: русских людей революциями не убьешь! Для них это привычная среда обитания. Они последние лет двадцать в таких условиях выживают, что у меня волосы дыбом встанут при одной мысли. Тебе знаком термин «перестройка»?

- Постольку поскольку. А что перестраивали?

- Значит, незнаком. А зря. Перестройка в России – это примерно то же, что сейчас происходит в Порридже. Только еще похуже. Но оставим это! У меня есть один план. Сама ты убить ее не можешь, но у меня в этом мире имеются кое-какие наметки. Эта девчонка весьма неосторожно отправилась в Латтераниан, не наведя о нем справок. За что и поплатится! Тебе остается только...

Голоса упали до шепота. В хрустальном шаре на столе фигурка Тины двигалась по дороге, что-то насвистывая.

- Папа, ты гений!

- Я знаю.

- Я бегу собираться! – Орланда ан-Криталь вихрем вылетела за дверь. Волшебник проводил ее взглядом. Он знал, что большинство гениальных планов губят бездарные исполнители. Если бы он сам воплощал его в жизнь, все бы получилось, но его дочь? Ему плохо верилось в успех Орланды. Или просто девчонка с Земли такая сильная? В такое верилось еще хуже. Ладно, справятся они с этой Тиной, куда она не денется! И не таких обламывали.

- Банька моя – я твой тазик, вилка моя – я твой глазик, попка моя – я твой ежик, ты табурет – я топорик для ножек, стерва моя-а-а! – бодро калечила я Киркорова. Мне он ужасно не нравился, но для такой прогулки вполне подходил. Как хорошо, что у меня костюм непромокаемый! Дождь лил как из ведра, а дорога так размокла, что я передвигалась только по обочине, чтобы в трясиину не засосало. И уверенно приближалась к городу. Ну, я так полагала. Все равно за дождем ничего не видно. Я уже два раза чуть с деревом не поцеловалась. Но перла вперед. Город возник передо мной еще более неожиданно. Из пелены дождя проступали очертания стен, крыш, башен. Я на ощупь нашла ворота и заколотила по ним ногой.

- Открывайте, мерзавцы, уроды, дармоеды!!!

- Это кто там орет? – послышался из-за забора голос стражника. – А в тюрьму за оскорбление власти?

- А золотой за пропуск в ворота? – парировала я, окончательно одурев и озверев от дождя и грязи.

Слово «золотой» знали во всех мирах. Местной валютой меня снабдила Лирин в обмен на ту, что я вытащила из карманов инквизитора. Она бы подбросила мне денег просто так, но тут уже воспротивилась я. На шее сидеть ни у кого не буду!

Ворота распахнулись через три минуты. Я приготовилась одарить стражника золотым, но не тут-то было. За воротами меня встретили сразу пять человек с убойным запахом перегара, небритыми с рождения рылами и самыми плохими намерениями.

- Какая киса, – пропел один.

- А откуда у девочки золото? – похлопал ресницами второй.

- Надо делиться, – решил третий.

Четвертый и пятый ничего не говорили. То ли с похмелья, то ли вообще не умели разговаривать.

Просто попытались меня сгрести в охапку. Едва увернулась. Блин, вот живи после этого

честно! В кои-то веки решила заплатить стражникам за пропуск в город! Не тут-то было! Отсюда вывод: жить честно – вредно для здоровья! Закон лучше нарушать! Целее будешь!

– Мужики, вам че, на пол-литру не хватает? Золотого хватит? – Я попыталась мирно уладить конфликт, но у стражников точно было другое мнение.

– Ты сейчас нам все отдашь, – пообещал первый.

– А потом мы еще с тобой... – добавил второй очень неприличный глагол. Что-то вроде «переспать», только матерно. Мне это не понравилось.

– Нет, ну вконец распустились, мужики! Что вы себе вообще позволяете?! Не будите во мне зверя! – храбрилась я из последних сил. Зверя, блин! Особенно кролика. Вот честно – я их смогу уделать? Сомневаюсь. Колдовать-то я могу, но как?! Загоню всю нашу шестерку под землю – вот радости будет Орланде ан-Криталь! Надо мириться. И тут один из стражников, молчаливый, схватил меня за грудь.

– Пусти, козел, урод, скотина!!! – заорала я. Мирное урегулирование конфликта было забыто насмерть.

Зато вспомнился коронный удар в пах. Его я и применила. И рванулась с места с такой скоростью, что чуть из шкуры не вылетела. Если бы меня сейчас видело какое-нибудь жюри, все призовые места были бы мои. Сто пудов. Стражники сперва пытались за мной гнаться, но потом безнадежно отстали. Куда им, алкоголикам! Я выскочила в какой-то переулочек и огляделась. А куда я, собственно, попала? Мостовые каменные, дома по большей части тоже, а я из записей по Новограду отлично помнила, что камня там просто не было. Песок, лес, холмы, но никак не горы. Поэтому только королевский дворец и дома самых крутых барышников строились там из камня. Куда уж улицы мостить! И что получается? Это не Новоград? Хорошо. Д'Артаньян, я допускаю все! В том числе и свое нахождение не в Новограде, – а где тогда? В одном известном месте? Черт его знает! Я огляделась вокруг еще раз. Надо искать себе ночлег. Я в этом городе ничего не знала, поэтому уверенно замолотила в первую же дверь, которая подвернулась под руку. Открыли мне не сразу. А когда створка распахнулась, первое, что я увидела, – арбалетную стрелу, направленную прямо в мой нос. Неприятное ощущение.

– Грабить у нас нечего, – сурово заявил хозяин... хозяйка? Да, именно хозяйка. Такая девчонка лет под тридцать... Нет! Я опять не права. Не девчонка. А нормальная русская женщина. Таких еще Кустодиев любил рисовать. Не вешалок, а настоящих женщин, у которых все при них. Такая и коня на скаку, и по горящим избам, а уж врага замочить – тем более рука не дрогнет! Не говоря уже обо мне. Я достала из кармана золотой, отложенный для стражников.

– Грабить не буду, честное слово! Войти можно?

Женщина поразглядывала меня, потом монету, взяла ее, попробовала на зуб и кивнула:

– Заходи. – Но арбалет не убрала. Только немного опустила, чтобы нос мне не оцарапать.

Я сделала шаг и оказалась внутри. М-да, ничего себе местечко. Дом. Сразу от входа начинался каменный зал типа гостиной. В ней несколько табуретов работы инквизиторов (на такой табурет раз сядешь – и час будешь занозы из задницы вытаскивать), камин, в котором спокойно можно было зажарить быка, и стол. Плюс грязь, пыль и паутина. Самая обычная обстановка. Что еще присутствовало в доме, я не видела, потому что женщина спокойно уселась на один из табуретов (вот почему они носили столько нижних юбок!) и показала мне на другой. Я плюхнулась на табурет свой рюкзак и уселась сверху.

– Ну и чего от меня тебе надо? – спросила женщина.

При втором взгляде первое впечатление усилилось. Этакая бой-баба, между двадцатью и тридцатью, невысокая, темноволосая, симпатичная, причем не за счет смазливости личика, а скорее из-за недюжинной силы воли. И вовсе она не толстая. Судя по тому, как она двигается, это именно мышцы. Такая и Шварценеггера на тесто для блинчиков переработает!

- Какой это город? - спросила я.

- Порридж.

- Та-ак.

Кажется, я попала. И совсем не на ТВ, а кое-куда похуже. Или нет? Или да. Мне нужен дракон Краттохен, а Змей Горынычи здесь не водятся. Климат не тот.

- А до Новограда далеко?

- Да нет, совсем недалеко! Если по воде - так пять десятков будет, по суше дольше, - порадовала меня женщина. М-да, не было печали. И кого же я должна благодарить за такое счастье? Вернусь - копыта на уши намотаю! А пока...

- А можно тут корабль нанять? Мне в Новоград нужно, как в сортир!

- Сортир на заднем дворе, - фыркнула тетка. - А в Новогра-ад - это вряд ли.

- Почему?

- А ты что думаешь, я от хорошей жизни на людей арбалет наставляю?

- Вряд ли, - честно говоря, я вообще об этом не думала, после сексуально и финансово озабоченных стражников. Ноги унесла - и ладно. - А что тут творится?

- Да все поохреневали вконец! - коротко выразилась тетка. - Третий год подряд неурожай - крестьяне на дыбы встали, цены на хлеб подскочили, а тут еще король отличился... сволочь! Прикинь, выходит этот недобитый как-то к народу вместе с придворными, все раззолоченные, как не знаю кто, дамы веерами машут, драгоценности сверкают - красиво?

- Наверное, - пожала я плечами.

- Да, красота, - фыркнула женщина. - Только народ с голодухи таких тонкостей не оценил. И этот гад начинает людям на мозги капать - в том смысле, что Принесший терпел и нам велел! Оно бы, может, и так, да только Принесшего в свое время сразу прирезали! У него ни дети с голоду не помирали, ни родители! Народ тоже не проникся. Король обещает, что все будет хорошо, люди хлеба требуют, а тут королева - тоже стервь еще та - и заявляет: «Дорогой, если у людей нет хлеба, может, им пирожные кушать надо?»

- Упс. - На большее меня не хватило. Тоже мне, инкарнация Марии-Антуанетты в новом мире! Что-то мне подсказывало, что кончила девушка так же печально.

- Вот после этого народ и сорвался! А король то ли такая тряпка, то ли еще что помешало - короче, сбежать с той площади он так и не успел! И отскребать его было ну очень сложно.

- Грустно.

- Ага! А потом что началось! Ты прикинь - короля размазали, королевой сверху прикрыли, наследников нет, всяких принцев - хоть засыпся, да только проку от них - как от козла стихов! Народ и разгулялся! Меня самой в тот момент тут не было, я на границе коковала. Меня туда в наказание отослали!

- А за что? - не удержалась я.

- Да ты понимаешь, я по жизни воин, - фыркнула женщина, - а при дворе немного другое требовалось.

- Популизм - это особый подход к начальству, - вспомнилось мне.

- Попу... да, не только попу. Но вот не было меня в столице, я бы им быстро порядок навела! А так приехала, когда все уже кончилось. Своих ребят отослала, сама пока осталась. Да еще, как будто этого мало, какой-то придурок проповедовать взялся. Мол, все эти беды и горести от того, что мы Принесшего прогневали! Как будто тому хоть

какое-то дело есть! И этот урод, свинячий выкидыш, теперь ходит и учит, что одеваться нужно в темное, глаза опускать, женщины – так те вообще не люди, вина не пить, мяса не есть, молиться по три раза в день, даже на сеновал – только с законной женой, да и сеновал – это грех! Нужно только ночью и только в спальне! В темноте и в одной позе!

– Офигеть! – На большее меня не хватило. Я отъехала в нирвану. И так, чего-то в заклинании не сработало! Что именно – теперь не важно, факт тот, что я не в Новограде. А где? А в большой куче... вот-вот, именно того, о чем вы подумали. И как до Новограда добраться – хрен его знает! Время есть, но не очень много. Какой у меня график? До шабаша было семнадцать дней, так? Так! Дальше? Сутки у инквизиторов, сутки у эльфов, двое суток я проходила за волшебной палочкой, еще сутки отдыхала – я ж не железная! Итого еще двенадцать дней. Сколько я могу потратить здесь? Не больше пяти. И то – это слишком круто! Ладно, пусть так! Пять суток – максимум, но лучше четверо! Дней пятьдесят, чтобы добраться до Новограда (надо уточнить), несколько дней в Новограде и несколько дней – здесь. Пока корабль не найду. Что может быть хреннее? Только три зачета в один день. Я как-то сдавала, знаю, о чем говорю. Я достала из кармана ручку и провела полоску по руке. Первый день пошел.

– Меня зовут Тина. А тебя?

– Зови Умбреллой. Короче – Умбра.

И впилась в меня глазами, словно чего-то ожидая.

– Красиво, – из вежливости сказала я.

– И все? – Умбра выглядела несколько ошарашенной.

– А что еще нужно?

– Ты не местная?

– Совершенно не местная.

– Тогда понятно.

– Что – понятно? – У меня разыгралось любопытство.

– Я сейчас в розыске, – пояснила Умбра. – Поймают – повесят. Как служанку короля, которая злостно сопротивляется светлomu знамени свободы. Или еще какую чушь выдумают. Как говорят, за что бы ни вешали, а вешают всегда за шею.

– И ты здесь живешь? – удивилась я. Для меня это было слишком круто.

– А чего? Здесь оно безопаснее! Кто меня тут искать будет? Меня по лесам ищут да на границе!

Это правильно. Я бы тоже так спряталась. Но все же...

– Что-то мне плохо верится, что ты здесь только ради безопасности.

– А ты не спрашивай, я и не совру.

– Да у меня выбора нет! Тут такая, понимаешь, проблема! Ты не думай, я нормальная! Ты о множественности миров слышала?

– У нас это опасная ересь.

– Наплюй и ответь честно. Я что – на стукачку похожа?

– Если бы они были на себя похожи, их бы давно передавили. Ну, слышала...

– Это хорошо. Так вот, я из другого мира.

Я вкратце изложила Умбре всю свою историю. А что? Выбора у меня так и так нет, я читала в основном о Новограде, а про Порридж знаю только то, что он существует

в этом мире. И если мне кто-нибудь не поможет, я рискую просидеть здесь до зимы. Умбра спокойно выслушала меня и подвела итог в трех словах:

- Бреешь ты все.

Я обиделась. И вдруг фыркнула. Я ведь примерно так же отнеслась к Орланде ан-Криталь! И достала свою волшебную палочку.

- Не веришь? Смотри.

Это волшебство было очень простым. И получалось даже у меня, у вечной растяпы. Я слевитировала под потолок и опустила на пол. Потом немного подвигала взглядом предметы. И под конец решила зажечь свечку опять же взглядом. Получилось плохо, на месте свечки вспыхнул небольшой костерок, и я поспешно выплеснула на него воду из рукомойника. Несколько секунд Умбра молчала. Потом ее прорвало:

- ...!!!!!! Так ты мне не врала?!

- Я же сказала!

- Да кто бы в здравом уме поверил в подобный бред?!

- Никто, но это правда!

- Хорошо. А здесь-то тебе чего нужно?!

- Добраться до Новограда! Помоги мне - я хорошо заплачу!

Умбра почесала нос.

- А ты только это делать можешь или чего-нибудь еще?

- А что тебе нужно? Говорю сразу - привораживать никого не стану, в крайнем случае могу посоветовать лосьон от угрей.

- Да нет, дело не в этом! Ты думаешь, чего я тут окопалась? Да в гробу я этот Порридж видела! Я бы уже давно свалила отсюда хоть в Кретолярн, наемники, особенно такие, как я, всюду в цене, с руками оторвут. Просто одного очень дорогого мне человека загребли в Тревано.

- Тревано?

- Ну, сидельник...

- Не поняла?

- А у вас как называется место, где держат заключенных?

- А, местная тюрьма. - Дошло до меня. Блин, Бастилия-два! Но Бастилия пала? Пала! Дайте срок - и эту Тревано уроним.

- И что, никто до сих пор не освободил заключенных?

- Ты не поняла? Это *новые* заключенные. Те, которых загребли уже после революции!

- Интересно, за что?

Умбра несколько минут мялась, как студент на зачете, потом все-таки выдавила с постным видом:

- Дело в том, что мой Веллен - аристократ до мозга костей, потомственный и все такое.

- А почему его тогда не прикончили сразу же?

- Это вызовет осуждение других стран, - объяснила Умбра.

Теперь я вообще ничего не понимала. Когда это революционеров волновало мнение других стран? Сколько знаю революций - на политику во время переворотов чихали все

и дружно.

- Мне кажется, ты чего-то недоговариваешь.

- Ну хорошо. Веллен – поэт. И он пишет пародии на новый режим!

- Пародии-то хоть хорошие?

- Замечательные!

- Почитай что-нибудь?

- В другой раз, хорошо? Скажи, ты сможешь вытащить Веллена из тюрьмы?

- Не знаю, – покачала я головой. Тюрьмы, они тоже бывают разные. – Надо сходить на разведку. Скоро ночь, ты мне поможешь?

- Спрашиваешь! Ради того, чтобы он оказался на свободе, я готова сделать что угодно!

В голосе Умбры звучала такая целеустремленность, что мне стало жутко. Вот такой голос, наверное, и был у Саши Матросова, когда он говорил, что если понадобится – бросится и на пулемет.

- Например? Как ты собиралась его освободить?

- Я хотела прокрасться внутрь под видом шлюхи, – призналась женщина с совершенно спокойным видом. – Главный надзиратель тюрьмы очень охоч до девок и пользуется их прямо на рабочем месте, в пустых камерах. А там уже дело несложное. Связать, спросить, дойти.

Я только покачала головой. До такой глупой самонадеянности даже я не доходила.

- Ты бы сразу засыпалась.

- А у меня был выбор? Тина, прошу тебя, помоги мне! А я, клянусь, я сделаю для тебя все, что только смогу! Хочешь корабль?! Я найму для тебя корабль, только не бросай меня!

Я слушала все это с кислым видом. И надо же мне было так вляпаться! Хотя Умбру тоже понять можно. Такой шанс выпал! Сидеть бы Умбре тут до морковкина заговенья, если бы меня черт не послал. Настоящая ведьма! Все было видно по лицу женщины, и я поспешила опустить ее с небес на землю.

- Я пока не знаю, смогу ли я тебе чем-нибудь помочь. Для начала мне надо осмотреть эту тюрьму. Сможешь устроить?

- Снаружи.

- Лучше бы внутри, но на безрыбье... Когда отправляемся на осмотр?

- Как только стемнеет.

- А не все ли равно? Чем сейчас-то хуже?

- Мной. Я тоже довольно известна в этом городке. И если меня увидят, я окажусь по соседству с Велленом. Или на виселице.

- Чем же ты им так насолила? Если даже не можешь навешать лапши насчет своей преданности великому делу революции?

- Всем, – лаконично ответила женщина, стараясь не вдаваться в подробности.

- Убила? Ограбила? Изнасиловала кого-нибудь?

- Как раз наоборот. Тут меня один мерин дюже хотел, а я его совсем не хотела.

- Мерину как раз хотеть нечем!

- Так в тот момент он еще меринком не был! Это я чуть позже постаралась!

- Понимаю... Ладно, стемнеет - и пойдем. Скажи, а пожрать ничего нет? Я полдня чесала по лесу, чуть бревна с голодухи грызть не начала!

Меня накормили черствым хлебом, деликатесным сыром (два сантиметра плесени вместо восковой оболочки) и колбасой, которая точно была ровесницей Умбры. Все это пришлось запивать какой-то кислой дрянью, похожей на пиво, только еще кислее. К тому же мне пришлось выслушать кучу рассказов о рекомом Веллене. К концу второго часа я твердо уяснила, что человека лучше, умнее, красивее, благороднее и храбрее земля еще не рождала. И не родит никогда. Симптомчики были знакомы наперечет. Так же выглядели мои однокурсницы, по уши влюбляясь в очередного прыщавого кретина. Я хотела было вразумить несчастную, но потом передумала. Слова тут не помогут. Только пристрелить, чтобы не мучилась.

- Сочувствую. Но не пора ли нам?

Нам и правда было пора. Умбра дала мне старый плащ, в который я и завернулась с ног до головы, стараясь не думать, что будет, если на меня кто-нибудь нападет. И как мушкетеры в свое время ходили в таких хламидах? Я даже рукой толком шевельнуть не могла. Но ночью вовсе не было темно. А вокруг Тревано вообще горели костры. Теперь я понимала, почему эту тюрьму трудно взять. Это было что-то типа нашей Бастилии. Высокие стены с зубцами и куча построек внутри. Длина окружности на глаз вряд ли меньше трехсот метров. Высота стены - метров пятнадцать. И внутри наверняка есть колодец, а то и не один. Отличная крепость, и проникнуть в нее - без шансов. Следовало провести разведку сверху. Я оставила Умбре плащ и легко взлетела над стеной. Ну не так легко, как бы мне хотелось, но полчаса я точно продержусь! Я обогнула крепость по периметру, внимательно вглядываясь вниз. Да, дело еще хуже, чем я думала. Колодцев я насчитала целых три, а их может быть и больше. Есть ли отсюда потайные ходы? Да сто процентов - есть! А есть ли шанс отыскать их? Не знаю. В мире Эстрид мне это удалось, но тогда-то я была в волчьей шкуре, а у волка такое чутье! Ни одному магу не снилось. То есть это отпадает? И что делать прикажете? Но пока я раздумывала, висая в воздухе, кое-кто решил за меня.

- А-а-а-а-а!!!!

Я с интересом поглядела вниз. Кто там себе что прищемил? Увы! Никто ничего не прищемил. Прямо подо мной стоял какой-то тип и орал так, что у меня уши закладывало. Вот с ним мы и встретились глазами. Мое сосредоточение тут же нарушилось - и я сверзилась с благих небес прямо на грешную землю. А точнее - на голову этому недоумку. Метко (кажется, я ему шею сломала), но, увы, - к нам уже сбегался народ. Убегать было и поздно и некуда. Меня крепко схватили и куда-то повели. Я не сопротивлялась. Может, меня отведут сразу к поэту? Но нет в мире счастья! Меня отконвоировали в комнату, живо напомнившую мне гостевание у очистителей, и не заставили долго ждать. В комнату вошел какой-то мужчина. Не в доспехах, да на него доспехов и не подберешь - подходящее по росту на брюхе не сойдется, - почти без оружия, если не считать легкого меча на поясе. Зачем он ему - я так и не поняла. Рукоятка была так придавлена жирным брюхом, что быстро выхватить оружие он просто не сумел бы. Свой меч вместе с остальными вещами я оставила в доме Умбры и тихо радовалась этому. Еще скоммуниздят, ищи потом пропажу по всему миру!

Маленькие глазки, похожие на гнилую смородину, осмотрели меня с головы до ног и остались довольны увиденным. Еще бы! Полупрозрачная маечка и штаны в обтяжку не оставляли простора воображению! Я тоже оглядела типа. Ну что тут сказать? Человека сделали из глины? Допустим! Но этот экземпляр лепили позднее, в припадке дурного вкуса и плохого настроения, и лепили из желе. Меня просто передернуло. А этот типчик заговорил, потирая руки:

- Та-ак, деточка, а теперь расскажите дядюшке Граа, что вы здесь делали и как к нам попали?

Отрицать смысла не было. Но и отвечать сразу, не поиздевавшись? Не люблю самозванных родственничков! Да и настоящих тоже.

- Да так, мимо пролетала!

- Пролета-ала? Шутница ты, девочка!

- Не верите? Ну и не надо!

- А ты докажи? Полетай?

- Ага, счаз-з. Я тут летать вам на потеху буду, а вы мне что за это? Фиг с повидлом?

- А чего ты хочешь?

- Ну уж точно не ваш поцелуй! – презрительно фыркнула я. – Давайте так, я вам покажу пару магических фокусов, а вы за это выпустите одного заключенного?

Дядюшка Граа затрясся, как желе. А, это он смеялся!

- Ой, шутница! Ну, насмешила старика!

Я начала перебирать майку между пальцами. Мои студенты в такие моменты шарахались от меня на километр. Я медленно теряла контроль над собой. Но новообращенный родственник этого не знал.

- Ты мне сейчас кое-что покажешь, а я тебя отпущу на свободу, хочешь?

И дядюшка с намеком уставился на мою грудь. Я фыркнула:

- По мне так лучше затяжной понос. Знаешь, у меня с детства отвращение к самодовольным козлам!

- Стра-а-ажа!! – взревел обиженный кровосмеситель.

И когда вбежали двое мужиков в униформе, распорядился:

- Посадите ее в камеру на шестом этаже. Я ее навещу попозже. Вечерком!

- Да пошел ты, – фыркнула я.

Стражники переминались с ноги на ногу.

- Господин, – вякнул наконец тот, что постарше, – на шестом этаже ведь...

- Я кому сказал?! – провизжал дядюшка. – Немедленно!

Я послушно пошла вместе со стражниками. Собственно, того мне и надо было! Ломиться в ворота тюрьмы, героически прошибая их головой, – это не по мне. Я вам что – Конан-варвар? Не-ет, я женщина, а это еще круче. Внутрь я попала, теперь осталось только провести диверсию!

Комната, в которую меня определили, оказалась не очень комфортабельной. Главной ее принадлежностью была огромная кровать. Все остальное – так, побоку. Мебель старая, по углам паутина. Но застелено свежим бельем. М-да, надо отсюда убираться до прихода дядюшки Граа. Зачем лишний раз убивать людей? Правильно, незачем! А если он до меня дотронется, я попросту не удержусь. И вообще, сидеть в такой камере – это позор для славных предков! Решетки на окнах чуть ли не провололочные, их выломать – раз плюнуть. (Правда, шестой этаж, но я и веревочную лестницу сделать могу. Могу? Нет, не могу. Тут как раз под окном – вход в здание и двое стражников.) Ну и что? Все равно удеру! Летать же я не разучилась?!

Я подождала, пока затихнут шаги за дверью, и осмотрела ее. Отлично. Дверь тяжелая, дубовая, но запирается снаружи – на засов, к косяку прилегает плотно, даже ножа не просунешь, но у меня и нет ножа. И он мне не нужен. Ведьма я или уже где? Пусть я не умею колдовать, как та же Лирин, но на такой пустяк меня хватит. Я успела осмотреть дверь снаружи и теперь закрыла глаза. Представила себе засов во всех подробностях и потащила его вверх. Это мне удалось. Через пару секунд что-то металлическое лязгнуло об пол. Я приоткрыла дверь. Отлично. В коридоре никого, только я. Будем проводить диверсию! Ибо я в большом нервном расстройстве! Ну что за миры, а? Лирин рассказывала мне о таких чудесах, а что у меня? Очистители, братцы-предатели, заговорщики и сексуальные маньяки! И Орланда ан-Криталь на закуску!

Я прошла по коридору. Коридор был отмечен еще несколькими дверями, но заперта оказалась только одна. Тоже на засов. Стражники говорили, что на моем этаже кто-то есть. Надо навестить товарища по несчастью. Заодно узнаю, где искать Веллена. И вообще, надо освобождать заключенных. Во-первых, просто из принципа, а во-вторых, чтобы в поднявшейся суматохе всем стало просто не до меня. Я подумала и постучала.

- Войдите!

Я вытащила засов из пазов и открыла дверь. Эта камера была обставлена гораздо роскошнее моей.

На кровати, за которую Людовик Четырнадцатый продал бы душу, лежал молодой человек в халате и листал книгу.

- Привет, - поздоровалась я.

Зря я так сразу. Книга вылетела у парня из рук и приземлилась где-то в углу, а он вскочил с кровати.

- Ты кто?

- Человек, не видно, что ли?! Меня тут заперли! Слушай, где можно найти мужика по кличке Веллен? Мне его заказали вытащить из тюрьмы.

Парень закатил глаза и осел на кровать.

- Вот слабонервный народ пошел, - бурчала я, отвечивая мужчине пару пощечин. С левой руки, с правой, опять с левой и опять с правой. Ну вот, кажется, пришел в себя. Вовремя, а то у меня уже ладони гудели. Жертва моей внезапности открыла глаза. Теперь я смогла рассмотреть парня. Что тут сказать? Симпатичный брюнет лет тридцати. Отлично сложен. Подходил под описание Веллена, кстати говоря, но под него и еще три сотни людей подходят, теперь всех тащить, что ли?

- Кто тебя послал за мной?

- А ты - Веллен?

- С утра был. - Мужчина быстро приходил в чувство.

- Его подруга, - кратко ответила я.

- Умбра?

- Помнишь, значитца. - Неужели это он? Но надо проверить. Такого везения не бывает!

- А ты даже не знаешь, кого спасти взялась? Ни одного портрета не видела?

- Я только сегодня приехала, - не покривила я душой.

- Веллен - это действительно я. Отвернись!

- Зачем?

- Я переоденусь.

- Да ладно, переодевайся так! Что я - голых мужиков не видела, что ли?

- А что - видела?

- Представь себе. Не ты первый, не ты, будем надеяться, последний.

- И много?

- Ты мне уже ничего нового показать не сможешь, - фыркнула я. - А как насчет приметы?

Примета действительно была. Маленький шрам на попе, слева, в виде звездочки. От ожога.

- Тебе что - приметку показывать?

- И покажи, не развалишься!

Веллен с ухмылочкой приспустил штаны и повернулся ко мне задом. Все так, шрам, слева, в форме звездочки. Последняя проверка. Я прочитала несложное заклинание.

- Ты и правда Веллен? Только отвечай мне честно!

- Меня называют и так. И я знаю Умбреллу. И люблю ее. Хотя у меня есть и другое имя. Его назвать?

- Нет. Не нужно. - Я отпустила заклинание и расслабилась. Он не солгал. Что ж, Веллена я нашла, теперь осталось вытащить его отсюда.

Мы молча шли по коридору, я первая, Веллен за мной. Как бы сейчас пригодилась шкурка оборотня! Но идти было недалеко. Только до камеры в конце коридора. Веллена я нагрозила кучей простыней и прочей пакости. В камере все оказалось так, как я и рассчитывала. Большое симпатичное окно. Имелись и решетки, но тоже такие позорные!

- Здесь держали женщин, - пояснил Веллен.

Я фыркнула. Что мне, что той же Умбре - один ломик и две минуты. За неимением ломика очень подошла тяжелая скамья, которой я от всей души зафигачила в окно. Душа оказалась широкой, а решетки - паршивыми. Скамья грохнулась где-то вниз. Мы накинули веревочную петлю на кровать, и я слевитировала вниз. Веллен, решив ничему не удивляться, лез по веревке, как примерный узник. До земли мы добрались без происшествий, и встал ребром вопрос - кво вадис? То есть куда идти дальше?

Подойти к воротам и попросить нас выпустить? Не прокатит. Слевитировать через стену? Я - да, а вот что с Велленом делать, когда он выше меня на голову и тяжелее килограммов на двадцать? Так подбросить? И веревки-то никакой нет! Зато есть... Я выглянула из-за угла. Двое стражников выводили лошадей из конюшни. Как кстати! Как вовремя! Мы поняли друг друга с полуслова, и я помчалась к конюшне, готовясь к диверсии.

- Здорово, мальчики!

Мальчики ошалели. Еще бы! Я все-таки успела стянуть свою майку, а нижнего белья отродясь не признавала! Этого оказалось достаточно. Появившийся сзади Веллен треснул поленом сперва одного, а потом и другого. Я поспешно завела лошадей обратно в конюшню и влезла обратно в майку. Веллен затащил стражников внутрь и принялся раздевать. Протянул один комплект мне. Я взяла камзол, плащ и шляпу, надела сапоги прямо поверх кроссовок и кое-как заползла в седло. Маскировка на уровне, блин! Лошадей я не любила, но авось не шлепнусь? Веллен уже сидел на коне.

- Попробуем? - предложил он.

- А что - у нас выбор есть?

Мы выехали из конюшни и направились к воротам. Стража пропустила нас без звука, тем более что Веллен ненавязчиво помахивал каким-то конвертом. Сразу за воротами мы взяли в галоп и остановились только на соседней улице. Я поспешно разделась.

- Надо найти Умбру!

- Где вы расстались?

- У стены Тревано. Идем?

- Да.

Но идти далеко не пришлось. Умбра вылетела из переулочка прямо на нас. И с эскортом. За ней гнались трое пьяниц. Веллен схватил девушку за руку и рванул, отшвыривая к стене. Там она и осталась, тяжело вдыхая воздух и вглядываясь в темноту. Зато

налетели алкоголики. Дыша водярой и портянками... Одного я встретила уверенным ударом по яйцам, второго двинул в челюсть Веллен, третий предпочел удрать сам. Умбра проморгалась – и бросилась на шею Веллену. Я отвела в сторону завистливые глаза. Какие бы логические дыры ни зияли в ее истории – но они друг друга любят. Даже не так. Они просто две частички одного целого. Где-то в глубине души зашевелилась мыслишка, что у нас с Ники ну совсем не так. Нам хорошо вместе – но такой любви, настоящей, попросту нет.

– Может, пойдём отсюда? – предложила я.

Если и бывают чудеса – так это оно. То, что мы умудрились добраться до места без приключений.

– Когда ты полетела, а потом переполох поднялся, – рассказывала Умбра, не отпуская руки Веллена, – я поняла, что тебя схватили. Решила – буду ждать сутки, потом попробую пойти сама. А тут на меня эти трое налетели! Я бы и сама с ними справилась, только убивать вблизи тюрьмы мне нельзя! Шум был бы, еще и поймать могли! Я решила увести их подальше, а там по обстоятельствам. Или удрала бы, или просто убила. Но наткнулась на вас! А как вы...

– Да просто, – фыркнул Веллен. – Я как раз сидел, читал Морфена, а тут в дверь постучали, и твоя подруга входит. Кстати, а кто она?

– Тина. Ведьма, – отвесила я короткий поклон. Ну да, представиться я забыла.

– Ве-едьма? – недоверчиво протянул Веллен. – Настоящая?

Вместо ответа я протянула парню руку.

– Дотронься и убедись. И потом... Кто ж еще кроме ведьм такими делами пробавляется?

– А где Умбра вас нашла?

Уже «вас»? Какие все сразу уважительные становятся! Определенно, я правильно выбрала профессию. Это вам не биологию преподавать разным болванам.

– Случайно вынесло. Она вам потом расскажет. Веллен, а вы вообще-то кто? Только честно?

– Че-естно? Ну, если честно – то я двоюродный брат погибшего короля со стороны его матери. У той была старшая сестра, она вышла за короля Ливенрелла, родился я. И на свою голову приехал сюда во время революции. Хотя нет! Хорошо, что я сюда приехал! С Умброй мы познакомились уже тут!

– Я рассказывала тебе чистую правду, – спокойно призналась женщина. – Я служила в дворцовой страже. Так иногда делают, если род знатный, но ужасно нищий. С Велленом мы познакомились уже на границе. Мы сразу влюбились и провели там немного больше времени, чем нужно. Я старалась отговорить его ехать сюда всеми способами, но куда там! Сбежал, поросенок! – Она потянулась отвесить Веллену оплеуху, но тот увернулся, перехватил руку и ловко чмокнул ее пониже запястья. Умбра довольно улыбнулась и продолжила: – И когда он отправился в Порридж, я чуть с ума не сошла! Бросилась за ним, но опоздала. Оставалось только ждать подходящего случая.

– Пожениться нам бы не удалось, – улыбнулся Веллен. – Мои родственники сожрали бы нас без соуса, но теперь, под мое спасение, никто и не пискнет!

– Тина, а ты не побываешь у нас на свадьбе? – спросила Умбра.

Я только головой покачала:

– У меня жутко срочное дело. Мне надо как можно скорее оказаться в Новограде. Умбра, ты мне обещала помочь с кораблем?

– Корабль давно ждет у причала. Я думала, что придется уехать в ту же ночь, сразу после побега, – тряхнула головой женщина. – Только домой зайдем кое-что забрать! Это мигом!

- Отлично! - Веллен искренне обрадовался. - Ты едешь с нами. В Керинато мы сходим на берег, это как раз по пути, а потом наш корабль доставит тебя в Новоград!

- Договорились, - просияла я.

И через час мы втроем стояли на палубе корабля, который отходил в Новоград. Умбра и Веллен смотрели на город без особой тоски во взгляде. Я уже успела выудить из Веллена все подробности его пленения. Оказалось, что он приехал в Порридж просить помилования для своего брата или освободить его. Но куда там! Его мгновенно упрятали за решетку. Но и убить не решались. Все-таки принц соседней страны, не хвост собачий. Если за него вздумают мстить, проблем не оберешься. Наверное, его все-таки прикончили бы, но тут вмешалась я. Кажется, это становится хорошей традицией - помогать королям и их возлюбленным. По крайней мере, это выгодно.

Глава 9

Следующие сорок дней я почти ничего не делала. Только нагоняла нужный ветер в паруса. В результате мы прибыли в Ливенрелл всего через месяц. Влюбленные сошли на берег в Керинато под радостные вопли всего города. Я только порадовалась. Меня уже достали их телячьи нежности! Находиться с двумя страстно влюбленными придурками на одном судне размером где-то с ботик Петра Первого? Не-ет, это просто невозможно представить. Нам с Умброй отвели каюту – одну на двоих, размером как раз чтобы ноги вытянуть и два гамака подвесить, – и начался сплошной кошмар. К концу второй недели мне просто хотелось утопить эту парочку. И команда меня бы поддержала. Каково?! Идешь на камбуз – они обжимаются в коридоре. Возвращаешься в каюту – они там целуются так, что только стены не плавают. Просыпаешься ночью и собираешься, простите за неприглядные подробности, вылить ночной горшок... (Мужчинам в этом отношении лучше, а мне при мысли, что надо задницу за борт высовывать, становилось немного не по себе. Пусть меня и уверяют, что акул в этих местах не водится, но меня это мало утешало. Так что оставался только ночной горшок – унитазов здесь еще не изобрели, хотя я подробно описала Умбре это полезное приспособление, и она решила заказать себе такое, приколотить над дыркой в уборной.) Так вот, эти двое уже стоят там в обнимку, любуются звездами и смотрят на тебя с подозрением. Определенно, ты их просто преследуешь! Такая вот се ля ви, блин! Так что все были счастливы от них избавиться. А еще через десять дней мы прибыли в Новоград. С корабля я сошла усталая, злая и грязная. Хотелось нормальной пищи, искупаться и выспаться в нормальной кровати. Хорошо еще, я от морской болезни не страдаю!

Но Новоград мне даже в таком сомнительном расположении духа понравился. Чистенько. Домики – как игрушки. Бревнышко к бревнышку, вокруг маленькие палисаднички, как у нас в частном секторе. Оградки. А какие тут наличники! У меня руки зачесались отодрать парочку. Это просто деревянное кружево! В таком домике я бы и пожить не отказалась. Купить себе, что ли? Деньги позволяют. Но сейчас мне требовалось немного другое. Нужно было устроиться на ночлег и выяснить, где можно найти Змея Горыныча. И завтра с утра отправляться на поиски. Сегодня тоже еще не вечер, но этот день пойдет на добывание полезной информации. Я внимательно всматривалась в домики по обеим сторонам улицы, пока не нашла взглядом нечто подходящее. Домик симпатичный, палисадник с множеством цветов, но в облике какая-то неухоженность. Краска кое-где облупилась, ставня покосилась... Я свернула с дороги, открыла калитку, подошла и решительно постучала по одной из ставен. Ответа пришлось ждать долго. Но наконец дверь распахнулась. На пороге стояла бабка лет так семидесяти.

– День добрый, бабушка, – поздоровалась я. – Не пустите ли меня переночевать? А я заплачу, не обижу!

Бабка колебалась. Я достала из кармана золотую монету и протянула ей.

– Половина оплаты вперед.

Это решило дело.

– Заходи, сынок. Да только мне и того хватит. Ить за эту монетку коня купить можно!

Вот это меня волновало меньше всего. Деньги были, так что я сунула бабке еще одну монету.

– Это – за честность. И за то, что обо мне соседям не расскажете.

– А ты кто ж такой будешь, сынок? – забеспокоилась бабуса.

Я спокойно сняла куртку, оставшись в одной маечке.

– Меня зовут... называйте Тиной. Здесь мои родители живут. Я из дома сбежала с любимым пять лет тому как. Вот, решила проведать, узнать, как у них дела. Да боюсь, они мне не обрадуются.

– Что ж так?! – заохала бабка.

Лапшу на уши я вешать умела.

– Да мой муж с моим батюшкой не поделили чего-то! Я о сватовстве заговорила, так мне папенька едва всю косу не выдрал! Я взяла да с любым сбежала. Батюшка тогда меня убить клялся. А сейчас вот пришла выяснить, что да как у них! Только чтобы они обо мне не знали.

Бабка закивала. Поверила. Значит, будет молчать. И хорошо. Я не тампоны тампакс, мне реклама ни к чему.

– А кто ж твой муженек будет?

– Да он животных лечит.

Пришлось ответить еще на кучу вопросов, типа, не смогу ли я вылечить корову соседки Муренихи и свинью соседа Дубовоза, объяснить еще раз, что лечит вообще-то мой муж, а на моей шее дом и дети, и вежливо донести до бабкиных мозгов, что мне не нужно идти к родителям, то есть их имя останется неизвестным широкой общественности. Обломив бабкины надежды на хорошую сплетню, я плавно перешла к своим вопросам. Для начала мне нужно было узнать, где водятся Змеи Горынычи. И я не придумала ничего лучше, чем спросить в лоб. Бабка уставилась на меня так, словно у меня на лбу рога выросли.

– Да ты чего, дитятко? Ить они как жили в пещерах за рекой, так там и живут! То корову унесут, то овцу, никакой от них жизни людям не стало! А недавно один из них вообще к нам летать повадился! О том году на площадь сел и царя к себе потребовал. Говорит, весь город сожгу, ежели не придет! И сжег бы, проклятый! А как царь к нему пришел, так тут еще хуже! Говорит – давайте мне каждый месяц по девице, да чтобы покрасивее была, я их есть буду!

– И ест?

– И не отравится, поганый! Мы уж и так, и так... Теперь жребий кидать назначили! Родители ревут, девки – и того хуже, а куда не денешься! Откажешь ему – так он всех сожжет, а кого не спалит, того сожрет!

Я фыркнула. Вот честно, никогда не понимала этой инертности. Собрались бы да навалились все скопом – и с площади бы этого змея с камнями отскребали! Или того лучше, выбрать девицу-камикадзе, накормить ее ударной дозой мышьяка, килограмма так два, перед самым прилетом змея, а там пускай гад себе промывание желудка устраивает, если до воды доползти успеет.

– А когда этот ежемесячник наступает?

– Чего?

– Ну, когда ему девицу выбирают?

– Так через два дня и срок подойдет! Девки уж по городу и не ходят! Дома сидят, ревмя ревут!

Я потерла нос. Ждать два дня не хотелось, но топать за речку хотелось еще меньше. Я погладила рукоять меча, торчащую за спиной. Вообще-то с одной змеей он уже справился. Можем проверить на прочность и вторую. А если змей раньше успеет проверить на прочность меня? Я же его видела только на картинке! И без всякого масштаба. Три головы, две лапы верхних, две нижних, зад жирный... Но опять же без масштаба! Хоть человечка бы рядом пририсовали для сравнения.

– А большой змей-то, бабушка?

– Ой, большой, внученька! Аж с мой домик будет!

– М-да.

Домик у бабки был двухэтажный, короче, высота все шесть метров, если не восемь. А если змей с домик, значит, он еще и побольше будет. И чего делать прикажете?

Мне с такой змейкой не справиться, я не Чак Норрис. Я вообще на героиню не тяну! Мое призвание – это биология! Я должна не чешую с этого змея обдирать и тем более не прикидывать, как его лучше угробить, а охранять и защищать реликтовых динозавров! Хотя выбора все равно нет. Я задумчиво выпила чашку чая и попросила бабушку указать, где я могу поспать до утра. Смеркалось, а я устала, да и ноги болели. Бабушка постелила мне на втором этаже, я легла и отключилась.

Что это?!

Мой священный сон нагло прервал какой-то рев. Как буренка, которую три дня не доили, только раз в пять громче. Эта гадость разбудила меня и постепенно удалялась. Я запрыгнула в штаны, накинула куртку и, на ходу прилаживая меч и рюкзак, скатилась вниз. Бабушки там не было. Но народ бежал по улице в одну сторону. Я подумала и отправилась за ними. Как выяснилось – на городскую площадь. Народа там оказалось – негде яблоку упасть. Но центр площади был свободен. Там стоял небольшой постамент, на котором сидели двое – явно король и королева, а за их спинами стояли шестеро детей. У всех восьмерых носы уточкой, у короля и деток полное отсутствие подбородка, а у королевы и деток – блекло-соломенные жидкие волосы и полное же отсутствие бровей с ресницами. И на головах у всех шестерых были тоненькие такие обручи. А перед помостом на лошади, закованной в броню, вертелся...

Рыцарь? Да, именно рыцарь! Самый настоящий!

– Что это за броненосец? – спросила я у соседа.

– А ты что, не видишь? Перстоносец!

Я видела, что на щите и спереди на доспехах у него намалеван кулак с выпущенным вперед средним пальцем, и мне это не понравилось. Спрашивать, какого перста ему здесь надо, я не стала. Рыцарь опять поднес к губам чей-то рог и протрубил. Этот звук я сразу узнала. Ну, погоди, паразит! Будь ты хоть весь в металле, а будить меня никому не позволено! Вот выйду и навалю ему в сопелку без турнира. А не он мне? Он-то на коне и в железе, а я на ногах и с наглостью вместо брони. Рыцарь тем временем поднял забрало и затрубил. Пронзительный писк заставил меня сморщиться. Дальше все вышло самопроизвольно. Непонятно откуда взявшийся гнилой помидор воспарил над толпой, уверенно набрал высоту и вцепился прямо в отверстие рога. Рыцарь то ли подавился, то ли захлебнулся, но дудеть перестал. Люди на площади заржали. Металлист с трудом вытряхнул из рога помидор, отплевался и опять поднес эту пакость к губам. Второй помидор медленно так, с намеком, вышел на цель. Намек был понят мгновенно. Рог опустился к седлу, а рыцарь достал какую-то желтую трубку... нет, свиток! И начал читать.

Ультиматум!

Милостию Принесшего, волею светлейшего короля Арримуса и магистра Рекостена в сороковой день лета 1346 года от Принесения объявляю!

Мы, король Ливенрелла Арримус Второй, приказываем всем жителям Новограда сложить оружие и подготовиться к торжественному приходу нашего победоносного войска. Отныне вы будете входить в состав Ливенрелла и пользоваться равными с ливенрелльцами правами. Кроме того, вы должны выплатить нам контрибуцию, равную налогу за десять лет, за весь ваш город и построить в нем три храма Принесшего. Тогда все вы останетесь живы. В противном случае наша победоносная армия возьмет Новоград и сровняет его с землей, не пощадив ни единого живого существа.

– Это все? – робко осведомился король.

– Все! – рявкнул рыцарь. – Я жду ответа.

Я посмотрела на короля и поняла: сдастся со всеми потрохами. Потом обвела взглядом народ. Народ был недоволен. На рыцаря взирали без любви, а на помидор,

так и висевший в воздухе, – с ожиданием. Ну не могла же я разочаровать людей!

Помидор с глухим чавком вцепился в уже опущенное забрало. В толпе зааплодировали.

– Это и есть ваш ответ?! – грозно отплюнулся рыцарь.

Король начал подниматься со стула, протягивая вперед руку. И я поняла, что сейчас он остановит этого козла, да еще и извинится. И вступила сама:

– Эй, мужик, тебе ясно сказали – вали отсюда! Тебе здесь не рады!

– Наглая смердовка! Молчи, пока благородные разговаривают! – проорал рыцарь.

Этого я уже вынести ну никак не могла.

– Я, может, и не ношу на себе три пуда железа, но я гораздо симпатичнее, умнее и сильнее тебя. Вот тебе мой ультиматум! Победишь меня – получишь город.

Теперь ошалели все. Кто-то схватил меня за руку.

– Ты что, не дури, он же тебя...

Я только фыркнула. Стянула куртку и рюкзак и закинула их на помост. Авось оттуда не сопрут. Меч? Не смешно. Я скорее сама зарежусь, чем доберусь до этого уроды. И я достала из специального чехла (презент от Лефрозля) свою волшебную палочку. Теперь все фыркали. А что, забавно смотрелось. Против рыцаря, всего в броне и на коне, девчонка в одной маечке и штанах, вместо меча – веточка с тремя листочками. Но этого хватило. Люди поспешно разбежались по углам. Рыцарь достал из ножен меч и направил на меня свою лошадь. Медленно, уверенно, собираясь растереть меня в порошок...

– Еще раз предлагаю передумать, – произнесла я. Бесполезно. Этот тип пер на меня, как трактор.

Я сосредоточилась. Ну не хотелось мне убивать этого осла бронированного, я только хочу... ой! Что же я опять наделала?! Доспехи на рыцаре медленно плавились и темнели на глазах. Бедняга взвыл. Лошадь встала на дыбы, и всадник полетел носом на мостовую. А когда поднялся – взвыли уже люди. Как я это натворила – сама не представляю. Но рыцарь стал большим... ослом?! Меч превратился в хвост, латы потемнели и вросли в тело, шлем изменил форму, придавая лицу необходимую приплюснутость и вытянутость. Обычный осел, только немного побольше размером, и все тело вместо шерсти покрыто чем-то вроде чешуи. Осел опустил на все четыре копыта и взревел. Я подумала и тоже опустилась на мостовую – меня ноги не держали. До меня только что дошло, что я – обезьяна с гранатой и есть. Сила есть, ума не надо. Это обо мне. Тем временем рыцарь осмотрел себя, ощупал и взвыл так, что даже я вернулась из нирваны.

– Что ты наделала, ведьма?!

– Я не нарочно. Правда, – попыталась оправдаться я. Мне не поверили. А зря. Я и правда случайно.

– Верни мне прежний облик!

– А ты признаешь себя побежденным? – Потрясение прошло, и ко мне быстро вернулась деловая хватка преподавателя. Я его опять в рыцари, а он меня на коврик перед порогом? Не-ет, так дело не пойдет.

– Признаю, – выдавил осел.

– Тогда с чего мне тебя превращать обратно? Сам должен понимать, отправишься к своему хозяину, передашь ему, мол, так и так...

– А он мне поверит?

Вопрос был резонным. Я бы тоже не поверила.

– Хорошо. К своему хозяину ты отправишься в человеческом облике. – Я покрепче сжала

веточку в руках. – Но заплатишь мне выкуп.

– Я женат, – процедил осел.

– А я замужем. Так что тебе здесь не светит. Платить будешь ответами. Согласен?

– Смотря какими.

– Правдивыми, – порадовала я осла.

– Если это не затронет моей чести и верности, – заупрямился мужик. Я его зауважала. Лично я бы сейчас на его месте такой лапши врагам навешала...

– Молодец, мужик. – Я сжала палочку и напряглась. Передняя левая ослиная нога превратилась в нормальную руку. – Если не будешь отвечать правдиво, так мне и скажи. Не то, если ложь почую, ходить тебе в ослиной шкуре до конца дней.

– А остальное?

– А сколько вас сюда приперлось?

– Две тысячи.

Вторая рука обрела свой законный облик.

– Хорошо. И долго вам до Новограда чесать?

– Не понял?

– Добираться сюда, говорю, долго?

– Три дня, не больше.

– Хорошо. А теперь вопрос на засыпку. С какого рожна вы, друзья, решили на нас войной пойти?

Осел в раздумье пошевелил ушами.

– Слышал я тут один разговор. Типа, верховному жрецу Принесшего знамение было! Явилась ему дева светлая в одеждах белых и повелела пойти войной на ваш город, дабы искоренить зло, что тут притаилось.

– Ни хрена не ясно.

Я взмахнула веткой, и рыцарь встал на ноги.

– А мои доспехи?

– Чего нет, того нет. Народ, дайте ему нож!

Кто-то из толпы услужливо протянул рыцарю здоровенный хлебный нож.

– Ткни себя в руку, – предложила я.

– Зачем? – отшатнулся парень.

– Ткни, не бойся.

Рыцарь послушно провел ножом по коже. Потом ткнул посильнее. Потом нажал от души. Ни фи-га! Хоть бы одна царапина появилась!

– Дошло? Я не настолько хорошая ведьма. Теперь твоя кожа – это твои доспехи.

– И так на всю жизнь?!

Интересно, чего в его голосе было больше – восторга или ужаса.

– Не знаю. Не надо было со мной связываться. Ты все понял?

Рыцарь понял и мой намек. Он послушно вскочил в седло, чуть поморщился и прищипорил коня. Люди смотрели на меня в полном обалдении. Первым опомнился какой-то кузнец, судя по внешнему виду.

– А ты кто ж такая, девка, будешь?

На «девку» я не обиделась. Это у нас в России ругательство, а здесь – нормальное обращение.

– Называйте Тиной. Я тут так, мимо проходила. Мне Змей Горыныч для опытов потребен, а к вашему городу, говорят, один такой летает? Я и решила зайти.

– А посланца зачем выгнала?! – взвизгнул король. – Они же нас теперь....

Дальше я слушать не стала.

– Тогда, теперь, это твой город?! Ты тут король?!

– А... э... я...

– Так что у тебя за бардак тут творится? – заорала я совершенно по-хамски. – Змеюки людьми питаются! Стража на воротах распустилась до последнего! Всякие козлы тебе ультиматумы ставят! А ты сидишь и не хрюкаешь! Ты хоть что-нибудь умеешь делать или только детей?!

– Умею! – оскорбился король. – Стра-а-а-ажа!!! Взять ее!!!

Я лениво повела вокруг себя палочкой.

– Рискните, ребята! Но сперва послушайте меня. Через два дня прилетает змей. Через три дня – у вас появятся проблемы с этими броненосцами...

– Перстоносцами, – перебил меня кто-то.

– Ну, перстоносцами! Какая разница! Дело не в этом! Я могу вас избавить и от того и от других. И совершенно бесплатно! Хотите?

– Да!!!

– Хотим!!!

– Помогите нам!!! – раздалось из толпы.

– Тогда слушайте меня и помогайте. За два дня нам надо успеть сделать просто до хрена всего!

– А колдовство? – спросил кто-то.

– А самым слабо? – парировала я. – Если у них маг окажется, как тогда? Я тоже не всесильна!

Аргумент дошел до народа, был заглочен и медленно переваривался. Я сидела и ждала результатов.

И дождалась. Через полчаса из толпы вышел рослый парень, от которого нестерпимо несло кожей.

– Чем помогать надо, ведьма?

– Тина, – поправила я, расплываясь в улыбке.

– Никита.

– Отлично. Никита, мне нужно вот что...

Глава 10

Теперь я с полным правом могу говорить, что сотворила чудо. За эти два дня город полностью подготовился к защите. Я привлекла все свои знания по истории и тактике, вспомнила исторические фильмы и рассказы мужа, добавила житейскую смекалку, и получилось – нечто! Стены обильно обмазали маслом. Запасли камней. Завели в город скотину. Я лично прочитала над всеми колодцами в округе заклинание, и любой, кто только выпил бы хоть глоток воды, – неделю бы маялся поносом. И приготавилась к прилету змея.

В назначенное время, на второй день после своего прибытия, я стояла, прикованная к скале за городом, и сравнивала себя с Андромедой. Сравнение было не в мою пользу. Ту дуреху спас Персей, а кто спасет меня? Некому. Не Олечка же подсуется? Она скорее сама меня зажарит. Интересно, как там мой муж поживает? Ничего, вот разберемся со всей этой ерундой и устроим медовый месяц на Багамах. Или где еще почище! Поедем в мир Эстрид, например! Мне там понравилось. Со Славкой повидаемся, узнаю, женился он или нет...

Сильный ветер бросился в лицо. Я пригляделась и кивнула. Ну, так я и думала. Ни фи́га этот змей не летает! Ну, то есть он летает, но совсем по-другому. Его крыльев хватает как раз чтобы держаться в воздухе, а вместо полета он использует магию и проскальзывает между потоками воздуха, постоянно открывая и закрывая мини-ворота. Так – самый обычный Змей Горыныч. Три головы, толстое, но гармоничное тело, хвост, лапы.словно из сборника русских сказок с картинками. Я спокойно ждала. Змей приземлился на площадке и пошел ко мне с нехорошими намерениями. Я ему посочувствовала. Страшная голова протянулась ко мне. Пасть открылась. Сверкнули острые белые, как кинжалы из слоновой кости, зубы. И голова тут же отдернулась. И неудивительно. Перед операцией я одолжила наряд у местного золотаря и как следует вымазала его навозом. Аромат получился такой, что меня даже никто провожать не вышел. И их можно было понять. Не примени я одно заклинание, я бы тоже не выдержала. Змей так дернулся от меня, что чуть не свалился с площадки в речку.

– Ты что, искупаться не смогла?

– И надеть что почище?

– Даже перед смертью?

Все три головы говорили по очереди, впечатление это производило то еще.

– Надо встречать свою смерть достойно...

– И не стараться унести в могилу ни в чем не повинного меня.

– Да одним запахом от тебя отравиться можно!

Не знаю, чего ожидал змей, но визжать я не стала.

– А тебе не все равно? Ты девиц требовал – ну так ешь! Или надо было указывать с самого начала, чтобы девиц мыли и обливали одеколоном и духами.

– Издеваешься?! – взвыло ископаемое.

– У меня же на духи и одеколон аллергия!!!

– Ужасно! Чихаю и кашляю!!!

– А на навоз? – не упустила случая спросить я.

– Мое обоняние в пятьсот раз тоньше человеческого!

– И сейчас твое присутствие как удар дубиной по носу!

– Я уже почти перестал чувствовать запахи!

– Бедняга! Знаешь, я тебе сочувствую!

У всех трех голов в один момент отвисли челюсти. Я продолжила трепаться дальше. Надо было протянуть время. Если уж этот змей меня не съел сразу, значит, мы просто обязаны подружиться!

– Слушай, а чего тебе людей есть понадобилось? Они знаешь какие вредные? Вот моя мама после очередной моей проделки говорила, что любой, кто меня съест, просто отравится!

– И ты, зная это, пришла сюда?

– Моей смерти хочешь?!

– Чтобы я отравился?!

– Во-первых, у меня просто выбора не было. Меня сюда насильно привели. А во-вторых, ты же меня пока не съел! Хочешь, расскажу, что я в детстве вытворяла? Сам убедишься, что меня кушать очень вредно!

– И что же ужасного ты натворила?

– Парня у другой девки отбила?

– Или мужа из семьи увела?

И почему все мужчины, даже Змеи Горынычи, считают, что больше женщины ни на что не годятся?!

Проще было перечислить, чего я не вытворяла. На шесть змеевых ушей – по два на глупую зеленую голову – легло шесть тонн отличной лапши из раздела «Шуточки на Ивана Купалу» и повисло намертво. Я мазала дегтем свиней, а смолой стулья и пол перед кроватью, расписывала ворота коровьим навозом в стиле модерн, намертво заклинивала двери, наливала клей в валенки и лапти, ловила крыс, чтобы вытряхнуть их в трубу или запихнуть кому-нибудь за шиворот, подмешивала слабительное или рвотное в пищу, подменяла поленья из поленицы на поленья с начинкой, при сгорании которой выделялся едкий и вонючий дым, изображала привидение...

Короче, будь все рассказанное мной хоть на десятую часть правдой, меня бы скормили змею еще в первый его прилет, да еще и доплатили бы, чтобы съел. Но он пока не собирался этого делать. Змей с удобством устроился на песке, раскинув в стороны крылья и лапы, я привалилась к его боку и выдумывала историю за историей. Прожив в Новограде два дня, я неплохо узнала здешнюю жизнь и врала не краснея.

– Так что еще неизвестно, кто из нас навредил больше – ты или я, – подытожила я рассказы. – Местный правитель меня вообще хотел подарить перстонасцам в качестве политической мести, но потом пожалел, как-никак люди, зачем с ними так жестоко...

– А со мной, значит, можно?

– Я не человек, меня не жалко?

– Так меня теперь травить надо?!

– Сам виноват, – парировала я. – Ну вот чего ты людей жрешь? Честно говорю – овцы вкуснее! Ты шашлык когда-нибудь пробовал?

– Воровать – несолидно, – пришла к выводу средняя голова. Две остальные черепашки согласно закивали.

– Так договорись о патронаже!

– О чем? – удивился змей.

– Эх ты, – посочувствовала я ящерице. – Столько лет прожил, а своей выгоды не понимаешь! Да будь я змеем, я бы их только так стригла! Смотри, ты прилетаешь и договариваешься, что тебе... на сколько тебе хватает одного человека?

– На три дня.

- Ну вот, отлично. Я так понимаю, что у тебя и еще кормушки есть?
 - Есть.
 - Как же без них.
 - А что?
 - Да ничего! Прилетаешь в тот же Новоград и говоришь – вы мне овец, например, раз в десять дней, а я за это помогаю вам отбиться от врагов! Ты же огнем плюешься?
 - Еще как!
 - Хочешь, покажу?
 - Я могу доплюнуть почти до середины реки!
 - Ну и представь себе! Ты как вылетишь над полем, как фуганешь огнем, – да от тебя все враги ломанутся, теряя по дороге части туалета! Кстати, пленных тебе же потом скормят!
 - Тоже верно.
 - Знаешь, с огнем внутри жить сложно.
 - Очень опасно и неприятно.
 - Почему? – удивилась я.
 - У меня во втором желудке образуется горючий газ.
 - А когда я его выкидываю наружу, он соединяется с воздухом и воспламеняется.
 - Но если его не выкинуть вовремя...
 - Взорвешься? – перебила я.
 - Нет.
 - Не взорвусь.
 - Изжога начнется!
 - Бедняга! А теперь подумай – тебя сейчас никто не любит, все на тебя охотятся, скармливают всякую пакость...
 - Тебя, например...
 - Я и говорю – всякую пакость! Да еще и разделывать меня самому придется, так?
 - Ну, так!
 - А за такую защиту тебе люди и освежают барана и порубят как надо, и даже в пасть запихнут! Хотя тут я немного вру. Вот последнее – вряд ли. Извини, но зубки у тебя крутые!
 - Я и есть самый крутой из всех змеев.
 - Все окрестности – моя вотчина.
 - На десять дней лета вокруг! Вот!
 - И все равно, не надоело вот так? То люди на тебя охотятся, а то они бы о тебе заботились. Что у тебя в сочленении крыла?
- Насчет крыла я хотела спросить уже минут двадцать. Наблюдательностью меня природа не обидела, и я заметила, что змей старается поменьше шевелить левым крылом.

- Меня по нему во время бури...
- Деревом огрело...
- Занозу посадил, болит ужасно...
- А вытащить не могу...
- Ни одна из трех пастей...
- Не достает до нужного места.
- Я же говорю – балбес. – Мы уже общались совершенно на равных. – Подсади-ка меня, я сейчас ее вытащу. И ранку зашепчу.
- Ты это серьезно?!
- Я же собирался тебя съесть?!
- И съел бы, если бы ты так не пахла.

Слава производителям навоза!!!

- Но не съел же?! Ну вот и подсаживай! Получишь еще заражение крови – потом не обрадуешься.

- Первый раз вижу такую...

- Нахальную девицу.

- Мало того что есть ее нельзя, так она еще и лечить тебя рвется... – ворчали головы, ловко подсаживая меня на спину. Говорил все три головы по очереди, логически заканчивая фразы. То ли мысли друг дружки читают, то ли у них одни мозги на троих. Какой материал для науки! Если бы я могла взять этого змея в свой мир! Какой там, блин, профессор Челленджер?! Подумаешь, убогий птеродактиль! Куда ему до моего Змея?! Все биологи бы кипятком от восторга писали. Да и не только они! Историки, например, филологи, священники. Хотя последние уже не от восторга, а от негодования. Это же не просто дракон, это целый пласт истории, доказывающий, что русские сказки – в большинстве своем не лапша на уши, как религиозные трактаты! Я скользнула по чешуе к крылу. Змею не повезло. У наружной стороны крыла, как раз там, где чешуя оказалась потоньше, торчал здоровый древесный сук, толщиной в мою руку. Он плотно ушел под кожу, и вокруг него уже образовался здоровущий нарыв. М-да, хорошо, что я человек с опытом. Лечу всех соседских зверюг. Проще иногда сделать укол, чем объяснить, что я не ветеринар.

- Отвернись, – скомандовала я дракону. – И поворачиваться не смей. Мне придется дернуть эту пакость, еще фуганешь пламенем...

- Хорошо, хорошо!

- Я даже смотреть не стану!

- Не то что к тебе поворачиваться.

Три головы отвернулись. Я одной рукой вцепилась в палку, а второй – в чешуйку на самом краю и дернула что было сил. Сил было много. Дракон дико взревел и так плюнул огнем, что вода в реке на секунду вскипела. Палка и чешуйка остались у меня в руках. Из нарыва потек отвратительно пахнущий желтый гной. Я продемонстрировала змею палку, а чешуйку поспешно спрятала в карман и принялась зашептывать. Это было несложно. Через несколько минут гной перестал течь, открылась здоровая рана, а потом начала затягиваться кожей.

- Вот и все. Чешуя нарастет попозже. Дней через двадцать. Береги пока это место.

Я легко прыгнула и, слевитировав, опустилась на землю.

- А ты и колдовать умеешь?

- Так, по мелочи. А ты думаешь, почему меня до сих пор не поймали на проделках?
- Именно поэтому?
- Благодарю за помощь!
- С меня причитается!
- Да ладно, - махнула рукой я, - мы же друзья! Что мне стоит помочь другу?

Тем более что попутно я получила свое. Чешуйка лежала у меня в кармане, и я чувствовала ее сквозь ткань платья. Теперь можно и вернуться, вот только пару дел улажу.

Такого поворота событий Змей не ожидал.

- Ты и правда считаешь меня...
- Своим другом?
- И не сердишься?
- И зла не таишь?
- Стала бы я тебе помогать, если бы не считала! Кстати, меня зовут Тина.
- Змий...
- Гаврилович...
- Горыныч, - представились головы.
- Очень приятно, - потупила глазки я. - Слушай, но ты же сегодня тогда без обеда? Погоди минуту, я сейчас слетаю в город! Тебе что принести - свинину, баранину, говядину?
- Лучше всего свинину...
- Пара молочных поросят или козлят тоже очень неплохо.
- Было бы очень кстати сейчас перекусить.
- Договорились. Я сейчас прибегу!

Я развила просто крейсерскую скорость. Сразу за воротами города меня ждали. Люди отлично видели, что змей схватил меня, потом выпустил, а потом мы болтали добрых три часа.

- Так, мне нужны три молочных поросенка, - заказала я. - Сколько это стоит?
- Шесть серебряных монет, - подсказал кто-то из толпы.
- Даю одну золотую, - я повертела монеткой в воздухе. Это подействовало. - И принесите мои вещи.

Я внаглую устроила стриптиз на площади, переодеваясь и накидывая сверху свой балахон. Затянула пояс с мечом. Вот так, теперь все в порядке. И повернулась к королю.

- Ваше величество, я договорилась со змеем. Он пообещал мне, что больше людей кушать не будет, а вместо этого станет защищать город в случае нападения противника. Но за это вы будете снабжать его овцами или коровами - о чем договоритесь. Хорошо?

Король посмотрел на меня. За эти два дня мы узнали друг друга немного получше. И не очень-то он дурак, просто трус страшнейший и устал от всего этого. Зато теперь он явно строил планы, как выдать одну из своих дочурок за кожемяку и посадить бедного Никиту на трон как пасынка или что-нибудь в этом духе.

- Вы просто клад для города, Тина, - наконец признал он.

- Благодарю вас, ваше величество, – расплылась я в улыбке.

Через десять минут возле моих ног визжали три симпатичных поросенка. Их было жалко, но выбора не оставалось. Или они, или мы.

- Помогите кто-нибудь их донести, – попросила я.

Ну какой трусливый народ! Я честно поклялась, что змей их не сожрет, что он хороший и вообще, но куда там! Мне помогли тот самый Никита и его брат Олег. Вдвоем они дотащили трех поросят, баранью тушу и докатили три бочки отличного вина. Это обошлось мне еще в два золотых. Я лично вино не любила, но за знакомство следовало выпить. Что мы со змеем и сделали. Грех было не воспользоваться случаем. Меня жизнь уже давно подталкивала напиться, чего стоит только мое хождение в волчьей шкуре. И я хотела расслабиться. А где безопаснее всего напиться? Да в компании с огнедышащим змеем! Вино мы пили медленно, но часа через три оно все равно кончилось, и я сгоняла за добавкой. Через шесть часов мы уже вошли в стадию великих подвигов. Не знаю, что мы бы натворили, но нам повезло. Мы заметили, как из города кто-то несется.

- Никита, – опознала я.

Кожемяка был весь никакой. Он запыхался, покраснелся, хватал воздух ртом, и я протянула ему ковшик с вином.

- С-сперва в-выпей, потом гов-вори.

Кожемяка буквально вылил ковшик себе в рот, выдохнул и обрадовал нас:

- Перстоносцы движутся!

- Это те...

- К которым тебя хотели...

- В плане пылетической мести?

- Им-но! К-кого хрэна и рэдьки им тут п-надобил-л'сь?! – удивилась я до эстонского акцента.

- Так война же!!! – возопил кожемяка.

Я посмотрела на змея. Змей посмотрел на меня.

- Начистим рожи паразитам!

- Развернем им рожи на затылок!!

- А потом начистим!!! – взревел змей.

- Завяжем уши бантиком! Шкуру спустим и голыми в Африку пустим, – поддержала я.

- Напинаем под зад и захороним! – провозгласил кожемяка.

- П-летели? – предложил Змей.

Возражений у нас не было. В итоге на спине у змея оказались я, вольготно развалившаяся между крыльев, и Никита, судорожно вцепившийся в меня. Кажется, он боялся высоты. Мне же после девяти ковшей вина море было как раз по колено.

Войско перстоносцев мы заметили сразу. Длинная металлическая змея вилась между деревьев. Змей подумал и фуганул струей пламени метров за пять перед главнокомандующим. Войско остановилось и впало в панику. Лошади оказались умнее и разбежались первыми. Рыцари таким умом не отличались и приготовились к обороне.

- Поговорим с ними? – предложила я. Хмель немного выветрился из головы, и я начинала соображать. Зато нахальства прибавилось почти вдвое.

- Зап-просто. - Змей пошел на снижение. Кожемяка вцепился в меня так, что чуть ребра не выдрал.

- Полегче, - прошипела на него я. Не подействовало. Какое там спокойствие! Только еще крепче вцепился. Ну, я смирилась. Что поделатъ, если парень боится летать?! Нет, не выйдет из тебя, Никита, Маресьев!

Мы опустились на траву прямо перед носом знаменосца. Парень не выдержал, швырнул свою палку с тряпкой в Змия и бросился наутек. Мы заржали. Змей тоже не растерялся. Подцепил тряпку лапой и попробовал вытереть ей один из трех носов. Тряпка, когда-то бывшая знаменем, вспыхнула ярким пламенем. Контакт налачился с первых минут знакомства.

- Здоров, мужики, - помахала я лапкой. - Кто тут главный?

Отвечать никто не торопился. Все были какие-то бледные, а из-под забрал слышался мерный перестук зубов в четком знакомом ритме: там-па-па-пам-та-та-там-па-па-парапа-па-пам-та-та-там. Я покачала головой.

- Не, так мы с вами точно не договоримся! Гаврилыч, ты никогда не ел мясо в фольге?

- Это как? - заинтересовался змей.

- Я о таком...

- Даже еще не слышал?

- Это просто, - махнула рукой я. - Моя подруга попросила кузнеца выковать ей очень тонкий лист металла, как ткань. Потом она заворачивает в этот лист мясо и жарит на углях. Получается просто обалденно вкусно!

- Хотелось бы...

- Хоть раз...

- Попробовать, - мечтательно протянул змей. Я многозначительно подмигнула рыцарям из войска противника. Противника надо «курошать» и низводить? Вот и начнем, согласно заветам дедушки Карлсона.

- Да нет вопросов! Тебе кто из этих болванов больше нравится? Испеки любого, ты же можешь дышать огнем? Потом вскроешь доспехи - и кушай, получится ничем не хуже фольги!

Мамочки, чему я учу добропорядочного змея? Как приготовить рыцаря? Канныализм поощряю?! Видели бы меня мои знакомые! Но знакомых не было, а змей принял идею близко к сердцу. Глаза всех его трех голов остановились на одном из рыцарей - и он дунул пламенем на несчастного. Вопль заживо поджариваемого человека был ужасен. Даже я зажала уши. А перстоносцам так и вовсе стало не до войны - спрятаться бы куда-нибудь подальше и поглубже! Змей методично продолжал запекание. Наконец доспехи раскалились до темно-багрового цвета, а по поляне поплыл... вкуснейший мясной дух. Я вдруг искренне пожалела, что я не людоедка! Мне так захотелось кусочек!

Кулинарный опыт медленно остывал. Я хлопнула змея по плечу.

- Горыныч, ты нас не подождешь несколько минут? Я попрошу нам еще выпить?

- Отличная идея! - согласилась первая голова.

- А какой аппетитный запах, - добавила вторая.

- Спроси, есть ли у них красное вино! - припечатала третья.

Я кивнула и отправилась за кусты, за которыми прятался авангард непобедимой армии перстоносцев. Авангард лежал на земле. Я пихнула ногой того, кто оказался ближе.

- Мужики, у вас конкретные проблемы! Вино есть? А то этот змей сожрет еще

нескольких человек сырыми. Оно вам надо?

Увы. Ничего не помогало. Как со стенкой говоришь. С хорошей такой стенкой, бронированной...

– Ребята, я серьезно!

Опять ноль внимания? Да кем они себя возомнили?! Я кивнула кожемяке. Никита церемониться не стал, поднял за металлический воротник человека с короной на шлеме и как следует встряхнул в воздухе. Воротник треснул, пискнул и отломился. Рыцарь хряпнулся на землю, загремев всеми частями панциря, но теперь его глаза уже были осмысленными.

– Ты кто, мужик?

Он меня явно не понял. Надулся и выдал:

– Подлая холопка, да как смеешь ты говорить так дерзко...

Что он хотел сказать дальше, осталось неизвестным широкой общественности, потому что Никита, не стерпев, пнул его в нижнюю треть спины. Корона тоже не выдержала, сорвалась со шлема и полетела вдаль. Глаза у рыцаря медленно округлялись. Я поспешила объясниться, пока не началась истерика:

– Мужик, ты пойми, с людьми надо быть проще. Тем более когда они прилетают на змее. Нашему змею срочно требуется бочка вина. Лучше – красного. Ты нам поможешь ее надыбать или нам его напоить кровью перстоносцев? Я это быстро обеспечу!

С земли медленно начали подниматься рыцари. Увидев нашу сладкую троицу, они замирали, а потом начинали неуверенно придвигаться поближе.

– Давайте познакомимся, – предложила я. – Меня зовут Тина, это – Никита. А там, за кустиками, наш большой и добрый друг – Змей Горыныч! А вы, я так понимаю, перстоносцы? Имя квакнете? Нет? Ну и не надо! Я и так разберусь. Понимаете, мужики, я против вас ничего не имею, но вы приперлись в Новоград в неподходящий момент. Я тут улаживала свои семейные дела. Король узнал, что я – в Новограде, и просто на колени упал. Отомсти, – просит, паршивым перстоносцам, вконец оборзели, паразиты! Сперва по-мелкому пакостили, а теперь вообще с цепи сорвались. Кто я такая, чтобы отказывать самодержцу? Мы с Никитой встали в стойку, сказали «Так точно» и пошли творить чудеса! Теперь нам надо по-быстрому договориться, что и как мы будем делать! О Новограде вы можете забыть, но воевать-то надо? Или вы не рыцари?

– Рыцари, – протянул кто-то.

Я искренне порадовалась, что народ отходит от шока.

– Отлично! Ну-ка, давайте, рыцари, быстренько надыбайте бочку вина для нашего змея!

Как-то Ники сказал, что этот жаргон почти невозможно понять. Просто птичий разговор. Эх, был бы он здесь и сейчас! Рыцари, например, меня отлично поняли. И бросились в разные стороны. Не прошло и пяти минут, как трое броненосцев подкатили ко мне здоровенную бочку.

– Живем! – обрадовалась я. – Ну-ка, катите ее за мной, поможете дно вышибить! За змея не бойтесь, он вас не съест! Он хороший... частично.

Рыцари повиновались. Можно подумать, у них был выбор. Мы вышибли крышку и подвинули бочку змею. Я вспомнила об осторожности.

– Гаврилыч, минутку!

Но хрусталик Лирин остался совершенно прозрачным. Даже не посерел.

– Не отравлено! Угощайся. – Я зачерпнула вино прямо ладонью из бочки и сделала пару глотков. Кто там из королей утонул в бочке с вином? В таком вине – не жалко. Хотя я бы не утонула. Я бы просто вылакала его по мере погружения. Жаль, что нельзя немного

прихватить с собой, в мой мир!

Оставив змея догоняться и закусывать свежезапеченным рыцарем, мы отправились обратно, за кусты. Я огляделась, присмотрела подходящий кустик и прищелкнула пальцами. Через пять минут передо мной стояло отличное и очень симпатичное плетеное кресло. Я уселась в него, обвела наглым взглядом рыцарей и продолжила:

– Ну че, братва, все в норме? Челюсти подняли? Отряхнули? Тогда побазарим? Кто тут за главного?

В нестройных рядах рыцарей слышался шум. Наконец перед мои светлые очи вытолкнули какого-то симпатягу.

– Ты здесь главный? – поинтересовалась я.

– Д-да.

– Брэшешь ты все, – вздохнула я. – Парни, я ведь серьезно! Подумайте головами и ответьте мне – кто тут главный. Следующего лгуна отдам змею на закуску.

– А вы ему ничего не сделаете? – робко спросил парень.

Я с помощью телекинеза развернула ему шлем на сто восемьдесят градусов.

– Честное ведьминское, ничего не сделаю, только поговорю. Если он первый не нападет или не прикажет нападать – то я ему никакого вреда не причиню. Я человек не кровожадный...

– А ваш дракон – он какой? – Парень с трудом избавился от шлема и смотрел на меня небесно-голубыми глазами.

– Он тоже хороший. Вы же баранов едите? А он людей ест. И ничего с этим не поделаешь!

Из рядов медленно вышел тот самый тип с оторванным кольчужным воротником.

– Прежде чем говорить с вами, я хочу узнать, кто вы такая.

– Хотите, – согласилась я. – Я никому хотеть не запрещаю. Значит так, я – волшебница, и зовут меня Тина. Что еще нужно?

– Кто вы?

– Это он о знатности рода, – пояснил кожемяка.

Я фыркнула. Терпеть не могу снобов, ну да ладно.

– У волшебников нету титула. Он нам не нужен. Мы в любой момент можем сесть на любой из престолов мира.

– Я вам не верю!

– Не верите – и не верьте, – спокойно согласилась я. – Это я с собой одного змея захватила, а если бы я в сопровождении пятидесяти драконов опустилась на площадь вашей столицы и потребовала бы трон и корону – что бы вы стали делать? А это мне вполне под силу. И не только мне одной.

– А мне? – раздался знакомый и очень противный голос из рыцарских рядов.

Я возвела глаза к небу. Орланда ан-Криталь, будь она трижды неладна! Ах ты стерва! Я должна была догадаться, что эта атака – ее рук дело! Обязана! Вот доберусь я до тебя...

Орланда тем временем распихала рыцарей и встала передо мной, как лист белой бумаги перед травой. Я с насмешкой оглядела ее с ног до головы. И заговорила прежде, чем она прошла по поводу моего костюма:

- А тебе идет местный фасон платья. Скелет прикрывает. Только я на твоём месте ещё и морду бы закрыла. Лучше - паранджой.

- Ах ты дрянь, - зашипела Олечка. - Но теперь мы встретились...

- А ты в своё время обещала, что мы никогда не встретимся, - съязвила я. - Сколько мы раз уже виделись? Два? Три?

- Один, - процедила Орланда, но разве от меня так просто отвяжешься?

- Только один? А ты мне уже так осточертела, словно мы год не расставались! Как там мой муж поживает? Здоров? Кушает хорошо?

- И даже не вспоминает о тебе, - бодро соврала Орланда. - Сыплет комплиментами. Недавно сказал, что я прекрасно сложена.

Я только фыркнула.

- Позвольте вам не поверить, мадам. Мадемуазель, пардон! Ник не собака, на кости не бросается, а силикон так вообще терпеть не может, он даже Памелу Андерсен не переваривает.

- Ах ты тварь! - словарный запас блондинки был удручающе низок.

- Все мы твари божии, - пропела я. - А что вам, собственно, от меня нужно? Хотите напакостить, как в прошлый раз? Валяйте! Кстати, заранее благодарна. Если бы вы меня тогда в волка не превратили, я бы никогда вот это не достала, - я вынула веточку и повертела её в пальцах. Орланда побледнела и стала ещё больше похожа на поганку.

- Просто удача была на твоей стороне! Тебе повезло - и только!

- Удача тут была ни при чём. Скромно отдаю должное своей гениальности.

- Ничего, сейчас от тебя и воспоминаний не останется, - прошипела Орланда. - Взять её!

- Интересно, - возмутилась я, пока рыцари собирались с духом, - а как насчёт запрета взари убивать другую взари, тем более в пору прохождения инициации? Я сейчас неприкосновенна!

- А я тебя и не трону, - ухмыльнулась Орланда. - Тебя рыцари прикончат. А я постою в сторонке. В крайнем случае помогу магией.

Выходов у меня было два. Либо героически умирать (не дождетесь!), либо удирать с помощью Лирин. И оба выхода мне чертовски не нравились. Пришлось изобретать третий.

- Мужики, это она вас подбила на войну? И, конечно, не рассказала, что за меня страшно отомстят? Вас просто сотрут с лица земли. Для моих друзей-волшебников это не проблема.

- У тебя нет друзей-волшебников, - заметила Орланда.

- Зато есть друзья-эльфы, - увернулась я. - И...

Кусты за моей спиной затрещали, и через них просунулись головы Змея Гавриловича Горыныча. Рядом с одной из его пастей стоял кожемяка.

- Ну, кок-то т-тут...

- Нав-везжает...

- Н-на мою лучшую под-другу? - почти пропел змей.

- Вон та выдра крашеная! - крикнула я, указывая на Орланду и вылетая из кресла подальше от линии огня. Три головы совместили на Орланде изрядно окосевшие глаза, а потом, не говоря дурного слова, плюнули в ведьму пламенем.

Защититься она не смогла. И никто бы не смог. Выход был только один – открыть ворота в другой мир. Это ей удалось. К сожалению. Змей обвел всех непонимающим взглядом.

– А куд-куда эт-то она...

– Усп-пела уд-дир-рать...

– От наш-шиго пер-равидног-го гнева?

– Она так испугалась, что помчалась быстрее звука, – утешила я змея. И обвела взглядом перстносцев. – Все поняли неправильность своего поведения?

Головы в шлемах закивали.

– Еще кто-нибудь из вас на Новоград пойдет? – спросила я для проформы.

– Нет!

– Что вы!

– Принесший упаси! – слышались выкрики из толпы.

Я оглядела всех насмешливым взглядом.

– У вас ровно два дня, чтобы исчезнуть из нашего государства. Те, кто не успел, те опоздали. Гаврилыч, тебе рыцарь понравился?

– Об-блдет-ть! – кратко подвела итог левая голова.

– Т-лько б соли ещ-ще, – добавила правая.

– Все все поняли? – уточнила я. – Соли у нас хватает, предупреждаю сразу.

Второго предупреждения не потребовалось.

Никита провожал их взглядом, пока последний из рыцарей не скрылся в лесу.

– Тина, неужели мы их сделали?

– Именно, – ухмыльнулась я. – А мне теперь пора.

– Ты куд-да?

– Ост-танься, п-гудим...

– Еще пару бочек – и баиньки? – предложил дракон.

Я покачала головой.

– Извини. Мне и правда нужно домой. Никита, ты позаботишься о змее? Он согласен помогать в обороне города за одного барана в пять дней. Это Новоград не разорит.

– Это точно, – фыркнул кожемяка. – Ладно, давай пять, путешественница!

Я протянула ему руку. Никита так сжал ее, что пальцы хрустнули.

– Приятно было познакомиться.

– Мне тоже. Не скучайте.

Я стянула испачканное навозом платье, оставшись в своем костюме, пихнула вонючую тряпку ногой и негромко позвала:

– Лирина, ты можешь забрать и меня и мои вещи?

Для эльфийки это не составило труда.

Орланда ан-Криталь появилась в замке отца, прямо в его заклинательной комнате.

Верховный колдун несколько минут рассматривал свою закопченную и потрепанную дочь (драконий огонь не прошел без последствий), а потом поднял брови.

– Что случилось? Неужели опять неудача?

– Это не смешно! – вспыхнула Орланда.

– Это точно. С какой-то смертной справиться не можешь!

– Я едва не застигла ее в Порридже, но она успела удрать! Да еще вытащила из тюрьмы какого-то местного принца!

– Ай да девчонка, – порадовался верховный колдун. – Так у нее теперь и там должники?

– Именно.

– Хорошо. А что было потом?

– Она отправилась в Новоград по воде. Я решила, что колдовать бессмысленно, и полетела в Ливенрелл. Там представилась святой и объявила святой поход против Новограда. Под его стенами мы и столкнулись.

– Понятно. И что же она с тобой сделала? Закоптить решила на память?

– Она на меня дракона натравила! – взвыла Орланда. Это ж надо, все планы оказались в большой ягодичной мышце, а теперь еще и отец издевается!

– Какого? – уточнил колдун, уже подозревая ответ.

– Краттохен!

– И чешую добыла, судя по всему?

– Даже целое войско ее не остановило!

– А ты ожидала чего-то другого? Что ж, у тебя есть еще один шанс. Ты можешь встретить ее в третьем мире. Только на этот раз продумать все надо очень тщательно.

– Знаю. Но я хочу сделать и кое-что еще. Ты мне поможешь, папа?

– В чем?

Вместо ответа Орланда достала из кармана на поясе маленький мешочек и подвинула его к отцу. Верховный колдун осторожно открыл его, поднес к носу щепотку серого блестящего порошка – и поморщился, словно перед ним была дохлая крыса.

– Барутта? Что ты хочешь сделать с этой дрянью?

– А ты как думаешь? Я хочу подсыпать ее Нику! Помоги зачаровать ее на меня!

– Ты с ума сошла! Он тебя после этого возненавидит!

– Не думаю. В любом случае это лучше, чем ждать, пока эта тварь выступит на ассамблее и отберет у меня Ника законным путем! Я не позволю! Не допущу!

Верховный колдун возвел глаза к небу. Барутта – сильнейший афродизиак длительного действия (от трех до десяти дней). Барутта подмешивалась в еду или питье тому, кого хотели соблазнить. Первый человек, который попадался на глаза в течение пяти минут после приема барутты, мог рассчитывать на ночь любви с выпившим это адское зелье. Кроме того, у барутты имелось еще несколько свойств, за которые ее очень ценили: отсутствие вкуса и то, что ее нельзя было обнаружить магическим путем. На некоторых счастливиц она не действовала, но их находилось так мало, что пальцев одной руки хватило бы для пересчета. Из каждого правила есть исключения. Ник же таким исключением не был. И все равно это подло. Колдун еще раз попытался отговорить дочку от ее затей:

– Хорошо. Вы проведете ночь вместе. И что?

- Вот в этом я и прошу помощи! Есть же заклинания приворота?

Заклинания, безусловно, были, но пользоваться ими по отношению к своему коллеге-магу? Верховный колдун покачал головой.

- Тут я тебе не помощник. Не желаю лезть в разум волшебника.

- Ну папа!

- Нет.

- Па-а-а-апа, - заныла Орланда, загоняя себя в истерику.

Это тоже не помогло.

- Делай что пожелаешь, но в этом я тебе не помощник. А если не отстанешь, то и во всем остальном - тоже.

Орланда вылетела из кабинета, хлопнув дверью. Верховный колдун покачал головой.

- И сдался ей этот придурок?

- Достала? - спросила Лирин.

- Спрашиваешь! Еще как достала. - Я вынула чешуйку и повертела ей в воздухе.

- Поздравляю. Теперь надо ее зачаровать. Дня два, не меньше.

Я покусала губы, подсчитывая дни. Могу я себе это позволить? Да, могу!

- Сейчас отдохну с дороги и займусь.

- Вечером приходи, расскажешь о своих приключениях в том мире.

- Да какие там приключения, - застеснялась я.

- Что, совсем никаких? - удивилась эльфийка. - Не верю!

И правильно. Я скромно потупила глазки.

- Так, по мелочи. Освободила из тюрьмы принца, подружилась со змеем, выпили по глоточку, а на закуску полетели разгонять войско каких-то наглецов. Раз плюнуть.

Лирин покачала головой.

- Тина, хорошо, что мы с тобой сразу подружились.

- Хорошо, - согласилась я. - А у тебя о моем муже пока никаких известий?

- Жду со дня на день.

- Это очень хорошо, - кивнула я головой. - Даже лучше, чем пьянка с драконом Краттохрен!

- Краттохен, - поправила меня Лирин и фыркнула: - Расскажешь?

- А когда это я упускала возможность похвастаться?

Глава 11

– Здесь вам не Россия, здесь климат иной, идут проблемы одна за одной, и здесь за идиотом идет идиот...

Ник в меру своих скромных сил переделывал Высоцкого, лениво пощипывая гитару. Когда к нему вошла Орланда, он даже не удивился. В последнее время у колдуньи вошло в привычку обедать и ужинать вместе с ним. Он сперва протестовал, потом привык. В конце концов, если ей так хочется, она может пообедать рядом с ним. А он, в качестве компенсации, постарается узнать что-нибудь о своей жене. Примерно так все было и на этот раз. Примерно. Пока Ник не выпил вина. Все странно замутилось перед глазами. Потом расплылось и собралось опять. Но за эти минуты что-то изменилось в нем самом. Орланда показалась ему самой прекрасной женщиной во всех мирах. И когда она подошла к нему, наклонилась и коснулась его губ, он не стал протестовать. Даже более чем не стал. Понять, что произошло, он смог только поздним утром, когда действие наркотика рассеялось. Ник оглядел скомканную постель, спящую рядом Орланду и почувствовал отвращение к себе. Как он мог! Тина ради него миры переворачивает, от всего отказалась, рискует собственной жизнью, а он даже не смог этого оценить! Переспал с ее соперницей! Какая же он мразь! Подонок! Тварь он неблагодарная! Он? Минуту! Аналитический ум колдуна тут же включился в работу, оставив самобичевание. Ники припомнил все: и странную слабость, и затмение на несколько секунд, и бокал вина, и свой пыл этой ночью, и даже вкус томат-пасты во рту, сопоставил все данные и выдохнул всего одно слово:

– Барутта!

И тут же, не говоря больше ни слова, бросился душить Орланду ан-Криталь. Увы. Не получилось. Волшебница уже проснулась и послала в Ника чудовищный заряд магии. Волшебника отнесло в противоположный конец комнаты. Женщина встала с кровати и подошла к нему.

– Тварь! – прошипел Ник.

– Зачем так кипятиться, милый, – пропела Орланда. – Тебе ведь было приятно этой ночью?!

– Ненавижу!

– Да неужели? А вот твоё тело не разделяет этого мнения! – улыбнулась Орланда, играя ручкой в районе чуть ниже живота Ника.

– Ну и что, – не сдался колдун. – Так же я прореагировал бы на любую деревенскую девку! А ты – тварь! И эта ночь ничего не значит! Теперь-то я буду начеку!

Орланда рассмеялась.

– Теперь уже поздно, милый! Ты выпил настойку, и я могу управлять твоим желанием. Но и это не так важно. Просто я пошлю это видео твоей жене. Как ты думаешь, что она сделает?

Никогда еще Ник не хотел так убить женщину!

– Ненавижу!

– Вот-вот. И Тина тоже тебя возненавидит! Видео я отправлю ей в любом случае. Так что думай, стоит ли сопротивляться удовольствию. Еще на несколько дней ты мой. А потом – посмотрим.

Орланда еще раз исполнила партию издевательского смеха и выплыла из комнаты, прямая, как мачта корабля. Ник медленно сполз по стене. Вэл не простит. Определенно не простит. Хотя она и говорит, что не ревнива, но так говорят все женщины аккурат до первой измены. На словах-то они все добренькие, а вот на деле... Он представил, что сделает его милая жена, когда доберется до него, – и волшебника (заметим, очень неслабого волшебника) затрясло, как в лихорадке. Вэл не будет разговаривать. Она просто оторвет все, что болтается или стоит. Одна надежда – что она чуть-чуть

остынет ко времени их встречи. Но надежда, честно говоря, дохлая. Если она и не будет отрываться, то придумает что-нибудь похлеще. Фантазия у нее, как и у всех биологов, очень живая. И особенно – в плане личной мести. Оскорбления Вэл прощать не умела. Ник всерьез задумался об иммиграции куда-нибудь подальше, в неразвитый мир, где его вычислить – как иголку в стоге сена. И пусть этот мир находится на другом краю света!!!

Я насвистывала какую-то песенку. Жизнь была прекрасна и удивительна. Вот уже второй день я отдыхала. То есть не отдыхала, а усердно проводила обряд превращения обычной чешуи в грозный магический амулет. По счастью, этот ритуал был долгим, однообразным, занудным, но не требовал много сил. И я наслаждалась спокойствием. Даже час отдыха в мире эльфов стоил целого года в моем мире. Если ты, конечно, не страдаешь комплексом неполноценности. При взгляде на первого же эльфа все комплексы расцветали жгучим цветом. Красивые, умные, грациозные... У меня и сотой доли обаяния эльфиек не было. Ну и ладно. Ники меня и такую любит.

Орланда ан-Криталь влетела в кабинет к отцу.

– Папа, ты не мог бы отправить послание в мир эльфов?

– А самой что – слабо? – поморщился волшебник. Игр с баруттой он не одобрял и считал, что в постели все должно происходить только по согласию, без всяких травок и приворотов.

– Папа, но ты же уже один раз это делал, – заныла Орланда. – Тебе будет проще. И потом, неужели тебе не интересно, как она отреагирует на мое письмо?

– Еще и письмо? Какое?

– Вот это, – Орланда подала отцу надушенный конвертик.

Колдун вскрыл его, пробежал глазами и поморщился:

– Зря ты так.

– Знаю, что зря, папа, но я ничего не могу с собой поделать! Ник – мой и должен быть только моим!

– Ты уверена, что он к тебе даже просто подойти сможет после всего этого?

– Уверена, – кивнула Орланда.

А вот колдун в этом вовсе не был уверен. Сам он после такой пакости тоже мог бы подойти к «любимой» женщине, но только с одной целью – шею ей свернуть. И даже не сомневался, что Ник разделит его мнение.

– Хорошо, я отправлю письмо, но ты это зря затеяла.

– Пусть так. Отправляй. И я подожду у тебя ответа, хорошо?

Колдун устало кивнул. Пусть ждет.

– Тина, тебе опять письмо пришло, – порадовала меня Лирин.

Я только подняла руку, прося меня не беспокоить. Я как раз накладывала последнюю порцию заклинаний. Наконец все было готово, и я погладила чешуйку. Красота. Отполированная, она стала похожа на громадный изумруд с нанесенными на поверхность странными знаками. Лирин распорядилась, чтобы чешуйку оправили в золото и подвесили на цепочку – и она стала настоящим произведением искусства.

– Извини, Лирин. Что случилось?

– Можешь не извиняться, я все понимаю. Тебе письмо пришло.

– Да-а? А от кого?

– От того же самого.

– Верховный колдун прорезался, – покривилась я. – Как мило! Не успели по нему соскучиться! И чего он до меня домотался?!

– Тебе подсказать или сама дойдешь? – Лефроэль появился на пороге комнаты и ехидно оскалился во все три десятка зубов.

– Да уж как-нибудь, – съязвила я.

– Да, и тут еще видеоряд, – вспомнила Лирин.

– И это проигрывается?

Видео в исполнении волшебников напоминало штепсель розетки. Или специальное устройство для фумитокса. То, которое в розетку втыкают, только немного поменьше и поизящнее.

– И как этим пользоваться?

– Сперва письмо прочти, – предложила Лирин.

Я последовала совету подруги и развернула конверт. Передо мной тут же появилась в воздухе Орланда ан-Криталь. Изображение было таким качественным, что у меня руки зачесались. Пришлось сжать их в кулаки и перетерпеть.

«Дорогая Тина, – начала она, ехидно скалясь. – Я очень рада сообщить вам, что вы можете возвращаться в свой мир и не тревожить нашу скромную ассамблею своим неотесанным присутствием. Вам больше не требуется выручать вашего мужа. Он вполне доволен и счастлив. И даже согласился сделать мне ребенка. Думаю, что скоро он присоединится к вам. Если вы мне не верите, прошу вас посмотреть запись. Это убедит вас. Разумеется, я сказала вашему мужу, что вы его ждете в мире эльфов, и рассказывала обо всех ваших похождениях. Он тоже передает вам привет и обещает скоро быть дома. Как только мой тест на беременность даст положительный результат.

Искренне ваша, Орланда ан-Криталь.

P.S. Жду ответа, если вы пожелаете его послать».

Больше всего я сейчас желала послать не ответ, а саму Орланду. Туда, где тихо плещется вода, то бишь в унитаз и поглубже! Но кое-как справилась с собой. Пореветь я еще успею. И мама мне всегда говорила: главное в человеке – осанка. Умение гордо держать голову при любых обстоятельствах. Не важно, внешне там, внутренне, будь тебе хоть как тошно – все равно улыбка и осанка. Чтоб все враги от злости поудавились – мол, как это так: я ей пакощу, пакощу, а она все улыбается?! Может, это она мне пакостит? Надо сказать, что мамочка так иных «друзей» до нервного тика доводила. Мне до нее было еще далеко, но Орланда заставит меня упражняться в данном искусстве.

– Давайте посмотрим видео? – спокойно предложила я. Надеюсь, что спокойно. Во всяком случае, Лирин подняла брови. Интересно, а что она хотела увидеть – мой обморок? Или угрозы в адрес Орланды?! Зря. Если все окажется правдой, я и без угроз эту тварюшку на клубки перемотаю и варежки свяжу.

Лефроэль подошел к окну и воткнул устройство в ранее не замеченное мной гнездо. Окно тут же стало чем-то вроде телеэкрана, а на нем заизвивались две фигуры. Несколько минут я внимательно смотрела на них, потом кивнула. Это Ники. Точно. Что ж, надо вежливо ответить.

Орланда ан-Криталь дернулась, когда в воздухе появилось изображение Тины. На этот раз женщина была одета в какое-то воздушное эльфийское платье, делавшее ее еще красивее. Но держалась прямо и надменно.

«Дорогая моя Олечка», – теперь уже в голосе Тины прослеживались нотки ехидства. Орланда не знала, как тяжело ее сопернице досталось и это язвительное спокойствие, и легкая улыбка, и осанка королевы. Но что еще могла сделать оскорбленная женщина? Можно проиграть, но нельзя позволить врагу издеваться над тобой.

«Я очень рада, что ты сообщила мне о таком эпохальном для тебя событии. Прошу передать моему мужу и твоему отцу, что мы с ними все-таки увидимся на вашем шабаше. Там и поговорим о нашей дружбе и о наших встречах. Еще прошу передать моему мужу, что я была более высокого мнения о его вкусе. Хотя после третьей бутылки ему нравилась даже Мона Лиза. Но ты учти, что пьяное зачатие промаха не дает. До скорой встречи на шабаше. Поклон папочке, поцелуй Нику. Addio».

Изображение исчезло. Верховный колдун покачал головой, с трудом удерживая на лице серьезную гримасу. Больше всего ему хотелось расхохотаться, но куда там! Если он просто улыбнется, дочка его не простит. Ни за что!

– Дочка, ты поставила не на ту лошадку. Эту женщину такими мелочами не пронять.

– Но это неправда! – взывала Орланда. – Она просто притворяется!! Притворяется!!!

– Не похоже. Она может и простить ему измену.

Орланда ан-Криталь вдруг широко улыбнулась.

– Ты ошибаешься, папа. Такие, как она, прощать не умеют.

– А мстить? – уточнил колдун. – Мстить она умеет? Интересно, что она решит сделать с тобой, когда доберется?

– А, что бы ни сделала, все равно она меня не убьет. И вреда никакого не причинит. А остальное уже не важно. Теперь она оставит мне моего Ника!

– Я бы не был так самонадеян, – покачал головой колдун. Голова сильно болела, и старый волшебник искренне подозревал, что после его встречи с новой колдуньей она разболится еще сильнее. – Эта женщина... Это просто Женщина с большой заглавной буквы. И я искренне жалею, что сам не посмотрел на нее, прежде чем это затеять.

– Но ведь ты со мной, папочка?

– С тобой. Увы.

Я с трудом надиктовала ответ, отправила послание и мешком плюхнулась на стул.

– Лирин, это правда? Он и правда переспал с этой... шваброй?!

Лирин не стала щадить мои чувства:

– Видео не поддельное. И если тот тип твой муж...

– Именно он. И именно муж!

– То я должна одобрить твой выбор. Симпатичный, знает, что делать с женщиной, а если еще и умен... Я бы и сама на него позарилась.

– Вот только посмотри на кого-нибудь другого, – притворно нахмурился Лефроэль.

– Почто Отелло душит Дездемону, – пропела Лирин.

Милые. Они так старались отвлечь меня от главной проблемы. А мне было так тошно. Ну почему, почему, почему Ники предал меня?! Он же знал, что я иду к нему на выручку, наверняка знал и понимал, что ему нужно только немного подождать! Но почему он вдруг согласился? Почему? Сексуальное бешенство напало? Хм-м. Сомнительно. Уж чем-чем, а своим чле... желанием Ники управлять умел. Это я

по нашей семейной жизни хорошо знала. Но что тогда? Изнасиловали? Напоили? Виагры подмешали? Да хрен его знает! Но вряд ли. На колдунов афродизиаки не действуют, это-то я знала. Лефроэль организовал мне подборку книг из местной библиотеки, и я читала запоем. И уже не казалась себе абсолютной идиоткой. Но все же что мы имеем? А вот что. Мой любимый и единственный муж переспал с моей соперницей! И она этим очень довольна. Из моей груди вырвалось такое рычание, что Лирин аж подпрыгнула.

– Тина?

– Я из них шашлык сделаю, – пообещала я. – Нашинкую, поджарю и скормлю дракону Краттохен! Он меня на шашлычки приглашал, теперь моя очередь! Ненавижу!!!

Эльфы деликатно переглянулись.

– Что?! – рявкнула я. Показалось мне или в глазах Лирин действительно застыло сострадание?

– Тина, – начала эльфийка, тщательно подбирая слова, – сегодня утром я получила новости от своего агента.

В глазах Лефроэля было то же выражение. Так смотрят на умирающего друга, которому не в силах помочь.

– И что?

Я надеялась, что эти новости будут получше. Но – увы. Эльфийка опустила глаза.

– Я не уверена, что тебе надо это знать. Но, мне кажется, ты сильная.

– Я справлюсь, – подтвердила я. – И так?

– Я нашла ответ на твои вопросы. Вы с мужем живете недавно.

– Уже несколько лет. Это – недавно?

– Ваш мир с довольно медленным течением времени. У вас прошло несколько лет, здесь – от силы несколько месяцев.

– И что?

– Послушай внимательно. Твой муж, хотя по законам взари... это потом! Так вот, твой муж... – Лирин, королева эльфов, запиналась и не могла правильно подобрать слова! Это Лирин-то!

– Говори как есть. – Я уселась прямо на пол, не жалея эльфийского платья.

Эльфийка уселась туда же, и Лефроэль положил ей руку на плечо, желая поддержать.

– Мне не хотелось этого говорить. Но в каждом браке, в каждом, один человек дарит цветы, а второй принимает.

– А в шведской тройке? – кисло пошутила я.

– Не пробовала, не перебивай, – отмахнулась Лирин. – Исключения только подтверждают правила. И в вашем браке цветы дарила именно ты, Тина. Скажи, как можно отвертеться от ненавистного выбора? Да просто! Найти другую женщину. И объявить, что вот, моя любовь, родная и единственная, я буду блюсти ей верность и все такое. Можно попасть из огня в полымя, как вы говорите. А можно и не попасть. Ник же оказался в твоём мире. Ему нужен был мир с медленным течением времени. Отлично! Такой он и нашел! И женщина с большим потенциалом. Полагаю, что вы познакомились случайно. И что ты жила в нестабильной стране.

– Да. А что?

Равновесия хватало только на самые короткие реплики.

- Именно во времена переломов рождаются самые одаренные люди. Физически, умственно, магически...

- А у нас есть проклятие - «чтоб тебе жить во времена перемен».

- Полагаю, что изначально это звучало по-другому. И не было проклятием. Что-то вроде «родиться тебе во время перемен». Не важно. Важно то, что Ник поступил именно так. Он выбрал очень нестабильную страну, мир с достаточно медленным течением времени - и отправился искать женщину с магическими способностями. Ну и нашел. Тебя. Дальше - проще. Через год по вашему времени, женившись и построив отношения в семье, он подал прошение верховному взари. Так и так, не могу спать с вашей дочерью, люблю свою жену, она тоже сильная волшебница, потенциальная взари... И второе прошение о проведении твоей инициации. Если хочешь точный текст, я попрошу скопировать. Мой агент передал мне все на словах.

- Это так? На самом деле?

Лефроэль, которого никто не спрашивал, сочувственно кивнул:

- Наверное, ваша семейная жизнь была достаточно приятной.

- Была.

- Далее. Ник продолжает жить с тобой. И ждет ответа.

- И тут империя наносит ответный удар.

- Не империя. Орланда. Твоего мужа похищают. Но прошение-то осталось! Ник успел рассказать о нем нескольким приятелям. И те могут поднять вопрос на ассамблее. Сама понимаешь, верховный взари - это не король. Это, скорее, президент с неограниченным сроком. Выбрали его? Так же и перевыберут. То есть просто забыть о тебе нельзя. А что можно? А можно вежливо отделаться. Во-первых, ты можешь отказаться от своего мужа.

- Это она пыталась. Облом.

- Во-вторых, ты можешь умереть во время прохождения инициации.

- Это они и сейчас пытаются, - вздохнула я. Голова была пустой и необыкновенно легкой. Как после госэкзаменов. Потом я уже стала относиться к жизни философски, а вот госэкзамены на всю жизнь запомнились.

- Мне жаль, что приходится тебе все это рассказывать. Но лучше уж знать все сразу.

- Лучше.

- Кажется, ты пересолила, - озабоченно заметил Лефроэль.

Я махнула рукой и даже попыталась рассмеяться. Вышло плохо, но лучше так, чем никак.

- Не переживай! Все просто пучком!

Отчего-то вспомнились стихи, которые цитировала моя подруга после разрыва с очередной «единственной, невероятной, вечной любовью». Любовь наступала у нее (на нее?) раз в две недели после предыдущей и заканчивалась где-то через два месяца. Поэтому стихи я знала на память. Сейчас они так и рвались с языка. Я и процедила:

- Все?! Конец?! Но я скулить не стану! Я обманута? Кто не бывал обманут?! Предана? Кого не предавали?! Мне солгали?! Да кому не лгали?! Бросили? Я встану, не заплакав! На дыру в душе нашью заплату. Слезы лить не буду - нос распухнет. А огни в глазах и сами не потухнут. Сердце бьется? В счастье стоит верить! Я закрою за тобой все двери, Помашу ладошкой. И с улыбкой Распрощаюсь со своей ошибкой.

- Неплохо, - оценила Лирин. - А у тебя хватит сил?

- Уж ненависти точно хватит, - огрызнулась я. - Мой муж козел, а Орланда - стерва.

Доберусь – оторву все органы размножения и отпущу обоих. Пусть живут.

Эльфы переглянулись. Интересно, а что бы они делали на моем месте?

– Понимаешь, – вздохнула опять Лирин, – ты никак не сможешь им отомстить. По крайней мере так, как ты собираешься.

– ??!

– Согласно законам, супружеская измена преступлением не считается. Ты можешь только дать мужу развод...

– Ага, а Орланда мне за это ручки расцелует!

– Наверняка. Но выбора у тебя попросту нет. Если только ты не решишь его простить.

Меня пробрал дикий смех. Простить?! Подлость, измену и предательство не прощают! Можно простить обман, можно простить убийство, можно простить многое, но не подлость и не предательство! Это мой небольшой пунктик. И вообще, если уж разбираться до конца, то ни одна религия не оправдывает предательство. Даже милосердные христиане не особенно пожалели Иуду. Мерзкий предатель повесился на осине. И это правильно. Но смогу ли я так же поступить с собственным мужем? Иуда хоть сам повесился, избавил людей от необходимости руки марать. Смех все-таки закончился, и я смогла говорить. Только голос стал каким-то глухим.

– А жить с ним я теперь не смогу. Противно. Если бы хоть кто-нибудь другой, не она! Хоть какая женщина, только не эта тварь!!!

– Увы. Здесь медицина бессильна. А если ты рискнешь отомстить им, то потом тебя покарают по всей строгости закона. – Лирин смотрела на меня как на подругу, и я с благодарностью взглянула на эльфийку. Такие друзья стоят гораздо больше предателя-мужа. Но боль от обиды все равно не проходила.

– И что же со мной сделают, если я прикончу эту гадину? – уточнила я.

– То же, что и с Роном Джетлиссом, – припечатал Лефроэль.

В предмет мне превращаться ну совсем не хотелось.

– Лирин, Лефроэль, вы не могли бы ненадолго оставить меня? Я бы хотела пока побыть одна. Завтра на рассвете я отправляюсь в мир Двенадцати Дев. Я просто обязана как следует накрутить хвосты этой троице!

– Я отправлю тебя, – улыбнулась Лирин.

– Мы зайдем за десять минут до рассвета, – предупредил Лефроэль. – До завтра.

– До завтра.

Я распрощалась с друзьями и закрыла на замок дверцу комнаты. И задумалась. А что я, собственно, чувствую? Не знаю. Вот честно – не знаю. Я ревную мужа? Да нет, о ревности здесь речь не идет. Но тогда получается, что я его не люблю? Опять неверно. Люблю. Но как это может получаться? Как возможна такая любовь? Или все просто? Я вышла замуж за Ники ради своего тщеславия и ради определенных потребностей, так? Ну, так. Я искренне была к нему привязана и даже сейчас не питаю к нему зла. Множество пар живут именно так. И я хотела прожить свою жизнь именно так. Но только потому, что она была слишком коротка. А что теперь? А теперь все просто. На шабаше Орланда получит от меня приличную оплеуху или чего похлеще, Ники получит развод, верховного колдуна, или, как там его, взари, я обвиню в нарушении Колдовского Кодекса, устрою крутые разборки и заявлю о себе. Я вам не что-либо как непонятно где, а в натуре и здесь! И оскорблять себя никому не позволю. Да и сейчас чего я так расстроилась? Да не из-за измены! Мы с Орландой словно соревнуемся. А Ники – наш приз. И то, что она с ним переспала, просто оскорбительно для меня, но не более того. Уязвленное самолюбие – вот подходящее название для моих переживаний. Это – да! Не могу простить, что меня использовали как пешку в игре. Вот это – да! Сволочи! Сволочи!! Сволочи!!!

Так, Тина, довольно! Тебе еще предстоит разбираться с теми двенадцатью девушками. Ох, чует мое сердце, будет мне от этой разборки не только на яблоки, но и на орехи. Почему? Да все просто. Дерево это растет в мире мифов Древней Греции. Там нет Афин, Спарты и Перикла, но общий уклад ну очень похож. Те же одежды, та же вера, те же боги, возможно с незначительными различиями, но в целом – один в один. А еще плохо то, что там никто колдовать не сможет. Почему? А потому. Это мир, где время идет с невероятной медлительностью. Сутки здесь считаются за сто сорок суток там. Каково? Вот и мне не нравилось. При таком замедлении времени колдовать не могли даже те, кто прошел посвящение. Крутая теория взаимодействия магических потоков в пределах спиральной теории виртуальной реальности... фу-у-у. Аж мозги закрипели. Но как факт – в мире с очень медленным или очень быстрым течением времени (один к сорока и больше) колдовать не получается практически ни у кого. Эти миры просто изолированы от магии. Как мой родной мир. Там один сутки равны сорока двум суткам в мире эльфов. Ужасно. Зато моя мама и отчим даже не успеют поволноваться о моем отсутствии. Я скоро вернусь домой, и дня не пройдет. Так-то.

Что-то меня ждет впереди? Я улеглась на кровать. Рыдать не хотелось, биться в истерику тоже. Ну не умею я. Вместо этого я открыла очередную книгу по магии и погрузилась в чтение.

Глава 12

Рано утром, на рассвете, умываются цыплята, и котята, и утята, и жучки, и паучки. Но они-то умываются, а я шлепала по траве, которая мне по колено. И ужасно неудобно. Она вся мокрая, холодная, и ноги в допотопных сандалиях просто перестали чувствоваться. Холодно. На этот раз я решила ассимилироваться. Надела местное платьишко, беленькое такое, с одной-единственной застежкой на плече, о чем и пожалела тотчас по прибытии. Надо было джинсы и куртку надевать. Холодно, холодно, очень-очень холо-од-д-дно. Может, потом и потеплеет, но сейчас мне все равно было хреново. Дурацкий мир! Попасть сюда можно только в одном месте, которое находится ну очень далеко от нужной мне яблоньки. Пешком мне еще шлепать и шлепать. Одно утешает – времени до хрена, хоть ложкой ешь. Но и у моих врагов тоже будет много времени. Интересно, что сейчас поделявает Олечка? Ох, встречу я с ней на короткой дистанции... Как говорил мой тренер по карате (чем я только не занималась, кочуя по разным городам), мы никогда не сдаемся врагам, мы им накатим сейчас по рогам. Далее следовал удар а-рош-уки, если не ошибаюсь в транскрипции. Короче, ногой – и по ключице. Или какой-нибудь ур-молаш – той же ногой в голову, так что у меня однажды сережка на другой конец зала улетела. Но я сама была виновата, мы же блоки отработывали. Надо было уши защищать, а не по сторонам глазеть.

Итак, я шлепала по траве и зверски материла весь народ. Идиота Ники, дуру Орланду, сволочь верховного колдуна и того, кто додумался создать такие неудобные миры. Доставалось всем. Нет, ну что это такое?! Кому-то моча в голову ударила, кому-то родственные чувства, а я за всех отдувайся?! Если я простужусь, то я потом Орланду на запчасти разберу, блин! У меня простуда – это всегда всерьез и надолго. С соплями, слезами и мигренью. Я так увлеклась мыслями о справедливом возмездии, что не заметила человека, подкравшегося сзади.

– Позвольте мне приветствовать богиню, что озарила утро нежным светом... – дурниной взвыл кто-то у меня над ухом.

Я от неожиданности подпрыгнула, поперхнулась и выматерилась так, что у самой уши вянуть начали.

– Какого растакого ты орешь, как очумелый дурень в час рассвета?! – вежливо поинтересовалась я. Тьфу, черт, а ведь эти стихи заразы! Немедленно прими противоядие. То есть – поругайся!

– П-простите, – заикнулись над ухом. – Я н-не хотел.

Я наконец соизволила обернуться. М-да, лучше бы он не хотел с самого начала. Передо мной стоял долговязый юнец с растрепанной головой и прыщами по всему организму, не прикрытому мятой и грязной туникой. На плечах поверх туники болтался медальон из черного металла, величиной с хорошую суповую тарелку. Не знаю, как это называется здесь, а в моем времени это студентикус натуралис, я таких на завтрак дюжинами ела.

– Как тебя зовут, убогий? – со вздохом спросила я. Даже ругаться стало противно.

– Ге-герак-кл.

Упс. Вот на это я не рассчитывала. Но не растерялась.

– Хорошо, Геракл. И чего тебе от меня надо?

– Я п-прост-то хот-тел п-погов-ворить.

Паренек еще и заикался. Мне вдруг стало его жалко.

– Ты не голоден?

Что-то подсказало мне, что я попала в точку.

– Г-голод-ден, – признался парень.

- Ну, тогда помоги мне, сейчас будем завтракать.

Путь к сердцу мужчины лежит через его желудок, это я поняла сразу и навсегда, стоило нам с Ники оказаться в первом же кафе. Если и встречаются другие мужчины, то встречаются они не мне. Геракл был из той же породы. Он сметелил все, что я приготовила себе на весь день, в момент ока. Я скромно жевала бутерброд, не начиная разговора. Беседа началась потом, когда мы с удобством разлеглись на траве. То есть я на траве, а Геракл на своей шкуре. Он и мне предлагал, но я решила, что отлично обойдусь без лишней сотни блох.

- Ну, теперь рассказывай, - предложила я.

- А чт-то рас-сказыв-вать?

- Все. Как тебя зовут, я уже знаю. А теперь желаю узнать все остальное. Место и год рождения, имена родителей, чем ты занимаешься, что собираешься делать в дальнейшем и все остальное.

- А-а-а, - протянул Геракл. - Н-ну, зов-вут мен-ня Герак-кл, мне восемн-надцать лет, иду я в Перк-кес, служ-жить царю Эмрип-пею.

- А кто твои почтенные родители? - уточнила я.

- М-мой от-тец велик-кий воин. Его зов-вут Ампион.

Нет, ну я всегда думала, что все рассказы про Зевса и его приключения с мамочкой Геракла - это брехня безбожная.

- Скажи, а тебе обязательно нужно идти туда и служить? - У меня уже появились свои планы на Геракла. Путешествовать одной не хотелось, лучше это делать в компании.

- Об-бязат-тельно, - опустил голову Геракл. - Т-так пок-клялся мой от-тец.

Я покусала губы.

- А если я явлюсь к твоему Репею...

- Эмрип-пею...

- Не будь занудой. Хорошо, Эмрипею, и попрошу отпустить тебя в мою веселую компанию? Ненадолго. Мне тут надо кое-что сделать, а одной идти неохота. Хочешь со мной постранствовать?

Может, не стоило вот так, в лоб? Да нет, стоило. Геракл сперва покраснел, потом пошел пятнами, а потом вдруг заявил:

- М-моя м-мамочка ник-когда не п-позволит мне жениться н-на женщине н-незнатного п-происхождения.

Теперь уже я окосела.

- Позволь, а кто говорил с тобой о женитьбе?

Геракл покраснел так, что чуть уши не задымились. Я незаметно придвинула к себе фляжку с водой. Загорится еще, туши потом... Как-то я иногда забываю, что в моем мире женщины что думают, то и говорят. А иногда и вовсе не думают. А по другим мирам мужчины нежные, трепетные, с ними так нельзя...

- А разве н-нет?

- Нет, - покачала я головой. - Просто у меня есть неотложные дела, а одной мне заниматься ими очень тяжело. Мне нужна помощь. Хорошо оплаченная помощь, позволь заметить.

Я позвенела золотом в рюкзаке.

Геракл подумал несколько минут.

– Если ты д-догов-воришься с царем, т-то я сог-гласен.

– Можешь тогда считать себя моим телохранителем, начиная с сегодняшнего дня, – обрадовала я его.

– А царь?

– Да забей ты! Договорюсь я с твоим царем, погоди, он тебе еще и командировочные выплатит, – успокоила я паренька. Подумаешь там – царь! Попробовал бы кто договориться с нашим деканом! После этого чихать бы хотел на всех остальных «репеев». Выглядело это примерно так: «Нет у нас денег на новые образцы! Нет и не будет! – Шеф, но ведь сколопендра скоро на сегменты развалится! – Ну а что я поделаю, если денег нет? – Шеф, но на премию-то они нашлись? – Вэл, вы о чем вообще говорите?! Какие премии?! – Никакие, шеф! Это у меня чувство юмора такое. Ну, давайте все-таки посмотрим, может быть, найдутся деньги на образцы?» Час пререканий, полчаса уговоров, несколько минут триумфа – и вожденная банка с новыми образцами в формалине. В смысле, в спирте с добавлением формалина. А то были прискорбные случаи на нашем факультете, когда студенты, где-то за четыре дня до стипендии, сперли банки с образцами и спиртом, тогда еще чистым. Спирт выпили, а образцами (не сколопендрой, а чем попроще, типа моллюсков) закусили, поджарив в общаге на плите. Говорят, вкусно было. А главное – я совершенно не вру. С тех пор мы и стали добавлять в образцы формалин.

Мы шлепали с Гераклом по траве и болтали обо всем и ни о чем. Точнее, болтал Геракл. Как только он понял, что я не собираюсь смеяться над его заиканием, прыщами и застенчивостью, парнишка запел соловьем. Я была только рада послушать о новом и неизвестном мне мире. А потом, почему бы мне не помочь парнишке избавиться от части комплексов? До города, в котором правил Эмрипей, нам было еще шлепать и шлепать. Ну, мы и шлепали. Иногда делали перерывы, привалы, а то и просто разминались. Я показывала Гераклу кое-какие приемчики из моего бурного прошлого. Парень слушал не перебивая и впитывал как губка. Ему все это ужасно нравилось. Может, из него и правда выйдет воин? По крайней мере, когда мы тренировались, у него хватило ума сдерживать себя, а то он со своей силушкой мне бы просто переломал руки и ноги.

А в остальном все было путем. Я даже удивлялась. Сперва. Потом поняла, что время идет по-разному. А значит, Орланда могла пока сюда просто не прибыть, а если прибыла, то еще не освоилась. Я готова была поспорить, что она обязательно придет и напакастит. Вот сто пудов – придет! Олечка из тех вечно неудовлетворенных особ, которым всю жизнь мало. И сейчас ей будет мало, что она переспала с моим мужем. Я ей уже столько соли под хвост насыпала, что теперь она за мной по всем мирам бегать будет, пока так же не отплатит. Но этого я ей сделать не позволю! Знать бы, что она на этот раз задумала?

– Дорогой мой, скоро я отправляюсь в мир Двенадцати Дев, – сообщила Орланда Нику. Этой ночью она опять пришла к нему. Барутта все еще действовала, но уже не так сильно, и Ник вполне осознавал, что он делает. Хотя и не особенно сопротивлялся. А чего мучиться-то? Детей у них все равно не будет, барутта работает как мощное противозачаточное. Но воздействие афродизиака слишком сильно, ему превозмочь не удастся! Говорят, что были колдуны, на которых барутта не действовала, да только их, может, один на пять тысяч. Тот же Рон Джетлисс. Ну и где он теперь? Так что Ник, как и любой мужчина на его месте, рассудил просто: все, что могло случиться, уже случилось. Вэл получила видео с их «вечеринкой». И Орланда даже принесла ему послушать ответ. Вэл выглядела настолько спокойной и безмятежной, что Ника просто заколотило. Это ее состояние он отлично знал. Теперь она не станет швыряться тарелками. Орланда нажила себе серьезного и крутого врага, о чем он честно ей и сказал. Колдунья на предупреждение внимания не обратила, а ночью пришла опять. И Ник с безрассудством пирующих во время чумы рассудил, что пусть так и будет. Хоть удовольствие получит перед смертью. Удовольствие было весьма сомнительным, ну да ладно. А теперь вот оно!

– Опять будешь за моей женой охотиться? – спросил он. – И не надоело тебе?

– Да я ее в порошок сотру! – зашипела Орланда.

– Хвалился кулик, что в болоте велик, – отвечивал Ники. – Скорее она тебя в стиральный порошок превратит и в машинку засыплет, чтобы мне джинсы постирать.

– Ненавижу, – прошипела Орланда.

– Ну и пожалуйста. – Ник даже и ухом не повел. – Продолжим наши развлечения? Мне перевернуться или так сойдет?

Орланда опрометью вылетела из комнаты. Ник в гордом одиночестве развалился на кровати. Хотелось спать, но сон не шел. Зато в голову лезли очень грустные мысли о жене. Где-то там, в мире Двенадцати Дев, уже шла Вэл, шла – ради чего? Ради колдовских способностей или все-таки ради него, ради человека, который даже не был ей верен? Кто знает! Но Нику почему-то казалось, что он потерял всякое право на любовь Вэл. Увы.

К концу третьего дня, когда на горизонте показались стены местной столицы – Михены, мы с Гераклом уже стали хорошими друзьями. Просто неразлейвода. Парню потребовалось два дня на то, чтобы перестать за мной ухаживать и начать воспринимать меня как боевого товарища, просто более слабого. Но он охотно признавал, что я умнее. И мы заключили с ним соглашение, по которому он будет учить меня управляться с мечом, а я натаскивать его в карате и дзюдо. Хотя я и сама-то не много знала, но главное в этих вещах не приемы, главное – самодисциплина. А ее-то Гераклу и не хватало. Дни проходили так. Подъем с рассветом. Пробежка со всеми вещами километров на пять. Потом легкая разминка с мечами. Потом завтрак, и до полудня мы чешем дальше. Потом обед и легкий сон. Жарко здесь было так, что чуть песок на дороге не плавился. Теперь я понимала, зачем нужна сиеста. Отдохнув, мы опять отправлялись в путь. После захода солнца устраивали привал. Часа два мы слегка разминались, но на этот раз учителем становилась уже я. Потом мы ужинали и ложились спать. Ночью здесь тоже было тепло, так что страдали мы только от росы. Но оно и к лучшему. Чтобы мыться в тех речках, которые попадались нам на пути, требовалось немалое мужество. Они были очень мелкие, но чистые – и ледяные! Геракл объяснял это тем, что с гор сбегает потоки воды от растаявших ледников. Но черт бы с ними, с ледниками. Просто купание в такой речке довело бы меня до пневмонии. Геракл плавал, но я только щелкала зубами, глядя на воду. Умереть я не боялась, но не хватало еще оказаться на шабаше с сопливым носом. От насморка даже заклинаний никаких еще не выдумали. И вот наконец показалась Михена. Мы стояли на холме и смотрели на столицу. Мне город понравился. Белокаменные стены, из-за них виднелись крыши домов, зеленое поле, посреди которого лежал город, усадьбы вокруг, деревья, две реки, берущие город в кольцо... Интересно, много ли сходства у этого города с теми Микенами, из мифов? Но к воротам, как и всегда, вела длинная очередь. Мы послушно пристроились в хвост.

– Вы кто такие и по какому делу? – привычно спросил стражник.

– Геракл, к царю Эмрипею. А это сестра моя, – приосанился мой попутчик. Он все равно заикался, но теперь уже гораздо меньше.

– С вас две совы, – объявил стражник.

Я послушно протянула две монетки. Местной валютой меня опять снабдили эльфы. Стражник взял деньги, обшарил меня противными масляными глазками, но сказать ничего не решился. Геракл, пусть даже костлявый и нескладный, все равно выглядел очень убедительно.

Мы шли по широким улицам. А я просто поражалась. Везде чистота, порядок, кое-где статуи, спокойно стоят скамейки, растут деревья... У нас бы давно все испохабили. И стены расписали, и мусор набросали, и статуи изуродовали. А тут... Мне было просто приятно пройти по этому городу. О чем я и сказала Гераклу. Тот весело посмотрел на меня.

– А хочешь на базар?

– Хочу. – Я даже не задумалась над ответом. – А разве нам не надо к царю?

– А откуда он знает, когда мы пришли? И вообще, нам надо сперва на базар, потом в публичные бани, а уж затем отправимся во дворец. Верх неприличия – являться к начальству растрепанными, пыльными и потными, прямо с дороги. Разве не твои слова?

– Мои, – признала я. И кроме того, если явиться к начальству прямо с дороги, оно может тут же и послать тебя. В дорогу. И ты даже отдохнуть не успеешь. Так что идеи парня стоило признать великолепными. О чем я ему и сказала. Геракл покраснел как маков цвет.

– Тогда идем на базар?

– Идем.

На базаре мы пробыли не очень долго. Где-то часа три. Я купила себе новый хитон бледно-зеленого цвета и пару сандалий с серебряными ремешками, доходящими до колен, а еще несколько золотых украшений. Настоящий антиквариат. Геракл тоже не остался равнодушным к одежде, выбрал себе парадную обувь и выцыганил у меня деньги на мантию из шкуры непонятного зверя, которое тут же и намотал себе на шею. Теперь меня так и тянуло обратиться к нему: «Донна Роза...» Я попыталась уговорить его снять хотя бы жуткий медальон, но он замахал руками не хуже ветряной мельницы. Дескать, медальон ему отец подарил, уговаривал никому не продавать и никогда не снимать. Сказал, что медальон принесет ему удачу в битве. Короче, три тонны лапши на уши и ее последствия на шею, на собачью цепь. На мой взгляд, такие медальоны покупают не на удачу в битве, а как оружие. Снял, раскрутил, звезданул по башке – не хуже иного кистеня. Но Геракл растаял и повесил себе на шею это уродство. Ну и пусть его. Чем бы дите ни тешилось, лишь бы не вешалось.

Потом мы отправились в бани. Ну какая же это прелесть! Названий всех отделений я так и не запомнила, но было так здорово! Ничего общего с нашими советскими банями, в которые люди в шлепанцах ходили, чтобы грибок не подцепить. Но все равно подцепляли. И со своими тапками, своим мылом и мочалкой. А тут за мной ухаживали двое рабынь, растирали меня, массировали... Даже уходить было жалко. Хотя я и не шла. Я просто летела. Потом мы со вкусом перекусили в забегаловке в центре города – и отправились во дворец, договариваться с Эмрипеем.

Дворец вообще оказался чудом красоты. Я была и в Москве и в Петербурге, но это простое здание произвело на меня самое неизгладимое впечатление. Все просто, строго, изящно и ни одной неверной линии. Никаких каменных химер, никаких уродов, огромные окна, террасы, цветы. Невероятное сочетание белого мрамора и темного гранита. Странного желтого и голубовато-зеленого камня. Но никакой пестроты. Простота и строгость. И красота без всякой пышности.

Но стража в дверях все равно стояла.

– Кто, зачем, куда? – Вопросы были заданы с большим опытом. Золоченые копья скрестились у нас перед носом.

– Геракл, к царю на службу, – отрекомендовался приятель. – А это моя сестра. Тина.

Я улыбнулась. На мне взгляды стражников задержались надолго и не без основания. В новом хитоне я была просто ослепительна.

– Привет, мальчики! Пропустите меня с братаном? Я только одним глазком посмотрю! Честно! Вот гляньте, я одна и без оружия. – Я приподняла тунику до последних пределов и провела ладонями по телу. После этого никому из стражников уже не было дела до моих разборок с царем. И во дворец я прошла беспрепятственно. Такая вот жестокая реальность. Силы того же Конана-варвара у меня нет, никакого оружия, кроме длинного и ядовитого языка, – тоже, да и потом, разве я смогла бы убивать стражников? Убивать мне уже довелось, что правда, то правда, но не так же? В том мире вопрос стоял так: или убить, или умереть. Естественно, я выбрала себя любимую. И убила. И пусть меня ругает тот, кто на моем месте поступил иначе. С того света, через спиритическое блюдечко. Это одно. А вот так, глаза в глаза, подло, исподтишка, я вряд ли смогу убить. Да и зачем? Не знаю, как в моем мире, не пробовала, а тут большинство мужчин распускают слюни, стоит только построить из себя несчастную идиотку.

Эмрипей нас не ждал. У него как раз происходили крутые разборки... с кем? Да черт его знает. То есть ее. Это была довольно молодая девушка, на вид – лет пятнадцати-семнадцати. Потом я пригляделась и поняла, что мадама немного постарше. Лет двадцать – двадцать пять.

– Как ты смела!!! – орал бедный Эмрипей, мечась по тронному залу, как укушенный за известное место. Присел на миг на трон, тут же подскочил и принялся носиться по всему периметру. Мы скромненько прижухли за колонной. Стража пропустила нас в тронный зал, но мы решили подождать конца семейной ссоры, чтобы нам тоже не досталось. – Да как ты могла?! Ты подло обманула мое доверие!!! Я так доверял тебе!!! Я ввел тебя в свой гарем!!!

Хм, невелика услуга с его стороны. А что, у Эмрипея еще и гарем? Интересно. Кстати, насколько я помню древнегреческие мифы, там вообще ничего про жену царя Эврисфея не сказано. Не было, что ли? Скончался девственником? Или меня память подводит? Все ж таки мифы, история. А моя стезя – позвонки у собак пересчитывать.

– Я так верил тебе!!! Ты стала моей любимицей!!! Я засыпал тебя драгоценностями!!! Я приходил к тебе раз в десять дней!!!

Меня пробрал смех. И с чего мужчины считают, что женщинам может хватить платонических или весьма редких отношений, – тайна сия великая есть! Да если бы ко мне муж приходил раз в десять дней, да еще и потаскавшись по разным гаремам, я бы его такими развесистыми рогами украсила, что он бы кабельное телевидение ловил на лету! Пришлось зажать рот рукой, чтобы не разрушать трагизм сцены наглыми комментариями.

– Я!.. А ты!..

Утомившись, великий царь перешел на многоточия и тягостные вздохи. Женщина, до этой минуты лежавшая неподвижно, подползла к нему и уцепилась за колени.

– Прости меня!!! Прости недостойную свою рабу, великий царь!!! Я только тебя люблю, тебя одного!!! А Арисмус – это так, глупость, увлечение, безумие!!! Прости-и-и... – завывала она.

Я только головой покачала. Все равно ведь не простит. В таких ситуациях каяться никак нельзя. Как там студенты прикалывались?

– ...Ты мне изменяла вновь и вновь...

– Не виновата я...

– А кто ж виной?!

– Любовь!

Тут общая идея понятна любой женщине. Не виноватая я – и точка! Не была, не знаю, не участвовала! Вас видели вдвоем? Это не я! Вас засняли вдвоем?! Это монтаж! Да я сам вас видел! А сколько ты перед этим выпил? Стоять на том – и не сдаваться! И вообще – он сам пришел! А кто виноват?! Да все вокруг! От приятеля, с которым и был совершен грех, до центрального телевидения. А что, пусть не крутят постоянно порнографию! Как ни включишь по вечерам телевизор – если не целуются, то обнимаются, если не обнимаются, то в постели, если не в постели, то переключи на другой канал – там-то точно все увидишь. Хотя иногда еще и политиков показывают. Но политики тоже целуются, да так, что у «Плейбоя» обложка краснеет. Не знаю, что там показывают в дневное время, а после шести вечера хоть совсем не смотри. Пяти минут без поцелуев не проходит. А, ладно, телевидение само за себя отвечает. Главное, что идея понятна! Не фиг оправдываться и каяться! Наоборот, следует обвинить всех вокруг – вот это будет в самый раз. И в первую очередь, конечно, надо обвинять мужа. Но за этими приятными мыслями я отвлеклась от драмы.

– Нет! Я так доверял тебе!!! А ты!!! Ты предала мое доверие!!! Нет тебе прощения!!! Стра-а-а-а-а-а-а!!!

Последнее слово прозвучало в такой тональности, что даже я вздрогнула. На моей

памяти так орал только один мамочкин поклонник, когда я случайно захлопнула дверь. Он меня, видите ли, развращал, прижав к дверному косяку, а тут сквозняк (честное слово – сквозняк!). Я-то отскочить успела, а вот ему прилетело по самому дорогому. Хотя и не так крепко, как мне бы хотелось. Но мамочка потом ему добавила от всей русской души.

Стража влетела, как на ракете. Двое амбалов в раззолоченных кольчугах и шлемах. Но я едва удержалась от смеха. Золоченные кольчужные юбочки с белой оборкой хитона ну совсем не шли к волосатым и третий год не мытым ногам.

– Взять ее и казнить. Медленно и... мучительно, – всхлипнул царь, указывая на девчонку.

Мне очень захотелось вмешаться, но что-то удержало. Инстинкт самосохранения. У этого типчика слово и дело далеко не расходятся. А у меня здесь колдовать не выйдет. Нашинкуют меня в капусту – и все тут. Не созрел местный народ до феминисток, и слава Аллаху.

Стражники подхватили девушку под локти и понесли из зала вон, не обращая внимания на ее вопли, сопли и попытки вырваться. И только тогда мы выползли из-за колонны, громко топая ногами.

Эмрипей посмотрел на нас, как на насекомых.

– Чего надо?

Геракл упал на одно колено, громко щелкнув костями о мрамор. Я осталась стоять. Я не феминистка, но и кланяться этому козлу не стану!

– В-велик-кий царь! Я – Г-герак-кл!

Царь посмотрел на него, как на блоху на одеяле.

– Ну и чего тебе здесь надо? Чего приперся?

Геракл молчал. Несколько минут до царя просто доходило, кто такой Геракл, потом он кивнул:

– А, помню... Ребенок Ампиона и моей тетушки?

– Д-да, в-велик-кий царь!

Эмрипей снова кивнул:

– Хорошо. Зачем пожаловал?

– Служ-жит-ть т-тебе, в-велик-кий царь!

Когда мы болтали, Геракл почти не заикался. Он объяснил, что это от скромности. Смущается бедный. Особенно с незнакомыми людьми. Потом, когда он лучше узнает человека, заикание проходит. Но Эмрипей был не в курсе и смотрел на него как на убогого. И, между нами, оставался недалеко от истины. С другой стороны, хоть и убогий, но не сволочь. А взять ту же Орланду? И дура, и стерва, и сволочуга редкостная... будет, если поумнеет.

– Отлично. Вот и послужи мне. Добудь мне мешок перьев стимфалидских чаек, – приказал он. – Мне стрелы нужны, чтобы всякую кольчугу насквозь пробивали.

– Слушаюсь, в-велик-кий царь, – кивнул Геракл.

– Минуточку, – встряла я. – Какого размера мешок? Или сколько перьев нужно? Тысяча? Две?

Эмрипей только теперь заметил меня. И намертво прилип глазами. Я все-таки не самое страшное пугало в этом мире. И даже посимпатичнее той выдры, которую приговорили за измену.

– А это кто с тобой?

Глазами царь успел раздеть меня и даже затащить в постель, но обращался он по-прежнему к Гераклу. Я ответила сама за себя:

– А я его подруга. Как узнала, что мой парень идет на службу к царю, так в него и вцепилась. И уговорила Герочку, чтобы нам вместе идти. Если уж умирать у вас на службе, так вместе все легче.

– Пятьсот перьев стимфалийских чаек, – распорядился Эмрипей. – Сроком я вас не ограничиваю. А вы не хотите остаться и подождать вашего друга? – обратился он ко мне.

Глаза у него были такими, что я поняла – если тут оставаться, то только в башне с металлической дверью и за семью кодовыми замками. Иначе моя добродетель пострадает неминуемо. Да и кодовые замки не помеха. Лучше сразу требовать бронированную камеру и гранатомет.

– Простите, великий царь, – я сделала реверанс, а Эмрипей выложил глаза мне на грудь, – но я обещала Гераклу, что не оставлю его в трудах на славу вашего величества.

Эмрипей скривился, но возразить было нечего. Хотя он и попытался:

– А вы не будете мешать моему слуге? Мне кажется, забота о вас может отвлечь его от служения мне! В то же время, если вы останетесь в моем дворце, в безопасности, ему будет проще и спокойнее. Да и мое поручение он постарается выполнить побыстрее. Приятно вернуться к такой красавице!

А то как же. И у тебя, козла, будет время на дегустацию! Облезнешь!

– Великий царь, – я потупила глазки, – я никогда и никому не буду обузой! Я вполне могу позаботиться о себе! Да и каково мне будет сидеть здесь, за стенами дворца, в тепле, зная, что мой любимый где-то там на всех семи ветрах, мерзнет, недоедает, ноги промочил... – Патетическая речь перешла в ультразвуковые завывания. Эмрипей поморщился. Крыть было нечем. Разве что только приказать, но в таком случае я бы рванулась на базар к кузнецу за поясом верности. А может, и не рванулась бы. Отомстила бы мужу! Хотя... Эмрипей был далеко не Ленька ди Каприо. Ни на мордочку, ни на фигуру. Больше всего он походил на прибитого перестройкой интеллигента. Темные волосы, темные глаза, невыразительное лицо. Самая выдающаяся часть организма – длинный нос. Да и лысинка намечалась. От короны, что ли? Тушка тоже не ахти. Чуть повыше меня – и никаких мускулов. А я грешна – люблю, чтобы мужчина был повыше меня и пошире в плечах. Почему? Инстинкты требуют! Я мысленно облизнулась, вспоминая мужа. Уж Ники-то представлял собой ожившую мечту «Плейбоя». А Эмрипей был решительно не в моем вкусе. Вот. И пусть даже муж мне изменил! Если я решусь отомстить ему с кем-нибудь, то хоть кандидатура должна быть достойная. А то мне однажды преподавательница с нашей кафедры жаловалась. «Представляешь, Вэл, муж со мной развелся! Я ему изменила, а он развелся! И главное – из-за чего! Сказал, что не может жить с женщиной с таким плохим вкусом! Но дело-то по пьянке было! Мне бы и Страшила Шварценеггером показался!» Скажу сразу и честно – мужа я могла понять. Объект измены работал на нашей кафедре, был невысок, подлысоват, кудряв под барашка, обладал небольшим животиком и минус тремя на каждом глазу. Плюс еще табачный запах (курим только «Беломор») и вечно неглаженные брюки. И вечное донжуанство. Я-то этого козла быстро отучила от приставаний. Просто попросила мужа зайти за мной на кафедру. Ники пришел, смерил «Казанову» взглядом, поцеловал мне руку и увел. Больше меня никто не беспокоил.

– Хорошо. – Завывания требовалось прервать елико возможно скорее. – Вы должны принести мне пятьсот перьев стимфалийских чаек. Лошадей возьмете на конюшне. Как доехать, знаете? До бухты Стимфалл?

– Знаем, – отозвалась я. Карту мира Двенадцати Дев мне тоже дали эльфы. – Разрешите отправляться, светлый царь?

– Великий царь, – поправил Эмрипей.

- Хорошо. Разрешите отправляться, великий царь? – поправилась я. Терпения у меня бы хватило на трех мадагаскарских черепах.

- Разрешаю. Идите. Стража!!!

В зал опять влетели стражники. И в нас нацелились два остро отточенных копья.

- Эй, убери свою палку от моей задницы! – возмутилась я. – Не то я сейчас сама покажу тебе, куда ее вставить! На твоём товарище!

Копье мгновенно исчезло. Я ухмыльнулась. Так-то. Царь смотрел на меня с веселым удивлением. Я поняла, что пора исправлять ситуацию, пока ее не перепутали с проституцией.

- Простите, великий царь, но когда мне угрожают, я становлюсь весьма несдержанна на язык.

Эмрипей только махнул рукой.

- Идите. Ларк, проводи их до конюшни и прикажи выдать двух лошадей.

- До встречи, великий царь, – попрощались мы с Гераклом.

И отправились на конюшню. Там на нас набросился старик конюх.

- Чего вам надо? Коней?

- Коней, – согласилась я. – Двоих. Оседланных.

- Всем надо, – проворчал старик. – Скажите спасибо и за этих. А седлать сами будете.

С этими словами он вывел нас к стойлам с двумя... Я даже не знаю, как назвать несчастных животных. Это были уже не лошади, а две заготовки для конской колбасы. Больше они ни на что не годились. Я никогда не решилась бы даже оседлать какую-нибудь из них, опасаясь, что кляча рухнет под моей тяжестью.

- Да ты что, издеваешься над нами... – медленно начал Геракл.

Я тут же наступила ему на ногу, чтобы заткнулся. Пусть помолчит. Ежу понятно, что так со стариканом не справиться. Он уже давно привык к пререканиям.

- Это великолепные кони, – пропела я медовым голосом. Геракл и старик уставились на меня одинаково круглыми глазами. Даже вопрос был один и тот же на двоих – не сошла ли я с ума? Не сошла. Но и бороться с бюрократами давно научилась. – Перед отъездом великий царь желал дать нам последние напутствия, так что он тоже разделит мое восхищение этими прекрасными животными.

Старик сверкнул на меня глазами, но увы! Я была невозмутима и непрошибаема.

- Я сам оседлаю коней, – проскрипел старик. – Подождите снаружи.

Да нет вопросов. Я очаровательно улыбнулась старой сволочи и вышла, подхватив под ручку Геракла. А как иначе с этими мерзавцами? Если начнешь скандалить, они только крепче вцепятся в тебя. Но начальства они боятся как огня. Естественно, наши новые кони были гораздо крепче и лучше тех двоих кляч.

- Куда мы отправимся? – спросил Геракл, когда мы выехали из города и я развернула карту.

- Вот блин! Этот козел дал нам чертовски неудобное направление! – выругалась я.

И у меня были все причины для ругательств. Эмрипей послал нас как раз в противоположном направлении от нужного мне сада с яблоками. И что теперь делать? А вот что.

- Значит, так. Поехали пока к твоим чайкам. Надергаем у них перьев, а когда вернемся, попробуем получить новое задание где-нибудь поблизости от нужного мне сада. О'кей?

- Хоккей, – бодро согласился Геракл.

Глава 13

Ездить на лошади – это очень сложно. За три дня езды я не раз посылала чертову скотину к лешему и исчерпала весь свой запас русского мата. Начнем с того, что о коне надо заботиться. Кормить, поить, чесать, растирать, беречь. И скорость у лошади далеко не автомобильная. Мне бы сюда хоть самый завалающий «Запорожец». Но чего не было, того не было. Зато говорить я могла спокойно. И я, ошавев от безделья, принялась доставать Геракла вопросами.

– Слушай, а почему Репей сказал, что ты – ребенок его тетушки?

Геракл покраснел, как помидор-рекордсмен.

– Ну, тут... в общем... понимаешь... короче говоря...

– Начни сначала, – мягко посоветовала я. – Кто такой Ампион и с чем его едят?

– Его ни с чем не едят! Это мой отец!

– Не едят, говоришь? А вот один мой знакомый дракон с удовольствием ел людей, запивая отличным вином, – протянула я. – А какое отношение к тебе имеет тетушка Репей?

– Эмрипея.

– Хорошо, пусть Эм-Репей, но все-таки?

– Она моя мама.

– Так, уже хорошо. А как получилось, что получился ты? Для этого нужен достаточно близкий контакт, правда? Чем знаменит твой отец?

– Смазливой мордашкой, – отозвался Геракл. – А матушка моя, хоть и горько о ней этакое говорить, далека была от мыслей о государственных интересах. Приглянулся ей смазливый юнец, который ее спальню охранял, чтобы снаружи враги не подкрались...

– А потом стал еще и изнутри проверять, особенно под одеялом и простынями, – протянула я. – Да ладно, не тушуйся, дело-то житейское.

– Если бы еще мой дедушка-король так к этому относился, – фыркнул Геракл. – Он как-то решил пожелать доченьке спокойной ночи, ну и угодил в самый разгар проверки. По счастью, здоровье у дедули было преотменным, так что воин из окна вылетел ласточкой, там себе и шею свернул. А маменьку мою, как оказалось, на четвертом месяце, дедуля поскорее выдал замуж за Вирану. То есть сперва он попытался объявить меня своим наследником, которого дочурка принесла от бога, а мою мамочку при мне правительницей, но тут младший сын подключился.

– А сколько деток было у твоего дедушки?

– Да двое. Моя мамуля и отец Эмрипея. Но по потомству ты сама можешь судить, кто более достоин править, я или он, моя мамочка или его родитель, теперь уже почивший. Дед свой выбор сделал, оставалось только объявить об этом, но увы, братец моей матушки, теперь уже покойный царь, умудрился перетянуть на свою сторону войска, так что пришлось деду смириться, а мамуле отправляться к Вирану, который и воспитывал меня до совершеннолетия. На наследство я прав никаких не имею как незаконный, остается только братцу служить. Глядишь, и карьере сделаю.

– Ага, как раз после дождика в четверг, – фыркнула я. Меня терзали ну очень смутные сомнения. – Скажи, а как у вас добывают этих стимуфалийских чаек?

– Последнего храбреца вытащили издырявленного перьями, – порадовал меня Геракл. – Эти дряни просто пробивают своими перышками все подряд. Даже камень на глубину двух пальцев.

– И как ты собрался их добывать?

- Подстрелю из лука сколько смогу.

- Ну и чушь. - Мне оставалось только головой качать. - Камикадзе Геракл.

- Эй, я тебя пока не материл!

- Я тебя тоже. Камикадзе - это такой дурка, у которого не хватает ума, чтобы выполнить задание и унести свой зад в целости и сохранности.

- И как это сделать, не подскажешь?

- Не знаю пока, - пожала я плечами. - Но что-то можно придумать. Нам еще долго ехать. А отбитый зад очень способствует размышлениям. Знаешь, попа болит - голове легче.

- Никогда не замечал, - удивился Геракл.

Я подмигнула ему, чтобы парень не принимал мои шуточки близко к попе.

- Ничего. Со мной еще и не то узнаешь. Времени навалом!

Собственно, до нужного нам городка мы доехали без происшествий. Тишь, гладь, божья благодать. Только блохи заели. Я как подцепила их на постоялом дворе, так и мучилась до первой речки. А потом загнала в нее всех. Обоих коней, Геракла, засунула все вещи и залезла сама. После постирушки насекомые отстали. До куска берега, который облюбовали эти чайки, мы доехали только к вечеру и решили не искушать судьбу. Говорю как большой профессионал - влипать в проблемы и искать неприятностей на свою пятую точку опоры лучше на свежую голову. Остановились неподалеку на ночлег, обустроили стоянку как следует, выпались, а наутро накинули маскировочный плащ (эльфийские маскировочные плащи очень тонкие, легкие и принимают расцветку местности, на которой лежат. Лирин подарила мне один, и я прихватила его с собой) и поползли потихоньку к берегу. Зрелище было просто обалденным. Тысячи птиц, взлетающие ввысь, блестящие странно серебряным оперением в лучах солнца, стремительными молниями пикирующие к воде... Все было настолько красиво, что я могла бы любоваться на них часами. Геракл не позволил.

- Посмотри, - протянул он мне что-то. Это был обычный камень размером с небольшой блин.

- Ну, смотри, - отозвалась я.

- Видишь? Камень. Крепкий.

Я послушно повертела в руках булыжник. Кусок гранита, несомненно. Этакая каменная летающая тарелка весом на несколько килограмм. И что?

- А теперь смотри.

Геракл привстал, совсем чуть-чуть, и что было силы швырнул камень в сторону чаек на манер летающей тарелки. Я ахнула:

- Ты что, вконец с ума сошел?! В птиц камнями швыряешься! Да я тебя сейчас...

- Ты не фыркай, ты смотри!

Камень летел в сторону птиц. Я аж взывала вполголоса, представляя, как сейчас чертов булыжник врежется в одно из гнезд на скале и покалечит птенцов. Убью паршивца Геракла!

Но не тут-то было! Птички оказались такие, что даже в нашем времени на них бы не нашлось браконьеров. Навстречу камню взмыли с гнезд три чайки. Это было так быстро проделано, что я заметила их, только когда они оказались на пути камня и тряхнули крыльями.

Вш-шух-х!!! Х-ху-у-у-уш-ш-ш!!! Вх-х-ху-у-у!!!!

Камень вдруг сбился с высоты и упал. Я видела, как он покатился по скалам со странным звоном и застыл где-то в пятнадцати метрах от нас. Все произошло так быстро,

что если бы я моргнула, я бы уже ничего не заметила. Секунд пять – и камень лежит на земле. Но почему?! Я ни фига не понимала.

– Оставайся здесь, – шепнул мне Геракл. И пополз вперед, завернувшись в плащ. Я, лишенная маскировки, сжалась за камнем. Если меня заметят эти милые птички, мне будет очень грустно. Нет. Не заметили. Геракл вернулся буквально через три минуты вместе с камнем.

– Вот, смотри, – шепнул он, протягивая мне камень и укрывая меня плащом.

Я поудобнее уложила ногу и взяла булыжник.

Блин! Ну, блин!! Во, блин!!!

Гранит был пробит в шести местах металлическими перьями. Или перьями из чего-то похожего на металл. Выглядели они так. Ость – металлическая. Сам пух – от очень жесткого, такого же металлического цвета, до мягкого. Я попыталась выдернуть перья, но не смогла. Перевернула камень и присвистнула. Ну ни фига ж себе! Милые пташки умудрились пробить камень насквозь в двух случаях из шести. А толщина была приличная. Сантиметра три-четыре. Блин, вот бы эту птичку – и послать Орланде. Ну, блин! Других слов у меня на тот момент не было. Мы прихватили камешек, чтобы на досуге выдрать перья, и отправились к стоянке. Сперва ползком, потом уже на своих двоих и в вертикальном положении. Но в плащ все равно кутались с головой. Гераклу он очень понравился. А я, наверное, в детстве в войнушку не наигралась.

Когда мы доплюхали обратно, планов у меня все еще не было. А приползи мы несколькими минутами позже – не нашли бы и наших коней. Их отвязывали от тщательно вбитых колышков два типа с антисоциальными рожами и плохими наклонностями.

– Если мы сейчас не выйдем, то плакали наши лошадки, – шепнул мне Геракл.

– А если просто так выйдем – тем более, – шепнула я в ответ.

– А как тогда?

– Полежи пока в засаде. А когда они окажутся рядом – бей. Ты в драках участвовал?

– Да, – Геракл скромно потупил глазки. Интересно, с кем он дрался? С чертями после пятого кувшина?

– Ладно. Не уложишь, так хоть задержишь. А там и я помогу. Как только я крикну «давай» – начинай атаку. Хорошо?

– Хоккей, – бодро отозвался Геракл.

Несколько секунд я ждала, пока эта парочка отвернется. Ну вот. Теперь моя игра!

– В чем дело?! – грозно спросила я, сбрасывая плащ. Выглядело это так, словно я вышла из-за камня. Я же говорила, что плащ сливался с окружающей местностью.

Оба типа посмотрели на меня, как солдат на вошь.

– А ты не мешай, девка. Сейчас закончим с конями – тобой займемся, – пообещал один из них, сплюнув на землю сквозь дырку в зубах.

– Убери руки от лошадей, чмо! – Металла в моем голосе хватило бы на перья для трех чаек. Но внимания на меня не обратили, и мне пришлось подбавить искренности: – Козлы позорные, олени рогатые, лохи блохастые, утконосы, генетические выродки, жертвы аборта!!!

Я всегда знала, что искренность сейчас не в моде. Но не до такой же степени. Эти двое развернулись, оставили коней и пошли на меня с нехорошими эротическими намерениями.

– Сейчас я тебя.... – Один из них, тот, у которого пока еще все зубы были целы, подробно рассказал мне, какую позу в любви он предпочитает. Может, и еще что-нибудь бы

добавил, но тут его товарищ поравнялся с неподвижно лежащим Гераклом, и мы перешли в наступление.

– Давай! – крикнула я, влетая в объятия беззубого и здороваясь с ним коронным ударом коленом по яйцам.

Получилось великолепно – всмятку. Второй удар был прост. Я схватила му... жика за волосы, рванула его голову вниз и с силой врезала ему коленом по носу. Из носа хлынула кровь. Третий удар был в живот. После него воришка упал на колени, и я добавила от души – ногой в кроссовке в подбородок. Убить не убила, но нокаут обеспечила. И перевела взгляд на Геракла. Тот сцепился с противником в партерной борьбе. Ну не в коня корм! Учишь его, учишь, а все без толку. Я шагнула вперед, четким жестом рванула голову его противника вверх за волосы и двинула кулаком в нос.

– Учись, обормот, пока я жива и бесплатно даю уроки. Я тебе что говорила? С противником нельзя сцепляться врукопашную, если ты не уверен в победе. Надо держать его на расстоянии. Понял?

– Давай пока без лекций, а?! Сперва их свяжем, а потом уже все остальное.

Совет был разумным. Это просто мое учительское прошлое вылезло. Зато Геракл уже увязал наших непрощенных гостей, как болонскую колбасу, и повернулся ко мне:

– Что дальше с ними делать будем?

А правда – что?! Утопить их, что ли?!

– Да ну, еще к морю тащиться, – поморщился Геракл. Я что, вслух говорила? Хотя тут заговоришь. Стрессы, стрессы, стрессы и никаких антидепрессантов. Только мордобой. Но как действенно!

– Хорошо, а что тогда с ними делать? – спросила я.

– Да ничего. Пусть полежат тут, пока мы перышки не добудем.

– Ну да. Шесть штук у нас есть, осталось еще четыреста девяносто четыре. Скромненько.

– Как Реп... тьфу ты, поднабрался тут от тебя! Как Эмрипей заказал.

– Тогда мы тут до зимы просидим. И не говори мне, что у вас тут зимы мягкие. Мне домой нужно, Ольке морду чистить поленом.

Геракл сочувственно закивал. О своих проблемах я ему рассказала на третий день знакомства. И парень проникся. Теперь у меня был не просто попутчик, но и друг. А мне так не хватало самого обыкновенного человеческого тепла. Ладно, что-то я раскисла. Адреналин, что ли, отходит? Не будем гадать и грустить. Лучше подумаем, что с этими двумя делать. Отпускать их нельзя. Я бы и была гуманна, но ведь они потом мстить вернуться. Здесь заветы простые. Если тебе выбили зуб, вырви у противника всю челюсть. Даже если зуб выбит за дело. Но держать при себе этих двух козлов, кормить их, как-то заботиться... Дураки сошли на первой остановке. Но все-таки не убивать же их... А почему, собственно, нет? Хотя...

– Геракл, давай-ка отойдем в сторонку.

– Что случилось?

– У меня идея! Мы получим эти перья в самый кратчайший срок. А эти двое послужат отличной приманкой.

– Это как?

– А вот так...

Изложение плана заняло минуту. Еще три ушло на проработку деталей. Потом Геракл отправился рубить деревья, а я принялась раскапывать свою сумку. Мне нужно было кое-что смастерить. И хорошо бы управиться до завтрашнего дня. Время не ждет.

Выглядело это так. Плот был сколочен Гераклом из нетолстых стволов трех эххорров. Это дерево чем-то напоминало нашу сосну. Геракл объяснил, что оно очень легкое и плотное, из него всегда делают корабли, лодки, плоты. И правда, попав в родную стихию, плот подчинялся каждому моему движению. Но этого еще было мало. На плот погрузили одного из этих двоих мерзавцев и крепко привязали к бревнам. Рот ему затыкать не стали. Пусть орет погромче. Второго просто связали, как колбасу, закатали в пещеру, которых на берегу было великое множество, и заткнули рот. Пусть пока полежит. Вернемся – отпустим, если он нам не понадобится. И мы скользнули в воду. Плот был моей оригинальной конструкции. Во-первых, между бревнами вставили двенадцать трубочек из тростника. Постарались сделать так, чтобы они не выпали. Обмазали все смолой, которую Геракл растопил на костре, безнадежно изуродовав мой любимый котелок. Оставили парочку щелей в бревнах, как раз под пленными. И – самое главное – Геракл, отлично владеющий топором, прибил к бревнам четыре – ручки? рычага? Короче, четыре палки и привязал к ним ремни, уцепившись за которые мы могли плыть и тащить плот за собой. То, что мы хотели совершить, было подло и мерзко. Но что ж теперь поделаться?! Не получается быть чистеньким и беленьким для всех вокруг. Вот не получается. Я решила именно так и перестала переживать, а Геракл еще и не начинал. По его мнению, этих двоих стоило убить уже за попытку кражи! Дикий мир!

На рассвете мы вошли в воду и поплыли. Это оказалось несложно. Морская вода щипала глаза, ну да черт с ней. Мы держались руками за ремни, периодически вдыхали воздух через трубочки и трогали ножи за поясом. Я часто поднималась на поверхность и проверяла, туда ли мы плывем. Потом перестала. Птички начали летать слишком близко над водой. А вот и скалы. Воплей я не слышала – вода глушила все звуки, но первое перо, упавшее вниз, увидела. Оно пробило верхние слои и теперь медленно погружалось за счет веса ости. Я знаком показала Гераклу, чтобы держал плот, и отвязала от пояса мешок. Собрать перья было довольно легко. Они медленно тонули. Мешало другое. Надо было постоянно подплывать к плоту и переводить дух. Геракл время от времени шевелил плот, чтобы поддержать в птичках боевой дух, – и я чувствовала содрогания дерева. Когда я наполнила третий мешок и подвесила его к плоту – всего около ста пятидесяти перьев, Геракл кивнул мне на мою сторону плота. Я послушно взялась за рычаг и потянула плот обратно, всей кожей ощущая, как в дерево над нами втыкаются перья. Тянуть его оказалось куда как труднее. То ли плот потяжелел, то ли мы устали – кто знает. На берегу мы выяснили, что то и другое было верным. Плот стал гораздо тяжелее, чем прежде, – за счет перьев, а мы, выйдя из воды, только-только и смогли втащить его на песок – и тут же рухнули рядом. К черту все вокруг, даже надвигающуюся грозу – к черту! Я подумала, что теперь я еще долго нырять не стану.

Гроза так и не налетела, чему мы очень порадовались. Есть в мире справедливость. Нам было сейчас ну совсем не до грозы. Мы выполняли очень тяжелую и грязную работу. Дергали перья из плота и из того бедняги, отмывали их в море от крови и складывали на песке. Потом пересчитаем, просушим и сложим в мешки. Было противно до тошноты. И это еще мягко сказано. Человек, которого я (чего уж там оправдываться – я, без меня Геракл век бы до этого не додумался!) использовала как приманку, был весь истыкан перьями-стрелами. Хорошо еще, что Геракл плотно пригнал бревна друг к другу, а щели замазал смолой. Если бы кровь попала в воду, нам бы пришлось солоно. Акулы чуют кровь за несколько километров... хотя я не знаю, водятся ли здесь акулы. Наконец все было промыто, уложено в несколько куч на песке, и мы поделили обязанности с Гераклом. Он пошел хоронить нашего воришку, а я начала считать перья и укладывать их. Всего оказалось семьсот двадцать шесть перьев самых разных размеров. От коротеньких до длиннющих. Я отложила тринадцать перьев получше для себя любимой. Подумала – и отложила столько же для Геракла. Семьсот – красивое ровное число. Хватит царю за глаза. Мы и так план перевыполнили не хуже коммунистов. Аж на сорок процентов. Потом я подумала – и оседлала коней. Собрала вещи. Пора. Наконец вернулся Геракл.

– Я тут похоронил этого воришку в пещере. Потом показал труп его приятелю. Тот раскаялся в своих заблуждениях и уверяет, что никогда воровать не будет, – подмигнул мне приятель. – Я ему поверил и оставил нож. Кляп вытащил, ноги развязал, так что парень сам освободится часов через шесть. Мы уже будем далеко.

– Это где ж ты нож оставил? – удивилась я.

- А в пещеру кинул туда подальше, - пояснил приятель. - Пока найдет да пока разрежет... А чего ты перья не убрала?

- А это ты сам убери, - пожала я плечами. - У нас семьсот двадцать шесть перьев. Тринадцать мне, тринадцать тебе, остальное Репею. Будешь потом детям показывать.

- Еще детей мне не хватало, - фыркнул Геракл. - Благодарствую.

Я улыбнулась, приподнялась на цыпочки и чмокнула приятеля в щечку.

- Поехали. Нас ждет отчет у Эмрипея. Будем врать напропалую.

- А зачем врать? - не понял Геракл, забираясь на лошадь.

- Как - зачем? Ну ты и наивен, друг мой! Даром что выше меня вымахал. Учти на будущее - люди ценят тебя не по подвигам, а по твоим рассказам. Главное, не стесняться вешать лапшу на уши - все сожрут и добавки потребуют!

Мы рассмеялись и отправились в обратный путь.

Глава 14

Его величество Эмрипей был в натуре весьма не в духе. Как мои студенты перед зачетом. Тоскливый такой, хуже всякой истерики.

– Чего надо? – лениво поинтересовался он у меня и Геракла. – Я кому сказал, без перьев не возвращаться?! Вы что, послушаться меня решили?!

Я хлопнула в ладоши. Двери тронного зала медленно распахнулись, и стражники внесли нашу добычу – упакованную в мешки, завязанную особым образом, а поверх еще и опечатанную.

– Семьсот перьев, как вы и приказали, великий царь. – Геракл изобразил поклон. Я тут же вцепилась в руку друга. Так, на всякий случай.

Эмрипей спрыгнул с трона и подошел к одному из мешков. Картинно выхватил кинжал. Я на всякий случай напрягла мышцы. Если что – поставлю подножку или просто уберусь с пути кинжала, а потом разберемся. Заодно и зал царем подметим, а то грязно тут. Но Эмрипей просто вспорол мешок. Перья, звеня колокольчиками-переростками, посыпались на пол.

– Ну, молодцы! – протянул царь. – Хвалю! Хвалю!!!

Сорвал с пояса ножны, в которых был кинжал, и протянул их вместе с оружием Гераклу.

– Заслужил, братишка! Носи!

Геракл принял оружие, преклонив колено, и тут же повернулся ко мне.

– Держи, Тина! Великий царь, да если бы не она – я б и до сих пор на стимфалийской отмели сидел!

– Кинжал оставь себе, – отмахнулся царь. – А для подруги твоей у меня подарок найдется. Эй, слуги!

Три человека в белых туниках вбежали в зал и поклонились.

– Принесите моей гостье *то* ожерелье. Которое мне апериняне подарили.

Слуги опрометью метнулись из зала. И вернулись через несколько минут с небольшим мешочком.

– Носи, – протянул мне Эмрипей. – А если позволишь, я сам его надену тебе.

– Воля великого царя – закон для его подданных, – пожала я плечами.

Эмрипей достал из мешочка кольцо. Красота! Золотой обруч в виде ветки цветущей яблони, а на нем – цветы из розовых бриллиантов. Россыпи цветов. Я только ахнула.

– Великий царь, я не заслуживаю...

– Это мне лучше знать, – оборвал меня Эмрипей. Потом обошел меня и застегнул на шее кольцо. Бриллианты холодом обожгли кожу.

– Какая красота, – прошептала я. И, кажется, я ошиблась с первым впечатлением. Не такой уж Эмрипей и противный. Может, и правда изменить мужу? Если в женщинах местный царь разбирается так же хорошо, как и в драгоценностях, – дело того стоит. Ну да ладно. Перед отъездом посмотрим.

– А у меня беда, ребята, – вздохнул царь. – Как вы уехали – амазонки на страну напали. Несколько деревень разграбили и сожгли, женщин вырезали, мужиков тоже, кого с собой увели, кого убили. Воевать будем с ними. Через три дня выступаем.

– Воевать с бабами? – возмутилась я, как-то позабыв, что разговариваю с царем. – Во, блин, заняться людям нечем! А из-за чего они так взбесились? Моча в голову ударила?

- А кто их знает. Бабы – дуры, – изрек Эмрипей, тоже позабыв, что я пока не средний и не мужской род. – Уж, почитай, который раз налетают. Редко какой год без них обходится! Приходится собирать войско да двигать за ними, мстить за поруганную честь.

- Это не дело, – уверенно сказала я. – Чего они хотят?

- Как всегда, земли им нужны у Фегорнского залива. Уж третий век из-за земель этих бьемся, народ стонет. Еще прадед мой с амазонками рубился...

- И все равно это не дело, – оборвала я царя. – Великий царь, дайте мне провожатого, я поеду да поговорю с амазонками. Сразу они меня не прикончат, авось и разрулю ситуацию?

- Чего? – не понял царь.

- Поговорим с ними, чтобы войну не развязывали, – перевел Геракл.

- Они вас прикончат, – припечатал Эмрипей.

Я насмешливо фыркнула. Подумаешь, амазонки! Не был ты, несчастный, у нас на кафедре биологии! Вот где клубок гадюк-то! Шипят, сплетничают, гадят по-всякому, в душу без мыла залезть норовят...

А ты – амазонки! Наивня-ак!

- Великий царь, – с нажимом повторила я. – Дайте мне провожатого.

- Нам, – вмешался Геракл.

- Очень ты мне там нужен! – возмутилась я.

- А кто тебя там охранять будет?! – мгновенно начал разборку парень. Избавила я его от комплексов на свою голову. Раньше бы он перед царем лаяться постеснялся, а сейчас стены дрожат от его рева. – Не-ет, без охраны – никуда не отпущу! Виданное ли дело – к амазонкам и в одиночестве!

- Да не ты ли со мной хвостом собрался?!

- А хоть бы я!

Мы сцепились, наплевав на царя и на слуг.

- Гера, не борзей! Если у них сейчас критические дни – они тебя на гуляш переработают! А я должна буду им мстить! Нет у меня времени на всякую чушь!

- Тина, это ты увянь! Я что, козел позорный – подругу на такое дело одну отпустить? Вместе поползем!

- Вместе и вынесут?! В одном гробу?! Так, что ли?! Ты жить должен!

- А ты нет, что ли?! – передразнил меня этот нахал.

- А я уже взрослая!

- Закрой пасть и слушайся!!! – заорал вконец доведенный Геракл. – Никуда ты одна без меня не поедешь!!! А будешь возражать – царя попрошу, чтобы тебе темницу поудобнее подыскал! И ошейник с поводком!!!

- Что-о-о?!

- Что слышала! Темницу, ошейник и намордник!!! Если мы друзья, тогда слушайся!

Я неожиданно для себя захохотала. Геракл подхватил кувшин с водой, стоявший возле царского трона на столике, – и выплеснул на меня.

- Урою!!! – завопила я, забыв про истерику.

- Пришла в себя? – поинтересовался приятель. – Едем вместе.

- Выучила я тебя на свою голову.

- Выучила.

Эмрипей посмотрел на нас, как на опасных сумасшедших, а потом хлопнул в ладоши. Появился слуга.

- Эмпердор, проводи гостей да скажи Тесею, чтобы к амазонкам их проводил. И на конюшне распорядись, чтобы коней им свежих дали.

Мы поклонились - и свалили к амазонкам.

Тесей оказался таким зубром, два на полтора метра, в кольчуге и со шрамом на физиономии. Услышав, что мы едем к амазонкам, он покачал головой.

- Вам что - голову сложить негде? Жить надоело - так со стены бы бросились!

- Да мы пробовали. Живы, - отшутилась я. - А как мы старались! Даже стимфалийских чаек ощипывали! И все равно живем.

- Брешете, - не поверил Тесей.

- Сам ты три года не умывался, - огрызнулась я. А судя по запаху - так и все пять лет. - Вот, видишь?! - Я коснулась бриллиантового кольца. - Это царь меня наградил, а Гераклу кинжал наградной перепал.

- И все? - уточнил Тесей.

- А чего тебе еще нужно?!

- Нет, правда, все?! - не унимался мужик.

- Да сказано же тебе, все!

Тесей заржал так, что под нами лошади шарахнулись. Его конь аж на дыбы встал.

- Ну вы и лопухи дорожные, - наконец выдавил он. - Щенки лопоухие! Сколько хоть перьев притащили?!

- Семьсот штук, - мрачно отозвался Геракл.

- Убогие, - решительно приговорил Тесей. - Недоумки, головкой при рождении ушибленные! Где вы жили-то?!

- Твое какое дело? Ну, в провинции.

- Где-е?!

- В глуши лесной.

- Оно и видно! Да за три пера можно ошейник куда как роскошней купить!

- М-да. Кажется, нас лоханули, - подвела я итог. - С другой стороны, особенно мы не перетрудились, так, по мелочи! Поплавали да одного грабителя прикончили.

- Это верно, - согласился повеселевший Геракл. - По труду и награда. И вообще, богатства родной страны надо приумножать бескорыстно.

- Твои бы слова да нашим политикам в уши, - пробормотала я.

- Идиоты, - подвел черту Тесей.

С мужиком мы сдружились быстро. Даже очень. Тесей оказался настоящим старым служакой и к нам отнесся как к новобранцам. Мы в свою очередь зауважали его за отличное владение любым оружием. До амазонок нам надо было пилить почти восемь дней, и все эти восемь дней Тесей натаскивал нас, как хороший дрессировщик. Его усилиями я получила чертову прорву синяков на всех частях тела, но зато стала

более уверенно держать в руках меч и даже отбивала кое-какие удары. Хотя и плохо. Глаза все время зажмуривались. Еще мы метали аркан, бросали кинжалы и тренировались в ударах по нужным точкам. По таким, в которые стоит только попасть чем-то колющим – и твоего врага уже не откачают. Пока мы работали веточками. Кроме того, Тесей оказался великолепным охотником и сумел добыть оленя. По негласному уговору свеживали тушу мужчины, потом ожесточенно выискивая на себе блох и клещей, а вот готовить пришлось мне.

Веселуха началась на восьмой день с утра. Часов в десять мы увидели вдали большой военный лагерь.

– Амазонки, – уверенно опознал Тесей, вглядываясь вдаль. – И флаг их.

– А какой у них флаг? – спросила я.

– На золотом шелке белым вышита разбитая тарелка. Вокруг нее разорванные цепи. А флаг обшит кружевом. Одно слово – бабы, – фыркнул Тесей. И тут же покосился на меня. – Извини, Тина, это я не про тебя. Ты настоящий друг.

Я подмигнула приятелю.

– Как известно, бабы – дуры. Но я – женщина.

– Причем вооруженная и опасная, – пробормотал Тесей.

– А тебя что-то не устраивает?

– Я тебе скажу, когда буду уверен в своей безопасности.

– Ага! А если бы я была трепетной и беззащитной, что бы ты мне сказал?! – завелась я.

Следующие несколько слов подняли мое уважение к ветерану и дополнили мой личный словарь неприличных выражений. Да, феминизм тут не в моде.

Мы переоделись понаряднее и поскакали к лагерю. Не доскакали примерно километра. Дозор амазонок вырос словно из-под земли. Мужчины заерзали в седлах, словно им что-то сидеть мешало. Но их можно было понять. Три девушки, направившие на нас копья, были одеты в черные кожаные коротенькие юбочки, едва прикрывавшие зад, и в черные кожаные лифчики, оставлявшие открытой правую грудь. Плюс еще сандалии с серебряными ремешками и куча украшений. Цепи, браслеты, серьги, кольца. Явный перебор. В довершение образа – великолепные прически, над которыми надо не меньше часа работать, косметика, маникюр и педикюр. А теперь последняя деталь! В самой худенькой из амазонок было не меньше ста двадцати килограммов. Дозор явился пешим, потому что такие туши ни одна лошадь не выдержит. Я их издали за холмы приняла.

– Спешиться! Руки за голову! Живо!

Геракл послушно соскользнул с лошади и помог спешиться мне. Очень кстати, а то я в этом балахоне не смогла бы и ногой пошевелить. Я-то приукрасилась и надела платье, которое мне навязала Лирин. «Мало ли что случится, – убеждала меня эльфийка. – А одно приличное платье с собой всегда должно быть». Оно и было. Длинное, тонкое, ярко-зеленое, под цвет моих резко позеленевших глаз, облегающее тело, как вторая кожа, умело подчеркивающее все достоинства, ну а недостатков у меня нет. Я – совершенство, и точка! Люблю себя, особенно в таком роскошном платье. Но как в нем неудобно верхом ездить! Пешком ходить оказалось не лучше. Туфель у меня не было, пришлось идти босиком. И все колючки стали мои. Спасибо, хоть подол ни за что не цеплялся. Просто стлался по траве длинным шлейфом. А что вы хотите? Эльфийская работа!

– Нам нужно к вашей царице, – попыталась договориться я.

– Вы и так к ней отправитесь. А она решит, казнить вас или сохранить ваши жалкие жизни! – отбрила самая толстая амазонка. – Идите и молчите! Пленным разговаривать не положено.

Я смирила ее взглядом и гордо пошла вперед.

- Обалденно выглядишь, - шепнул мне Тесей, пристраиваясь в кильватере.

- Мерси, - пискнула я.

- И больше не проси, - добил Геракл. Мой жаргон оказался прилипчив, как три пуда смолы.

Нас провели в самый центр лагеря к роскошному шатру из темно-синей с золотом ткани. Я осматривалась по сторонам, но не видела ни одной худой женщины. Кто придумал изображать на фресках и кувшинах амазонок на лошадях? Его бы сюда! На таких коров одного кувшина не хватит! Их на бочке надо рисовать! А еще лучше к бочке приделать голову, руки и ноги соответствующих размеров. Над шатром, кстати, развевалось то самое знамя. Одна из наших конвоиров вошла в шатер, выскочила через пару минут и кивнула остальным:

- Царица приказала вести пленников.

Внутри было довольно светло и тепло. Горели две ароматические курительницы, и по всему шатру разливался отвратительный запах. Я вздохнула и расчихалась.

- Ап-чхи! А-ап-чхи! Ап-чхи!!! Какая гадость!

За моей спиной раздалось чихание. Тесей тоже не выдержал.

Царица обнаружилась довольно скоро. На мехах, в самом центре шатра, с удобством развалилась амазонка в таком же наряде, как и все остальные, - юбочка и урезанный лифчик. Единственное отличие - ее наряды были белого цвета, а на темноволосой голове сверкала диадема. Рядом с ней в золотых ошейниках сидели двое парней с обалденными фигурами. Вместе они составляли примерно полцарицы.

Остальное я особенно не рассматривала, потому что царица заговорила. Голосок у нее был под стать размерам. Полком командовать. Или разборки на коммунальной кухне устраивать.

- Я хочу знать, кто вы такие!

- Меня зовут Тина, - спокойно ответила я. - Я приехала на переговоры.

- На переговоры? - удивилась царица. - И кто же решил со мной говорить? Чей ты голос?!

- Царя Эмрипея, - бодро ответила я. - Прикинь, приезжаем мы с приятелем к нему в гости, а он нам и говорит, так, мол, и так, пирушку по случаю вашего явления устроить не могу, собираюсь с амазонками воевать. Я его спрашиваю, из-за чего воюете, а он ни «бе» ни «ме» в ответ! Только и удалось добиться, что это традиция такая! Типа вы уже триста лет общего языка найти не можете! Ну, я и решила самостоятельно разобраться. Свистнула приятеля - и на коня. Никак такого быть не может, чтобы вы триста лет спорили и ни до чего не дошли!

Царица захлопала глазами.

- То есть ты не официальный посланник?

- Догадайся с трех попыток, куда меня послал Эмрипей в ответ на предложение помириться?

Царица, похоже, догадалась и покачала головой.

- И ты решилась явиться в мой лагерь? Одна, практически без оружия, в сопровождении этих двоих... Ты либо дура, либо слишком умная. Одно из двух.

- Решай сама, - предложила я. - Но вообще-то я ни то и ни другое. Я всегда уповала на женский ум. Елки, ну что вам может быть такого нужно, чтобы целых триста лет страну разорять? Я-то знаю, что эти набегі вас почти не обогащают. Много ли возьмешь с деревенек? А города вы ни разу не брали. Вот я и думаю, проще ведь договориться, чем вот так дурью маяться?

Царица посмотрела на меня и покачала головой:

– Такое мужество заслуживает награды. Тебе просто отрубят голову. Без пыток. А твои спутники будут использоваться по назначению.

Ребята побледнели. Я их чисто по-человечески понимала. На такую гору сала влезть можно было, только пережав виагры и вооружившись снаряжением юного альпиниста.

– Вот из-за таких, как вы, баб дурами и называют, – огрызнулась я. – Слушай, ну чего вы к нам приперлись-то?! Мужиков не хватает?! Я их понимаю! А вот вы и правда дуры! Воевать полезли! Да от вас любой мужик так рванет, что как раз на другом конце страны остановится! Женщинами надо быть, а не вояками! Мечи еще никого не красили! Вон со мной двое героев-любовников добровольно таскаются. И заметь, я сама за меч не берусь. Мое оружие – стрельба глазами и протыкание сердец ресницами! (Брехня беспардонная!) – А вам бы похудеть, к вам бы все мужики валом валили! Особенно если вы их жениться не заставите.

Царица посмотрела на меня как на врага народа.

– Да что ты несешь, девка?! Как же мы можем похудеть?! Мы уже все перепробовали! Ничего не помогает!

Я чуть на зад не хлопнулась. Как-как! А вот так! По похудению я большой специалист. У меня подруга на кафедре, так вот, в ней килограммов сто живого веса, из них сорок – живого жира, и она постоянно худеет. И обсуждает со мной новые способы.

– Да просто взять и похудеть, – пожала я плечами. – Диеты. Французская, рыбная, овощная, раздельное питание, сыроедение, шейпинг, гимнастика... Да я с любой из вас за неделю килограмма четыре сгоню. А дальше и сами справитесь, если на жопы опять не плюхнетесь!

В глазах царицы мелькнул неподдельный интерес.

– Учти, если ты врешь, твоя смерть будет ужасна!

– Да слышала я уже все это, – отмахнулась я. – Значит, так, прикажи своим коровам развязать меня и вернуть мои вещи. И через час все, кто желает похудеть, должны ждать меня... есть у вас тут площадка для собраний?

– Есть. В центре лагеря.

– Отлично. Я переоденусь, если хочешь – прямо здесь, чтобы я не удрала, – и вперед! Вы у меня быстро жир растрясете!

– Объявить по лагерю! – приказала царица. Конвой рванул из шатра со скоростью двоечника, получившего зачет. Готова поспорить на парик моей подруги (той, которая худеет), что они-то там будут наверняка! Я же собиралась действовать простыми дедовскими средствами. Царица медленно приподнялась и обошла меня кругом.

– Скажи, ты не врешь?!

– Да не вру я, – отмахнулась я. Во, блин, деревня! Так я тебе и признаюсь, что лапши навешала! Хотя на этот раз я была предельно искренней. Хотите похудеть? Похудеете!

Я по-быстрому переоделась в брюки и рубашку из мягкой ткани и посмотрела на царицу. Той определенно хотелось поверить.

– Обещаю, – просто сказала я. – Если я похудела, то вы и тем более похудеете.

И махнула рукой мальчишкам.

– Ребята, за мной! У нас уйма работы!

Геракл и Тесей смотрели на меня с искренним восхищением. Я подхватила их под руки и уверенно зашагала на площадку собраний, или как ее там?

Глава 15

– Раз! Два! Три! Четыре! Руки в боки, ноги шире! Прыгаем! Прыгаем, я сказала, а не трясем задницей, показывая, что жир колыхнется! Вперед! Клио! Колени подбрасываем! Ну и что, что ты их найти не можешь! Прикинь, где у тебя середина ноги, и выбрасывай ее вверх!

Вот в таком режиме мы и развлекались уже шестнадцатый день. Амазонки оправдали мои ожидания, примчавшись на площадь всем табуном. Я вкратце объяснила им, что намерена делать, – и работа закипела. Всех мужчин, которые были в лагере, я приставила к кострам и присматривать за продуктами. Ввела строгое меню. Утром – овсянка и ломоть черного хлеба без масла, на обед – салат и чашка нежирного бульона, вечером тоже салат и стакан простокваши или молока. Фрукты любые, за исключением бананов и винограда. Бананов тут, правда, не было, а вот виноград я из рациона выкинула. И постоянные пробежки, тренировки, разминки. Утром, еще до завтрака, три круга вокруг лагеря. После завтрака полчаса отдохнуть – и вперед. Гимнастика, потом плавание, потом обед. После обеда двухчасовой отдых – и опять на площадку. Бег, разминка, прыжки на месте и через скакалку, плавание, приседания, отжимания... И никаких поблажек. Если не хочешь, чтобы у тебя кожа складками висела, когда ты сбросишь сорок килограммов, надо активно заниматься спортом. Трудно? Тяжело? А ты думай о чем-нибудь приятном. А если не думается, то это твои проблемы. Сожми зубы – и вперед. И процесс пошел. Амазонки, конечно, были ужасно недисциплинированными бабами, но тут мне с удовольствием помогали все мужчины. Шаг влево, шаг вправо считался побегом и карался голодовкой в комплексе с дополнительными упражнениями.

– Какой ужас! – заорут бабы, желающие похудеть за счет таблеток и добавок. – Надо же худеть постепенно!

А вот не надо! Я говорила чистую правду! Та мадам, которая постоянно худела у меня в институте, весила где-то от ста до ста двадцати килограмм, постоянно что-то пила, глотала целлюлозу, выписывала какой-то китайский препарат из женьшеня и жира беременных ящериц, мазалась антицеллюлитными мазилками – и в итоге заработала себе язву желудка и роскошные прыщи. Да еще половины волос лишилась. Я же могу сказать одно. Похудеть можно! Но для этого нужно, во-первых, меньше жрать и вообще сесть на диету (например, съесть не две тарелки каши, а одну, уменьшать количество еды), во-вторых, побольше двигаться, а в-третьих, перед каждой трапезой выпивать по стакану ледяной воды. Желудок съезживается, и ты съедаешь меньше. Ну и там еще разные мелочи, но я их не объясняла. Я показывала результаты. Уже через неделю царица амазонок похудела на шесть килограммов и была так счастлива, что подарила мне наряд амазонок из меха леопарда. У них это считалось очень почетным. Примерно как у нас – встреча с президентом. Хотя от леопардового лифчика пользы было определено больше. Я не возражала. Остальные теряли воду такими же темпами. Я предупреждала их, что через какое-то время процесс замедлится, потому что сгонять надо будет уже не воду, а жир, но амазонки были готовы на все. И то сказать, приятно, когда можно скосить глаза в сторону и увидеть что-то еще, кроме своих жирных щек. Геракл и Тесей помогали мне во всем. Из них получились бы прекрасные инструкторы по аэробике. На меня они смотрели с плохо скрытым восхищением. К этому времени на границу подошел Эмрипей с войском – и был поражен до глубины души. Вместо того чтобы воевать и похищать мужчин, амазонки послали его кое-чем груши околачивать и продолжали тренировки. Царь был настолько счастлив, что пообещал мне подарить столько золота, сколько я сама вешу. Я посмеялась, жаль, что я не вешу как амазонки, царь предложил оценить мою фигуру... Короче, спали мы вместе уже пятый день. И я вовсе не жалела. В постели с Эмрипеем мне было приятно. Он умел обращаться с женщинами. Кстати, тем из амазонок, кто уже привык к нагрузке, я посоветовала заниматься горизонтальными упражнениями почаще. Французская диета: Утром – кекс и секс, в обед – кекс и секс, вечером – один секс. Если не помогает, исключаем мучное. Что мы и сделали. Я бы с удовольствием позанималась с амазонками еще пару месяцев, но наставало время двигаться дальше. И я решила поговорить с Гераклом. Наступил час послеобеденного отдыха, и я обнаружила его у шатра царицы.

– Гера, ты как, очень занят?

Вопрос был данью вежливости. Геракл мгновенно отложил меч, который точил, и устался на меня.

- Что случилось?

- Да почти ничего, – обрадовала я его. – Двигаться мне надо.

- Куда?

- За яблочком, – пояснила я. Гераклу я рассказала о цели моего пребывания в его мире почти сразу, и он решил мне помочь. Но сейчас смотрел на меня с тоской.

- Тина, а зачем тебе это нужно?

- Нужно, – вздохнула я. – Понимаешь, там, далеко, у меня дом, муж, родители... У вас здесь хорошо, но больше всего на свете я люблю свою родину. И мне очень хочется туда вернуться. А сделать это можно только при одном условии. Если я получу яблоко с дерева Эстеринеид.

Эстеринеид – это было местное название рокового дерева, и Лирин предложила в разговоре пользоваться им. Я не возражала.

- И тебя отпустят? – уточнил приятель.

Я покусала травинку.

- А почему бы меня и не отпустить? Здесь уже и Тесей справится! Да и царица поняла, что ей требуется! Она быстро дойдет до правильного веса.

- А Эмрипей?

- А что – Эмрипей? – не поняла я. – Все просто. Встретились – переспали – разбежались!

- А он что думает по этому поводу?

Вот уж это меня ничуть не волновало.

- А он может не пожелать расстаться с тобой, – философски заметил Геракл. – Он уже говорил мне, что из тебя вышла бы прекрасная царица.

- О черт!

Вообще-то я была согласна с таким заявлением, просто именно в это время и именно в этом месте мне быть царицей не хотелось. Ни водопровода, ни канализации, ни прокладок с крылышками – я же рехнусь на третий день! Да и Орланде жирный подарок будет.

- Я не хотела. Честно!

Получилось как-то жалобно, но Гера только плечами пожал.

- Тогда драпать надо.

- А как?

- А ты как думаешь?

Я уже чесала загривок, ожесточенно стимулируя мыслительный процесс.

Когда Орланда ворвалась к отцу в кабинет, верховный волшебник даже особенно не удивился. Просто поднял голову от очередного свитка и голосом смертельно уставшего человека спросил у неба:

- И что случилось на этот раз?

Небо привычно промолчало. Ответила Орланда:

- Пап, я собралась и готова отправиться в мир волшебной яблони...

- Самоназвание – дерево Эстеринеид, – продолжил отец.

- ...чтобы попробовать еще раз помешать этой нахалке!

- Ну-ну, - протянул верховный волшебник, всем видом давая понять, что в затею дочери он не верит. Орланда вспыхнула как маков цвет. И колдун машинально отметил, что дочка, как и всегда, переборщила с краской для волос. Слишком светлой. Если Тина, раскрасневшись, выглядела просто очаровательно, то Орланда сильно напоминала помидор-переросток.

- Не веришь?! Но на этот раз у меня все получится!

- На который раз?

Орланда зашипела.

- Ты хочешь знать, что я придумала, или нет?

- Ты же все равно расскажешь, - пожал плечами волшебник.

Орланда скрипнула зубами, но на провокации не поддалась.

- Сейчас Тина движется из лагеря амазонок по направлению к Керату. Я попробую подставить ее в жертву Минотавру. А если это не удастся, я натравлю на нее разбойников. Может, хоть мечами удастся то, что не удалось интригами.

- Против лома нет приема, если нет другого лома.

- Думаешь, у нее будет?

- Уверен.

- С ней только двое сопровождающих. А я натравлю на них минимум сотню.

- Ну-ну.

Неприкрытая насмешка в голосе отца заставила волшебницу вспылить:

- Похоже, ты ей желаешь удачи?!

- Всякий, кто готов пуститься ради своей любви в такое предприятие, заслуживает моего уважения, - парировал волшебник.

Этого Орланда вынести не смогла.

- Любви?! Любви?! Да эта стервочка, не прошло и двух недель, запрыгнула в постель к одному из местных царьков!!!

- А ты откуда знаешь? Свечку держала? - брезгливо поинтересовался отец.

- Почти. - Орланда прищелкнула пальцами, и в воздухе вспыхнуло изображение двух сплетенных тел. - Это доказательство ее неверности. Еще одну копию я оставлю сегодня Нику. Пусть подумает, стоит ли хранить верность такой гадине!

- Стоит, - тут же отозвался волшебник. - Не она начала это первая.

Два сплетенных тела извивались в воздухе.

- Посмотри сюда. - верховный колдун ткнул пальцем в мгновенно увеличившееся изображение. Голова женщины была запрокинута, зубы слегка оскалены, глаза закрыты... На лице застыло странное выражение. - Она не наслаждается. Она пытается сбросить напряжение, - подвел итоги заботливый отец. - И любой мужчина, кроме этого самодовольного болвана... Кстати, кто он?

- Я же говорю, царь! Эмрипей.

- Странно. Хотя на тронах и похуже сидели. И вообще, царь может позволить себе быть невнимательным. Так вот, любой мужчина придет к тому же выводу, что и я. И Ник не будет исключением.

- Полагаешь?

- Попробуй - сама убедишься.

- Попробую.

Когда Орланда показала волшебнику заснятые ей кадры, первой реакцией Ника было - придушить мерзавку. Не жену, если кто не понял. Нет, обвинять Тину он не мог. Хотя и обвинял. Но врожденное чувство справедливости очень быстро подсказало ответ. А что бы он сам делал на месте жены? Она одна, брошена даже не против всего мира, а сразу против нескольких миров, она одинока и растеряна, хотя и не показывает вида, она страдает из-за предательства и измены мужа... Да, именно в таком порядке. Сперва Ники предал ее, ничего не рассказав о себе, а потом изменил с Орландой. И не надо говорить про барутту. Эта травка не стоит и ломаного гроша перед искренней любовью. Ники не сомневался, что Тина могла бы устоять перед афродизиаксом. Во всяком случае до того, как узнала всю правду о своем муже. Ники хорошо знал женщин. И видел в глазах своей жены, обращенных на него, искреннюю и глубокую любовь. Хотя сама Тина могла этого и не осознавать. Но - парадокс - тем легче ей было вырвать свои чувства из сердца. И сейчас женщина занималась именно этим. Новая любовь убивает старую? Ники хорошо помнил, как она смеялась над этими словами. «Убивает? Нет! Убить любовь нельзя! Она все равно останется, в глубине сердца, в дальней комнате разума... Но можно забыть ее! Заслонить другими переживаниями и ощущениями. Путешествиями, мужчинами, смертельным риском... Дай бог, чтобы мне не пришлось проверять это на себе».

Не дал. Ники всегда умиляла способность жены становиться мгновенно серьезной и задумчивой, а в следующую минуту - опять шутить и смеяться. И сейчас - он знал, что собирается делать Тина. Не знал он только одного - чем она займется, когда станет полноправной взари. Волшебницей с правом голоса на совете волшебников. А что это время не за горами - он даже и не сомневался.

Одним щелчком пальцев развеяв мерзкую картинку, Ники бросился на кровать.

- Вэл, - позвал он, надеясь, что его голос проникнет сквозь время и пространство. - Я люблю тебя, девочка! Люблю! Пожалуйста, помни это!

Так и был составлен план побега. Я пришла к царице и честно заявила, что должна уехать, что обязательно приеду еще и что теперь они могут продолжать занятия и без меня. Мельпомена (для друзей - Меля, для всех остальных - исключительно «ваше величество») вздохнула и сказала, что они, конечно, справятся без меня, но я должна заехать еще. Обязательно. Я обещала. И поздно ночью мы с Гераклом рванули когти из лагеря амазонок.

Меля заранее приказала двоим амазонкам оставить за пределами лагеря лошадей, так что нам оставалось только выйти и отправиться в путь. Уже под утро, когда Эмрипей заснул, я поцеловала его на прощание, положила рядом на кровать свиток, в котором извинялась, всячески расхваливала его постельные таланты (во-первых, они действительно стоили восхваления, а во-вторых, зачем обижать хорошего человека?) и выражала надежду, что мы встретимся после того, как я добуду свое яблочко. И ушла раз и навсегда. Геракл уже ждал меня. Не один! Рядом с ним с чрезвычайно довольной мордой стоял Тесей.

- Эт-то еще как понимать?! - зашипела я.

- А вот так! - уперся воин. - Или берете меня с собой, или я сейчас так разорусь, что все стимфалийские чайки передохнут! А весь лагерь на уши встанет!

Я закатила глаза. Ну и что же теперь делать?! Препираться в такой близости от лагеря небезопасно. Но не брать же идиота с собой? Ладно! Пусть пока едет! Я его по дороге отговорю.

Отговорами я и занималась уже второй час. Горло драло как наждаком, а этому нахалу хоть бы хны!

- Тесей! Ну будь ты человеком! Ну на кой ляд ты нам сдался?!
- Не нукай, не запрягала! А Геракл на кой ляд тебе сдался? Он-то еще бесполезнее меня!
- Да, но он сам по себе! А ты на службе у царя!
- А он мой приказ не отменял! Мне сказали – сопровождать тебя! Вот я и сопровождаю!
- Это формальные отговорки!
- Какие-какие?! Фо... ма... ные?
- Не важно! Но они глупые! Ты сам в это не веришь!
- Не твое дело!

- Так ты же за мной увязался! Блин! Гера, ну объясни хоть ты ему, что там, где пройдут два человека, три могут и не пройти! И сам копыта отбросит, и нас под монастырь подведет, осел упертый!

Геракл, слушавший нашу перебранку с терпением, достойным иного философа, завел глаза к небу.

- Тина, ты прелесть, но отговорить его у тебя не получится!
- Почему?!
- Да именно поэтому! Ты на него посмотри повнимательнее!

Я уставилась на Тесея.

Под моим пристальным взглядом здоровенный мужик вдруг начал краснеть. Медленно и печально.

Сперва уши, потом щеки, лоб и шея. Через две минуты он напоминал помидор.

- Так ты... – наконец доползло до меня.
- Да любит он тебя, – равнодушно сказал Геракл таким тоном, как будто говорил о позапрошлом урожае свеклы. – Любит.
- Да я тебя! – еще ярче вспыхнул Тесей.
- Спокойно! – тут же подняла руку я. – Тесей, я просто не верю, что это говоришь именно ты! Ты же взрослый, серьезный человек! А если бы я решила остаться и выйти замуж за Эмрипея?!

Тесей по-прежнему опускал глаза.

- Он все знает, – скучаяще сообщил Геракл.

Я развернулась к нему с такой быстротой, что едва не слетела с лошади.

- Что?! Да как ты посмел?!
- Он не нарочно, – пояснил Тесей. – Я услышал пару ваших реплик, кое-что домыслил, кое-что спросил. Догадаться оказалось несложно. Вы были очень неосторожны.
- Ну и что ты теперь сделаешь?! – окрысилась я уже на него. Блин! Молчать надо было, как репа на грядке! А я распустила язык, за что и огребла! Ясно же сказано мудрым человеком, что если о тайне знают двое – о ней уже знает вся планета! – Какого дьявола тебе от меня надо?!

Тесей несколько минут молчал, опустив глаза на холку своего коня.

- Ну?! – не выдержала я.
- Тина, – медленно заговорил он, подбирая слова. – Я отлично понимаю, что ты

не останешься. И не прошу тебя об этом. Но пока ты здесь – позволь мне просто быть рядом. Я ничего у тебя не прошу. Просто мне хотелось бы вспоминать о тебе с теплотой. И верить, что где-то там, за звездами, ты так же будешь думать обо мне.

Я покусала губы. Злость куда-то улетучилась, и я почувствовала жалость. Бедный Тесей. Ему не повезло с выбором. Но прогнать его я уже не смогу.

– Можешь ехать с нами, – вздохнула я. – В конце концов, трое лучше, чем двое.

– Спасибо, – улыбнулся Тесей.

– Кушайте на здоровье, – огрызнулась я. – Учти, мы только друзья. Ясно?!

Кажется, до него это не дошло. Жаль.

Мы ехали вот уже двенадцатые сутки, и я с тревогой подсчитывала свои дни. Отпущенное мне время таяло, как снег на солнце. Надо было поторапливаться, если я хочу намылить шею Орланде. При этом я пока не могла решить, кому я больше стремилась намылить шею – ей или моему бывшему (теперь я думала о Ники именно так) муженьку? Я жаждала зверски отомстить обоим. Но как?! Конечно, для Орланды самым страшным наказанием будет, если я останусь с Ники. Но для меня-то это станет еще бóльшим наказанием! А если дать им свое благословение, эта дрянь решит, что она у меня выиграла! Так дело тоже не пойдет! Если Орланда от меня чего и добьется – так это венка на гроб, но никак не меньше. И не больше. Фиг ей, а не мой муж. Бывший. Кстати, что он-то решил по этому поводу?! Если он не пожелает расставаться? Все может быть! Мы пробыли вместе довольно долго по меркам землян, детей не завели, но жили очень и очень счастливо. Я не совру, если скажу, что каждый день становился для нас праздником. Тем более что мы были очень неприхотливы. Солнце светит, птички чего-то там орут, мы живы и здоровы – разве это не повод устроить праздник? Не в том смысле чтобы нажраться как свинья, а просто в житейском – погулять вместе, пойти куда-нибудь потанцевать, просто поискать развлечений на свою голову... Жаль.

Ники, ну почему ты не держал штаны застегнутыми?! Мы ведь могли быть счастливы еще долгие, долгие годы. Теперь уже не получится. И не надо говорить мне про барутту. Лирин объяснила мне, что противиться этой заразе можно в двух случаях. Первый – это когда ты суперкрутой маг, так что отравы вылетает у тебя из организма быстрее, чем всасывается. Второй – это когда ты безумно любишь другого человека. Так любишь, что не мыслишь без него своей жизни. Так, как пишут поэты и прозаики. Перед такой любовью барутта бессильна. Лирин даже достала учебник по травоведению и показала мне три документально зарегистрированные истории, когда барутта не подействовала именно по этой причине.

От печальных мыслей меня отвлек Тесей:

– Тина, подъезжаем к Керату.

– А что это такое?

– Это город такой! Последний перед пустыней Хетори.

Про пустыню я знала. По ней нам еще предстояло прошлепать. А после того как доберемся до оазиса – еще как-то поладить с сестрами, охраняющими нужную нам яблоню.

– Ну что, поехали в город?

– Поехали, – согласился Тесей. – Там можно купить все, что нужно для путешествия по пустыне. Думаю, дня два мы тут пробудем, потом найдем проводника и пошлепаем с чистой совестью.

– Проводника не надо, – тут же сказала я.

– Почему?

– Потому что оазис с тыблочками я чувствую не хуже иного барбоса, – вежливо пояснила я.

- Так то оазис. А как обратно?

- А обратно мы будем добираться немного другим способом.

- Это каким же? – Тесей с подозрением смотрел на меня.

Я невинно пожала плечами:

- Пока еще не знаю. А если знаю, то не скажу, а если скажу, то только на ушко.

Тесей послушно наклонился к моим губам немытым ухом. Я с интересом посмотрела на особо прочную серную пробку. М-да, хотя бы раз в десять лет стоит уши чистить, стоит. Ну, я и сказала ему об этом.

- Тина!

- Да? – Я невинно посмотрела на приятеля. Тот ядовито улыбнулся.

- Слушай, а я знаю, почему тебя зовут Тиной. Это сокращение от «скотина противная», правда?!

- Ах ты, мерзавец! – вскипела я.

Ну все! Сейчас я ему лично из каждого уха грязь выбью! Поленом!

Моих благих намерений хватило минут на пятнадцать. Потом Тесею надоело уворачиваться, я бросилась на него, повалила на траву и с торжествующим воплем начала зверски щекотать, пока он не запросил пощады. Так-то! Никому не дозволенно меня оскорблять! Вот!

В город мы решили въехать только утром. А переночевать лучше под открытым небом. Без блох, вшей, клопов и прочих прелестей цивилизации. Мы с удобствами расположились вокруг костра. На этот раз готовить выпало Гераклу. Он пару раз обжегся, пару раз чуть не уронил в огонь котелок – и взъярился.

- Тина, не царское это дело – суп варить!

- А ты и не царь, – парировала я.

- И не мужское!

- Жестоко ошибаешься.

- Женщина в нашей компании ты – вот ты и должна кашеварить!

- Моя очередь завтра!

- Давай махнемся не глядя?

- Давай ты суп доваришь не глядя?

Как же хорошо было у костра. Я бездумно глядела в пламя и ни о чем не думала. Медленно кружилась планета, плыли по своим орбитам звезды, летели по небу облака, стрекотали сверчки – жизнь была прекрасна и удивительна. Жаль, что долго расслабляться я не могла. Вот разберусь с магами и Орландой – и уйду в отпуск! Но не раньше!

- Расскажите мне кто-нибудь про Керат, – попросила я.

Тесей растянулся на траве напротив и задумчиво смотрел в огонь.

- Город как город, почти ничего особенного. Но есть там одна мерзопакостная достопримечательность. Попросту – монстр. Минотавр!

- Бреешь! – не поверила я.

- Если бы! Ты понимаешь, лет тридцать назад дело было. С кем там трахалась их царица – теперь не разберешь, дело темное, говорят, что с Зеурасом в обличье быка.

Я понимающе кивнула. Зеурас – это был один из местных богов. Их тут вообще до хрена, и у каждого свое поле деятельности. У Зеураса, кажется, погода, грозы там, громы, молнии, ну и вообще он там самый крутой. Точнее не знаю. Лично я местный пантеон даже не изучала. Я надеялась зайти, взять яблочко и выйти по-тихому. Ага, счаз-з-з! Размечталась, наивная!

– В общем, бог там был или не бог, но родила царица в ночь...

– Не то сына, не то дочь, – продолжила я.

– Ну, примерно так, – согласился Тесей. – Родила она мальчика с бычьей головой. Да тут же и померла от разрыва сердца. А царь от горя чуть умом не тронулся. Хотел мерзкого уroda за ногу в окно выкинуть, но тут уж сам Зеурас за сына вступился. Приказал царю возвести Лабиринт – это такое здание, в котором ходов до хрена. А в центре то ли комната, то ли стойло. Там этот Минотавр и живет. И каждые десять дней для него выбирают новую жертву. Из всех, кто на тот момент в городе окажется. Говорят, что делается это так. Берут белую телку, к кому она подойдет и замычит – тот и должен идти. И хорошо, если к мужчине.

– А к женщине?

Тесей на минуту замялся, а потом махнул рукой.

– Тина, дело в том, что голова у него бычья, а тело – мужское. И потребности, говорят, тоже мужские. Сперва поиметь, а потом сожрать.

Я покривилась:

– А что – до сих пор никто не проверил этого бычару на божественное происхождение?

– В смысле? – не понял Тесей.

– Ну, боги же неуязвимы? А их дети?

– А, вот ты о чем? Находились герои! А потом их останки находились. Всех поубивал и пережрал, сволочь.

– Блин, как печально. Но это не запрещено?

– Конечно, нет!

– Я бы хоть мышьяка с собой взяла! Чтоб он потравился, зараза такая!

– Будем надеяться, что нам с ним встретиться не придется.

– Будем. А просто сбежать из города люди не могут?

– Зеурас, когда поселил в Лабиринте своего сыночка, щелкнул пальцами – и на площади открылся чудодейственный источник. Вода из него исцеляет многие болезни. Но ее надо пить ровно двенадцать дней.

– А продавать? В бутылках?

– Выдыхается. А надежда – вещь жестокая. Люди и едут за последней надеждой.

– Понятно.

Костер догорал, рассыпаясь алыми искрами. Я задумчиво смотрела на звезды. Где-то там, за ними, ждут меня несколько людей, часть из которых любит меня, а часть – ненавидит. И я обязательно к ним вернусь. Что бы там ни было по дороге.

Утром мы отправились в город. Ребята пытались меня отговорить, но я только рукой махнула. Чему быть, того не миновать. И вообще, кто сказал, что жертву будут выбирать именно сегодня? Я искренне надеялась, что мы быстро въедем, быстро выедем и отправимся по своим делам. Тем более мне очень хотелось искупаться в бане и вообще ненадолго ощутить себя собой, а не новобранцем. Пройтись по городу, чувствуя на себе

восхищенные взгляды мужчин и завистливые – женщин, выпить сока со льдом, может быть, посмотреть комедию или уличное представление.

Стражники у ворот пропустили нас без разговора, даже не потребовав въездную пошлину, пошлину на починку дорог и на штопку дырявых карманов их бабушки. Это было странно, но я только пожала плечами в ответ на удивленный взгляд Геракла. Может, у них месячник по борьбе с коррупцией. Хотя вряд ли они знают это слово. Вот за что мне нравятся эти времена – здесь взяточнику, если он получил меньше двух серебряных монет, рубят руку, а если больше – голову. Нам бы такой закон! Лихо бы решили проблему перенаселения планеты!

Город оказался похож на все остальные увиденные мной здешние города. В самый раз для неприхотливой кошки. Я бы тут и недели не прожила. Пыли по колено, грязи по уши. А еще говорят, что раньше все такие культурные были! Да ни фиги подобного! Историков бы сюда, и в особенности нашу культурологиню, которая мне три раза зачет не ставила! Чтобы ей особо культурный древний элемент едва на башку ночной горшок не выплеснул! Хорошо мы посреди улицы ехали. Но что там той улицы – два метра в ширину и ощущение, что пьяный ленточный червь пытался найти свой хвост. То бишь все улицы очень длинные, узкие и извилистые. А до табличек эти умники не додумались, только до рисунков на домах. Пришлось отстегнуть медяк какому-то сопливому мальчишке, чтобы он проводил нас на рынок. И спасибо, что хотя бы этого пацана нашли. Город вообще казался на редкость тихим. Словно вымершим. Единственное отличие его от всех остальных городов.

– Слышь, пацан, что тут происходит? – наконец спросила я. – Куда все попрятались?

– А все на центральной площади, – спокойно разъяснил малолетка. – Сегодня как раз жертву минотавру выбирают!

– Упс. Кажется, мы не по адресу и не ко времени, – высказалась я. – Поворачиваем?

Ребята не возражали. Вот оно в чем собака порылась! Просто жертву для Минотавра здесь выбирали из кого угодно, мало ли кто в городе окажется. Потому нас и пропустили без разбирательства: откуда – куда – зачем и без взятки! А то еще передумали бы ехать.

– А где все это происходит? – спросила я у мальчишки.

– А вот!

И этот сопливый мерзавец показал рукой вперед. Прямо на нас двигалась толпа народа, а впереди всех пилила большая такая белая корова.

Сопляк спрыгнул и пустился наутек.

– Что это? – тихо спросила я.

– Это священная телка, – тихо объяснил мне Тесей. – Если она на кого-то замычит, значит, этот тип и есть та самая жертва для Минотавра.

– Мне кажется, что у нас большие неприятности. И лучше с этими придурками не встречаться, – предложил Гера.

– Сваливаем отсюда! – скомандовала я.

И попыталась развернуть коня. Не успела.

Заметив нас, эта белая скотина рванулась вперед с такой скоростью, словно ей под хвост красного перца насыпали! И мчалась она именно ко мне. За коровой на поводке (во, блин, нашли себе собачку!) летели трое придурков, все из себя такие парадные и торжественные. Ну, наполовину парадные. Бег по грязи на третьей коровьей скорости никого не красит. Мы расступились в надежде, что эта мерзопакостная скотина проскочит мимо, но не тут-то было! Буренка остановилась точно напротив меня и злорадно, даже зловредно замычала в мою сторону.

– Му-у-у-у-у-у!!!

Я спрыгнула с лошади. Все. Убегать не имеет смысла. С приплыздом вас, юная леди. Наши с коровой глаза оказались почти на одном уровне. И померещилось мне в них что-то такое до истерики знакомое, что я видела еще в одних голубых глазах.

– Орланда! Ах ты, сучка драная!

– Му-у-у-у!!!

На этот раз корова уперлась в меня мордой, да еще и подтолкнула, чтобы никто не перепутал. В ее глазах горел злой голубой огонек. Я очаровательно улыбнулась. И сказала на языке эльфов:

– Бедный Ники. Если ему с тобой трахаться придется, он же импотентом станет!

Представляю, как ей хотелось меня обmaterить. Но – увy! Коровы могут только мычать.

– Му-у-у-у-у-у!!!

Трое типов уже окружили меня.

– Кто вы такая?

– Тина. Путешественница.

Гера и Тесей придвинулись поближе, но я остановила их одним жестом руки и начала разглядывать жрецов. Вот интересно, почему во всех мирах они на одно лицо? Толстые такие, рыхлые, головы бритые, вместо одежды – белые балахоны, ладони и ступни ног выкрашены черной краской. Черты лица разные, но что-то в них есть такое, одинаковое... Религиозный фанатизм, что ли?! Не знаю. Вряд ли. Обычно им страдает паства, а не священники. А что тогда? Я сдвинула брови. Ну конечно же! Это тоска! Такая тоска, которая появляется от осознания своей беспомощности! Им самим это не нравится, но изменить они ничего не могут. Жрец внимательно посмотрел на меня и выдал:

– Девушка Тина...

– Женщина, – тут же поправила я.

– Женщина Тина. Вы можете и не знать, но каждые десять дней мы выбираем жертву для сына Зеураса, который живет в Лабиринте.

– Дальше можете не продолжать. Понятно, что на этот раз жертвой стала я, понятно, что отвертеться не удастся. У меня есть только несколько вопросов.

Жрец смотрел на меня с удивлением.

– Обычно жертвы так себя не ведут...

– Так и я не жертва, – улыбнулась я. – Я сама вашему Минотавру рога поотшибаю!

– Так говорили многие, – вздохнул жрец.

– Так я не говорить, а делать собираюсь.

– А нам с ней можно? – тут же спросил Гера.

– Можно, – ответил жрец.

– Уже лучше. А идти когда?

Я глубоко вздохнула и выдохнула. Что ж, если удрать не удастся, надо попробовать выиграть. Подумаешь там, чувырла с бычьей головой! И не таких видали, а и тех бивали! И змеюку ту, и инквизиторов, и дракона... Хотя со змеем мы вообще-то не подрались, а напились. Клевый чувак оказался!

– Ребята, подержите лошадей, – попросила я жрецов, – и отвалите на достойное расстояние. Нам поговорить трэба, чтобы никто не слышал.

Жрецы запереглядывались, и Тесей успокоил их:

– Все равно тут бежать некуда. Разве что на небо взлететь, но мы-то не боги!

Это им было и так понятно. Но коней они взяли под уздцы и отошли в стороночку. Я посмотрела на друзей.

– Ну что, ребята, берите моего коня и выбирайтесь из города. Я вас потом найду.

– А ты что будешь делать? – уточнил Тесей.

– Минотавра убивать. А ты можешь что-то еще предложить?

– Не могу. А план у тебя есть?

– Ага. Влезть в заварушку, а там по обстоятельствам.

– Мне нравится, – решил Тесей. – Тина, я иду с тобой.

– И я с вами, – согласился Гера.

Я за голову схватилась.

– Да вы что – рехнулись?! Я сама! Вы рисковать не должны!

– Тина, это обсуждению не подлежит. – Тесей смотрел на меня холодно и спокойно. – Если нас свела судьба, значит, мы должны идти за тобой. А куда – не важно!

Будь это кто-то из моего времени, я попыталась бы отговорить их, переубедить, напомнила бы о семье, о долге, еще о чем-нибудь... Мало ли найдется предлогов, чтобы не ввязываться в чужую драку?! Да выше крыши! Но с этими ребятами такое не прошло бы. Тесей и Геракл смотрели на меня, не опуская и не отводя глаз. И я понимала, что эти двое – мои друзья. Настоящие друзья, которых не просишь о помощи. Друзья, которые придут через года и парсеки, чтобы подать тебе руку в трудную минуту. Забавно, я и знала-то их всего ничего, а уже успела подружиться. И знала, что сама готова буду прийти к ним на помощь. Но вместо этого подставляла их под стрелы, предназначенные мне.

– Хорошо, – приняла решение я. – Внутрь идем я и Тесей. Гера, ты остаешься здесь, у входа. Присмотришь за лошадьми, а заодно и кое-что еще сделаешь.

– Что?

– А вот что, – улыбнулась я. – Сейчас ты пойдешь на базар и купишь там...

Гера выслушал мою просьбу и рванулся так, что только пятки засверкали. Тесей внимательно смотрел на меня.

– Тина, что ты хочешь сделать?

Я мило улыбалась.

– Да так, самый пустячок! Надо же нам как-то будет выбраться из Лабиринта?

– Надо. Но я не понимаю...

– Не волнуйся. Все будет тип-топ.

Я верила в то, что говорила. Дело в том, что перед отъездом Лирин дала мне одну совершенно убойную вещь. Не гранатомет. Хотя и он бы здесь не помешал. Беда в другом. Если я протащу в эту эпоху что-нибудь не соответствующее времени, например танк, он или не будет работать, или превратится в какую-нибудь осадную башню. Мне это не нравилось, но что я могла поделать против основных законов мироздания? И эльфийка, которую преследовали почти те же проблемы, дала мне маленькую склянку с ядом.

– Только будь осторожнее, – предупреждала она меня. – Яд действует на все и на всех.

Если ты капнешь им на землю, то в радиусе двадцати метров не уцелеет ни одно растение, а если хотя бы чуточка попадет на кожу, считай, что тебе тоже конец. Это снадобье действует даже на эльфов, уж на что мы устойчивы к ядам. Наши ученые бились над ним не одно тысячелетие. И стоит этот яд как алмазы. Но тебе он может потребоваться. Не для себя. Для других, разумеется.

Я была с ней полностью согласна. Тем более что на вид этот яд был совершенно безобиден. Голубоватая такая жидкость. Но начатками своей магии я улавливала, как от крохотного, миллилитров на пять флакончика несет смертью. Да, у смерти тоже есть запах. И эльфы называли этот яд «Ароматом гибели». Очень поэтично и как раз в их стиле.

Вот эту скляночку я и раскопала в рюкзаке. Принюхалась. Нет, яд на месте. Противоядия от него тоже нет. Будь этот полубык хоть трижды полубогом, но его человеческую часть я травану, а там посмотрим, кто кого. Геракл вернулся очень быстро и принес длинную веревку, несколько катушек суровых ниток, пару мешков, килограммов пять грецких орехов, или, как они назывались здесь, масличных желудей, два небольших, но ухватистых и увесистых ломика. Больше нам ничего не было нужно. Тесей уложил все это в мой рюкзак и закинул себе на плечи. Я поспешно переоделась. Джинсы, майка, кроссовки, на всякий случай – легкая куртка. Собрала волосы в хвост и взяла пару ножей и подаренный птицей меч. Фехтовать я толком не умею, но мало ли что? Тесей тоже переодевался. Влез в панцирь, шлем, поножи, короткую юбку из металлических пластин – я не знала, как все это называется. Коленки у него остались голыми, и я невольно облизнулась. Уж очень они были симпатичные.

Жрецы смотрели на нас с сочувствием. Я подмигнула им.

– Двум смертям не бывать, а одной не миновать. А если не миновать, то надо умереть один раз, а не сорок тысяч.

Тесей восхищенно смотрел на меня.

– Тина, может быть, ты потом вернешься к нашему царю? Какая из тебя получилась бы правительница! Мечта! Все окрестные страны были бы наши! Ты бы со всеми справилась!

Я пожала плечами:

– Прости, Тесей, но меня уже ждут. У меня есть дом и семья. Давай не будем больше возвращаться к этой теме.

– Неужели твоя семья была бы против брака с царем?

Я представила себе маму и чуть не зафыркала. Как бы она отреагировала? Да только так! «Молодой человек, надеюсь, вы не разочаруете мою дочь? Учтите, если она мне на вас пожалуется, я вам тут лично Армагеддон устрою. Вы знаете, что такое демократия? Вот лучше вам этого и не знать. Здоровее будете». О моей маме можно было бы сказать многое, но в одном она оставалась выше всяких похвал. Со своими проблемами я разбиралась сама, но если что-то оказывалось мне не по силам, мама вступала в дело – и тут уж пишите письма и лезьте в бомбоубежище. Мамочку не останавливало ничего! Ни деньги, ни связи, ни ее зависимость от врага! За своего ребенка она бы кому угодно шею свернула! Вот и я так же.

– Ведите, – кивнула я жрецам.

Те пошли впереди нас, время от времени оглядываясь. Мы с Тесеем шагали налегке, Гера вел под уздцы лошадей. Флакончик с ядом лежал у меня в кармане куртки, я держала его в руке и чувствовала, как он холодит пальцы. Он так и не согрелся в руке. И никогда не согреется. Смерть всегда холодна, даже если тебя сжигают на костре.

– Привет вам, тюрьмы короля, где жизнь влачат рабы.

Меня сегодня ждет петля и гладкие столбы... – неожиданно даже для себя самой запела я.

И Тесей со второго раза подхватил припев.

– Кто это написал? – спросил он.

– Один поэт из моего мира, – пожала я плечами. Вряд ли ему что-то скажет имя Роберта Бернса.

– Красиво. Спой еще раз?

Я пожала плечами и запела. Почему бы и нет? Мы идем не на виселицу, но все равно на смерть, а песенка хорошая. И главное – в тему!

Геракл тоже подхватил ее, и мы залились на три голоса так, что птицы по сторонам шарахались. У меня-то слуха никогда не было, Гера нещадно фальшивил, а Тесей орал, как раненый тюлень. Хотя откуда здесь взяться критикам?

Лабиринт меня впечатлил. Огромное здание было видно издалека, не такое уж высокое, но очень широкое. Ярко-белый камень светился на солнце. Огромные медные ворота закрыты. Здесь кого-то боялись. Очень боялись. И я даже знала кого. Я весело подмигнула Гераклу:

– Гера, жди нас здесь, ни во что не ввязывайся, мы быстро нашлепаем бычаре по рогам и отправимся за покупками.

– Договорились, – согласился Геракл. – Тина, ты бы вместо этих ножичков взяла бы перья стимфалийских чаек? Они и режут, и колют.

– И руки в том числе.

– Увы.

– Нет, перья нам не нужны. Тут все не перьями решится, – вздохнула я.

Жрецы смотрели на нас с тоской. Потом один из них все-таки решился спросить:

– Скажите, а зачем вам там орехи?

– Погрызу по дороге. Мало ли сколько там шляться, пока мы вашего бычару найдем, – пожала я плечами.

– А лом? Даже два?

– А чем я, по-вашему, должна орехи колоть? – удивилась я.

Над этим жрец не задумывался. Но смотрел он на меня как на чокнутую. Ну и на здоровье. Смотрите. Можете даже посмеяться. Как говорила одна моя подруга, хорошо смеется тот, кто смеется без последствий. Тесей подмигнул мне:

– Ну что – почапали?

И когда только нахвататься успел? Ну вот почему я не могу сделать, как остальные волшебники? Пришли, нашли, взяли – и поминай как звали? Нет, надо мне по дороге еще во все дырки влезть! С царем переспать, с амазонками побазарить, ввести понятие диеты, теперь еще Минотавра прибить, как будто до меня героев не нашлось. Чует мое сердце, останется здесь по мне веселая память. Ну и черт с ней! Для чего мы живем, если никто о нас и не вспомнит?! Сейчас у меня есть мои друзья, мои враги и моя война! Что еще надо человеку? Ну, еще хорошо бы любовь, семью, детей, виллу в Ницце, морскую яхту, пару миллионов долларов и губозакатывающую машинку. Выжить бы, блин! А там посмотрим, кому, чего и чем!

Десять человек с трудом подняли засов и распахнули дверь. Створки мягко повернулись на отлично смазанных петлях. Из коридора потянуло холодом, и Тесей поежился. Надо было вместо железных трусов меховые надевать. Мне и то холодно стало. Бедный Минотавр. В таком климате всю жизнь провести – поневоле озверееешь. Мы помахали ручками Гераклу, прошли внутрь – и двери закрылись за нами. Тесей тут же сбросил мешок на пол и начал готовиться. Нитку с одной из катушек он привязал к замысловатой медной завитушке на двери, а катушку протянул мне. Я сунула ее за пояс так, чтобы она сама разматывалась, когда мы пойдем вперед. Потом из мешка были извлечены ломики.

Один Тесей взял себе, второй дал мне. Я взвесила его в руке и поморщилась. Будем надеяться, что долго эту железяку носить не придется. Тяжелая, как зараза. Орехи поделили поровну. Рассыпали по двум небольшим мешкам и не стали их завязывать. А то возись потом со шнурками. Вечно они в решающий момент запутываются. И наконец, остальные катушки и веревка. Они опять отправились в ранец, а ранец – за спину Тесею. Воин решил, что не стоит нагружать меня. Я не возражала.

Снаружи раздался удар громадного колокола.

– Это чтобы Минотавр услышал и прибежал, – пояснил Тесей.

– Быстрее бы, – согласилась я. – Пройдем немного вглубь?

Из небольшого пятачка перед воротами расходились в разные стороны четыре коридора. Неплохой выбор.

– Не стоит. Лучше играть на своем поле, – отверг мою идею Тесей.

Я кивнула. Зачем тащиться в глубь Лабиринта? Бычаре нужно кушать? Вот пусть он к нам и идет. Не бывало такого, чтобы хлеб за брюхом ходил да еще упрасивал! А тут мы посидим, подождем, перекусим... Геракл, умничка, сунул в мешок еще пару кистей винограда, флягу с водой, ковригу хлеба и круг козьего сыра. Самое то, что нужно. Толковый мальчик вырастет.

Мы с Тесеем поделили все по-братски: виноград пополам, остальное по принципу три к одному, то есть мне четвертую часть провизии, – и с удовольствием пообедали, расположившись неподалеку от входа. Уже покончили с хлебом и сыром и лениво щипали виноград, когда мне послышался стук копыт. Я подняла руку. Тесей взглянул на меня и прижался щекой к полу. В следующий момент виноград полетел в одну сторону, а рюкзак в другую. Тесей махнул мне рукой и спрятался за выступом скалы. Я тоже отшвырнула виноград и вышла на середину коридора, благо тот был достаточно широк и высок. По этому коридору свободно могли проехать два английских двухэтажных автобуса. Молодцы горожане, хорошие покои своему чудикау отгрохали.

Стук копыт все приближался, и я невольно собралась. Куда-то делось все веселье, осталась холодная сосредоточенность, как у кобры перед броском. Играем, Тина! Играем! Сперва стук был частым-частым, а потом начал замедляться – и, наконец, стал очень четким, словно кто-то не бежал, а шел, постепенно сокращая расстояние между нами. Я осторожно высыпала орехи из мешка на пол, ногой раскатила их по коридору – и застыла в ожидании. По счастью, недолгом.

Я даже не поняла, как ему это удалось. Вот только что никого, а теперь моргнула – и в проходе стоит он. Минотавр! Быкочеловек. У него действительно была бычья голова и бычьи копыта, а во всем остальном определенно человек. Здоровый, размером с двух Шварценеггеров, мускулистый, словно только и делал, что качался с утра до вечера, кстати, довольно хорошо сложенный. Если бы не голова и не размеры, я бы даже обратила на него внимание. Да если бы и голова – тоже. Подумаешь, рога и коровьи глаза. Трусые здесь еще не изобрели, набедренную повязку этот придурок рогатый тоже не надел, и все хозяйство было на виду. М-да, вот это размеры! Жеребцы – и те отдыхают! Хорошо бы с ним Орланду сосватать! Она бы его запилила, а он бы ее пополам порвал. И я бы от обоих избавилась. Мечты, мечты... Мечты улетучились мгновенно, потому что полубык увидел меня – и засопел. Сделал шаг вперед, твердо ставя копыта. Я чертыхнулась про себя. Как же он упадет, если бежать не будет? Надо форсировать события!

– Привет, рогатый! Че делаешь?! Как живешь?! Умереть не желаешь?! Я готова помочь тебе в этом благородном деле за сравнительно небольшую цену! Отшибаю тебе (посмертно) рога и делаю из них два кубка для моего мужа. А то, может, на стену прибить?! Ты как думаешь, будет лучше? Хотя у кого я спрашиваю? У телки-переростка? Фи!

Минотавр сделал медленный шаг вперед. Черт! Разозлить мне его не удалось! Теряю хватку! Но был еще и план Б. То есть – бежа-а-а-ать! Я повернулась и побежала. Не к выходу, а в боковой коридор. И это сработало. Я была добычей для этого бычары, я убегала, меня надо было догнать. И Минотавр бросился за мной. Тесей широким

жестом вышвырнул в проход еще полмешка орехов. И бык не устоял! Копыто оскользнулось на орехе, он пошатнулся – и Тесей прыгнул на него из засады, что есть сил гвоздя ломиком по всем подвернувшимся местам. Я оттолкнулась от стены и понеслась назад, на ходу выдирая из кармана флакончик. Выдрала. И в прыжке приземлилась прямо на грудь поверженного Минотавра. Тесей сидел на его животе, что есть силы гвоздя его ломиком прямо по половым органам. А что – и действительно, и есть шанс, что сразу в ответ не огребешь. Минотавр ревел так, что у меня уши закладывало, но до таких ли мне было мелочей?! Я еще раз звезданула его ломом между рогов и поудобнее перехватила флакон.

– Откройся!

Эльфийская наработка. Флакон, открывающийся по приказу. Пробка вылетела из него и куда-то исчезла, а я одним махом опрокинула его содержимое в бычью пасть. Кстати, клыки в ней были вовсе не коровьи, а скорее волчьи.

На миг все замерло. Я на груди у быка. Тесей, размешавший Минотавру яйца в омлет. Минотавр, пытающийся определить, что именно ему скормили. Я подумала – и запахнула ему в пасть и флакон. Бычара на одних рефlekсах сделал глотательное движение. Ну и прекрасно! Пусть потом мучается от несварения желудка! Если у него будет это самое «потом».

Не будет. По телу монстра прошла длинная дрожь – и я ощутила, как оно холодеет прямо подо мной. Прекрасно! Чудесно! Восхитительно! Яд действовал именно так, как я и предполагала! То есть как мне рассказала Лирин! Яд просто высасывал все тепло и все соки из тела, переводя их в газ. Бычья туша подо мной становилась необычайно ломкой и хрупкой.

– Тесей! Назад!!! – заорала я.

Приятель мгновенно слетел с трупа. Я последовала его примеру, и мы отбежали подальше.

Минотавр ревел и хрипел, корчась на полу. Но эльфийское снадобье действовало. Быкочеловек на глазах светлел. Кожа его приобретала мертвенно-белый цвет, шерсть на черной когда-то голове тоже побелела, последними яду подчинились глаза – и совершенно белое создание откинулось на пол Лабиринта. Я подхватила ломик – и швырнула его в Минотавра. Ну и попала, как ни странно. Железяка врезалась монстру в грудь – и он вдруг начал рассыпаться! Как в замедленной съемке, словно какая-нибудь недобитая мумия, он просто распадался на части, а те в свою очередь превращались в мелкий белый порошок. Кстати, Лирин говорила, что этим порошком очень хорошо стирать. Эльфийки сами, конечно, этого не делали, а вот на экспорт его продавали. Эльфы они такие, практичные. Мне разобрал дикий хохот. Тесей озабоченно поглядел на меня.

– Тина, что с тобой такое?

Я согнулась вдвое, но все-таки смогла объяснить ему:

– В моем мире есть такое выражение: «откинуть копыта», то есть умереть. Как оно здесь кстати, ты не находишь?

Тесей находил. Несколько секунд он переваривал мою информацию, а потом грохнул доспехами об пол, покотившись со смеху. Ну да, такое чудище, тридцать лет террора, божий сын и все такое, а пришли двое идиотов – и Минотавр отбросил копыта как миленький! Вот что значит – убедительно попросить! И никакого колдовства! Зачем? Я и так опасная дама!

Мы довольно долго катались по полу, снимая стресс, но все когда-нибудь кончается. Тесей встал на ноги и поднял меня.

– Тина, ты просто прелесть! Слушай, а что теперь? Постучим и попросим, чтобы нас выпустили?

– Еще чего! – возмутилась я. – Слушай, у меня есть предложение получше! Давай мы немного задержимся и попробуем исследовать Лабиринт? Здесь должны быть залежи

оружия, а мы с тобой имеем право на небольшую компенсацию за моральный ущерб.

- Чего?

Пришлось объяснить по-простому:

- Раз мы победили это чудо-юдо, так, может, и по кладовкам у него пошарим? Наша добыча?! Наша! Значит, будем грабить!

- А, ну так бы и говорила. А то коп... кор... сем...

- Компенсация.

- Во-во. Тина, говори как нормальный человек! Не выживайся!

М-да, лексикончик у меня. Мое ведь словечко! Ну и пусть!

- Есть не строить из себя ежа! Так что? Посмотрим, что тут этот божий сын накопил?

- Еще бы!

Тут нам игодились катушки ниток. Мы прицепили одну из них и отправились в путь по Лабиринту. Сперва сворачивали налево. Потом направо. Потом наугад. Две катушки из трех кончились, и я загрустила. Когда кончится и веревка, надо будет возвращаться. Только заблудиться нам не хватало! Но удача благоволила к нам! И после очередного поворота, на самом конце третьей катушки, мы вышли в огромную круглую пещеру.

- Мне кажется, что это - центр Лабиринта, - высказался Тесей.

- А мне - что это кладовка нашего рогатого друга, - ответила я.

Не знаю, как насчет центра, а вот всякого барахла тут были просто горы. Оружие, доспехи, какие-то украшения... Я взвизгнула от восторга и полезла копать во всем этом богатстве. Тесей нырнул вслед за мной. На нас напала золотая лихорадка. Хотя, справедливости ради, следует сказать, что Тесей искал оружие, а я - предметы, обладающие какой-нибудь магической аурой.

Выбрались из кладовки мы только три часа спустя. Тесей нес два туго набитых мешка с разным оружием, я - только один, с магическими предметами. Правда, я не отказалась и от ленты с метательными ножами из черной бронзы, шпилек с узкими лезвиями внутри, пары кинжалов, отделанных огромными рубинами и изумрудами, золотого пояса с пряжкой размером с небольшое блюдо и защитного золотого воротника. А в маленьком рюкзачке за спиной я несла гораздо более ценные вещи.

Два браслета. Четыре медальона. Серьги. Штук десять колец.

Это все обладало магической аурой. И я надеялась разобраться в их использовании на свободе. Эх, зря мы с собой Геракла не взяли, сейчас бы еще больше унесли, ну да ладно! Мы и так хорошо поживились, а остатком пусть распоряжаются жрецы.

Мы остановились у ворот, и Тесей задумчиво посмотрел на меня.

- Тина, а как мы выйдем?

- Не знаю. Давай постучимся и попросим, чтобы нам открыли.

- А они не откроют. Небось и не такое уже слышали!

Опс! Вот об этом я и не подумала. Минотавра-то мы прибили начисто, один порошок и остался. Стиральный. И как же доказать, что это его прах? Не поверят ведь!

- А как тогда?

- Я тоже не знаю.

- Тогда давай стучать.

– Тогда я первый.

Тесей битый час лупил по воротам одним из наших ломиков. От звона у меня уже челюсти сводило. Но наконец мы услышали голос с той стороны:

– Чего орете, жертвы?!

– Сам козел, – мгновенно отозвался Тесей. – Мы тут, понимаешь ли, стараемся, Минотавра для них прибили, а они еще и недовольны?!

Голос за воротами даже не прореагировал на такую новость.

– Врете вы все!

– Ага, как же! А почему мы тогда битый час тут шумим – и до сих пор еще живы?!

– А может, у него несварение желудка?

– И уши поотваливались? – ехидно спросил Тесей. – Вместе с рогами?

В голосе прислужника, или с кем мы там общались, послышалась неуверенность:

– Ну, не знаю...

– А раз не знаешь, зови сюда народ! Нет тут никакого Минотавра! Нет его больше и не будет никогда! – И уже мне, тихо: – Блин, надо было ему сперва рога поотшибать, а потом травить на фиг! Такого трофея лишились!

Я фыркнула. Тесей, лапочка, уступил мне свою кисть винограда, и я сейчас занималась ее усердным объеданием.

– Нет в мире совершенства. Зато гляди, какой отпечаток!

Действительно, на полу пещеры, там, где лежал бычара, все было засыпано белым порошком, повторяющим контуры его тела. Даже рога и руки видны. А между ног еще и расплывалось большое кровавое пятно. Ну да, Тесей постарался от всей души. Его подогревала мысль, что в случае поражения я могу достаться этому чудищу живой, и Минотавр меня изнасилует перед съедением. Меня эта мысль тоже вдохновляла на подвиги. У меня ведь какой принцип – победить и угробить своего врага!

– Ну так отпечаток с собой не возьмешь?

– Увы. А это что такое?

На белом порошке отчетливо выделялось что-то черное. Сперва я подумала, что это просто пол проглянул, но теперь видела – это другое. Я сделала два шага, нагнулась, всмотрелась... Потом протянула руку и вытащила из кучки порошка черную собачью цепь с редкостно уродливым черным медальоном величиной с тарелку. Наверное, бычочеловек ее на руке носил. А мы и не заметили в пылу боя. Я сосредоточилась. Вряд ли эта фигня обладает своей магией, но прощупать все равно нужно. Так, на всякий пожарный случай!

Это было похоже на удар невидимого кулака. На несколько секунд я ослепла и оглохла. В глазах плясали разноцветные искры. Этот медальон не просто обладал магией. Он был местом заточения какого-то волшебника. Интересно, какого?! Я осторожно опустила его в рюкзак. С этим медальоном я ни за что не расстанусь. А когда приеду домой (то есть к эльфам), обязательно покажу его Лирийн. Ее величество должна разобраться, что с ним делать. Хотя я и так знаю. Если этот тип насолил магам, я обязана буду освободить его. Пойдет со мной на вечеринку в качестве сюрприза!

– Тина, что с тобой?

Тесей беспокоился за меня, но хватать и трясти не спешил. Он доверял мне. Доверял, как боевой подруге. Я помотала головой, разгоняя дурноту.

– Ничего особенного, Тесей. Просто голова закружилась.

– Бывает.

– Особенно после такой битвы. А медальончик я возьму на память.

Тесей не возражал. Еще бы! Он себе столько всего полезного в хозяйстве нагреб, что едва не переламывался под грузом. Ну да ладно, сегодня можно! Мы теперь богатые, приобретем просто еще пару лошадей. Или верблюдов. А лучше так – верблюдов и ишаков. А лошадей надо будет продать. В пустыне это слишком накладно. Или лучше оставить у надежного человека? Но где такого найти? А, ладно, потом разберемся! Главное, что медальон будет со мной. Нет, а все-таки – кто это такой? Интересно было бы узнать!

Ники спал, когда к нему ворвался верховный волшебник. И просыпаться не собирался. Маг несколько секунд смотрел на спящего волшебника, а потом бросился трясти его за плечи.

– Проснись! Ник! Немедленно проснись!!!

В его голосе звучал такой ужас, что даже мирно спящий волшебник подскочил на полметра вверх и удивленно захлопал глазами.

– Что случилось, шеф?

Вопрос был более чем закономерным. За все время его заключения к Серому Нику приходила только Орланда ан-Криталь. Верховный маг не появлялся ни разу. И тем более в таком виде. Волосы встрепаны, глаза выпучены, рубашка болтается поверх штанов, молния на ширинке расстегнута, вместо обуви – одна тапочка в виде голубого зайчика. Вторая осталась где-то в заоблачной дали.

– Твоя жена! Вот что случилось!

Ники демонстративно зевнул и перевернулся на другой бок.

– Шеф, вы анекдот знаете?

– Какой анекдот?!

– Любимый анекдот Вэл! Цитирую! Вопрос: «Что вы будете делать, если на вашу тещу напал тигр?» Ответ: «Сам напал, пусть сам и защищается!» А я вам говорил, что с моей женой связываться не стоит?! Я вас предупреждал?! Вот сами и защищайтесь!

Кажется, насмешка немного привела в чувство верховного мага. Тот вздохнул и присел рядом с Ником на кровать.

– Я сейчас задам тебе один вопрос, а ты постарайся ответить на него возможно более рассудительно.

– Это еще в честь чего?

– В честь того, что твоя жена может сложить свою бестолковую голову!

– А вы ей в этом поможете?! Нашли идиота – вам отвечать!

Ники отвернулся к стене. Ненадолго. Потому что вопрос верховного мага стоил обдумывания.

– Если она найдет предмет с кем-нибудь из заточенных магов, что она будет делать?

Пару минут Ники размышлял. Потом повернулся к оппоненту.

– Найдет – или нашла?

– Нашла, – выдохнул колдун. – В том-то и дело, что уже нашла!

– И кто же это?

– Не твое дело!

- Муж да жена – одна сатана. – Делиться информацией о Вэл, ничего не получая взамен, Ники не собирался. Ему и так здесь тошно, так пусть хоть расскажут, что с Вэл.

- Она сейчас в мире, где растёт дерево Эстеринеид, – объяснил колдун. – Не дошло еще?

- Объясните подробнее, – попросил Ники.

- В этот мир забросили только один предмет с наказанным колдуном. Забросили, потому что там нет никакой магии и он не смог бы освободиться или подать кому-нибудь весть. И этот колдун – Рон Джетлисс! В руках у твоей жены оказался медальон с заточенным ужасом взари! Тебе мало?!

Ники ожесточенно зачесал затылок. Это была новость! Причем ну очень хреновая.

- Вы точно это знаете?

- Точно. Есть своего рода сигнализация, которая позволяет увидеть того, кто берет в руки такой магический предмет. Конечно, если это начинающий взари.

Ники понял. Он даже знал, как это делается. Накладывается самое простенькое заклинание, закольцовывается на тарелку – и если кто-то из взари возьмет в руки предмет с наказанным, у верховного волшебника появится изображение балбеса, преступившего закон.

Ник долго молчал, а потом покачал головой.

- Это очень плохо. Очень-очень. Я знаю Вэл, насколько это вообще возможно. Она умная, сильная, злая, очень мстительная, и, уж простите за прямоту, прощать и возлюбить она не умеет. А вы с Орландой достали ее мало не до печенок.

- Ты так полагаешь?

Ники коротко и зло рассмеялся.

- Вот представьте себе, что это вашу жену поймали у вас на глазах. Причем вы-то ее любите, а она отдалась совершенно добровольно и даже испытала определенное удовольствие. Ваша реакция?

Долго колдун не раздумывал.

- Я просто взбешусь.

- Ну вот и Вэл взбесилась. Чем она хуже вас? Самомнения и гордости у нее вообще немерено! Пока Орланда пыталась просто убить мою девочку, это было еще не так страшно. Но потом! Вы задели ее самолюбие, а Вэл этого не прощает! Вы дали ей понять, что она никто и ничто, что все ее бросили и она осталась одна. В таких обстоятельствах Вэл станет искать новых друзей, чтобы поквитаться с вами. И если к ней кто-то попал в руки, тем более Рон Джетлисс, – она его просто так не выпустит. То есть от себя не отпустит. А из... во что его там заковали?

- В медальон.

- Во, а из медальона выпустит. Очень даже запросто.

- Ну да, сила у нее немереная. И откуда только что взялось?

- А вот оттуда. Вам-то что?

- Да не в силе дело. Слушай, а если с ней как-то поговорить?

Ники внутренне собрался. Вот сейчас, если он не оплошает, Вэл получит маленькую передышку. И сама решит, что и как ей делать. Что он говорить никому не собирался, так это то, что Вэл – крайне самостоятельна. И решения принимает сама. А советоваться будет только с теми, кому доверяет. В крайнем случае спросит постороннего человека или по картам погадает, монетку бросит, у соседа поинтересуется... Что под руку попадется. Но врага никогда не послушает. Даже в малом. Но верховному магу говорить такого нельзя. Тогда они будут пытаться уничтожить Вэл. А этого допустить нельзя.

При одной мысли о смерти Вэл в груди прокатывалась ледяная мертвящая волна. Ники и сам не знал, что так ее любит. Не знал, пока не понял, что может потерять. И испугался.

– А вы давно с ней говорили?

– Я – давно.

– А ваша дочурка? Вэл, она такая. Быстро закипает, медленно остывает. Если ваша Орланда ей какую-то пакость устроила, Вэл вас сейчас пошлет кое-чем груши околачивать, а сама возьмется за этот медальон. Другое дело, если она немного успокоится.

Колдун кивнул, соглашаясь с Ником.

– Пожалуй, ты прав! Надо немедленно отозвать Орланду. А потом посмотрим. Но ты полагаешь, что с Тиной можно будет договориться?

– Если вы ее раньше до бешенства не доведете.

Верховный колдун кивнул и направился к выходу из комнаты. Он уже был на пороге, когда Ники окликнул его:

– Монсеньор!

– Да?

– Постарайтесь не говорить с ней свысока. Она этого жуть как не любит.

– Запомню. А еще чего посоветуешь?

– Да так, по мелочи. Не злите ее еще больше. И не советую торговаться. Если она будет выставлять заведомо невыполнимые условия, просто говорите, что это невозможно, и объясняйте почему. Доводы разума Вэл принимает всегда, как бы зла она ни была. Главное – дайте ей остыть от последней выходки вашей доченьки.

– Дам, дам, – проворчал верховный маг. – Эх, не было печали.

– Так сами и накричали, – медовым голосом подсказал Ник. – Драть надо было дочку в детстве. Драть хорошим солдатским ремнем. Вэл мне рассказывала, что ее мать один раз так воспитала за какую-то подлость. С тех пор она пакостить пакостила, но только в глаза, а не за спиной.

Колдун только рукой махнул. И вышел за дверь.

Ники растянулся на кровати и потер руками виски. Он-то отлично знал Вэл. И знал, что его жена пошла вразнос. Знал с того момента, как переспал с Орландой, хотя и не по своей воле. Знал, что этого Вэл ему не простит. И даже не столько ему, сколько Орланде и ее отцу. Вот не дано ей прощать. Всем она хороша, умна, красива, добра, а вот прощать не научилась. Именно потому, что ее обижали. И часто. И мать ей не помогала. Тут было другое. Вэл ему как-то сказала, что ее можно легко обидеть, но и простит она такую обиду, не моргнув глазом. Мелочной она никогда не была. Может и отплатить с лихвой. Пусть через десять, через двадцать лет, но отплатит. Память у нее длинная. Но это все чужие люди. А вот если предаст кто-то близкий, кто-то родной – этого она простить и забыть никогда не сможет. Да и мать ей так же говорила. Если уж доверять человеку, то полностью. А если он тебя предал, то послать его ко всем чертям, выдрать из сердца – и раз и навсегда забыть о его существовании. Это же с ним и произошло. Он может где-то жить, с кем-то спать, что-то делать, но для Вэл он уже раз и навсегда стал чужим человеком. Даже если пройдет сто лет, Вэл будет сама по себе, а он сам по себе. И думать об этом было очень-очень больно. Поэтому ни торговаться за него, ни спорить из-за него Вэл не станет. Из-за чужого человека? Зачем? Глупо! А вот возможность отплатить верховному колдуну добром за добро не упустит. Они у нее мужа отняли? Ну, так она у них жизнь отнимет! Рон Джетлисс? Так это для Ника его имя что-то значит. А Вэл и с чертом спать ляжет, лишь бы врага приложить мордой об стол. Характер у нее такой. Ни говорить, ни спорить, ни торговаться она не станет. Наврать с три короба? Это будет по ней. Но никаких переговоров с врагом она не допустит.

Верховный колдун может из кожи вылезти – ему это не поможет. Вэл выпустит Рона Джетлисса и натравит его на колдунов. Наверняка. А он, что бы там ни было, потеряет ее. Если ему не удастся объяснить ей про барутту. Хотя – что тут объяснять? Вэл не поймет. Для нее разум управляет телом. Если не любишь, то и спать не станешь. Она еще наивна в этом отношении. Горю не хлебнула. Но сказать все это верховному колдуну? Это означало обречь Вэл на смерть. И Ники решил соврать. Пусть он потерял свою любовь! Но лишь бы она осталась жива! Пусть смотрит на небо, считает звезды, ест землянику, катается на лыжах... Пусть делает все, что пожелает, пусть даже без него, лишь бы жила. Кажется, Ники впервые понял, что такое любовь. И это его не радовало. Любовь – прекрасное чувство, но не тогда, когда ты в плену, а твоя любимая в смертельной опасности. Сейчас Ники чувствовал, что все бы отдал, чтобы только вернуться на два месяца назад. Он бы все объяснил Вэл, помог пройти обряд инициации, а потом – чем черт не шутит – они вместе придумали бы, как вежливо избавиться от Орланды. Вэл бы с ней в мгновение ока справилась. А теперь... Что-то будет теперь? Только бы жива была! Только бы жила!

Глава 16

– Ну вы герои! – восторгался Геракл, пожирая нас с Тесеем восторженными глазами. Мальчики уже успели поделить между собой сокровища Минотавра и выглядели настоящими королями. Роскошные панцири с золотыми узорами были не только красивыми, но и очень прочными, а оружие могло бы сделать честь и самому Эмрипею. Впрочем, жрецы не возражали. Им еще достаточно осталось. Они клятвенно обещали раздать все городской бедноте, и я им, между нами, верила. Действительно верила. Потому что видела их глаза, когда сообщила, что Минотавр убит, когда они прошли по Лабиринту и когда они посмотрели на отпечаток на полу зала. В них была такая чистая незамутненная радость, такое счастье, такой восторг! Нет сомнений, что их тяготил их долг.

Тогда, в Лабиринте, нам пришлось долго стучать и кричать, прежде чем к нам все-таки опять пришли жрецы. Мы долго пытались объяснить им, что человекобык (или человекобог? или богобык? или быкобог? а, один черт – теперь чертям с ним разбираться) мертв. Они поверили далеко не сразу. Долго стучали в свою колотушку, потом осматривали Лабиринт сквозь сеть специальных отверстий и зеркал в крыше, потом запустили к нам двоих добровольцев из местной тюрьмы (они были осуждены на смерть, и им пообещали жизнь, если они осмотрят Лабиринт). Публика эта оказалась та еще, и поворачиваться спиной я бы к ним не стала, но по Лабиринту они прошли – и остались целы и невредимы. Кстати, по пути тоже забрели в сокровищницу Минотавра и набрали себе компенсацию за моральный ущерб. Мы не мешали. Потом появились сами жрецы – и только позже, ближе к вечеру, все наконец поверили в смерть милой зверушки. И народное ликование выплеснулось наружу. Много семей пострадало от этого полубыка. А теперь он был мертв, мертв, мертв!!! И старый король пожелал видеть нас у себя во дворце. Аудиенцию назначили на это утро. Ночь мы провели в доме одного местного купца, чью дочь отдали Минотавру. И уважаемый Нерарх с удовольствием предоставил нам кров и пищу. И весь вечер смотрел на нас с Тесеем как на посланцев бога. Хотя и не знаю какого. К счастью, откровенничать он с нами не начал. И от остальной своей семьи нас почти изолировал. За ужином мы сидели рядом, но все молчали. И все по разным причинам. Я, например, устала как собака. Тесей тоже выглядел не лучшим образом, а в его темных волосах, у левого виска, блеснула нитка седины, которой там раньше не было. Еще бы, не каждый день сражаешься с чудовищем! Я бы и сама поседела, если бы до того по мирам не пошаталась. Геракл молчал, потому что ничего не видел и ни в чем не участвовал, а теперь не хотел примазываться к славе. Мы с Тесеем набили животы и сразу же отправились спать. Насчет Геракла не знаю. Но вряд ли он надолго задержался с семьей Нерарха. Он вообще очень хороший мальчик, неизбалованный, умный, решительный. Надо попросить Тесея присмотреть за ним, когда мне придет пора уходить. Так мне будет спокойнее.

А сейчас мы ехали к королю на прием. И Гера смотрел на нас восторженными глазами, хотя мог бы уже и привыкнуть. В конце концов, подвиги я здесь совершаю без перерыва на обед и ужин. Да и не только здесь. А сколько времени прошло с момента появления в моей жизни Орланды? В моем мире не больше двух недель. А в моей жизни? Просто голова кругом!

– Знаю я, что мы герои, – подмигнула я ему. – Да и ты тоже.

– Ну что ты, – смутился Гера. – Я так, в сторонке стоял...

– Да и я тоже, – ухмыльнулся Тесей. – План принадлежал Тине, яд тоже, осуществляли его мы вместе, но Тина в любом случае бы справилась. Нашла бы кого-нибудь вместо меня – и все дела.

– Прекрати, – оборвала я его. – Еще раз такое услышу – подзатыльник получишь! Мы играли вместе и одинаково рисковали своей жизнью. Если бы на твоём месте был кто-то другой, я не знаю, чем бы дело кончилось. Он мог бы струсить, не так отреагировать, а ты сделал именно то, что нужно, и тогда, когда нужно. Не умаляй своих заслуг. Более того, я хотела бы, чтобы ты представил этот план как свой. Это все придумал и спланировал ты. А я только случайно тебя в это втянула.

– Нет.

- Тесей, ну пожалуйста! – попросила я.

Несколько секунд мы мерились взглядами. Не знаю, что решил для себя воин, но он первым отвел глаза и глухо спросил:

- Почему?

- Потому что мне рано или поздно надо будет уйти, – бросилась в бой я. – Потому что вам здесь жить и эту жизнь надо как-то устраивать. Я сорвала вас с места – и я должна обеспечить ваше будущее. Что я и делаю. Вы уже навечно останетесь в легендах, что бы там дальше ни случилось. Потому что память о какой-то ведьме никому не нужна, а вы, став народными героями, сможете сделать много хорошего. Этого вам мало?

- Этого достаточно. Но то, что ты предлагаешь, не слишком хорошо.

- Но я сама прошу вас об этом! Ребята! Ну что вам стоит!

- Ничего, – отозвался Гера. – Но это нечестно.

- Это мой выбор и мое желание, – вздохнула я. – Пожалуйста! Меня выбрали в жертву, Тесей не смог оставить меня одну и разработал план, по которому мы смогли победить Минотавра. Вы не думайте, мальчики, такие победы, если их дарят, приносят удачу, а не беду.

- Я не суеверен, – отозвался Тесей. – Тина, подумай получше. Что с того, что ты станешь легендой? Это не страшно и совсем не больно. Честное слово.

Я засмеялась.

- Ребята, не нужно, чтобы Эмрипей что-нибудь узнал обо мне. И тем более связал меня с вами. Я ушла, ушла навсегда, обо мне стоит забыть. Пока жива память, жива и ссора.

- Ты думаешь, он на нас обидится? – уточнил Гера.

Тесей фыркнул так, что кони дернули ушами:

- Геракл, ты дурак! Разумеется, он будет в гневе! Какая там, на фиг, обида?! Он нам головы отвернет, если поймает. Я тебе скажу по секрету, что у него были свои планы на нашу подругу. А она, бяка нехорошая, удрала от королевской любви и королевской милости.

- А если мне ни то ни другое не нужно. – я передернула плечами. – В моем мире женщины свободно дарят свою любовь. Я не шлюха, но я считаю, что счастье следует дарить, не ожидая ничего взамен. Только такого же счастья.

- Он искренне хотел предложить тебе корону, – вздохнул Тесей.

- Да, но я не хотела. Мне нужна свобода. А свобода – это еще и свобода выбора дороги. Корона – самые красивые и самые страшные цепи из всех возможных. Не торопитесь становиться королями, ребята. И ничего не говорите обо мне Эмрипею.

- А если он будет спрашивать?

Я поморщилась.

- Гера, ну что ты как маленький?! Лапши навешать не сможешь? Скажите, что я удрала из лагеря, вы поехали за мной, надеясь убедить меня вернуться, до Керата мы добрались вместе и даже победили Минотавра, а потом, когда мы оказались в пустыне, я бросила вас. Ночью навела на вас сон или чем-то опоила – и уехала. Вы не смогли ни догнать меня, ни найти следов. Когда меня уже не будет в этом мире, сойдет любая версия, выгораживающая вас двоих.

- Тина, ты ведь не собираешься сделать так на самом деле?

Я посмотрела прямо на Тесея.

- Когда говорят – не собираются, когда собираются – не говорят. Но вообще-то я

не пойду на подлость. Тем более не стану делать подлости вам, своим друзьям.

- Верю.

- А что тебе еще остается?

- Ничего, - признал Тесей.

До дворца мы ехали молча.

Король Керата оказался довольно старым человеком, с белыми, как мел, волосами и неожиданно яркими темно-зелеными глазами. Он был уже очень стар, но явно не впал в маразм. И голос у него тоже оставался звучным и ясным.

- Я рад видеть в своем дворце победителей Минотавра.

- Спасибо, ваше величество, - отозвался Тесей. - Ваше приглашение - большая честь для нас.

По негласному уговору мы предоставили право говорить ему. Тесей из нас троих больше всего подходил на роль героя. Пусть он героем и будет.

- Я знаю, как вы убили Минотавра. Мне рассказали жрецы. Но они говорили с ваших слов. И я хотел бы узнать все подробности от вас. Мне уже известны ваши имена. Тесей. Геракл. Тина. И двое из вас еще дети. Это просто невероятно! Расскажите мне все!

Тесей поклонился. Мы с Гераклом скопировали его поклон.

- Ваше величество, - начал Тесей, - мы - мирные путешественники. Мы просто хотели проехать ваш город и отправиться дальше. Мы не могли миновать Керат, потому что у нас не было ничего для странствия по пустыне. Так вышло, что Тину выбрали в качестве жертвы. И я не смог отдать ее на растерзание Минотавру. Не смог и решил пойти вместе с ней. Чтобы или спасти, или умереть сражаясь.

Дальше я уже не слушала. Тесей изложил нашу историю так, как я его просила. Король внимал. Мы с Гераклом разглядывали потолок тронного зала. Мне очень нравилось здесь. Большой, высокий, почти без украшений, с огромными окнами, с изящными колоннами, словно летящими вверх, с теплой золотистой росписью стен... Тут было не только красиво, но и уютно. Кажется, король Керата не считал нужным подавлять своих гостей великолепием дворца. Наоборот, истинное величие не нуждается в таких мелочах, как цветастые драпировки и золоченые полы.

Наконец Тесей закончил рассказ - и король опустил голову, обдумывая сказанное.

- Для меня большая честь, господа, что вы посетили Керат. Вы оказали Керату услугу - и я хотел бы достойно отблагодарить вас.

- Нам ничего не нужно, ваше величество, - тут же ответил Тесей.

- Ну что вы, всем нужно что-нибудь. И вы не исключение. Вы говорили, что собираетесь в пустыню?

- Да, ваше величество.

- Тогда я подарю вам все, что необходимо для вашего путешествия. И кое-что я дам вам на память.

- Ваше величество, вы слишком щедры, - тут же отозвался Тесей. - Я должен сказать, что мы кое-что взяли в Лабиринте.

- Это все останется вам, - повел рукой король, отменяя в сторону все наши возражения. - Но я не могу отпустить вас без награды. Аридена!

Откуда-то из-за трона появилась невысокая хрупкая девушка. Я машинально отметила, что она симпатичная и очень напоминает мне царя Керата. Такие же зеленые глаза, тот же упрямый подбородок и высокий лоб. Она была ниже меня на полголовы, темные волосы уложены в замысловатую прическу, длинный белый хитон облегал точеную

фигурку. В руках Аридена несла большой поднос. И первым делом она подошла к Тесею.

– Прими это от царя Керата, воин.

Тесей покорно взял с подноса три свитка бумаги.

– Что это?

– Читай, – улыбнулся царь.

Тесей развернул первый свиток, пробежал его глазами и обернулся к нам.

– Это дарственная на дом и землю под Кератом.

– А что еще? – не удержалась я. – Свитков ведь три?

Второй оказался дарственной на двадцать рабов, прилагающихся к дому и земле. Отлично. Не самому же воину землю копать. А третий поверг нас в тихое изумление. Это был приказ о назначении Тесея сотником королевской стражи Керата. Воин начал отнекиваться, но я положила ладонь ему на руку.

– Тесей, не отказывайся. Это отличная возможность устроить свою жизнь. После моего ухода вам надо будет как-то определяться, а что может быть лучше, чем свой дом и хорошая работа, с которой ты отлично справишься? Тем более что обратно вам дороги нет, так?

– Так, – согласился Тесей. – Ваше величество, я с благодарностью принимаю ваши щедрые дары, но прошу вас повременить с моим вступлением в должность до моего возвращения из пустыни. Я не могу оставить своих друзей.

Царь чуть опустил ресницы и кивнул:

– Такая верность заслуживает похвалы. Надеюсь, что своему царю вы будете так же верны.

– Клянусь вам, ваше величество. – Тесей встал на одно колено и склонил голову.

– Поднимитесь, сотник. Я буду ждать вашего возвращения из пустыни.

Аридена опять зашла за трон и появилась вновь с тем же подносом. Подошла к Гераклу.

Геракл также взял с подноса свитки. Ему предлагался дом, рабы и должность десятника королевской стражи. Парень немного почесал репу и согласился. Мне не предлагались дом и земля, но на этот раз на подносе лежал поразительной красоты сапфировый гарнитур. Ажурная диадема с синими камнями величиной с ноготь большого пальца, ожерелье, два браслета, серьги и два кольца. Все – с огромными, на мой взгляд, синими камнями.

– Я знаю, что вы не сможете оставаться здесь, – подтвердил царь мою догадку. – Но хотел бы наградить вас за ваш подвиг.

– Вам это удалось, ваше величество.

Я не стала говорить, что магические игрушки, найденные в логове Минотавра, стоят для меня гораздо больше, чем все сапфиры мира, вместе взятые и возведенные в третью степень. Зачем? Просто приняла камни, примерила, повертелась перед зеркалом и довольно улыбнулась. Красавица. Картинка. И вообще просто роскошная женщина. И что мог этот идиот Ники найти в щипаной кошке Орланде?! Хотя что толку спрашивать? Может, ему просто воздержание было слишком тяжело? Так, хватит! Я поймала себя на том, что скоро расплачусь, – и тряхнула головой. Никаких мыслей о муже. Он меня предал. Больше он для меня не существует! Точка!!!

Аудиенция длилась недолго. Получив от Тесея и Геракла клятвенные уверения в том, что они обязательно, как только проводят меня, немедленно вернутся в Керат и приступят к исполнению своих обязанностей, царь милостиво покинул и отпустил нас. За порогом тронного зала нас отловил распорядитель и попросил список всего, что нам нужно. Мы не стали ни мелочиться, ни просить лишнего и уже через два часа выезжали

из города. Распорядитель шепнул нам, что по возвращении они закатят такие торжества по случаю избавления от Минотавра, что небо зашатается, царь уже отдал распоряжение! Мы покивали – и отправились восвояси.

В пустыне было спокойно, тихо и очень одноцветно. Верблюды чуть-чуть покачивались на ходу, мы дремали, время от времени оглядывая горизонт и сверяясь по солнцу. Я ждала подвоха от Орланды, но моя соперница (хотя какая она теперь, к черту, соперница? Просто враг!) никак себя не проявляла. На привалах я разбиралась с магическим барахлом и пыталась как-то приспособить его к себе. Получалось неплохо. Хотя без проблем не обошлось. И самой главной проблемой оказался тот черный медальон, который я сняла с трупа Минотавра. Он был пока не по моим зубам. Здесь, в мире, где росли дающие магию яблоки, слишком сложно колдовать. Тем более что я пока являлась лишь подмастерьем. Когда же я пройду посвящение, я стану полноправной колдуньей. На этом же основании меня признают и все остальные волшебники, на этом же основании я смогу разобраться с Орландой. Но это будет потом. А пока я смотрела на медальон – и ничего не понимала. Обычная черная бронза. Тяжелая цепь, грубоватый рисунок в виде дракона, какие-то символы по краям. Символы мне тоже были незнакомы. Ничего, вот вернусь к эльфам, у них библиотеки есть. Богаты! У них и разберусь, что к чему. А пока я решила держать медальон при себе, застегнув цепь на талии вместо пояса. Тем более что размеры позволяли. Не знаю, кто и как носил ее до Минотавра, а вот я ее на шее таскать ни за что бы не стала. Тяжелая, неудобная, кожу натирает... Тесей еще смеялся, что медальон меня будет прикрывать от удара в живот. Я тоже посмеивалась, но с железкой не расставалась ни на минуту. Почему? Потому что этот медальон успокаивал меня лучше дипломированного психолога. Стоило мне застегнуть черную цепь вокруг талии – и тело сразу же согревалось, становилось тепло и уютно, я как-то понимала, что можно ничего и никого не бояться, словно чьи-то сильные руки обнимали меня, заслоняя от всех бед и горестей нашего веселого мира. И по ночам я его тоже не снимала. И мне снилось что-то очень и очень хорошее. Беспокоила только невозможность разобраться, подыскать определение этому артефакту. Все остальное-то я и так знала. Пара сережек истинной красоты. Самую жуткую крокодилицу очаровашкой сделают. Надеваешь – и никто на твою морду уже не смотрит. Для всех ты хороша и мила. Три браслета, дающих силу руке. Ты бишь нацепил – и мечом махать сможешь, пока рука не отвалится вообще на фиг. Я их подарила мальчикам. Один Тесею, один – Гераклу. Мне-то они и даром не нужны. Но один оставила все-таки себе. Мало ли что потребуются. Одного браслета мне за глаза хватит. Два кольца – ловкость рук. Жаль, что в придачу к ловкости еще и kleптомания прилагается. Их я оставила себе. Оба. Ни к чему моим мальчикам такие игрушки. Несколько кинжалов, сделанных по принципу «пробиваю все». Один достался Тесею, один Гераклу, два остались мне. Кстати, один такой кинжал у меня уже был. Тот самый, который я утащила у очистителей. Лефрозль его, правда, уволок для исследований, но обещал вернуть. Ну и в довершение списка – медальон, отводящий глаза стрелкам. Из чего бы в тебя ни стреляли, хоть из пушки в упор, все равно в последний момент у стрелка рука дрогнет, глаз моргнет, а прицел сойдет. И ты останешься цел и невредим. Этот медальон я сохранила, хотя носить его и не стала. И очень подумывала закопать его где-нибудь на Красной площади. Мало ли что, мало ли кто... А так целься, не целься в Москву, а попадешь пальцем в небо.

Артефакты я делила не поровну, а по-честному. Это ведь мне еще мозги колдунам вставлять! Я и вставляю! С лихвой! У них потом еще три поколения будут детивундеркинды рождаться! Кроме Орланды! Той я все детородные органы сама вырву! Стер-р-р-р-ва!!! Так, Тина, спокойствие, только спокойствие, как заповедовал Карлсон! Но какое там спокойствие! Стоило мне вспомнить все, что эта тварюшка наделала, чтобы затащить в постель моего мужа, – и всю мою невозмутимость смывало как прибором, а из губ рвалось тихое рычание! Урою стерву! Ярость просто обжигала меня, прокатываясь и по душе, и по коже волной огня. Как только медальон от ярости не расплавился! Я понимала, что глупо тратить столько энергии на эту дешевку, но что я могла поделать?! Прорывалось!

Мы ехали уже пятый день подряд. И все было так хорошо, спокойно и тихо! Просто рай на земле! Так что я подсознательно ждала какой-то пакости. И когда громко заорал Геракл, я даже не удивилась. Просто огляделась вокруг. На горизонте маячило облако пыли. И двигалось. Нехорошо так двигалось, целенаправленно, быстро, словно его кто пинками подгонял, прямо в нашу сторону. И меня это вовсе не обрадовало. Мальчики спешно натягивали доспехи. Я тоже пригодилась – завязывать и застегивать.

Про браслеты и кинжалы они, кстати говоря, не забыли. Напялили в первую очередь. Я тоже нацепила свой – и уставилась на горизонт. Пятно пыли все приближалось и приближалось. И состояло оно из полуголых наездников. Только вот что-то в них было такое, странное... только вот что?! Я уставилась на авангард и пыталась разобраться в своих ощущениях. И когда им оставалось метров тридцать до нас, я наконец ахнула:

– Мать моя женщина! Кентавры!

Дошло до жирафиhi.

– Кентавры, – согласился Тесей. – А ты что – никогда их не видела?

– А где бы я могла их видеть?! – от неожиданности огрызнулась я. – У себя под кроватью?

– А что, не водятся? А у нас так под каждой!

– Понятно, в кого ты пошел, – отозвалась я.

– За козла ответишь!

– Кентавра!

– А за кентавра тем более!

Пока мы препирались, коняшки доскакали до нас и окружили плотным кольцом. Хм, вблизи они оказались еще непривлекательнее, чем издали. Нет, общее-то впечатление было хорошее: великолепные конские части, роскошные хвосты, тяжелые копыта. Человеческие части, то есть мужские, тоже были на уровне. Смазливые такие мордашки. Кудрявые волосы, классические греческие профили, мускулистые плечи и руки. Но запах! Озвереть можно! Воняло дикой смесью немытого тела, навоза и конюшни. И еще мне не понравились выражения наглых кентаврячьих морд. Такие вредные, ехидные и, пардон, паскудные. Когда тебя не просто раздели глазами, а уже поимели и бросили. У нас на кафедре был один такой, так мне постоянно ему в глаз хотелось двинуть.

– Привет, ребята, – помахал им рукой Геракл. – Чего потеряли?

Из толпы кентавров выдвинулся один лошак. Я осмотрела его с головы до ног. М-да, лучше бы он лошадью родился. Жеребец из него был бы классный. А вот человеческая половина не удалась. Роба – и все тем сказано. Даже рыло. Качок. Новый греческий. Морда оглядела меня с таким выражением, что руки сами потянулись запахнуть на груди одежду и подвинуть поближе ножи. Лучше бы, конечно, национальное женское оружие, из каких бы стран женщины ни происходили, сковородку, но нам не привыкать. Мы и ножами не хуже сможем!

– Приве-е-е-ет! – проржал кентавр. – Вы кто такие и откуда?

– Мы – это мы и оттуда, – я неопределенно показала рукой на горизонт. – А вам чего нужно?

– А здесь наша территория. – кентавр смерил меня взглядом с ног до головы. – Хотите проехать – заплатите.

Я покривилась. Банальный рэкет. Блин, а мы еще в России удивляемся, что да откуда повылазило! Да вот оттуда и повылазило. Из Древней Греции! А то и еще раньше?

– А больше вам ничего не нужно? – полезла я в драку.

Тесей быстро взял инициативу в свои руки:

– Тина, солнышко, помолчи. Дай серьезным людям перетереть ботву!

– Какую ботву? – не понял кентавр.

Я тихо зафыркала. Тесей и Геракл, нахватавшись от меня жаргона а-ля рюс, не всегда использовали его правильно. Например, Геракл вместо «отбросить копыта» выдал «закинуть подковы». Меня это откровенно развлекало. Тесей махнул на меня рукой.

– Нахватался, блин клинтон! Не обращайте внимания, у этой дамочки жаргон такой оригинальный, что без пол-литра не поймешь!

– Пол-литра чего?

Нет, ну какие тупые мужики в этой Древней Греции! Наш бы сразу спросил: «Где бутылка?»

– Вина, – объяснил Тесей, показывая мне исподтишка кулак, чтобы я не вздумала заржать во все горло.

– А у вас вино есть?

– Нету, – признался Тесей.

Это была моя инициатива. Я строго-настрого приказала вино не брать. Вот вернутся в Керат – там пусть хоть зальются, а я рядом с собой пьянства не потерплю! Даже в самых ничтожных количествах. Знаю я, как все это начинается. Сперва рюмку по праздникам, потом две по выходным, потом одну в праздники, но у нас каждый день – праздник, а потом алкоголь в малых дозах безвреден в любых количествах. Видела я одного человека, который сгорел таким образом. И чтобы мои друзья так же... Да никогда!

– Ладно, кончайте нам мозги проветривать, – обиделся парнокопытный.

Я тихо фыркнула. Неужели там есть еще что проветривать? Не верю!

– Чего тебе надобно, старче?

– Тина, заткнись по-хорошему, – еще раз рявкнул на меня Тесей и обернулся к кентавру. – Так что вы хотите получить от нас?

Лошак надулся от гордости.

– Значит, так! За проезд по нашей исконной и древней земле мы желаем получить с вас три сотни монет золотом. Если у вас столько нет, отдайте нам имуществом или верблюдами. И еще мы желаем получить эту девку.

– Что?! – возмутился Тесей. – Ребята, вы и сами должны понимать, что ваши условия неприемлемы!

Я легонько толкнула приятеля в спину.

– Ты что, не понял? Им же просто поиздеваться хочется!

– А что я могу сделать? – так же шепотом огрызнулся Тесей. – Их не меньше тридцати, а нас трое. Нас же в блин раскатают за пять минут!

Спорить с ним было сложно.

– Тогда дай мне поговорить!

– Ну говори. Хуже уже все равно некуда!

Я тоже так думала. Геракл молчал, ожидая окончания беседы, но даже он что-то уже понял. На худом мальчишеском лице словно маску смерти нарисовали. Что ж, он далеко не дурак. Не знаю, подговорила ли этих жертв Чернобыля Орланда, или они сами такими сволочами уродились, но намерения их были просты и понятны: всласть поизмываться, а потом или убить, или взять в плен. И продать в рабство. Здесь это обычное дело. Для меня такое было неприемлемо, так что я выехала вперед.

– Мужики, а я-то вам зачем понадобилась? Своих баб не хватает?

– Что?! – передний кентавр аж на дыбы встал. – Да кому ты тут нужна, человеческое отродье?!

– Так, может, мы поедem, раз мы никому тут не нужны?

Поймать скотинку на слове мне не удалось.

– Только с места тронься – мы тебя стрелами утыкаем!

Ага, если попадете! Медальончик-то, который глаза стрелкам отводит, и сейчас на мне! И другой медальон. Я невольно провела рукой по извивам неожиданно теплого металла. Что случилось дальше – я и сама не поняла. Появилось такое странное ощущение... Я знала, что нам не выбраться без потерь, знала, что нужно сражаться до конца, готова была рискнуть жизнью, а потом меня как-то легко отодвинули в сторону. Не физически. Тело мое осталось стоять там же, где и стояло. Но на миг мне показалось...

Чьи-то большие теплые ладони легли мне на плечи. Тихий шепот коснулся сознания. «Это не твоя битва, девочка. Ты сильна, но ты еще новичок. Одна ты проиграешь. Позволь мне помочь тебе».

Больше эфирное существо ничего не сказала. И моего согласия тоже дожидаться не стало. Я увидела свое тело словно со стороны. Это, несомненно, была я. В местной одежде, растрепанная, с решительным выражением на испачканной мордашке, крепко сжимающая в руке тот самый медальон. И «я» открыла рот:

– Слушайте вы, лошаки, если через две минуты вы не уберетесь отсюда, я изготовлю из вас конский бифштекс и краковскую колбасу!

– Что?! – презрения в голосе кентавра хватило бы на три группы студентов-заочников. Но «я» даже и ухом не повела.

– Время пошло, уроды!

Ой! А вот этого говорить не стоило! «Я» допустила огромную ошибку. Не знаю, почему так отреагировали кентавры, может, и сами понимали, что не слишком-то вписываются в картину мира, но тот полуконь, который и вел все переговоры, поднял руку.

– Убить их! Немедленно!

– Да как скажешь! – улыбнулась «я».

Мне стало жутко. Сейчас на моем (да, все-таки это тело принадлежит мне, просто я временно летаю рядом) лице играла такая улыбочка, что, увидев меня, сбежал бы даже Джек-потрошитель. И я могла его понять. Сама бы сбежала, но некуда. А в следующую секунду мое тело подняло правую руку.левой рукой «я» так и сжимала странный медальон, а поднятой сделала какой-то странный жест. И с моих пальцев рванулся поток чистого, почему-то ярко-синего огня.

Больше всего я напоминала себе газосварку. И «я» управляла этим огнем. Самым страшным было то, что никто из кентавров даже не попытался сбежать. Или не смог. Они просто стояли, как и стояли, полукругом, загораживая нам троим дорогу. Так же они и падали. «Я» оказалась садисткой и медленно вела рукой сперва от центра направо, а потом налево. И наслаждалась написанным на лицах полуконей ужасом. Искренне наслаждалась. Кажется, они все-таки не могли сбежать. Потому что в глазах у них был такой страх, как у детей перед чудовищем из-под кровати. Но меня это радовало. Почему? Ответ я получила тотчас же, как мое тело опустило руку.

Последний кентавр опаленной кучей упал на землю, «я» трянула рукой, сбрасывая последние капли синего огня, как речную воду, и криво улыбнулась. Эта улыбка определенно принадлежала не мне. Я никогда не улыбалась так, словно у меня погибли все родные, а я стою на могиле их убийц. Это была улыбка человека, пережившего самое худшее, что только может быть в жизни, и не сломавшегося.

– Что ж, они сами напросились. Жаль, колбасной фабрики рядом нет. Ну, хоть так оставим, для местных падалыщиков!

И тот же тихий голос скользнул в меня, как кинжал в ножны.

«Возвращаю тебе твое тело, девочка. Мы еще встретимся. Обязательно встретимся...»

В следующую минуту не было ничего. Просто ночь наступила.

Глава 17

– Тина! Тина, мать твою! Да очнись же ты.....!!!

– Сам ты....., да еще и...!!! – огрызнулась я, не открывая глаз. Будет тут меня каждый урод оскорблять!

– Я же тебе говорил, что ее вздорный характер круче любого беспамятства будет!

– Да, а я еще не верил, наивный!

– Еще какой наивный, – подтвердила я, не открывая глаз. – Готова поспорить, ты еще и девственник!

– Тина, ну ты вконец обнаглела! – возмутился Геракл. – Если ты меня оскорбляешь, так хоть глаза открой!

Я приоткрыла глаза и тут же зажмурилась. Небо в пустыне – зрелище не для слабонервных. Особенно днем. А сейчас стоял именно жаркий день. Часа два-три пополудни, если судить по солнышку. Но даже мимолетного взгляда хватило, чтобы в моем разуме сложилась вполне отчетливая картинка. Мы находились в каком-то оазисе, во всяком случае, тут были пальмы. Я отчетливо видела их верхушки на фоне неба. Я лежала на песке, моя голова и верхняя половина туловища покоились на коленях у Тесея, а Геракл сидел напротив, заплетя ноги в позу лотоса, и с неодобрением смотрел на меня. Тут же были привязаны и наши верные скакуны.

– Что случилось? Почему мы здесь?

– А ты ничего не помнишь? – В голосе Тесея звучало явное удивление.

– А что я должна помнить?

Голова была как чугунная. Какая там память! Мозги бы не расплавились!

– Кентавры. Не помнишь?

Слово «кентавры» оказалось спусковым крючком. В моем мозгу что-то щелкнуло. Я вспомнила медальон, вспомнила чей-то голос, вспомнила, что мое тело сделало с этими полулюдьми-полуконями, – и меня замутило. Тесей едва успел повернуть меня на бок.

Меня рвало долго и мучительно, тем более что извергать-то было нечего. Если я что и ела на завтрак, то это было в четыре часа утра и давно переварилось. Мальчики терпеливо ждали, пока у меня не окончатся спазмы. Потом Тесей поднес мне к губам флягу с водой, а Геракл жестом опытной сиделки прилепнул на лоб мокрое полотенце.

– Где мы? – спросила я из-под тряпки.

– В оазисе, – тут же откликнулся Тесей. – Когда ты, гм, немного погорячилась...

Я невольно фыркнула. Немного погорячилась?! Да, совсем немного! Тридцать кентавров подошла, а так – пустяк! Все равно что назвать Годзиллу милой ящеркой!

– Так вот. Ты грохнулась на песок и крепко приложила головой о какой-то камень. Его песком занесло, но все равно получилось ощутимо. Мы взвалили тебя на верблюда и отправились восвояси. Часа через три набрали на этот оазис и решили остаться здесь до утра. На рассвете опять отправимся за твоими фруктами. Хотя на фиг они тебе сдались при таких-то возможностях?

Я вздохнула. Конечно, я давно рассказала ребятам, куда и зачем мы идем. Иначе было бы нечестно.

Я доверяла им, так что они имели право знать, кто наши враги. Я не упустила никого из списка. Олечка, ее папсик и черт знает сколько еще волшебников! Если бы после этого Геракл или Тесей оставили меня и отправились своей дорогой, я бы не упрекнула их. Они пошли со мной. И заслуживали полной откровенности.

- Ребята, я вам чем хотите поклянусь – не я это!

- Я не я, и лошадь не моя, и я не извозчик, – подхватил Геракл.

- Да пошел ты... шишки с пальмы кое-чем околачивать! – обиделась я. – Я тебе когда-нибудь врала?!

- Никогда, – признал Геракл.

- Ну вот и не выживайся! Сам понимаешь, я не смогла бы ничего подобного сделать! Мое умение – это сплошные мелочи! Я даже костер сама не зажгу! Кое-что и я умею, не спорю, но до этого уровня мне как тебе до Марса!

- До чего?

- Не важно! Как твоему огниву против моего пирокинеза!

Зажигать взглядом огонь я действительно умела, и даже очень неплохо. Научилась за это время. Процесс пошел, как только в моих руках оказалась волшебная палочка. И все равно, до *такого* мне было еще учиться и учиться, а потом еще расти и расти!

- Ладно, верю, – отмахнулся Тесей.

Вот разоделжил-то!

- Тина, а все-таки как у тебя это получилось? – не выдержал Геракл.

- Если я решу тебе объяснить что-то, я pošлю письмо, – отрезала я. – Отвали! Без тебя тошно!

Этого оказалось достаточно. Ребята были практичны до мозга костей и отнеслись к моему отказу более чем легко. Спалила я кентавров? Отлично! Они нас тоже не пряниками кормить собирались! Упала в обморок? С кем не бывает! Объяснять не хочет? Ну и не надо! Была она Тиной, Тиной она и останется! Друзей принимают со всеми их недостатками или вообще не принимают! И точка! Мальчики освободили меня от ночного дежурства, я перекусила сушеными фруктами и водой, еще раз пожалела, что у нас не было с собой вина (мне бы сейчас сто грамм не помешали), и улеглась спать. И никакие кошмары меня даже отдаленно не мучили!

- Орланда, я рад, что ты так быстро пришла.

- Слушаю вас, монсеньор!

- Можешь не обижаться, я сейчас действительно говорю как глава всех волшебников!

Орланда ан-Криталь хлопнула ресницами, но возражать не стала. Как отец пожелает, так и будет. Она немного обиделась из-за срочного и очень официального вызова, который он послал ей, чтобы вернуть из мира Двенадцати Дев, но вдруг папочка нашел что-то хорошее? Что-нибудь против этой непотопляемой мерзавки, которая осмелилась не только посягнуть на ее, Орланды, любимого, но еще и отстаивать свои (смешно сказать!) права на Ника! Как будто у нее могли быть хоть какие-то права! Какова наглость!

- Хорошо, папочка. Что случилось?

- Олечка, ты должна раз и навсегда оставить в покое эту девицу.

- Не поняла?

Орланда все отлично поняла, но не решалась признаться даже самой себе.

- Все ты поняла. Оставь в покое Тину, или я тебя самолично запру рядом с Ником.

- Лучше не рядом, а в одной комнате, – предложила Орланда.

- Могу и в одной, – не принял шутки отец. – Оля, я тебе вполне серьезно говорю, оставь ее в покое. Первый твой шаг в направлении Тины станет последним твоим свободным

шагом!

- Папа!

- Оля, так надо!

Орланда так не думала. Она схватила с письменного стола роскошную чернильницу и с размаху запустила ею в стену кабинета.

- Нет!!!

- Оля! Сядь и выслушай меня!

- Не хочу я ничего слушать! - впадала в истерику Орланда. - Не желаю! Я ее убью, убью, убью!!! И ты мне в этом не помешаешь! Что, сам на эту гадину глаз положил?!

Этого верховный волшебник вынести уже не смог. Он нехорошо посмотрел на дочку и слегка прищелкнул пальцами. Над головой возмущенной волшебницы материализовалось двадцатилитровое ведро с водой. Повисело несколько секунд - и решительно перевернулось.

Орланда завизжала.

Верховный волшебник посмотрел на мокрую дочку, а потом сотворил рукой еще несколько пассов. В результате разъяренная волшебница оказалась привязанной к роскошному и очень тяжелому креслу. И сидеть ей там было, пока отец не решил бы освободить ее. Как известно, сломать чужое заклинание может или тот, кто сильнее, или несколько более слабых волшебников, объединивших свои силы. Орланда хотела было выругаться, но отец предупреждающе повел бровью - и волшебница заткнулась. Папочка ведь мог и кляп в рот затолкать.

- А теперь послушай меня молча и спокойно. Знаешь, кто такой Рон Джетлисс?

Округлившись глаза Орланды сказали верховному волшебнику, что растолковывать не надо.

- Вижу. Знаешь. Так вот, его приговорили к заточению в вещи - и теперь эта вещь у твоей заклятой подруги. Поэтому мы не можем тронуть ее даже пальцем. Ясно?

Орланда напряженно размышляла.

- Пап, ты хочешь сказать, что она может освободить Рона Джетлисса?

- Тина? Она многое может. Ты же знаешь, что везение - это способность, иногда неосознанная, влиять на магический эфир.

- Ну да. Это даже новички знают! И что?

- И то! Что у нее эта способность развита больше, чем у кого бы то ни было! Если мы разозлим ее еще больше, она откажет нам, и судьбу предмета с заточенным Джетлиссом даже я не смогу представить! Она может даже освободить его!

- Папа, это полная чушь!

- Да неужели? Оля, я решительно запрещаю тебе приближаться к этой женщине и строго покараю за любое непослушание! Она должна отдать артефакт. Ясно?

- Ясно, - согласилась Орланда. Но согласие было явно надуманным. Волшебник внимательно посмотрел на нее - и покачал головой.

- Все-таки придется тебе под замком посидеть.

- Папа!!!

- Разумеется, я твой отец. И ты прекрасно знаешь, что я потакаю тебе во всех твоих капризах. Но сейчас мы не можем рисковать.

- Папа, но ведь можно взять талисман и с мертвого тела!

Верховный волшебник грустно покачал головой:

- Нельзя.

- Но почему?!

- Оля, твоя ненависть мешает тебе здраво мыслить? Ты же чему-то училась, ты должна знать, как можно освободить заточенного в артефакте волшебника?

- Ну да! И что?

- Тогда перечисли мне все способы!

Голос верховного волшебника стал строже. Дочь не просто не понимала его, она и не хотела понимать. М-да, глуповата она все-таки. Верховный волшебник любил свое единственное дитище, но оценивал ее здраво. Капризна, неуправляема, склонна к истерикам и к передергиванию. И это еще не полный список достоинств. Сейчас она хочет получить своего Ника – и голову Тины на блюде. Первое он даже готов ей позволить, но не второе. Только не сейчас. Может быть, позже, когда она отдаст артефакт...

- Первое. Это освобождение по сроку заточения. Второе – если соберется несколько более слабых волшебников и объединят силы, – кислым тоном начала перечислять Орланда. – В это сложно поверить. Понадобится не меньше шестидесяти взари, так что ничего у нее не выйдет! Третье. Если найдется кто-то, превосходящий по силе волшебника, наложившего заклятье. Это, ты сам понимаешь, невозможно! Его и накладывали-то несколько волшебников уровня А. Четвертое и последнее. Магия крови. Тоже можно не опасаться. Вряд ли эта плебейка знает хоть что-то о магии! Ее спасают только наглость и невероятное везение.

- Олечка. – Голос верховного колдуна звучал подозрительно мягко, словно он готовился произнести какую-нибудь гадость. Орланда насторожилась. – Доченька, дело в том, что смерть – это тоже магия. И очень сильная. Эта твоя Тина взяла медальон с заточенным волшебником с трупа прежнего владельца, то есть теперь она его законный хозяин. Чувствительность даже начинающих волшебников к таким вещам гораздо сильнее, чем у обычных людей. Она наверняка поняла, что ее находка не так обычна, как кажется. И теперь, если ты убьешь ее, в момент смерти ей будет достаточно всего лишь одного слова, чтобы Рон Джетлисс освободился.

- А если она не сможет произнести его?

Волшебник топнул ногой. Нет, ну что ты будешь делать?! Дочка просто не желает его слушать! Он может проговорить с ней еще неделю, но она ничего не услышит. Не захочет.

- Значит так, Олечка. Сейчас ты отправляешься в камеру к Нику, и сидите с ним там, пока я не поговорю с Тиной. Можешь заодно потрахаться с ним. Напоследок. Потому что, если твоя заклятая подруга пожелает получить своего мужа в обмен на медальон, я отдам его без колебаний.

- Папа-а-а-а!!!! – заорала Орланда ан-Криталь, но было уже поздно. Волшебник хлопнул в ладоши, и кресло с привязанной девушкой снесло в направлении индивидуальной камеры Ника. Верховный волшебник почесал в затылке, вздохнул и принялся составлять официальное послание владычице эльфов.

Орланда обнаружила себя сидящей на ковре в комнате, где содержался пленный Ник. Сам волшебник стоял прямо над девушкой и разглядывал ее с ехидной улыбочкой на губах.

- Что, Олечка, папочка отшлепал?

Эта фраза оказалась последней каплей. Орланда ан-Криталь, высокородная и отлично воспитанная волшебница, взревела раненым бизоном и выдала длинную тираду о происхождении, воспитании, интимной жизни и ближайших родственниках его жены.

Ник внимательно выслушал ее и покачал головой.

- Дорогая Олечка, ты не сказала мне ничего нового. Я сам иногда удивляюсь, как меня угораздило жениться на этом милом монстре. Чем она тебе на этот раз так насолила?

На лице Орланды внезапно появилось хорошо знакомое Нику хищное выражение.

- Это не так важно. Срок действия барутты – десять дней? Иди ко мне, милый!

Ника затошнило, но собственное тело не оставило ему выбора. Он, словно марионетка, поднялся с кровати и протянул руки волшебнице.

Мы ехали и ехали по пустыне. Когда все это закончится, я отправлюсь на море. Определенно. Осточертел мне этот желтый песок. Значит, надо ехать туда, где он белого цвета. И синее-синее море. Много-много воды. Я буду лежать целый день в шезлонге, сосать коктейли и наверняка заведу курортный роман.

Просто так, чтобы скучно не было.

Тесей и Геракл не жаловались, но по их глазам я видела, что в следующий раз в пустыню их за уши не затащишь! Как я их понимала! Самой было уже все по фигу. Если бы Орланда решила меня сейчас прикончить, я бы и глазом не моргнула. Может, даже поблагодарила бы. Выматывала меня эта пустыня! Надоедало чувствовать себя мухой в янтаре. Если бы не разные оазисы, попадавшиеся нам на пути, я бы даже поверила, что мы никуда не движемся. На мой взгляд, самое худшее в пустыне – это ее монотонность. Даже тех придурков-кентавров я вспоминала сейчас с благодарностью. Они, по крайней мере, развеяли мою скуку. Хотя больше никто из их племени нам на пути не попался. Тоска-а-а!

К счастью, все когда-нибудь кончается. И на исходе третьей недели путешествия перед нами замаячила высокая стена. Я узнала ее сразу. Именно такая была изображена на картинке в Междумирианнике. Сложенная из множества камней весьма странной, семиугольной формы. И все семиугольники были окрашены в разные цвета. Те самые. Радужные. Каждый Охотник Желает Знать, Где Сидит Фазан. Огненно-красный, апельсиново-оранжевый, лимонно-желтый, изумрудно-зеленый, небесно-голубой, сапфирово-синий и чернильно-лиловый. Все цвета преувеличены, подчеркнуты, как будто безумный художник решил взять не просто краски, а самую их суть. Но, даже ни разу не видев прежде, я узнала бы эту стену из тысячи тысяч других. От нее шла такая мощная волна магической силы, что даже я, дилетантка несчастная, ощутила ее еще за два часа до того, как увидела. Мы задрали головы, осматривая эту стену. Все семь красок переплетались на семиугольных плитках, так, что зеленый, например, не оказывался рядом с зеленым, а синий рядом с синим. От полыхания красок слепило глаза, но все равно это было чертовски красиво.

-!!!.....!!!.....!!! - выдохнул Тесей.

И я полностью разделяла его мнение. Действительно -.....!!!

- Никогда не думал, что увижу это воочию, - признался Геракл.

Я пожала плечами.

- А думал ли ты, что попадешь в историю как убийца Минотавра? Еще полгода назад?

- Я даже и представить себе не мог, что так бывает, - признался юноша. - Мечтать – мечтал, но не надеялся.

- И правильно. Надежда – дурацкое чувство, - вздохнула я. - Ну что, давайте прощаться, мальчики?

- Как – прощаться?

Тесей не сказал ни слова, но глаза его были не менее красноречивы, чем самая длинная речь.

– Вот так. – Я потерла лоб и грустно посмотрела на приятелей. – Сейчас я войду в этот сад. Я не знаю, что там со мной будет, получу я то, что мне нужно, или нет, это науке неизвестно. И вас я с собой не потащу. Если все пойдет не так, как надо, я порадуюсь мысли, что вы живы и с вами все будет хорошо. Возвращайтесь в Керат, мальчики, живите, работайте, совершайте подвиги, в конце-то концов, женитесь, заводите детей, воспитывайте и учите их. – Аж самой тошно стало от пафоса, и я закончила в своем обычном духе: – Короче, валите отсюда на фиг, пока хозяйева не приперлись, а я полезла яблоки воровать!

– А почему – полезла? – не понял Тесей.

– А вот потому.

На самом деле все было просто. Стена тоже была магически заклета на определенное условие. Достойный преодолеет ее, недостойного просто на части разорвет. И мне очень не хотелось, чтобы в случае неудачи мальчики видели меня в таком... неаппетитном состоянии.

Я спрыгнула с верблюда, переоделась в свое, нацепила за спину рюкзак, поплевала на руки и оглянулась на ребят. На их лицах было написано такое упорство, что я поняла – фиг я от них отделаюсь! Придется пройти и это испытание. Я подмигнула им, вызвав на лицах робкие улыбки, – и положила руки на стену сада.

И стена расступилась передо мной.

Я от неожиданности не удержала равновесие и села на задницу. Вообще-то я готовилась лезть по этой стене, обдирая пальцы и цепляясь зубами, но у высших сил были другие планы. Тесей и Геракл с двух сторон бросились ко мне, на ходу вытаскивая мечи. Я изо всех сил замахала руками, чтобы они убрали оружие. Мне вовсе не хотелось, чтобы хозяйева сада взяли на вооружение мой принцип: «Кто с мечом к нам придет, того и мордой об стенку!»

Хозяйева?

Нет. Хозяйки.

Они появились в разрыве стены, словно из ниоткуда. Секунду назад их не было – и вот они уже есть. Двенадцать девушек, или вернее дев, в белых с золотом одеяниях. Все в них было белым или золотым. Белая одежда, белая кожа, золотые волосы, мягким золотом светились губы, даже глаза горели как электрические лампочки – золотым огнем. И я готова была поспорить, что кровь у них тоже золотая.

Вредный характер и подлый язык не дали мне наслаждаться этим зрелищем. Я подскочила на ноги, прижала одну руку к сердцу и выдала в духе «Старика Хоттабыча»:

– Приветствую вас, о прекрасные и мудрые отроковицы, да будет благословенно имя отца вашего и матери вашей и ныне и присно и во веки веков и так далее и тому подобное и аминь на вас на всех!

Девушки захлопали глазами. Мой язык окончательно сорвался с цепи и выдал вовсе уж неконтролируемо:

– Девчата, на самом деле мы хорошие, белые и пушистые. Третью неделю по пескам шлепаем, ноги сбили, руки стерли, верблюды с ног до головы оплевали. Не угостите нас, несчастных, яблочком?

Девушки переглянулись еще раз – и... заржали! В буквальном смысле слова заржали! Они покатывались со смеху, икая и всхлипывая, цепляясь друг за друга и вытирая слезы. Теперь настал наш черед хлопать ресницами. Что мы успешно и проделали. При виде наших очумелых лиц девицы еще раз переглянулись – и залились еще громче.

Наконец все успокоилось, и мы с новым интересом посмотрели друг на друга. Я подумала несколько секунд и протянула вперед обе руки.

– Меня зовут Тина. Я пришла к вам с миром. За приколы простите заранее. Нервы,

нервы, а молока за вредность не дают, даже верблюжьего!

Девушка, стоящая впереди, так же протянула мне руки ладонями вперед.

– Миара. Я – привратница. Мы с сестрами охраняем священные яблони. Ты хочешь получить яблоко? Но чем ты готова заплатить за него?

Я почесала нос.

– А чего вы хотите?

– А что ты можешь предложить?

Действительно, а что я могу предложить? Амулеты местного производства? Побрякушки? Свои услуги? Свою кровь? Не смешно! Я пожала плечами.

– Не знаю. Вообще-то у меня ничего нет, кроме здорового нахальства! Но если у вас его нехватка – могу поделиться.

Миара покатила со смеху. Остальные девушки последовали ее примеру.

– Вообще-то часть долга ты уже заплатила, – призналась она, вытирая слезы. – Мы всегда требуем с гостей что-нибудь интересное. Знала бы ты, какой мусор нам иногда пытаются предлагать! Деньги, драгоценности, иногда даже амулеты... Все это бесполезно для хранилищ силы. Мы в любой момент можем получить любую вещь, любую книгу, просто пожелав этого. Для нас очень ценны обыкновенные человеческие эмоции. Вот такие, как смех. Мы благодарны тебе за него. Но хотелось бы и кое-чего еще.

– И что же? – подозрительно осведомилась я.

Глаза Миары смотрели куда-то назад. Она прищурилась.

– Эти двое мужчин пришли сюда с тобой.

Она не спрашивала, она утверждала. И я кивнула:

– Это так.

– Почему они это сделали?

– Потому что мы друзья. – Вопрос показался мне глупым.

– И насколько велика ваша дружба?

Этот допрос начинал мне активно не нравиться.

– К чему ты клонишь, Миара?

Девушка внезапно облизнула губы.

– Понимаешь, Тина, мы одиноки. Нас здесь двенадцать молодых сильных женщин. И мы не страдаем противоестественными наклонностями. Если твои мужчины согласятся провести с нами ночь – этого будет вполне достаточно.

У меня челюсть отвисла. Я подхватила ее на лету и покачала головой:

– Миара, мне очень жаль.

Тонкие золотые брови приподнялись.

– Жаль? Чего?

Я вздохнула и попыталась объяснить:

– Миара, я считаю этих двоих мужчин моими друзьями. Именно поэтому я не смогу прийти к ним и просить продать себя за какое-то яблоко.

– Не какое-то! Это яблоко, которое даст тебе могущество!

– Возможно. – я пожала плечами. – И все же я не смогу. Наша дружба значит для меня гораздо больше, а я отлично понимаю, что, если я попрошу их заплатить за меня, они будут уважать меня чуть меньше, чем раньше.

– Их уважение для тебя важнее обретения истинной силы?

Я еще раз пожала плечами:

– У меня не так много настоящих друзей. Я не могу просить их продаваться ни за мою силу, ни из идейных соображений. Они – воины, а не шлюхи!

Честно говоря, я ожидала поворота от ворот и уже приготовилась шандарахнуть по ним чем-нибудь увесистым, но Миара заставила меня удивиться второй раз за три минуты разговора. Рекорд, однако!

– Что ж, я думаю, что мы можем допустить тебя в наш сад. Знала бы ты, девочка, как много на свете людей, готовых продать всех и вся ради дармовой *силы*. Ты не жадная, и у тебя есть определенные принципы. Я считаю, что мы можем допустить тебя в сад. Но яблоню ты будешь выбирать сама.

– То есть? – я захлопала глазами. – Как это понять?

Миара невинно улыбнулась. И глаза ее были сплошными потоками расплавленного золота.

– Разные яблони дают разную силу. Выбирать тебе. Ты должна почувствовать свой уровень, иначе *сила* сожжет тебя, как сухую щепку. Обычно волшебникам помогали их проводники, но у тебя его нет.

Она не спрашивала, она утверждала. Я не стала прятаться и отрицать.

– Я действительно выгнала своего проводника. Эта ящерица хотела причинить мне вред.

– Ты в этом уверена?

– Нет. Но лучше идти одной, чем все время оглядываться на тех, кто у тебя за спиной.

– Тоже верно. Хотя сейчас тебе будет очень тяжело. Это не просто выбор силы, это еще выбор дороги и судьбы.

– Это как?

– Так, как ты того заслуживаешь, – последовал туманный ответ.

Я почесала кончик носа.

– Честно говоря, я так ничего и не поняла. Но я разберусь на месте?

– Все как-то разбирались. – Лицо Миары было совершенно пустым и безразличным. – Хотя некоторые так и оставались в нашем саду, удобрением для корней неправильно выбранных деревьев.

Вот спасибо, утешила!

– Я могу войти?

– Можешь. Как ты думаешь, если мы сделаем предложение твоим спутникам, согласятся они провести с нами несколько ночей?

Я посмотрела назад. Тесей с тоской смотрел на меня. Геракл – с восхищением на девушек.

– Один точно согласится. Только поосторожнее с ним, он еще девственник.

Лицо Миары вдруг стало живым и проказливым.

– Знаешь, обожаю девственников! Они такие стеснительные, такие лапочки...

Я подавилась коротким смешком. И вошла внутрь. Девушки расступились, пропуская меня. Я больше не оглядывалась назад. Мы уже попрощались с друзьями, смотреть еще – зря сердце трепать. Я хорошо знала, что уже никогда их не увижу. Даже если я вернусь сюда через несколько дней по моему счету, для моих приятелей пройдет несколько лет. Они станут старше, у них будут семьи и другая жизнь. А я останусь такой же. Мы ничего не сможем сделать, просто сидеть и смотреть друг на друга. И вспоминать минувшие дни. И это окажется до того мучительно, что мне захочется умереть. Я никогда не вернусь в этот мир. Прощайте, ребята!

Сад был прекрасен! Хотя прекрасен – это не то слово! Восхитителен! Неповторим! Божественен! Если Эдем когда-нибудь и существовал, то он был именно таким! Хотя Адама и Еву я тоже понимала. За несколько столетий эта красота так осточертеет, что и со змеями заговоришь!

Я таскалась по этому прекрасному месту уже три часа, внимательно приглядываясь к каждой яблоне на своем пути. На мой взгляд, все они ничем не отличались друг от друга. Честно говоря, я уже готова была сожрать яблоко с первого попавшегося дерева и рискнуть здоровьем и жизнью. Кстати, может, это и есть причина всех несчастных случаев? Надоело волшебнику шататься по саду, проголодался, цапнул яблочко – и объяснял, что он не хотел и не думал и вообще у него другие планы, уже местным богам?! Я бы тоже попробовала так поступить. Останавливало только одно. Вот Орланда-то обрадуется! Охотилась за мной, охотилась, столько сил и нервов потратила, а я сама угробилась! Обидно, да?

Еще через два часа я дошла до противоположной стены сада – и присела возле нее под каким-то деревом. Вроде бы это была ольха. Хотя кто их знает в другом-то мире? Ноги гудели, голова тоже, я вся вспотела и жутко хотела искупаться. Но ручья мне не попалось, и оставалось только расслабляться в тени, когда я увидела яблоню. Точнее, это была яблонька. Совсем маленькая, не выше меня, оплетенная до половины ствола какой-то ползучей дрянью и задущенная сорняками. А еще говорят – Эдем! И в раю сорняки были! Да еще ветер обломил одну из основных ветвей, и теперь по коре стекали прозрачные древесные слезы.

Я никогда не была огородником. Наоборот, я – чисто городской ребенок. Но сейчас что-то дрогнуло внутри меня. Я вздохнула, кое-как растерла гудящие ноги, помянула тихим незлым словом девиц во главе с Миарой – и приступила к прополке. Сорняки были безжалостно выдраны, земля разрыхлена с помощью столовой ложки, ползучее растение с длиннющим корнем срезано со ствола и выкинуто куда подальше, корни вырваны, а обломанную ветку я кое-как подвязала своим поясом (все равно больше не понадобится). А потом, вспомнив давно полученные от одного из отчимов уроки, замазала разлом вырытой из-под стены глиной. Последним шагом стала вкопанная возле яблоньки подпорка в виде найденной неподалеку здоровой палки. Я привязала к ней деревце и довольно улыбнулась.

– Ну, так-то лучше, – произнесла я, вытирая руки об окончательно испорченную эльфийскую тунику и кое-как поправляя волосы. – Ты уж теперь поосторожнее, а то пока эти балбески на тебя внимание обратят, тут и засохнуть недолго. Ладно, бывай здоровенька, а мне надо свою яблоню искать.

По кроне деревца пробежал ветерок.

Листья чуть раздвинулись – и перед моими глазами повисло невероятно спелое, сочное и аппетитное яблоко. Как будто деревце говорило мне: «Зачем что-то искать? Ты помогла мне, я помогу тебе! Мы же теперь друзья?»

Конечно, друзья, о чем речь?!

Ну и потом, мне ничего и никогда не хотелось сорвать так, как это яблоко.

Я протянула руку, и спелый фрукт свалился мне прямо в ладонь. Даже дотрагиваться до него не пришлось. Сам упал. Он был тяжелый и ощущался у меня в руке как живой пульсирующий сгусток прохладной магии.

Я погладила теплую и какую-то бархатистую кору.

- Что ж, спасибо, подружка. Даже если я сейчас сгорю, за такое - не жалко!

А мне и правда жалко не было. Да и не верила я, что яблоня мне причинит вред, после того как я ей сделала столько добра. Я медленно поднесла фрукт ко рту - и впилась в него зубами, прямо в румяный бочок.

Ничего вкуснее я в жизни не пробовала. Яблоко было невероятно сочным, вкусным, ароматным и даже немного с кислинкой, как я и люблю! Я ела его медленно и со вкусом, наслаждаясь каждым кусочком мякоти, каждой капелькой сока. Я даже косточки проглотила и руки облизала. Хотя с косточками я не нарочно, просто они оказались очень маленькие и мягкие, я обнаружила их, только когда раздавила зубами, а выплевывать хотя бы крошку яблока на землю мне показалось святотатством. Станным образом яблоко утолило и жажду и голод. Я погладила деревце по тонкому стволу.

- Спасибо еще раз, подруга! Ты - прелесть! И яблоки твои тоже прелесть!

Показалось мне или нет? Деревце легонько шевельнуло листвой, и я готова была поклясться, что услышала в ответ: «Ты тош-ш-ше-е-е...»

Я подмигнула яблоне и направилась в противоположную сторону. Ужасно грустно было оставлять новую подругу, но расставания - обязательная часть жизни. Не успела я сделать и трех шагов, как передо мной появилась Миара.

- А вы уже закончили? - удивилась я.

- Ну что ты, мы еще и не начинали, - улыбнулась женщина. - Кстати, могу сообщить, что оба твоих парня пожелали разделить с нами ложе. И с удовольствием останутся здесь на десять дней.

- Эй-эй-эй! - запротестовала я. - А как у вас время идет в саду?

- Так, как мы пожелаем, - не стала отрицать Миара. - Но мы пообещали, что десять дней здесь будут равносильны десяти дням их мира. Они вернутся в свой год и в свой век. Мы не хотим им зла.

- Тогда ладно, - согласилась я.

- А ты не ревнуешь? - прищурилась Миара.

- Кого и к кому?

- Ну, того, второго парня, к нам? Который не девственник?

Я фыркнула.

- Тесея? А я должна? Если он и правда любил меня, пусть он развеется с вами. Я думаю, что через десять дней я стану для него просто сном. И мне это нравится. Я не хочу, чтобы ему было больно.

- Ты не эгоистка. Ты сделала выбор, так?

- Да.

- Я поняла, что ты съела какое-то яблоко, и пришла посмотреть на тебя. Ты покажешь мне свою яблоню?

- Покажу. А вы пообещаете за ней ухаживать?

- Мы ухаживаем за всеми яблонями в нашем саду! - Миара выглядела искренне возмущенной. Я повернулась, чтобы показать ей на мою яблоньку и ткнуть носом в недостатки ухода, но почувствовала, что слова застряли у меня в горле.

Крошечной яблони-подростка уже не было! Было здоровенное, невероятно мощное дерево, нижние ветви которого начинались примерно на уровне моей головы. И его сплошь усыпали яблоки. Крупные, спелые, красные... Точь-в-точь как я слопала! Я икнула и уселась прямо на землю. Примерно на высоте трех человеческих ростов одна

из веток была подвязана моим поясом. Я бессмысленно ткнула пальцем в направлении дерева, не в силах сказать ни слова.

Миара уселась рядом со мной. Глаза у нее были такие же бессмысленные, как и у меня!

– Эт-то он-но?!

Я молча кивнула. И едва успела поймать мадам, отправившуюся в глубокий обморок.

Пара пощечин сделала свое дело, и Миара открыла глаза. Я пощелкала пальцами перед ее носом.

– Эй, очнись, подруга, и объясни мне, что такого особенного я сожрала!

Миара затрясла головой.

– Это, – она ткнула пальцем в дерево, – одна из самых крутых яблонь в нашем саду.

– А подробнее? – попросила я.

– Могу и подробнее, – согласилась Миара. – Тебе рассказывали об особенностях строения ДНК взари?

– Да. И что?

– А ты знаешь, что дети, рожденные от двух взари, не обязаны приходить к нам?

– Почему?

– Их ДНК и так находится в нужном виде. А вот ты или кто-то другой, взари, рожденный от волшебника и смертного, – у тех ДНК не соответствует силе и начинает разрушаться. Вообще ты задумывалась над обрядом инициации?

– Вообще нет. Не до того было.

– Тогда я попробую объяснить. Людей, которые могут подчинить себе силу взари, не очень много. Но они находятся. Два первых испытания – медальон и палочка – нужны, только чтобы определить твои способности. Это для тебя самой. Если ты умеешь колдовать, если ты достаточно сильна, а мерилом силы служит возможность попадать из одного мира в другой по собственному желанию, если ты преодолеваешь свои трудности, ты в конце концов приходишь к нам. И получаешь яблоко, которое начинает генетическую перестройку. То есть перекраивает твой организм на уровне ДНК и РНК. А выбор.... Каждое яблоко делает это быстрее или медленнее. Все они здесь – потомки одной яблони. Кстати, именно твоей. Иногда взари выбирают не ту яблоню – и умирают, не в силах справиться с начинающейся перестройкой. Яблоко забирает у них слишком много сил или позволяет им пропускать через себя такую мощь, с которой они физически не могут справиться. И взари сгорают. В переносном и буквальном смысле. Несчастный случай. Бывает.

А вот эта яблоня – она универсальна. Мгновенная перестройка организма, дополнительная сила, раскрытие твоей сущности навстречу вселенным. Вот что делает конкретно это деревце. Теперь ты сможешь управлять самими потоками магической энергии. Напрямую. Хотя и после долгой практики. То, что ты нашла именно эту яблоню, огромный – тебе пока просто не оценить, насколько огромный, – подарок судьбы. Это великая честь и великая ответственность. И, кстати, эта яблоня убила не одного волшебника. Большинство волшебников даже ее и не отыскали. А те, кто нашел... Я помню двенадцать случаев причащения волшебника такой силы. Кстати, было и две женщины. Но сейчас уже почти никого нет в живых. Магия – опасное занятие.

Я фыркнула:

– А кто есть в живых?

– Нынешний глава волшебников, например, – ответила Миара. – Кехар Неворм. И Рон Джетлисс. Теперь еще и ты.

– Забавно. – Я уже взяла себя в руки и поднялась с земли. – Что-то часто при мне Рона

Джетлисса поминают. Не иначе как мы должны пересечься!

Лицо Миары вдруг стало по-детски шаловливым.

– Передавай привет, когда увидишь! От меня и моих сестер! У нас с ним связаны очень приятные воспоминания...

Мы переглянулись – и расхохотались.

Глава 18

Мы весьма удобно устроились в креслах. Лирин свернулась на коленях у Лефроэля, я уселась напротив них и принялась тихо завидовать. Ну до того они получились гармоничной парой, что даже челюсти сводило! И они отлично это знали.

– Как тут у вас дела идут? – поинтересовалась я. – Ник не появлялся?

– Нет. Зато пришло три письма от верховного волшебника. Уважаемый магистр почтительнейше просит тебя связаться с ним, меня – обеспечить тебе всякое содействие, а потом опять тебя – связаться с ним. Причем в весьма изысканных выражениях.

Я пожала плечами.

– Интересно, что ему надо? Совесть прорезалась?

– Вот уж не знаю. А поговорить ты с ним не хочешь?

– Пока – не хочу! Потерпит пару деньков.

– Это неразумно. Тина, тебе лучше сразу узнать, чего ему от тебя надо, и обезопаситься, – заметил Лефроэль.

Я еще раз пожала плечами:

– До завтра все равно перебьется! А больше ничего интересного не было?

– Рутинка, – улыбнулась мне Лирин. – Лучше расскажи мне о своих приключениях.

– Да у меня тоже сплошная рутина, – пожаловалась я. – Орланда вконец озверела. Покоя не давала, стерва гидроперитная! Хотя было и кое-что интересное...

Мой рассказ, разумеется, со всеми подробностями, затянулся часа на два. Эльфы только покатывались со смеху над моими похождениями. Но когда дело дошло до Минотавра, талисманов и моих ощущений, я вручила Лирин черный медальон – и эльфийка вдруг посерьезнела.

– Лефроэль, посмотри, это – то?

Эльф внимательно разглядывал медальон.

– Не знаю. Если только наложить заклинание речи вещи! Если там есть человек, то он отзовется!

– А мне вы не объясните? – зло поинтересовалась я.

– С удовольствием. – Лирин вернула мне украшение и теперь тщательно отряхивала руки, словно от грязи. Теперь я знала, что это – от чужой магии. Но у меня-то медальон никаких неприятных ощущений не вызывал? Почему так?

– Потому что ты сама волшебница. А я – эльфийка. Наши виды магии принципиально различаются.

– Я что – вслух говорю?

– Нет. Просто ты сперва посмотрела на мои руки, потом на медальон, а потом о чем-то задумалась. Иногда ты бываешь прозрачнее стекла.

– Для друзей – не жалко, – отозвалась я, пристально разглядывая свои ногти. Почему-то очень хотелось вырвать медальон из рук Лефроэля и надеть на себя. Странное такое желание. Я озвучила его – и эльфы переглянулись.

– Тина, я думаю, что верховный волшебник хотел поговорить с тобой именно из-за этого медальона. Ответь ему, а потом мы примем решение.

Я закатила глаза.

- Лирин, это нечестно! Я устала и хочу спать! Ну не то чтобы хочу, но общаться на ночь с этим скорпионом... Но если ты считаешь, что так будет лучше...

- Хорошо, - уступила Лирин. - Но мы ничего не будем делать с медальоном до завтра. Пока ты не ответишь на письмо.

- Договорились.

Лефроэль протянул мне цепочку, и остаток вечера прошел под знаком юмора. Мы шутили, смеялись, рассказывали анекдоты, а я смотрела на Лирина с Лефроэлем - и в душе у меня ковырялась маленькая такая, черненькая такая зависть. До того они были хороши вместе! Как я им завидовала! Раньше и ухом бы не повела, а сейчас челюсти сводило от зависти! Потому что Лефроэль всегда бы вернулся к любимой! Ни на кого другого он просто не смотрел. А если и смотрел, то не видел. Судя по его глазам, для него в мире существовала одна только Лирина. И все! А я так надеялась, что и у меня с мужем будет что-то похожее! Куда там! Щепотка барутты - и Ники предал меня с потрохами! Ну да ладно, мы еще свое наверстаем!

Еще через полчаса эльфы откланялись. Я осталась одна, но вместо того, чтобы уснуть, протянула руку к Междумирианнику. Раньше я бы не рискнула использовать это заклинание, но сейчас - сейчас я могла позволить себе гораздо большее! Моя сила наконец-то была со мной. Вот уж правда, как в сказках, - семь пар сапог железных носила, семь посохов железных истоптала, семь караваев железных изгрызла. Всякое было. И смех, и слезы, и даже любовь.

Я невольно вспомнила Тесея, но растечься киселем себе не позволила. Полагаю, девушки из сада помогут ему забыть о несчастной любви. А там - кто знает? Может быть, он даже женится на Аридене. Малышка смотрела на него с очень знакомым мне выражением. Будет королем, приютит Геракла, повоюет с соседями - и когда-нибудь, лет через тридцать, вспомнит ведьму, ради которой пошел в пустыню, оставив своего царя и свою прошлую, уютную и спокойную жизнь... ох, что-то меня на лирику потянуло!

Я решительно открыла Междумирианник на заклинании говорящей вещи и сосредоточилась на нескольких строчках. Заклинание требовалось выучить наизусть и только потом читать. А как иначе? Это не экзамен по общей генетике, где и списать можно! Это - магия!

Заклинание оказалось неожиданно легким. Но стоило мне начать произносить первую строчку, как я тут же пожалела об этом! Все тело словно судорогой свело, меня мутило, ноги гудели так, словно я только что влезла на Эверест, плечам тоже досталось...

Но упрямство - это моя фамильная черта! Я скрипела зубами, но не сдавалась. Волшебная палочка в моей руке сияла ярким пламенем. И таким же голубым огнем светился медальон.

И, стоило произнести последние слова, как из него раздался голос:

- Помоги! Освободи!

Я чувствовала себя так, словно на мне черти дрова возили! Долго я не выдержу, это точно. Но на один вопрос сил у меня хватит:

- Кто ты?!

- Рон! Помоги! Помоги мне!!!

Голос оборвался. А я сжала кулаки. Рон. А не Джетлисс ли, часом? Или не часом? И что теперь делать?

Хотя что? Все было ясно и так! Я нацепила на себя медальон, рухнула на кровать - и отключилась. Магия вообще выматывает! А я даже после простенького заклинания чувствовала себя так, словно весь день мешки с мукой таскала!

Когда я проснулась, в комнате никого не было, но рядом со мной на столе стоял горячий завтрак. Свежий хлеб, масло, сыр, ветчина, икра, фрукты, зелень и большой стеклянный графин с соком. Все магическое, свежесотворенное и магией же сохраненное до моего

пробуждения. Кто сказал, что из энергии не слепать материи?! Возможно, из электричества действительно не сделаешь лампочку, но из магической энергии, или, как прозвали ее эльфы, маэны, можно сделать все, что угодно! Главное – правильно составить заклинание. Что еще более приятно, от пищи, сотворенной из маэны, не толстеешь, в сотворенном платье не замерзнешь, а сотворенные тобой башмаки никогда не натрут ногу. С другой стороны, на ботинки ты потратишь столько маэны, что проще пойти и заказать их у сапожника. Да и потом, волшебник работает очень просто. Снимает матрицу с вещи, а потом по матрице составляет заклинание. И сколько ботинок можно так обработать? Максимум – двое. Зимние и летние. И только на свою ногу. И только одного фасона. Две пары разных ботинок – два разных заклинания. Иначе это уже не волшебник, а обувной магазин. Я облизнулась на поднос с едой – и отправилась в ванну.

Когда я, проснувшись и готовая к подвигам, вышла в комнату, там уже находилась Лирин. На этот раз почему-то одна. Эльфийка нервно жевала бутерброд с ветчиной. Я присела напротив и взялась за нож.

– Привет. Что случилось?

– Я получила еще одно письмо от верховного волшебника. Он просто в истерике. Тина, что ты успела натворить?

– Да ничего, клянусь своим хвостом! – возмутилась я. – Только попыталась пококетничать с медальоном, а он меня отшил!

– Неужели? Как он мог! И что же он сказал?

Я вгрызлась в бутерброд с икрой, прожевала и криво улыбнулась.

– Он просил о помощи.

– И все?

– Почти все. Еще он назвал имя. Угадай какое?

– В другой раз. Ну?!

– Рон.

Имя упало кирпичом. Лирин побледнела. Я жевала бутерброд, не мешая ей просчитывать ситуацию.

Эльфийской головной боли хватило еще на три бутерброда и стакан сока.

– И что ты теперь собираешься делать?

– Не знаю, – честно призналась я. – Поговорю с верховным волшебником.

Эльфийка расслабилась и улыбнулась.

– Я боялась, что ты с ходу заорешь: «Свободу попугаям!»

– Я бы и заорала, – честно призналась я. – По мне даже смерть лучше такого заточения. Но я не знаю, не нагадят ли милые птички мне на голову.

– Какая очаровательная аллегория. Когда говорить будешь?

– Хочешь присутствовать?

– А то!

Я поглядела на часы.

– Дай мне час – и я буду готова без двадцати одиннадцать. Идет?

– Маловато времени просишь, – съехидничала эльфийка.

Я пожала плечами с самым невинным видом.

– Если будешь общаться с друзьями – держи себя в парадной форме. А если с врагами – будь просто неотразима!

– Ах, вот оно что! Самолюбие проснулось?

Я покраснела. Ну, в общем, если честно... Проснулось! Достала меня эта сволочонка Орланда до пробуждения всех худших качеств! Еще немного – и я начну курить и материться на улице! Эльфийка несколько секунд разглядывала меня, а потом смилостивилась:

– Ладно, уж... Хорошее чувство, давно пора было его растолкать! Прислать к тебе гримера?

Я почесала нос.

– А почему бы нет? Я должна произвести хорошее впечатление на этого... верховного волшебника.

Лирин улыбнулась и исчезла за дверью.

Я задумчиво перебирала содержимое шкафа. Хотелось выглядеть жутко очаровательной стервой. А с эльфийскими платьями это было легче легкого. Трудность заключалась в выборе. Глаза разбегались. В итоге я остановилась на длинном серо-зеленом платье, в цвет моих глаз. Длинное, строгое, закрытое – спереди. Сзади у него как раз были два овальных выреза. Один на спине, второй – на попе. Так что трусы под это платье не наденешь. И если стесняешься своего тела – тоже в него не влезешь. Дело в том, что у эльфов своеобразное отношение к наготы. Они могут расхаживать голыми где угодно и когда угодно, и никто никогда не скажет им, что они нарушают правила приличия. Никто и не заметит и не подумает. У эльфов нагота так же обычна, как и одежда. И это платье считается очень скромным. Какой там вырез! Видел бы кто очаровательный наряд из золотой рыбацкой сети, который как-то раз нацепил на себя Лефроэль. Я вот глянула на него мельком – и потом час приходила в себя! Почему? Ну потому! Сетка просто украшала эльфа, но ничего не скрывала. И плавки под этим нарядом тоже не предусматривались. На любом другом он смотрелся бы жутко. Но Лефроэль носил его с таким спокойствием и достоинством! Он мог бы в таком виде появиться и на улицах Москвы. И ему не было бы стыдно. Изрядный кусок времени я потратила на мелкую зависть к Лирин. Повезло же ей такого парня отхватить! Потом я натянула платье, и как раз вовремя. В дверь постучали, и вошел молодой эльф со здоровенным чемоданом в руках.

– Под кого гримировать будем?

Я улыбнулась.

– Под очаровательную стерву.

– Тогда я могу идти? – польстил мне эльф.

– Может быть, я и стерва, но до очарования мне далеко. Но вы же мне поможете?

– Разумеется!

Эльф оказался просто волшебником. Спустя сорок минут из зеркала на меня смотрела женщина, в которой я даже не сразу признала себя. Платье делало мою фигуру тоньше, выше и изящней, глаза отливали зеленью, волосы улеглись в сложную высокую прическу, а лицо было так искусно подрисовано, что косметика казалась натуральными красками. Само очарование. Но такая стерва!

Я рассыпалась в комплиментах визажисту, а он – мне, и ровно через десять минут я входила в зал, где меня уже ждали Лирин и Лефроэль. Эльфы сидели так, чтобы их не было видно, и смотрели на меня. Я вздохнула, встала в очерченный золотой краской круг – и сломала печать на втором письме. Прямо передо мной появилась призрачная фигура верховного волшебника. Отвесила изящный поклон и заговорила:

«Госпожа Тина, я приношу вам свои самые искренние извинения за недопустимые поступки моей дочери. Уверю вас, я никогда не хотел вашей гибели. Более того, я рад был бы учить вас волшебству. Вы невероятно способная и везучая женщина. И к тому же очаровательная. Знаете, я всегда считал, что Ник не заслужил ни вашей любви, ни вашей верности. Не уверен, знаете ли вы, что он изменил вам с моей дочерью под действием барутты, но спешу уверить вас, что его душа принадлежит только вам одной. Это вызывает сильнейшую ярость Орланды, отсюда же, из ревности и зависти, проистекают все ее выходки...»

Я прищелкнула пальцами.

– Выходки? Сильно сказано. Учитывая, что меня хотели просто прикончить!

«...поскольку я никогда не желал вам зла, я полагаю, что у нас найдется несколько тем для обсуждения. Госпожа Тина, то есть я полагаю, к этому моменту уже взари Тина, не сочтите за труд связаться со мной для прямого разговора не через письмо. Я готов побеседовать с вами через зеркало, телепатически или просто встретиться с вами в любом удобном для вас месте в присутствии людей, которым вы доверяете. Прошу вас уведомить меня о вашем решении как можно скорее. Со своей стороны, заявляю, что согласен на любое место и время разговора, которое вы назначите.

Искренне ваш, верховный волшебник».

Я фыркнула и вышла из круга. Мне требовалось несколько секунд на обдумывание и так, чтобы меня никто не слышал. Ну, разве что Лирин с Лефроэлем. И как это я так успела с ними подружиться?

– Интересно, что надо от тебя этому старому скунсу? – начал Лефроэль.

– Я бы не стала так оскорблять животных, – заметила я.

– Медальон, который ты привезла из мира Двенадцати Дев, – припечатала эльфийка.

Я покусала ногти. Медальон. Понятное дело, что он важен. Но чтобы настолько? Да кто помешал ему просто прикончить меня и забрать украшение? Что я и высказала вслух.

Лирин пожала плечами.

– Тина, ты прелесть и классная девчонка, ты сильна, и из тебя получится крутая волшебница, но в теории магии ты полный профан.

– А то я сама не знаю!

– Ты можешь не знать и чего-нибудь еще. Скажем, ты могла, сама не заметив, замкнуть медальон на себя. Например, на свою смерть! Или на свою кровь, что более вероятно. Или просто – на себя. Ярость, знаешь ли, в клочья рвет любые цепи. Ни для кого это не бывает так справедливо, как для волшебников. Именно в ярости даже самый слабый волшебник может натворить такого, что сорок сильных не разгребут. Допустим, тебя схватили по приказу Орланды, ты не сомневаешься в том, что это ее приказ, у тебя отобрали медальон и собираются убить, потому что, пока ты жива, ты будешь представлять для нее угрозу. Что ты почувствуешь?

Я пинком отбросила длинный подол платья.

– Что? Да то самое!

Даже при одной мысли о подобной ситуации мне стало плохо. Ярость прокатилась по всему телу, горячая, как раскаленная лава, обжигающая и превращающая меня из человека в животное. Комната замутилась красным, или это просто у меня в глазах потемнело? Гремел гром – или просто кровь грохотала у меня в ушах?

– И что же? – Голос Лирин вернул меня к реальности.

Я поежилась.

– Ты права, Лирин. Вся моя сила, все мысли были бы только об одном. Я просила бы

Бога, Дьявола, предлагала бы жизнь и душу за одно: придите хоть кто-нибудь – и отомстите за меня. Моя душа меня не волновала бы. Да и жизнь тоже.

– Так-то. – Эльфийка была очень довольна. – Одна мысль, а ты уже готова разнести в щепки мой многострадальный дворец. А если бы это оказалось реальностью?

Я покраснела и опустила глаза.

– Извини. Я не хотела. Сорвалась.

– Бывает. Я бы тоже сорвалась. Так что ты хочешь делать?

Я пожала плечами.

– А что тут хотеть? У вас же наверняка есть комната для сеанса связи через зеркало?

– Есть. Но это опасно для тебя.

– Пока я не преступница, верховный волшебник не сможет причинить мне никакого вреда. Я ведь не нарушила никаких законов?

– Да. Но ты и непризнанная волшебница. Тебя все еще можно убить.

– Уже нет. Миара, это старшая из сестер, охраняющих яблони, сказала мне, что о моем выборе узнают все волшебники – и тотчас же. Так что я в безопасности. Вряд ли верховный решится прикончить меня, а потом заменить на какую-нибудь свою родственницу.

– Мне бы твою уверенность, – вздохнула Лирин. – Но ты приняла решение?

– И окончательное.

– Будешь говорить прямо сейчас?

– Да. Пока я не остыла от своей вспышки.

Эльфийка улыбнулась.

– Тогда я приглашаю тебя в мой зал зеркальной связи.

Залом я не пользовалась еще ни разу. Но ничего особенного в нем не было. Средних размеров комната, примерно десять на двадцать метров, в стене здоровенное зеркало в три моих роста. Ширина такая, что восемь меня могут встать в ряд, держаться за руки и отражаться в нем без напряжения. И даже не очень прижиматься друг к другу. Перед зеркалом на полу обведен полукруг той же золотой краской, и стены и пол нежно-голубого цвета. Эльфийка выглядела на этом фоне просто потрясающе. Я – не так чтобы очень. Оттенок платья не тот. Лирин посмотрела на мою огорченную физиономию, пробормотала несколько слов и прищелкнула пальцами. Теперь стены зала стали нежно-зелеными, почти акварельными.

– Так лучше?

– Спасибо большое, – искренне ответила я и опять развернулась к зеркалу.

Рядом стояло здоровенное кресло-трон. Наверное, для впечатления. Я решила им не пользоваться. Проще заставить верховного волшебника встать. Или вообще глядеть на него сверху вниз.

Я потопала ногами в новых туфлях. Нет, туфли не жали. От эльфийских изделий такого не дождешься. Но я нервничала. Эльфы наблюдали за мной с понимающими усмешками. Они расположились в небольшой нише рядом с зеркалом, так что их не было заметно, и собирались, по выражению Лефроэля, прослушать весь концерт с начала и до чье-нибудь конца. Очень не хотелось этого делать, но выбора не было. Я вздохнула поглубже и начала произносить заклинание зеркальной связи. Это оказалось неожиданно несложно. Даже силы совсем немного ушло. Зеркало помутнело и подернулось белой пеленой. Миновало не меньше десяти минут, прежде чем в нем появилось отражение.

Верховный волшебник сидел в кресле перед таким же здоровенным зеркалом. На первый взгляд он был совершенно спокоен, но я чувствовала в нем какой-то надлом, вроде бы как неуверенность. С чего бы так? Он же считается самым крутым?

– Добрый вечер, госпожа Тина.

Я смерила его удивленным взглядом.

– Сидите в присутствии дамы, господин волшебник? Фи, как это невежливо!

Смутиться он не смутился, но из кресла встал и даже отвесил мне легкий поклон. Гм, сильно же его припекло, что он так раскланивается.

– Всегда рад вас видеть, госпожа Тина.

– Добрый вечер, господин верховный волшебник, – подхватила я игру. – Я получила ваши письма и решила переговорить с вами лично. Что вам угодно?

– Прежде всего, я хотел бы принести вам извинения за свою дочь, – вздохнул волшебник. – Понимаете, Тина, она действительно вела себя недопустимо по отношению к вам, но она моя дочь, мое дитя. Я не должен был ей потакать, но она – единственное, что осталось мне от ее матери. Я слишком люблю ее, чтобы позволить кому-то убить. И вам тоже. И я помогал ей, как мог, не нарушая при этом никаких законов.

– Я еще и посочувствовать вам должна?

Получилось так, как я хотела. Насмешливо и спокойно. Не зло, нет, но ехидно. Я не обязана понимать его и вытирать слезы. Тем более что они ненастоящие. Наверняка.

– Я не прошу вашего сочувствия. Только понимания.

– Не стоит. – Я прошлась перед зеркалом, шурша платьем. – Я не стану вникать в ваши чувства. Вы сделали меня своим врагом. А жалеть врага – глупо!

Плечи волшебника поникли. Он казался таким несчастным, что я даже начала смягчаться. Ненадолго. Секунды на три. Потом опомнилась и взяла себя в руки.

– Я действительно ничем не могу заслужить ваше прощение?

Я коротко рассмеялась.

– Можете. Но не сделаете.

– Скажите мне ваши условия – и я скажу, могу ли я принять их. Верю, что вы не предложите мне ничего недостойного.

Ну, ты сам напросился. Я подняла руку с вытянутыми пальцами.

– Первое, – загнула я большой палец. – Вы возвращаете мне мужа. Второе, – за ним последовал указательный, пальцы сомкнулись в кольцо. – Орланда должна быть выдана вместе с ним, в качестве приложения. И ее жизнь будет в моих руках. Слишком часто она пыталась убить меня, чтобы я спустила ей.

Вообще-то я не собиралась убивать эту паршивку. У меня была идея похуже. Я хотела обрить ее магическим путем, так чтобы она пару столетий проходила лысой. И как следует выпороть. Чтобы эта стервочка неделю на зад сесть не смогла. Но ее отцу я об этом не сообщила. Еще чего не хватало!

– Разумеется, – я загнула еще один палец, средний, – вся эта чушь о рождении ребенка от моего мужа и вашей дочки должна быть немедленно отменена. Хотя это и так произойдет. Не сомневаюсь. Четвертое. Я должна немедленно получить грамоту, в которой вы признаете меня полноправной волшебницей, со всеми правами и обязанностями. Есть еще и пятое условие, но о нем позже, если вы согласны на остальные четыре.

– Госпожа Тина!

Я очаровательно улыбнулась. Блеснули клыки. Смешно, но по возвращении домой, то есть в эльфийский мир, я решила слегка отрастить их. Не до вампирских размеров, конечно, у тех клыки по три сантиметра бывают, а так, слегка, сантиметра на полтора. И заострить. Для стиля.

Лириной одобрила, показала мне заклинание – и уже сейчас моя улыбка производила впечатление на неподготовленных людей. К ним же отнесся и верховный волшебник. Он онемел на несколько секунд – и я получила возможность закончить свою речь:

– Вообще-то стоило бы поднять на совете вопрос о лишении вас титула верховного волшебника. Я отлично знаю, как проходит эта церемония, и знаю, что вы даже отказались от имени и от всего прошлого, которое оно символизировало. Но все равно остались больше отцом, чем верховным волшебником. Да если бы кто-нибудь другой посмел натворить то же, что ваша дочка! Вы бы его гвоздями к стене прибили, а мне бы руки целовали, умоляя не гневаться на болвана! Миара мне многое рассказала! – Я на миг отвернулась от зеркала и потрясла головой, чтобы успокоиться. Бешенство не входило в мои планы. Хотя, когда я повернулась, физиономия верховного волшебника с лихвой вознаградила меня за все, что я претерпела от визажиста. У него были такие выпученные глаза! Еще немного – и они бы на стол выпали. Я невольно зафыркала. – Кажется, вам понравилось мое платье, монсеньор?

Надо отдать должное волшебнику, он мгновенно пришел в себя.

– Ваше платье очаровательно. Хотя и вполтину не так очаровательно, как его хозяйка.

– А вы умеете говорить комплименты. Мне платье тоже понравилось. Особенно вырезы. Так что насчет моих условий?

– Я готов согласиться на все условия кроме второго, – тут же откликнулся волшебник. – На второе тоже, если получу гарантии безопасности для моей дочери. Без физических или психических неизлечимых увечий. Если вы пообещаете, что будете держаться в рамках, я отдам вам Орланду на любой срок. – Верховный волшебник глядел на меня – и я вдруг увидела в его глазах глубокую, неподдельную тоску. – Я хотел, чтобы моей дочери принадлежали все миры, Тина, но она так и не поняла, что у других может быть свое мнение по этому поводу и свои возможности его отстаивать.

Я бы даже пожалела несчастного, но это было не в моей роли. Я – стерва, стерва, стерва, черт побери!!!

– Никаких гарантий.

Но что-то все же промелькнуло у меня на лице.

– Вы не убьете ее, Тина. Вы не жестоки. И даже сейчас она вам не нужна. Это просто... тяга к справедливости. Я согласен на все ваши условия.

Я скрипнула зубами. Это ж надо – так проколоться! Ну ничего! Я сейчас возьму реванш!

– И на последнее тоже?

– На последнее? Я пришлю вам грамоту немедленно!

– О нет! Сейчас я не о грамоте! Помните, я говорила, что скажу о пятом условии только после того, как вы согласитесь на четыре предыдущих.

Лицо волшебника оставалось безмятежным.

– Да, я слышал вас. Что же это за условие?

Я запустила руку в карман платья и достала тяжелый черный медальон.

– Это!

Волшебник даже дышать перестал, впившись глазами в черную железку.

– Простите, Тина?

- Не прощу! Мое пятое условие, - я продемонстрировала зеркалу крепко сжатый кулак, - так вот, мое пятое условие - свобода и жизнь для этого волшебника!

Наши глаза встретились - и мы словно читали мысли друг друга. В голове верховного волшебника была каша из мыслей и чувств. Он так надеялся, что я не знаю или не придаю значения, так хотел получить эту игрушку, так многого хотел, - а теперь я грохнула ногой по его планам. А в моих глазах было только торжество. Я все рассчитала правильно! Он не посмеет отрицать! Он и не стал.

- Тина, а вы знаете, о ком вы просите?

- Да, разумеется.

- И о ком же?

Я широко улыбнулась.

- Вчера я применила заклинание разговора с вещью. Этого волшебника зовут Рон Джетлисс.

Йес! В десятку!! В яблочко!!! Верховный волшебник выглядел так, словно я его касторкой напоила и кое-куда затычку вставила.

- А вы знаете, что он совершил?

Нет, но все равно не сознаюсь.

- Да!

- И вы просите за него?!

Ну надо же мне как-то с тобой погавкаться, чтобы потом с невинным взглядом заявить: «Дяденьки, это была чистая самооборона!» А лучше предлога и не найдешь!

- Но вы же просите за свою дочь?

- Этого не будет!!! - сорвался несчастный.

К общению со мной не может приучить никакое волшебство! Валерьяночки бы ему!

- Да?

Я смотрела на него невинными глазами.

Нервный волшебник с огромным усилием взял себя в руки.

- Простите, Тина, я сорвался. Но вы должны понимать, что если четыре первых ваших пожелания были приемлемы...

- И вы согласились на них только для того, чтобы вытащить у меня эту игрушку...

- То это уже ни в какие ворота не лезет! Я не могу освободить государственного преступника!

- Но можете покрывать его? Чем одно лучше другого?

- Тина!

Я запрокинула голову и расхохоталась.

- Вы не согласны на мои условия? Хотя что я спрашиваю! Да, но не на пятое! А оно для меня важнее всего! Итак - сделка не состоится!

Верховный волшебник побледнел. Глаза его стали злыми и холодными. Я не испугалась. Я улыбалась по-прежнему. Теперь мой враг сбросил маску - и я могла не церемониться с ним.

- А может, сделка состоится на моих условиях? - процедил верховный волшебник. - Тина,

я предлагаю вам немедленно прибыть в мой замок и вернуть мне медальон с заключенным в нем преступником. В этом случае я соглашусь выполнить ваши четыре условия. Так уж и быть! В противном же случае я объявлю вас такой же изменницей, как и Рон Джетлисс. И каждый волшебник на вашем пути вынужден будет убить вас. И сразу же направлю послание к эльфам. Между нами до сих пор действует соглашение о выдаче и взаимоуничтожении преступников. Вы могли воевать с моей дочерью, но не со мной. Кишка тонка!

Я покусала губы. То, что он говорил, было разумно, но сдаваться я не привыкла. А было и еще кое-что. Нечто, в чем я не хотела сознаваться даже себе.

– Мне нужно время, чтобы все обдумать.

– Сколько?

– Десять минут хватит, – пожала я плечами. – Хотя нет, лучше пятнадцать!

– Хорошо. Десять минут.

Я резко хлопнула в ладоши, обрывая связь, и сошла с круга. И тут же бросилась к Лирин.

– Ты слышала?

– Да.

– И что ты мне посоветуешь?

– Отдать ему медальон. Если бы не пятое условие, вы бы уже поладили. И потом, у тебя действительно не хватит сил, чтобы справиться с верховным волшебником.

– У меня – нет. А у Рона?

– У него хватило бы и на большее.

И в этот миг я приняла решение.

– Лирин, у меня к тебе большая просьба.

– Да?

– Мне нужно заклинание вывода человека из талисмана. И мои книги, и мои вещи. Я ничего не разбираю. Ты можешь приказать принести их сюда?

– Могу. Что ты хочешь сделать?

– А ты не догадываешься?

– Даже ты не можешь быть так глупа!

– Могу, подруга. И не надо меня осуждать. Я и сама знаю, что дура.

Я ждала упреков и возмущения, но Лирин вдруг рассмеялась.

– Знаешь, может, ты и дура, но пока что вся твоя глупость приводит только к положительным результатам. Я уже приказала слуге принести твои вещи. Он будет здесь через минуту.

– Отлично.

– Сейчас доставят книгу из библиотеки, в которой подробно описан весь процесс ревоплощения человека из предмета, – произнес Лефроэль, глядя в потолок. – Я буду ждать весточки от тебя. Я приготовил для тебя еще кое-какую литературу, но полагаю, что после ревоплощения Рон с удовольствием даст тебе парочку уроков.

Я тоже так полагала. Кстати, о книгах...

– А меня нельзя будет найти по этим предметам? – забеспокоилась я.

- Можно. Но если ты сделаешь все достаточно быстро, ты сможешь отправить их обратно и телепортироваться в другой мир.

- Разумно.

Я бросила взгляд на часы. Восемь минут. То есть уже семь с половиной. Шесть. Передо мной материализовались мой рюкзак и большая сумка. Рядом из воздуха появились три книги. Мой родной Междумирианин и два учебника из эльфийской библиотеки. То есть один из библиотеки, а второй – непонятно откуда.

- Это мой собственный, – пояснил Лефроэль. – По нему тебя отследить не получится, так что пользуйся.

- Основы магии, – прочитала я, запихивая знания в сумку. – Спасибо.

Я чмокнула эльфа в щеку, крепко обняла Лирин и подхватила баулы.

- Счастливо оставаться, ребята. Совет да любовь. Вообще-то я собираюсь вернуться к вам в гости, но если что не так – я вас обоих очень люблю. Знаете, никогда у меня таких друзей не было! Вы просто прелесть. И пара отличная. Отвернитесь, чтобы потом не знать, куда я направилась.

- Как прикажешь.

Лефроэль и Лирин отвернулись и взялись за руки. Я зажмурилась и начала заклинание перемещения.

Верховный волшебник ждал пятнадцать минут. Потом еще полчаса. Потом – час, боясь поверить в подобную глупость. А потом решил отправить послание эльфам. И на экране появилось лицо эльфийской королевы.

- Лиреанделон рэ-Аллиерэн кавэрэ Меарилэннон, – произнес он. – Рад вас видеть.

- Я тоже рада, – ответила Лирин. – Что вам угодно, сеньор?

У верховного волшебника захолонуло в груди. Неужели эльфы решили не выдавать ему эту мерзавку?! Тогда он вынужден будет или смириться, или начать войну! Но начать войну он не сможет! И прощать остроухим такое оскорбление нельзя! Как же быть?!

- Меня интересует непризнанная волшебница по имени Тина, которая находилась в вашем мире, – наконец решился он. – Ваше величество, я хотел бы поговорить с ней.

- Клянусь Вечным Лесом, что женщины, которую вы называете Тиной, в моем мире нет и я не знаю, где она находится, – с самым невинным видом откликнулась Лиреанделон.

К ознобу в груди прибавилось покалывание в кончиках пальцев.

- Вы хотите сказать, ваше величество, что она ушла?

- Тина не была пленницей в нашем мире. Она была гостьей и могла прийти и уйти в любой момент.

- А она ничего не оставила? – в последней надежде поинтересовался верховный волшебник.

Красивые губы эльфийки тронула легкая улыбка. Само совершенство! Стерва остроухая!

- Она просила кое-что передать вам на словах, сеньор.

- И что же, ваше величество?

- «Кто с мечом к нам придет, того мы мордой об стенку. Оревуар».

- Простите?

- Это я цитирую дословно. Что именно имела в виду Тина – я не знаю. Хотя и могу предположить. Но вам, наверное, лучше проконсультироваться с ее мужем.

– И вы, ваше величество, даже не знаете, куда она могла направиться?! Я же помню, что на границе вашего мира стоит специальное заклинание, которое отслеживает все перемещения!

– А я даже помню, сколько сил затратили наши маги, чтобы его установить, – пожала плечами эльфийка. – Но вам это не поможет. Видите ли, Тина отправилась в другой мир по блуждающему вектору.

– Ох!

Верховному волшебнику стало по-настоящему плохо. Блуждающий вектор?! Да он сам на такое не решится! Только самые безбашенные волшебники пробуют так перемещаться! И то далеко не все.

Для такого перемещения нужна огромная сила. У молодых волшебников ее просто нет, а у более взрослых появляется любовь к жизни. Они не станут так рисковать. Да и незачем им! А эта клятая девчонка рискнула! И, может быть, даже выиграла!

– Так она мертва?

– Что вы! – искренне возмутилась Лирин. – Как это – мертва?! Я бы почувствовала!

– Ваше величество? Так вы можете чувствовать, где она и что с ней?

– Нет.

– Но вы же сказали...

– Я сказала только то, что сказала. Тина жива, и я в этом твердо уверена. И не более того.

– Но как же так, ваше величество?

От Лирин веяло поистине аристократическим холодом. Льда в голосе эльфийки хватило бы на пару миров. А надменности – и на всех волшебников планеты. Королева до кончиков ногтей, Лирин отлично знала, как и с кем себя поставить.

– Она моя гостя. Вы хотели что-нибудь еще узнать, сеньор?

– Нет, ваше величество, – ответил совершенно деморализованный волшебник.

Лирин одарила его надменным и равнодушным взглядом.

– Тогда прощайте, сеньор.

– Прощайте, ваше величество.

Лирин отключилась.

Лефроэль смотрел на нее с восхищением.

– Лирин, а с Тиной правда все в порядке?

Эльфийка улыбнулась и выудила из кармана несколько темных волосков.

– Это осталось на расческе. Тина была немного неосторожна во время своего первого визита. Она, безусловно, жива.

– Получается, что ты можешь найти ее?

– Могу.

– И не сказала верховному волшебнику!

– А он меня не спрашивал!

Лефроэль рассмеялся, подхватил эльфийку на руки и закружил по помещению.

- Лирин, какая же ты у меня!

- Какая? - поинтересовалась эльфийка, обнимая своего любимого за шею.

- Восхитительная! Умная, красивая, обаятельная, просто самая лучшая женщина всех миров и народов! - честно ответил эльф. - И я тебя очень-очень люблю!

- Я тебя тоже люблю, - призналась Лирин.

Верховному волшебнику в этот момент было гораздо грустнее.

Сперва он немного побесился в кабинете. Кабинет после этого переделке уже не подлежал. Проще было разрушить и построить новый. Все равно половины стен не осталось.

Ну куда, черт возьми, куда могла улетучиться эта клятая ведьма?! Да еще и с Роном Джетлиссом! Одна надежда, что она его освободить не сможет! Хотя какая там надежда! Слезы горькие! Сумела же она как-то освоить самую сложную телепортацию из всех возможных! Значит, и все остальное сможет. Стерва!

Что же теперь делать?!

Решение пришло в ту же минуту. Надо было спросить Ника. Должен он знать свою жену?! Обязан! Показать ему запись разговора - и выслушать комментарии. Верховный волшебник прищелкнул пальцами - и в один миг оказался в камере у Ника.

Ник на непосредственное начальство внимания не обратил по очень простой причине. Он трахался с Орландой. Барутта все еще функционировала, а волшебница решила оторваться за все семьсот лет своей жизни, пока не явилась злая Тина и не отняла любимого человека. Давно верховный волшебник не попадал в такую глупую ситуацию.

И он сделал первое, что пришло в голову. Хлопнул в ладоши. И не просто так. На любовников вылилось несколько ведер ледяной воды.

Орланда завизжала.

Ник оказался покрепче и только дернулся всем телом. И кое-как отстранился от женщины.

- Монсеньор?

- Папа!

- Замолчите оба, - приказал верховный волшебник. Нагота собеседников его не смущала. - Ник, я только что говорил с твоей женой. Посмотри и скажи, что ты об этом думаешь.

Ник повиновался. Потом, когда все закончилось, несколько минут молчал. И наконец уточнил:

- Пятнадцать минут уже прошли?

- Да.

- Ну, тогда можете особо не напрягаться. Вэл уже удрала куда-нибудь, куда Макар телят не гонял. Или можете звать меня веником.

Верховный волшебник с неудовольствием заметил, что Ник чертовски доволен. И вздохнул.

- Твоя правда. Она удрала. И я даже успел поговорить с королевой эльфов. Твоя жена воспользовалась блуждающим вектором.

- Серьезно? - обрадовался Ник. - Ну, сильна малышка!

- И что тебя так развеселило?

Верховный волшебник готов был сорвать злость на первом, кто под руку подвернется, но Ник это понимал не хуже его и шансов не дал. Никаких.

– А вас это не радует? Волшебнице без году неделя, она только пару дней как иницировалась, а уже такими заклинаниями ворочает! Ничего не знает, а в блуждающих векторах разобралась! И это сейчас! А что будет, если ее немного подучить?! Да она горы свернет!

– Угу, и нас ими накроет, – встряла Орланда. – Папа, как ты мог меня ей отдать?! Как ты мог на такое согласиться?!

– Сколько я знаю свою супругу, – ехидно улыбнулся Ник, – ничего особенного она бы с тобой не сделала. Только стерилизовала и слегка изуродовала. Или не слегка. Но вряд ли тебя это испортит.

«Дальше уже некуда», – читалось в его глазах.

– Ах ты, гад! – взвизгнула Орланда и попыталась расцарапать возлюбленному лицо. Не получилось.

Верховный волшебник ловко перехватил ее заклинанием и отбросил на край кровати.

– Сиди тихо, не то сам тебя изуродую! Втянула меня в такое! Убить тебя мало!

– Папа!

– Молчать!

Больше возражений со стороны Орланды не последовало. И верховный волшебник перевел взгляд на Ника.

– Продолжай.

Ник небрежно пожал плечами.

– А тут продолжать нечего! Развели вас как лоха! Кинули! И все тут! Вэл и не хотела с вами мириться! Если бы она желала мира, она бы вела себя совсем по-другому! Нет, она сперва выставила вам заведомо невыполнимые по ее меркам условия – кто же в здравом уме и в твердой памяти отдаст своего ребенка на муки! Вы отдали. Но что Вэл будет делать с вашей выдрой? Она не привыкла карать своей рукой! Я бы помог ей, но меня она видеть сейчас не захочет. Это точно. Тогда она пробует еще одно условие. И вы ломаетесь. Вам надо было соглашаться. Хотя... вряд ли это что-нибудь изменило. Вэл хотела войны, она ее получила и ушла в партизаны. И будет пакостить вам, пока не призовет к ответу законным путем.

– А освободить Рона она сможет? Как ты думаешь?

– Вэл в припадке ярости сможет все и немножечко больше. У самой силы не хватит – найдет, займет, купит, жертвопринесет – да все, что угодно! Вы сами сделали ее своим врагом. Сами и хлебайте!

– Она кое-что просила передать мне, – вспомнил верховный волшебник. – Кто с мечом к нам придет, того и мордой об стенку. Оревыар. Что это значит?

– Оревуар? – уточнил Ник.

– Да.

– Тогда все просто. Вэл считает себя оскорбленной стороной и собирается мстить, не разбирая дороги. А оревуар... Это такое французское слово. До свидания.

– До свидания?

– Думаю, она сказала, что хотела. Жаль, что сроки не назначила.

– А могла бы?

- Наглости бы хватило. Это же Вэл!

Верховному волшебнику все уже было ясно. Но он не удержался от одного вопроса:

- Слушай, как ты ее не удавил?! Она же просто стерва!

- Я ее люблю, - просто ответил Ник.

- Тьфу!

Перспективы у верховного волшебника были, мягко говоря, нерадостными. Где искать эту чокнутую ведьму, как отобрать у нее медальон с заточенным и как потом расхлебывать всю эту ситуацию?! С одной стороны - она уже полноценная и полноправная ведьма. И обязана ему подчиняться. С другой стороны - он и не выдвинул ей никаких требований. Она может с невинным видом отрицать все обвинения. И наказывать ее пока не за что. Тина ведь и не обязана ему доверять. Сколько ей пакостей его дочурка учинила - кому другому на всю жизнь хватило бы. И ведь никак ее теперь не разыщешь. Если бы все шло положенным путем, Тина, побывав в саду Двенадцати Дев, явилась бы к нему в замок. Он снял бы слепок ее сознания - и смог бы найти волшебницу в любом мире, где бы она ни оказалась. Она этого не сделала - совершенно справедливо. А искать безумную женщину во множестве миров, не имея ничего, вообще ничего, никаких ориентиров, искать после того, как она прыгнула в неизвестность по блуждающему вектору, - это даже не смешно. Это поиск даже не иголки в стогу сена, а песчинки на дне океана. И даже если она применит свою силу - это ничего не изменит. Откуда верховный волшебник узнает, что это именно она, а не шаман Юкка-три-пальмы очередного недоразвитого народа?! Да и потом, отслеживать все проявления силы в бесконечном множестве относительно подходящих для человека миров...

Не смешите мои подковы! Это будет не под силу всему сообществу волшебников, не то что одному верховному взари.

Верховный колдун выматерился так, что небу над головой стало жарко.

В такие дни ему просто не хотелось жить. Он махнул рукой на Ника и дочь и перенесся к себе. В баре у него в комнате стояло одно универсальное средство от всех забот. Водка, конечно, ничего не решала, но как хотелось отдохнуть от всех проблем! Хотя бы на пару часов!

Глава 19

Я плюхнулась на задницу и прекратила орать. Надоело, наверное. А орала я с того исторического момента, как активировала новенькое, ни разу не деланное раньше заклинание блуждающего вектора. И было с чего. Даже в книге предупреждали, что это очень сложно, опасно и вообще, если вы не хотите, чтобы вас выследили, лучше всего применить заклинание стирания следов. Это было бы прекрасно, но, во-первых, оно в книге не приводилось, а во-вторых, я знала, что это ритуал минимум на час. Опытному магу, конечно, меньше, но я-то еще ноль без палочки! Хотя нет! С палочкой! Волшебной! Но от этого мне не легче! Потому что заклинание я составляла в первый раз. А оно сло-ожное! И противное. Напоминает прыжок с поезда с закрытыми глазами! Совершенно не знаешь, куда ты прыгаешь, куда летишь и во что врежешься! Можно влечься в мягкое одеяло, а можно в сосну или вообще в воду. Блуждающий вектор потому и блуждает, что даже сам творец заклинания не знает, куда его вынесет в конце концов. Можно задать только три условия, а потом из бесконечного множества миров заклинание выберет не первый и даже не второй, а где-то N-попавшийся, где N – от единицы до бесконечности. Мои условия были просты. Мир должен быть с человеческим населением, не обязательно полностью, но хотя бы процентов на тридцать, чтобы я могла там затеряться, с приличной магической силой, чтобы я могла колдовать, и с быстрым течением времени, чтобы там прошел месяц, а тут – день. Месяц – вовсе не обязательный срок. Можно и неделю, можно и год. Коэффициенты потом рассчитаю, благо шпаргалка есть. Лишь бы было время и магия. А дальше – посмотрим.

Смотреть пришлось гораздо ближе и быстрее. Полет по блуждающему вектору вообще удовольствие ниже среднего, но в этот раз даже приземление было на уровне! Меня просто в один прекрасный момент схватило – и выдернуло, как морковку с грядки. И я даже не знала – положено так или это опять какая-то пакость руку приложила.

Я крепко приложилась копчиком о холодные камни – и выругалась. Мата хватило минуты на три. Потом я открыла глаза – и захлебнулась.

Вокруг был город.

Был.

Город.

Когда-то.

И очень недавно.

А теперь его не было.

Никогда в своей жизни я не видела ничего подобного. И дай мне все боги вселенных никогда и не увидеть. Потому что это был город мертвецов. Я видела каменные дома, мостовые, черепичные красные крыши – город выглядел как картинка из детской книги. А еще всюду меня окружали трупы. Они лежали на мостовых вперемешку. Мужчины, женщины, дети... Все – убиты. Ни одного живого. И у всех – чудовищные раны. Отсеченные руки и ноги, отрубленные головы, выпотрошенные животы. У ближайшего ко мне человека была попросту срублена половина головы. Вместе с черепом и скальпом. И половиной лица. Это был молодой еще мужчина, лет тридцати. И он даже не брился этим утром. Он лежал на расстоянии вытянутой руки от меня – и я отчетливо видела черную тень щетины на его лице.

На том, что осталось от его лица.

О Господи!

Я отвернулась, пытаясь справиться с тошнотой. И у меня даже получалось. Несколько секунд. А потом мой взгляд упал на женщину с отрубленной рукой и распоротым животом. Над ее телом клубились жирные зеленые мухи. Они то взлетали, то садились – и жужжали.

Боже мой, они жужжали – и это жужжание страшным образом подчеркивало мертвую,

в прямом смысле мертвую тишину города, делая ее еще более глубокой.

Может, я бы и справилась с собой. Может быть. Я смотрела на ночь «Звонок», «Дагона кроважадного» и «Кошмар на улице Вязов». Меня не пугали реки крови и трупы. Голливуд сделал из нас невероятно равнодушных тварей. Когда показали то самое сообщение о башнях-близнецах, мы с подругой обсуждали по телефону губную помаду. И минут пятнадцать думали, что это новый блокбастер. Реклама или просто сбой в программе.

Я бы справилась с собой. Но последней каплей стал запах.

Как пахнут мертвые города?

Кровью.

Разлагающейся плотью.

И – смертью.

У смерти тоже есть запах. И он вползал в меня. Вкрадчиво касался стен моего самообладания, заставляя камень воли трескаться, а металл воспитания ржаветь и рассыпаться мелкой бесполезной пылью. Впивался тонкими липкими пальцами в обнаженные нервы. Ввинчивался в мозг.

Мертвый запах.

Я согнулась в три погибели, и меня мучительно вырвало на мостовую остатками завтрака. Потом – желчью. А потом пошли просто сухие горячие спазмы.

Я и сама не знала, сколько времени я провела вот так – пытаюсь взять себя в руки. Желудок свело так, что я испугалась – как бы не лишиться и его в приступе тошноты.

Голова разламывалась. Все тело сводили жестокие судороги. Я прижимала руки к животу, но ничего не помогало. Есть пределы для человеческого тела.

Я старалась дышать ровно и размеренно, но ощущения накатывали новыми волнами. Волнами страха, ужаса и беспомощности.

Кто убил этих людей?

Кто пришел в этот город?

Кто это сделал и зачем?

Где этот «кто-то» сейчас?

Мне очень не хотелось бы с ним столкнуться.

Инстинкт самосохранения сработал на все сто.

Мое тело прекратило корчиться на равнодушных булыжниках так быстро, словно кто-то нажал на красную кнопку.

Я перекатилась на колени и встала, стараясь не попасть рукой или ногой в лужу собственной блевотины. Мне нужно было идти. А это – это просто остановка на пути к светлому будущему. Подумаешь – смерти! В нашем мире гибнет не меньше людей. Просто это называется по-другому. И их не собирают вот так, в одном месте. А иногда и собирают.

Печи фашистских лагерей, в которых сжигали живых «недостойных жить» людей.

Чечня.

Башни-близнецы.

Норд-Ост.

Первое сентября в Беслане.

Я кое-как выпрямилась – и сделала шаг вперед. Самый сложный – это всегда первый шаг. Он едва не разломал меня на несколько частей.

Второй и третий шаги дались мне уже легче. Гораздо легче.

Я шла – и смотрела по сторонам. И никого не видела вокруг. Только тела. Мертвых людей. Я видела мух. И все. Ни одного животного. Ни кошки, ни собаки, ни крысы. Что же здесь произошло? Кто здесь прошел?

Станным было и другое. Я видела мертвецов, но не их противников. Люди защищались – и это я понимала. У них в руках были мечи, кто-то из женщин сжимал арбалеты, кто-то – кинжалы. Но рядом с ними не валялось ни одного трупа, о котором можно было бы с уверенностью сказать: «нападающий», «враг», «противник».

Их просто не было! Но это же невозможно! Это просто бред! Нет таких неуязвимых воинов. Я не знаю армии, которая могла бы уничтожить весь город – и не оставить в нем ни одного своего солдата. Конечно, уничтожить города можно по-разному. Но здесь же была битва? Этот город не залили напалмом, его не грохнули атомной бомбой, его не отравили бактериологическим оружием. Нет! Кто-то просто вошел в ворота – и прошел город из конца в конец, разрубая на части всех, кто встретился ему (им?) по дороге.

Я свернула еще в один переулок.

И вот теперь мне стало так плохо, что я даже не смогу описать это состояние.

В переулке лежали четыре тела. Двое мужчин с мечами. Одному из них отсекли голову. Второго просто развалили на две половинки от плеча до пояса. Просто и изящно. Но смерть мужчин меня бы не тронула. Насмотрелась уже.

Они ведь не просто так сжимали в руках мечи. Они защищали ребенка. Маленькую и удивительно красивую девочку лет пяти. Голубое платьице, залитое засохшей, теперь уже черной кровью, золотые кудряшки под белым чепчиком, широко раскрытые, не верящие в свою смерть, доверчиво-голубые глаза. Ее тоже рассекли на две половины.

А перед ребенком, в луже крови, лежал маленький щенок. Он грозно скалил зубки, которыми не смог бы даже рукав прокусить, – и тоже был безнадежно мертв.

Я упала на колени.

Воображение не подвело меня – я могла представить, как все происходило, с точностью до минуты. Они бежали, пытаясь спасти ребенка. От кого? Или от чего? Этого я пока не знала. Но их настигли. Вот враг шагнул к мужчинам. Ему не понадобилось много времени. Несколько ударов, звон оружия – и один защитник оседает на землю. Отрубленная голова откатывается в сторону. Короткая схватка – и второй мужчина падает навзничь, истекая кровью из рассеченных артерий. Враг выдергивает меч из разрубленного тела – и медленно шагает к девочке. Она не пытается убежать или спрятаться. Не успела? Оцепенела от страха? Не верила, что ее могут убить?

Этого мне никогда уже не узнать. Никогда.

Щенок бросается защищать хозяйку, скаля маленькие зубки. Судя по позе – его отшвырнули и разрубили пополам. И точно также разрубили и ребенка.

Я никогда не думала, что мне может быть так больно.

Больно.

Больно!!!

Несколькими минутами раньше страдало только мое тело. Сейчас же в огне и судорогах корчилась моя душа. Сгорала до последней искорки веселая девочка Тина, для которой жизнь была увлекательным приключением. Выгорала до последнего. Неужели это я когда-то смеялась, отвечая на вопросы на выпускных экзаменах? Это я явилась

в институт с бутылкой водки и заявила, что лучше всего сдавать экзамен под градусом? Это я когда-то занималась с мужем любовью прямо в лифте городской библиотеки? Я мечтала о ребенке? О маленькой девочке, которую можно будет воспитывать и наряжать, как принцессу?

Я?

Нет.

Я с криком упала на мостовую.

Я даже не помню, что со мной происходило в те несколько минут. Я кричала и выла, как раненый зверь? Как зверь, у которого на глазах убивают его детенышей? Возможно. Каталась по земле? Кажется, да. Била кулаками по булыжникам тротуара? Наверное.

Иначе откуда бы на костяшках пальцев взяли кровавые ссадины.

К счастью, силы человеческие небеспрельны.

Я должна была или сгореть, сойти с ума от того, что я увидела, или стать совершенно другим человеком.

И с земли поднялась – Я.

Теперь на вопрос о себе я могла ответить, ни капельки не кривя душой. «Я – Тина. Волшебница. Вэри».

Мало? Много? В самый раз?

Этого я пока не знала. В жизни этой новой женщины было очень много и черных и белых пятен. Много вопросов – и мало ответов. И только одно утверждение. Но зато – крепче гранита.

Те, кто виновен в смерти этого города, – умрут.

Умрут так же медленно и мучительно, как люди, лежащие на мостовой. А город...

Я развернулась – и направилась к воротам. Мне нужно было выйти отсюда. Потом я решу, с чего начинать месть. И еще...

Я вернулась к девочке. Положила руку ей на лицо и закрыла глаза. У меня могла бы быть такая дочка. У нас с Ники.

Теперь уже не будет.

Больно.

Пальцы испачкались в застывшей крови.

И в этот момент я твердо поняла, что именно я буду делать. Что, как, в какой последовательности и даже – какими учебниками мне для этого надо воспользоваться.

Я атеистка, но в такие минуты даже я начала думать о Боге. Где же ты был, милосердный?!

Где?!

Или это не твой мир? Не твоя епархия? Но для чего нужны боги – допускающие такое?

Разве мы не бросаемся на помощь людям, которых никогда и не видели? Разве мы сможем оставаться в стороне от чужого несчастья? Я бы не смогла. А боги? Этого я не знала. Но другое знала твердо. Пока я жива, рядом со мной ничего подобного происходить не будет. Жаль только, что мой родной мир теперь навсегда закрыт для моего вмешательства. Я могу жить там, я, наверное, так и сделаю. А может, и не сделаю. Кто сказал, что самое страшное – это бессилие? Неправда! Самое страшное – это когда ты знаешь, что надо сделать, понимаешь, как лучше для всех, можешь это сделать – и не можешь. Потому что рискуешь поплатиться жизнью. И даже больше,

чем жизнью. Вот как Рон Джетлисс.

Который, кстати говоря, и станет моим первым делом.

Я вышла за ворота мертвого города.

Я так и не узнала, как он назывался. А может, и никогда не узнаю. И что? Его название теперь не важно. Рана уже нанесена. И болеть меньше не станет.

К воротам был привязан лоскуток ткани. Ярко-голубого цвета. Я никогда не видела еще цвета такой яркости. Даже у эльфов. Полное ощущение, что кто-то взял, оторвал кусок летнего неба и повязал на ворота. Хотя эта ткань была даже ярче неба.

Мелькнула мысль, что неплохо бы получить платье из этой ткани. Я сперва ужаснулась себе, но потом пожала плечами. Валентина, кандидат наук из института, не смогла бы так подумать. Но я ведь и не была уже Валентиной. Я стала Тиной. Вэари. И хотя еще сама не успела до конца познакомиться с этой дамой, но не сомневалась, что цинизма у нее на троих хватит. Мне это не нравилось. Но выбора мне не предоставили.

Я свернула лоскуток и сунула в карман.

Я хотела отойти подальше от города. Но не успела. Сразу от ворот начиналась узкая полоса выжженной земли. Да, именно так! Не дорога. Полоса тянулась и по дороге, но никакая, даже самая утоптанная дорога не сравнилась бы с ней чернотой. Я присела и попробовала коснуться полосы пальцем. Палец свободно погрузился в черную мелкую пыль. Земля? Нет. Прах земли.

Мне уже говорили, что любопытство сгубило кошку. Я кошкой не была. И решительно отправилась по этой полосе, куда бы она ни шла. А вела она к какому-то темному пятну в отдалении. Интересно, что бы это могло быть? Хорошо бы шатер местного отшельника. Или не отшельника. Не важно. Главное, чтобы там нашелся кто-нибудь. Или что-нибудь. Человек или не человек. Да хоть черт с рогами! Лишь бы это было мыслящее существо. Тогда бы я смогла узнать, что именно произошло в этом милом городке. И произошло не так давно. Определенно, это сделали ночью. Этой ночью. Не прошлой. И не позапрошлой. Трупы успели бы протухнуть за такое время, а все мертвецы, хотя и выглядели не слишком аппетитно, были свежими.

Сделав примерно сто шагов, я увидела что-то вроде помоста. Вблизи это сооружение выглядело очень... серьезно. Метра три в высоту, не меньше десяти метров в ширину и длину. Можно было слевитировать – и посмотреть с высоты, но я чувствовала себя такой чертовски усталой. И даже не физически. Морально. Поэтому я просто обошла вокруг мерзкого сооружения, а потом полезла вверх по лесенке, приставленной к одной из сторон.

Кому потребовалось возводить здесь этот... подиум?

Ответы на свои вопросы я нашла на помосте. Даже последняя идиотка могла бы разобраться в этом, хотя бы и не вэари, а просто Валентина, преподаватель биологии из паршивого университета!

Помост был построен специально, чтобы принести на нем жертву. Всю его поверхность, кроме, возможно, метра от края, покрывали странные иероглифы. Кое-где их заливала кровь, но читались они вполне отчетливо. Тускло-зеленая краска, которой их нанесли, была видна даже в сумерках. Да, наступали сумерки. И мне становилось не по себе. С другой стороны, если я разберусь во всем этом бедламе до наступления ночи, то можно будет подумать и о втором пункте плана.

Итак! Что я вижу?!

Бледно-грязно-зеленой краской на помосте была нарисована октограмма. Но очень странная. Не обычный восьмиугольник, о нет! Один угол был почти сглажен, а второй, обращенный точно к городу, вытянут так, что нарушилась всякая симметрия фигуры. Многоугольник указывал острым концом на ворота. Основываясь на своем недолгом магическом опыте, а также библиотеке и видеотеке, богатых фантастикой и чертовщиной разного рода (муж увлекался), я могла сказать, для чего эту фигуру нарисовали именно такой. В октограмме концентрировали силу. А потом эту силу

выпустили – и направили на город. Хотя это им удалось не на все сто процентов. Я очень живо представила, как сила, выпущенная из мерзкого рисунка, катилась к городу, прожигая под собой землю. А там приняла какую-то форму – и начала убивать. Какую форму? Как это могло произойти? Черт его знает! Я тоже узнаю, но позже. Непонятным оставалось, почему обряд проводили на помосте, а не на земле. Вроде бы на земле удобнее. Или это одно из условий? Жаль, что здесь не было никого из эльфов. Вот они-то все знают о деревьях. Все – и немножко больше. Лефроэль мигом объяснил бы мне, почему строили помост, какое дерево для него использовали и даже почему именно его. Но эльфов не было. А значит, вопрос останется открытым, пока я не поймаю того... ту, кто проводил этот обряд. Надо же будет дать человеку возможность исповедаться перед медленной и мучительной смертью! Недолго.

По семи углам октограммы лежали какие-то зверьки. Мне не хотелось ничего трогать пальцами, но, подойдя поближе и присев на корточки, я поняла, что это кошки. Черные. Способ убийства? Медленное потрошение. Судя по запаху – раскаленным ножом. Или что-то в этом роде. Подробнее мне знать не хотелось. Хотелось только кого-нибудь убить. Но кошки были еще мелочами по сравнению с тем, что я видела в центре мерзкой фигуры.

Там лежал мужчина. То есть полулежал на какой-то подпорке, лицом к земле. Руки ему связали за спиной. Я не могла видеть ни его лица, ни способа, которым его убивали, да и не хотела, но понимала, что это необходимо. Пальцы невольно сомкнулись на рукояти меча. Я достала его, переступила через линию октограммы – и вошла внутрь.

Мне показалось, что сталь едва-едва коснулась запястий человека, но веревки тут же упали. Ну да, Лефроэль наговорил мне немало приятных вещей о моем новом, первом и единственном мече. И среди прочих добавил, что на ноготь его остроту лучше не пробовать, если не желаешь сделать радикальный маникюр.

На спину человека я переворачивала рукой. Хотела было ногами, но потом решила, что бедняге и так досталось при жизни. Надо иметь хоть какое-то уважение к мертвым? Надо! Хотя им-то это наверняка безразлично.

Первое, что я отметила, – мужчина был молод, может, года на два-три постарше меня, и очень красив. Будь я некрофилкой – в обморок бы от радости грохнулась. Действительно, очень симпатичный экземпляр, из тех, что водятся только в дамских романах в мягком переплете. Высокий, стройный, мускулистый, кстати – очень красивый. На чеканном лице застыла предсмертная улыбка. Улыбка? Хотя кто знает. У эллинов было принято улыбаться в лицо смерти. И этот парнишка тоже улыбался. Улыбкой победителя.

И даже в смерти он выглядел победителем.

В жизни, увы, такие мужчины встречаются крайне редко, поскольку для поддержания себя в форме нужно бегать в тренажерный зал, отказаться от пива и забыть о сидячей работе. А это мало кому под силу. Чего там, это бабы могут с утра удрать на работу, в обеденный перерыв – по магазинам или в спортзал, вечером убирать квартиру и дрессировать детей, а ночью еще и... заниматься активной физической работой. И то не все. Вот я так точно не могла. Меня хватало только на работу и секс. Уборку, честно признаюсь, я делала раз в неделю, готовила по средам и субботам – и это настоящий подвиг. Хорошо, что Ники неприхотлив в быту. Был. Чуть не забыла. Я же почти в разводе!

Думать о муже не хотелось – и я обратила внимание на парня. И заметила то, чего раньше не видела. Под ним была просто лужа крови. И очень определенной формы. Кровь вытекала из его тела – и струилась строго в выступающий угол октограммы. В тот самый, который был направлен к городу.

Магия крови.

Чер-р-рт!!!

Я выругалась так, что самой стыдно стало.

А что поделать?

Магия крови – одна из самых противных разновидностей магии. Действительно, противных. Отвратительных. Омерзительных. Потому что всегда связана с жертвами. А кто именно будет этой жертвой – ты или другие, не так уж и важно.

С помощью крови одинаково хорошо можно возродить землю – и убить ее. Что, кстати, и произошло с той черной полосой. Вот почему нужен был помост. Чтобы кровь не впиталась раньше времени. И чтобы человек не смог воззвать к высшим силам.

А он смог бы. Кровь, родная земля – и ты сможешь творить чудеса, при условии, что ты – маг.

Я сосредоточилась, вгляделась в ауру мертвого тела.

Да, определенно этот несчастный был магом. И не из последних. Даже сейчас я видела в его ауре отголоски былой мощи. Пожалуй, если бы он прошел инициацию, он бы стал не менее сильным, чем я. Или Рон Джетлисс.

Рон Джетлисс.

Я прикусила палец.

А ведь идея?

И еще какая!

Но последствия?

А что – последствия?!

Разберемся по ходу действия!

Я потеряла руки. Темнеет? Отлично! Для того, чем я собиралась заняться, ночь подходила больше, чем какое-либо другое время. А лучше всего – полночь. И у меня как раз будет время прочитать пособие, выданное мне Лефроэлем, и кое-что подготовить.

Вот только...

Я пристально осмотрела мужчину, распростертого в луже крови. Его умертвили очень неприятным способом. Вскрыли вены на руках, надо полагать, вставили в разрезы что-то вроде игл, не дающих ране закрыться, – и просто дали бедняге истечь кровью.

Будь это в моем мире, я бы сказала, что это не самая страшная смерть. От кровопотери умирать легче, чем от петли или яда. Как будто засыпаешь. А здесь...

Как, должно быть, страшно умирать, зная, что твоя смерть выпустит на волю страшное зло, что ты своей смертью уничтожишь других людей... А если у него был кто-то в городе? Мать, отец, семья, дети? Даже думать не хотелось о последних минутах жизни этого несчастного. С другой стороны, если бы его убивали другим способом, мне пришлось бы тяжелее. Мертвая вода – прекрасное средство. Но тот флакончик, который у меня есть, не способен прирастить на место отрубленные руки и ноги. Его просто недостаточно. Но его с лихвой хватит, чтобы смазать места порезов и влить человеку в рот три капли. После этого тело должно восстановиться, каким оно и было. И я смогу либо дать ему живой воды, либо оставить гнить на солнышке. Оставалась только одна беда.

В моем мире существовала теория, что душа удерживается возле тела в течение трех дней. Ну так вот! Это неправда. Максимум для любой души составлял три часа. А большинство душ уходило почти сразу. Были и исключения. Такие, как привидения или души, оставшиеся из-за проклятия, из-за невыполненного дела, из-за сильного чувства, – перечислять можно часами. Поэтому мне предстояла непростая задача. Я должна была выяснить, осталась ли здесь душа этого молодого человека. Это раз. Потом реставрировать его тело. Это два. Затем установить связь с местными магическими потоками и выяснить их течение в данной точке планеты. Это три. Далее вычистить ауру этого молодого человека от следов насильственной смерти. Это четыре. И подготовить все для ритуала переселения. Это пять. И еще очень хорошо было бы узнать, осталась ли тут *сила* после ритуала. Я знала, что некромантия и магия крови –

довольно серьезный вид искусства, не каждому по плечу. И что если сила, полученная путем темного ритуала, не использована сразу, то она долгое время остается на том же месте, перерождаясь по своей воле, а то и пробуждая чудовищ. И с некоторыми из них люди очень хорошо знакомы. Часто бывает так, что нам неуютно в каком-то месте. Ложась спать в кровать, в которой умер другой человек, мы испытываем неосознанный дискомфорт. В больницах на нас давят не только стены, но и страдания находящихся и находившихся там когда-то людей. А похороны повергают в депрессию не только потому, что все мы там будем. Вовсе даже не обязательно. Нам больно еще и потому, что больно другим людям. Но это лирика. Физика заключалась в том, что я собиралась воспользоваться объедками силы темного обряда для своих целей.

И, сложив все вышеперечисленное, при благоприятном стечении обстоятельств я могла переселить Рона Джетлисса из медальона в это тело.

Отсюда была и ночная пора. То, чем я собиралась заняться, больше относилось к некромантии, чем к другим разделам магии. А значит, заниматься этим придется исключительно ночной порой. Темнеет между тем быстро. Еще немного – и придется светить самой себе фонариком. Это меня никак не устраивало. Геометрия никогда не была моей сильной стороной. Я относилась к тем несчастным, которые могли рисовать равносторонний треугольник, а нарисовать неправильный прямоугольник. Однажды ребята решили подшутить надо мной. Они взяли мой альбом с эскизами морских животных (которые я честно сводила из журналов) и послали их на конкурс абстракционистов. Самое смешное, что один мой рисунок медузы и правда выставили в галерее. С тех пор я старалась не рисовать. Лучше уж сделать ксерокопию. И это при ярком свете, со всеми удобствами, когда никто и ничто не отвлекает. Что я нарисую в темноте, мне не хотелось даже и думать.

Я печально посмотрела на небо.

– Грязная работа? Так ведь и котик в перчатках мышку не поймает!

И решительно подцепила мужчину под мышки. Стянуть его с помоста было очень трудно. Оттащить на девять шагов – еще сложнее. И кто сказал, что я должна работать тяжеловозом? С другой стороны, неужели я хочу проводить свой обряд на старом месте? Это может вызвать такие искажения, что проще самой удавиться. Лирин особенно предупреждала меня, что так делать нельзя. Даже рассказывала пару страшилок. Как одного мага вывернуло наизнанку, а второго размазало ровным слоем по пентаграмме, которую он начертил. Честно говоря, я вовсе не хотела связываться с чужим обрядом, тем более с таким поганым, но самостоятельно переместить душу одного человека в тело другого я не смогла бы, даже если бы сама копыта отбросила. Выбор у меня был небольшой. Или объединить свои силы с силами другого волшебника. Но где найти таких сумасшедших, я даже не представляла. Эльфов я по понятным причинам впутывать не могла. А сама никого не знала. То есть этот вариант отпадал.

Или я могла попробовать накопить нужную силу в артефактах, но у меня не было столько времени.

Еще существовал вариант с жертвоприношением, как сделали с этим пареньком, но мне не хотелось связываться с некромантией. Не то чтобы я не одобряла этого искусства. Магия не бывает ни плохой, ни хорошей. Плохим или хорошим бывает только ее применение. Но некоторые поступки очень сильно сказываются на ауре, на душе, на карме...

Другими словами, если я совершу жертвоприношение без крайней нужды и воспользуюсь страданиями живого существа для своих целей, я ничем не буду отличаться от тех подонков, что уничтожили город. Есть границы, которые я не хотела бы переступить.

Я могла попросить силу у кого-нибудь из богов. Но – увы. Боги – это почти как банки. Взял кредит? Изволь отдать все плюс еще грабительские проценты. Мне не хотелось ни отблатывать, ни служить. Да и богов я никаких не знала.

Я представила себе, как стою посреди равнины, размахиваю руками и громко ору:

– Эй, там, на небе!!! Прием! Прием!!! Дело есть!!!

Воображение тут же добавило своих красок. Стою я так, ору, а потом в небе открывается дверка, высовывается божественная фи́га и громкий голос объявляет:

– Вали отсюда! Без тебя проблем хватает!

Дело пошло быстрее. Я всегда замечала, что смех очень помогает в решении любых проблем. Вообще любых. Любая работа быстрее спорится с шуткой. Даже когда я учила анатомию к экзаменам, рядом с учебником у меня лежал сборник анекдотов. Три главы учебника шли за три листа анекдотов. Потом опять следующие три главы – и опять анекдоты.

Вот и сейчас...

Оттащив тяжелое тело на достаточное расстояние в тридцать шагов, я решительно перевернула его на спину. И невольно залюбовалась. Жаль мальчика. Очень жаль. Такой генофонд пропал. Даже сейчас, в смерти, он был восхитительно хорош. И не имел ничего общего с портретом Рона Джетлисса, который мне показывала Лирин.

Хотя какая Рону будет разница?

Зная способности волшебников и полистав пару книг по генетике, написанных некоей взари Линнестори, я четко уяснила, что могу менять себя по своему желанию. Волшебники были ну просто очень генетически вариативной расой. Из разных миров, с разными способностями и особенностями. И изменить себя для них не составляло никакого труда. Хотя после этого требовалось какое-то время для закрепления результата. И в это время волшебникам категорически запрещалось зачинать детей. Плод, зачатый во время генетической нестабильности, нужно было вытравить в обязательном порядке. И я согласилась с этим, потому что знала, что может получиться. Но, полагаю, в ближайшее время «ужасу волшебников» будет не до размножения. Так что он сможет переделать новое тело по своему вкусу.

Я положила ладони на виски трупа и сосредоточилась. Потом закрыла глаза, чтобы внешний мир не отвлекал меня от сплетения магических потоков. Соскользнуть в подходящее для медитации состояние оказалось гораздо легче, чем когда меня учила Лирин. Тогда у меня с трудом получалось даже сосредоточиться. А сейчас я видела всю картину так, словно она была нарисована у меня на радужке глаза. И меня очень радовало то, что я вижу.

Души не было. Кто бы ни убил этого молодого человека, но душа его теперь была свободна. Хотя... минуту...

Я сосредоточилась, силой проламываясь на новый уровень восприятия. Виски резануло неприятным ощущением, словно кто-то выдернул у меня пучок волос, но дело того стоило.

– ...!!! – выразилась я, вылетая из медитации.

Увидела я нечто омерзительное. Для получения необходимого количества силы во время обряда жрец не просто медленно убивал юношу. Этого было мало, черт побери! Для успешного завершения ритуала требовалось еще и медленное разрушение души! Да, именно так! Для этого мальчика никогда не будет ни посмертия, ни воскрешения, ни реинкарнации! Ничего не будет! Его душу уничтожили, медленно и мучительно выпили, чтобы получить необходимое количество силы. Что переживал в этот момент несчастный, мне не хотелось даже думать. Но в остальном общая картина меня очень порадовала. Душа мальчика уничтожена? Жаль. Но теперь ни у меня, ни у Рона не будет проблем с его божественным покровителем. Можно спокойно пересадить в это тело хоть три души – никто и не почешется. И потом, в воздухе было разлито просто одуряющее количество силы. Тот, кто проводил этот изуверский ритуал, не смог воспользоваться всеми результатами своей гадости. Сила буквально плавала вокруг. Я видела ее как темные ленты и лоскуты. И смогу ее применить за очень незначительную плату. Более того, я просто обязана ею воспользоваться. В отношении магической энергии справедлив один из законов Ньютона. А именно – энергия не исчезает и не создается. И если я оставлю последствия этого некромантского извращения плавать в воздухе, то через пару лет сюда не войдет ни один человек. Обычно энергия не бывает ни хорошей, ни плохой. Но есть и исключения. Сейчас некромант проводил очень

мерзкий обряд, не справился с полученной силой и выпустил ее из-под контроля. А боль и страдания жертвы так отравили эту энергию, что она стала непоправимо... темной, плохой, ядовитой для употребления. Если энергия, полученная в результате *светлого* обряда, может принести в итоге (лет через двести) пользу (источник, в котором исцеляются раны, священный камень исполнения заветных желаний или чудотворный храм), то о *темной* энергии подобного сказать нельзя. Она тоже впитается, причем гораздо раньше, но пользы от нее никому и никогда не будет. *Светлую* энергию мир поглощает, как конфеты, стараясь растянуть удовольствие, а вот *темная* энергия в таких пустяках не нуждается. Она впитывается, как слабительное, одним глотком, а потом начинаются разные милые пакости. «Нехорошее» место, кладбище оживших мертвецов, какие-нибудь монстры, мутировавшие из безобидных червей или комаров (что под руку подвернется). И по сравнению с этими монстрами Годзилла покажется милой пусей. И уж совсем хреново, если эта энергия впитается в человека или артефакт. Так вот и появляются легенды о проклятых драгоценностях или там оружии. И с человеком не лучше. Безумие – это минимум, что можно ожидать, если в тебя впитается сила, оставшаяся от обряда некроманта-недоучки. А я поступлю так, что этот мир мне будет только благодарен.

Я решительно отодвинула в сторону труп. Пора заняться делом. Препятствий нет. Будем работать.

Чтобы начертить равносторонний треугольник, у меня ушло полтора часа. Потом я рисовала символы по его углам, раскладывала в нужных позах труп и медальон, пару часов спала, ужинала, переодевалась в зеленый балахон, который Лирин сунула мне в рюкзак именно на такой случай, составляла и заучивала нужные заклинания, чтобы не сбиться в самый ответственный момент...

Когда я приступила к обряду, было уже три часа ночи. Я нарочно выбрала именно это время. Самый темный час перед рассветом. В это время чары ночи усиливаются, и я смогу воспользоваться ими в своих интересах. С другой стороны, когда наступит рассвет, мне будет гораздо лучше. Я смогу гораздо быстрее восстановить форму. Но это потом, потом...

А сейчас я встала на один из углов треугольника. Во втором углу лежал медальон. В третьем – тщательно подготовленное мертвой водой тело мужчины, которым я собиралась воспользоваться как сосудом для Рона Джетлисса.

Я еще раз проверила взглядом все символы, протянула руки над сторонами треугольника и медленно начала читать заклинание. Медленно – потому что не понимала ни одного слова из того, что говорю. Декламировала, как стихотворение Маяковского. По счастью, многого от меня не требовалось. Я всего лишь должна была позволить силе, рассеянной вокруг, впитаться в меня. И использовать ее, как пожелаю.

Рон Джетлисс, точнее, то, что раньше называли Роном Джетлиссом, плыл в черной вязкой массе железа. Это была его кара. Он отлично осознавал, кто он и что он. Рон знал, что именно с ним сделали, знал и как преодолеть заклинание, но сделать он ничего не мог.

Бессилие.

Бессилие, сводящее с ума.

Он мог наблюдать, что происходит с его временным пристанищем, но не более того. И даже это – не всегда. Большую часть времени он воспринимал себя как человека, тонущего в смоле. Хотя иногда случалось и нечто другое. Нечто, что могло развеять его скуку. Его не лишили чувства времени. И Рон знал, что находится в медальоне уже несколько десятков тысяч лет по летосчислению мира, в который его забросили. Он даже знал, что это за мир. И утратил всякую надежду на освобождение. В самом деле, волшебники приходили в мир Двенадцати Дев только за посвящением. А после посвящения тотчас отправлялись к верховному волшебнику за своим титулом полноправного взари. Предположить, что медальон попадет в руки к кому-то из волшебников, Рон еще мог. Почему бы и нет? Чтобы не сойти с ума, он перебирал в уме все, что когда-то знал. В том числе и забавную книжку из какого-то богами забытого мира. Книжка представляла собой учебник математики, и там как раз рассказывалось об этой теории. Теории вероятности, так это называлось. Довольно

забавное чтение. Хотя вероятность того, что его узилище попадет в руки к кому-нибудь из волшебников, была меньше, чем один к миллиарду. Вероятность же того, что волшебник, к которому в руки попадет медальон, окажется бунтовщиком, была и того меньше. Сколько шансов за то, что бунтовщик сможет освободить Рона из заточения, – волшебник даже не подсчитывал. Речь шла уже даже не о миллиардах, а о числах с двадцатью и более нулями.

Но недавно произошло кое-что очень интересное.

Когда медальон с сущностью Рона попал в руки к полубыку, волшебник просто отключился от реальности. Он не желал видеть одно и то же, день за днем, год за годом... Какая радость наблюдать за отпрыском одного из богов, если этот отпрыск ведет себя как обыкновенная скотина? Рон и не наблюдал. И пропустил тот исторический для Керата момент, когда с Минотавром покончили раз и навсегда. Он уловил только, что его медальон попал в руки кому-то другому. И невольно рванулся своей волей наружу. Он-то лучше других знал, что справиться с Минотавром в мире без магии – задача для целого войска. И не хотел ничего пропустить. Он знал, что прорваться к реальности будет очень сложно, но любопытство, сохраненное в полном объеме, жгло не хуже крапивы. И Рон медленно направился к поверхности. Или к тому, что он воспринимал как границу раздела его мира – и окружающей вселенной. И тут его ждал первый удар. Стоило ему потянуться своей волей на поверхность, как какая-то теплая сила подхватила его сущность. У Рона было полное ощущение, что не он рвется наружу, но кто-то пробивается к нему. Он попробовал дотянуться до незнакомца, но было поздно. Словно исследователь, поняв, что в руках у него не простой медальон, кивнул (хорошо, магический так магический, потом разберемся) и отложил его в сторону. Или не в сторону? Определенно не отложил. Рон по-прежнему чувствовал контакт с новым хозяином медальона. И чувствовал гораздо сильнее, чем раньше. Кажется, владельцем медальона на этот раз оказался маг.

В первый момент Рон обрадовался. Но на смену радости быстро пришло отчаяние. Маг? Ну и что дальше? Как только этот маг станет полноправным в среде вэари, медальон с Роном непременно попадет в руки верховному волшебнику. А тот наверняка позаботится, чтобы на Рона в ближайший миллион лет никто не наткнулся.

И все же...

Второе потрясение ждало Рона, когда он наконец смог сканировать внешний мир. Новым владельцем медальона оказалась женщина. И не просто волшебница. Но женщина, которая могла стать равной ему. Мало того, в ее речи промелькнуло имя Орланда ан-Криталь, которое Рон с некоторых пор люто ненавидел. И Рон приложил все усилия, чтобы оставаться на поверхности.

Но потрясения продолжались. Из разговоров женщины с ее спутниками Рон понял, что Тину (ее звали Тина, и Рон готов был повторять это имя по сто тысяч раз на дню, как молитву!) можно назвать мятежной волшебницей. У нее наличествовали большие трения с верховным волшебником и его отвратительной дочуркой, у нее отсутствовал проводник, да и вообще во многом она напоминала того же Минотавра. Хотя и в хорошем смысле слова. Просто она обладала огромной мощностью, но как ей пользоваться – совершенно не представляла. Но свято место пусто не будет. И Рон решил воспользоваться силами его новой владелицы в своих интересах.

Вообще-то он должен был оставаться совершенно беспомощным. Но там, где речь идет о магии, всегда найдутся разные ловушки, ограничения и обходные пути. Например, когда человека связывают веревками, он может напрячь мускулы, а потом, когда его оставят в покое, расслабить их – и веревки уже не будут завязаны так туго. И Рон провернул нечто подобное, когда его развоплощали и заточали. Да, его лишили многих способностей. И что? Если у тебя хватит сил и ума, выход всегда найдется!

Сейчас Рон решил медленно и осторожно замыкать себя на новую владелицу медальона. Он не знал, кто она такая, но чувствовал ее силу. И силы этой было более чем достаточно для предсмертного проклятия. А если у нее есть какие-то проблемы с верховным волшебником, то девочку скоро могут убить. И в миг перед смертью своей силой и яростью она сможет разрушить медальон, в котором заточили сущность Рона.

Что делать дальше, Рон не особенно представлял, ведь, вырвавшись на свободу,

он оказался бы даже в худшем положении, чем призрак. Но так далеко он и не заглядывал. Выбраться бы! А там уже по обстоятельствам! Когда проведешь несколько тысячелетий в заключении, поневоле разучишься строить далеко идущие планы. Даже одного тысячелетия более чем достаточно.

А потом был миг, когда на женщину и ее спутников напали в пустыне. Рон отчетливо помнил, какая дикая ярость охватила его тогда.

Если их убьют, он может навсегда остаться в заточении!!!

Даже мысль об этом была непереносима!

И Рон потянулся к женщине всеми крохами силы, которые ему удалось сохранить, всей яростью, всей страстью и любовью к жизни, свободе, солнцу...

И ему ответили.

Он знал, что связи между ними еще недостаточно сильны для предсмертного проклятия. Но даже то, что им удалось, вызывало восхищение. Женщина спокойно пропустила через свой разум его ярость и безумие. Так спокойно, словно это был легкий летний ветер. Кентавры были уничтожены. А Рон запоздало испугался.

Он полностью утратил контроль над собой в этом поединке. Что было бы, если бы он сжег своей яростью разум женщины?

Не сжег. И благодарил за это всех богов, которых только мог вспомнить, клянясь быть осторожнее впредь. Когда они оказались в саду Двенадцати Дев, Рон был уверен, что его узнают. Уж ему-то было известно, каковы силы Двенадцати. Его и узнали. Но Миара и ее сестры свято соблюдали нейтралитет. Рон слышал, как о нем отзывались. Он пытался позвать сам, но Миара упорно не отвечала, разговаривая с волшебницей.

Только чуть позже Рону пришла в голову мысль, что Миара сделала для него все возможное. Не нарушая закона и оставаясь лояльной к верховному волшебнику (кто бы посмел сомневаться в ее правоте?), она сделала все, чтобы Рон понял, с кем его связала судьба. А если можешь понять, значит, можешь и управлять. Поэтому Рон ожидал, когда темнота разорвется и он впервые сможет говорить с другим человеком. Ожидал. Но смог выговорить всего пять или шесть слов. Только назвать себя и попросить о помощи. Потом мир вокруг него опять сомкнулся, и Рон погрузился в черноту. Этот разговор отнял у него так много сил, что он фактически проспал и разговор с верховным волшебником, и перемещение Тины в другой мир по блуждающему вектору, и все время, которое она пробыла в городе мертвецов. Рон не знал, что волшебница собирается освободить его. И поэтому, когда он почувствовал, что чья-то воля зацепила его и потащила на поверхность, ужасно растерялся.

Первым его побуждением было – сопротивляться. Он собрал все силы, чтобы ударить по противнику, но тут же опомнился. Медальон находится у того же хозяина, это он точно знает. А значит, что бы с ним ни происходило, хуже не будет. Эта девочка, Тина, не похожа на человека, которому доставляют удовольствие чужие страдания. Если она и причинит ему зло, то только неосознанно. Хотя ему от этого будет не легче. Но выбора не было. Какими-то остатками магии Рон понимал, что происходит. Женщина пыталась его вытащить. Вытащить или в другой носитель, или... в живое тело?!

Последнему он верил с трудом. Чертовски хотелось надеяться, но тысячи лет убивают любые надежды медленно, верно и болезненно. Весьма болезненно.

У Рона было два выхода. Или сопротивляться и, возможно, погубить и себя и волшебницу – Рон сумел оценить затраченную ею силу. Это было очень много, буквально на пределе ее возможностей. Если она пропустит через себя еще немного силы, то просто сгорит.

Или он мог довериться этой женщине и дать ей сделать то, что она хочет.

Все существо Рона просто корчило и выворачивало от этой мысли. С некоторых пор слово «доверие» значилось в его лексиконе как одно из самых мерзких ругательств. Но что он терял? С таким преступлением, как у него, не помилуют и через миллион лет. А Рон и так с трудом удерживал себя на грани безумия. И миллиона лет заточения он

не выдержит, это точно. Поэтому волшебник буквально принудил себя к спокойствию. Он расслабился и позволил женщине делать все, что она пожелает. И даже не удивился, когда его сознание рвануло когтями ослепительно-белой боли. Чего-то подобного он и ожидал. Но заранее был благодарен неизвестной женщине за любые попытки изменить его судьбу.

Меня ломало и коржило, как наркомана в последней стадии. Я никогда не думала, что это будет так больно.

Сразу, как только я дочитала заклинание, рассеянная по округе остаточная сила начала стекаться ко мне. И я только головой покачала. Как же ее было много! И как мало использовали! Без сомнения, если бы сюда не выкинуло меня с моими великими планами, все некроманты мира не справились бы с той дрянью, которая появится тут через пару лет. Свято место пусто не бывает? Проклято место тем более пусто не будет.

Честно говоря, если бы от меня потребовалось что-то сложное, я бы не выдержала. Но мне очень повезло. Когда сила начала стекаться в меня, я протянула обе руки в сторону медальона. И отстраненно, сквозь выступившие на глазах слезы, наблюдала, как мои ни в чем не повинные конечности расплываются, удлиняются – и погружаются в самую сущность медальона. Медальон виделся мне тоже по-другому. Невероятно сложным хитросплетением нитей ярко-зеленого цвета. А где-то внутри этого клубка находился черный комочек, который и был сущностью Рона Джетлисса. А мне нужно было как-то добраться до него. И я отлично знала, что стоит мне оборвать хотя бы одну ниточку – и Рона уже не спасти. Да и меня, наверное, тоже. Но я же не даром в свое время занималась макраме! Чем я только не занималась, хватая по кусочкам и там и сям, стараясь завести как можно больше друзей и знакомых. Душа любой компании, страдающая от одиночества...

А на стене, дома, у меня до сих пор висит сова, сплетенная из серых, желтых и зеленых ниток...

Очень сложно расплести узлы, когда у тебя почти что судороги по всему телу и пальцы сводит. Но я справилась. И аккуратно потянула за одну ниточку, за вторую, за третью...

Они обжигали пальцы, но эта боль не шла ни в какое сравнение с той, что я уже испытывала. Поэтому я просто закусил губы – и взялась за дело.

Мне же не требовалось расплести клубок до конца, мне нужно было только освободить себе проход.

Да, эту клетку можно было разрушить только снаружи и только с такой силой, как у меня. Не моей силой, заемной, но разве это важно? Важно то, что я все-таки проложила для себя дорогу. И рванула, вытащила, почти выцарапала из клетки маленький угольно-черный клубочек. Он покоился в моих туманных ладонях, как новорожденный котенок, и мне ужасно хотелось погладить его пальцами. Но я сдержалась. Рон и так должен был испытывать дьявольскую боль, когда я проходила мимо запечатывающих его заклятий. Кто знает, что ощутит его сущность от моего прикосновения?

Я осторожно протянула руки к телу юноши. И черный клубок мягко опустился ему прямо на сердце, растекся по поверхности тела так, словно хотел закрыть его от посторонних взглядов. На миг так и произошло. Черное пятно обволокло распростертое на земле тело – и начало впитываться внутрь. Впиталось – и исчезло.

Я внимательно посмотрела на него. Да. Теперь сущность Рона Джетлисса обрела новое тело. Я видела последние энергетические всплески, пробегающие по нему. Волшебник устраивался в новом доме. Но это будет ненадолго, если я не сделаю кое-что еще.

Я с усилием свела руки перед собой – и развела их в характерном жесте. Крест-накрест, в стороны и вниз.

– Амэнно!

Забавной была переключка этого слова с привычным мне «аминь». Возможно, христианство имело какое-то отношение к волшебникам, или кто-то из волшебников

развлекался, насаждая новую религию в новом мире...

Я отбросила все посторонние мысли. Мне было решительно не до того. Сейчас наступал очень сложный момент. Если я прерву заклятие, мне придется начинать все сначала. Если я его не прерву – я не смогу довести до конца сложное дело оживления Рона Джетлисса. И все опять пойдет насмарку.

Можно было разделить свою проблему на два этапа, но пропускать эту гадость через себя второй раз мне просто не хотелось. Это не ромашковое поле, а сила, полученная путем пыток, боли и страданий, путем полного уничтожения души.

Отвратительно.

А что делать?

Я мягко двинула глазами.

Руками шевелить я попросту боялась. Но глаз оказалось достаточно. Телекинез мне давался не просто легко, а очень легко. Фактически сейчас я могла передвинуть на пару метров даже груженный самосвал. Что уж говорить о прочих мелочах? Чашка с живой водой, стоящая на подставке почти рядом с головой Рона Джетлисса (теперь уже Рона), опрокинулась так, что ее содержимое вылилось прямо в рот лежащему мужчине.

Он проглотил. Наверняка проглотил часть. Иначе так быстро не подействовало бы. Или просто сказалось количество? Обычно трех капель достаточно, чтобы оживить мертвеца, это я по Вышеславу знала. А я угрохала почти половину своего запаса. Этого хватило бы человек на двадцать. Но какая разница?

Чашка скатилась в траву. И я увидела, как ранее безжизненное тело окружает новая, пока еще незнакомая мне аура. И отчетливо различала в ней пятна горечи и злобы, отблеск недавнего заточения, ярость и страсть алого цвета, зеленое здоровье (кажется, это тело в жизни не страдало ни от каких болезней)... стоп!

В ауре я отчетливо видела две золотые полоски. Одна – и это я отчетливо знала – была и у меня. Она появлялась после прохождения сада Двенадцати Дев. А вторая?

Я прищурилась, не обращая внимания ни на боль, ни на силу, рвущуюся в меня. Сейчас, сейчас я ее использую, вот только посмотрю, в чем там дело...

И тихо выругалась. Правда, про себя. А то неизвестно, что могло бы получиться. Например, воронка размером с Марианскую впадину. Очень даже.

Дети, будьте очень осторожны при работе с различными формами магической энергии.

Это не было второй полосой, оставшейся в ауре после сада Двенадцати Дев. Не-ет!

Все оказалось гораздо хуже. Я наблюдала остаток личности того юноши, которого использовала. Хотя остаток личности – это слишком громко сказано. Только то, что связано с телом.

Память, возможно, навыки, возможно, аллергия на апельсины. Отпечатки особенно сильных чувств. Если этот мальчик любил кого-то, любил так, что и жизни не пожалел бы, то Рон сохранит эту любовь. Вначале. Он ощутит это, когда проснется. Но это ведь небольшая плата за свободу – остатки чужой души? Правда, небольшая. Если Рон пожелает, со временем он полностью вытравит эту полоску из своего разума и ауры.

Но думать об этом почему-то было очень горько.

А мне и не следовало думать. Прыгать надо!

И я прыгнула.

Подняла руку, направила ее точно на мерзкий алтарь и на город, лежащий за ним, и произнесла всего лишь одно слово:

– Огонь!!!

И с моей руки рванулось пламя.

Оно было невыносимо яркого алого цвета. И я даже знала почему. Кровь человека, принесенного в жертву, навеки впиталась в мою силу. Теперь и я должна буду почувствовать все то же, что и он.

Когда я освобождала Рона, я всего лишь пропускала через себя энергию. Я почти не придавала ей форму и даже почти не контролировала. Но теперь...

Боль пронзила мое тело. На руке открылись вены, и я понимала, что раны заживут очень не скоро, но какое это имело значение?

Важно было только то, что струя огня была из моей руки, мчалась по тому месту, где когда-то был алтарь некроманта, – и охватывала город.

Мертвый город.

Если бы я могла, я бы заплакала. Я часто плакала, когда читала или смотрела о человеческих жестокостях, но сейчас, сейчас, когда я вспоминала маленькую девочку, разрубленную надвое...

...и троих мужчин, которые готовы были защищать ее до последней капли крови...

...и щенка, отдавшего жизнь за свою маленькую хозяйку...

Город горел. И я горела вместе с ним.

Кажется, я кричала. И что?

Я все равно не остановилась бы. Даже если бы мое сердце не выдержало. Но я справилась. Я пропускала сквозь себя энергию, пока на месте города не осталось только одно большое черное пятно.

«Здесь еще сотню лет ничего не прорастет, – подумала я, медленно сваливаясь в обморок. – Но даже если бы платой стала моя смерть, все равно я поступила правильно. Кто бы ни были эти люди, что бы они ни совершили, они не заслуживают такого обращения. Не важно, каким обрядам отдано предпочтение здесь. Огонь уравнивает всех – и дает достойное посмертие освободившимся душам. Я поступила как человек».

И я провалилась в обморок с чувством выполненного долга и самодовольства.

Обморок был какой-то странный. Словно я вылетела из своего тела – и сейчас парила над городом. И видела, как с пепелища медленно поднимаются серые тени.

Они взлетали вверх – и растворялись в небесной синеве. Откуда-то я знала, что это освобожденные души. Они все смотрели на меня. Кажется, они были благодарны мне. Они ничего не говорили, только смотрели – и поднимали руки в знак приветствия. И лица четырех из них оказались мне хорошо знакомы.

Трое мужчин.

И девочка.

Она прижимала к себе щенка и улыбалась. А щенок норовил лизнуть ее прямо в полупрозрачную щеку.

Эти лица я никогда не забуду. Даже если проживу миллион лет. А я хотела. Если уж я стала волшебницей, я буду жить долго.

Души медленно поднимались, пока их не поглощало солнечное сияние.

На миг мне захотелось за ними. Я сделала было шаг вверх, но тени, сгустившись в пелену, отбросили меня назад.

Слова возникли в моем разуме так внезапно, что я была уверена: это – не мое. Мне просто сказали.

Обрести покой и родиться заново могут только те, за кого отомстили на этой земле.

Этого мне было достаточно. Я бросила последний взгляд на небо – и отправилась вниз. В свое тело.

Верховный волшебник пребывал в паршивом состоянии духа. Состояние тела тоже было не лучше. Не выдержав тяжести проблем, он решил уйти от них хотя бы на один вечер – и напился. Но после веселого вечера наступило грустное утро. Всей тяжестью. И на голову. Наступило и ритмично прыгало всей слоновьей массой внутри черепа. Виски просто разламывало от боли. Так уж вышло, что к исцелению у верховного взари способностей не было. Никаких. И даже меньше, чем никаких. Он мог произнести все положенные заклинания, мог даже вылечить больного. На какое-то время. А потом обязательно наступал рецидив. И самолечение наверняка отзовется ему в будущем. Так что проще было перетерпеть. Хотя... Где-то здесь был антипохмельный эликсир. Сам у эльфов покупал по сходной цене. Эти ушастые, конечно, пытались содрать с него три шкуры, но не на того напали! Верховный волшебник обвел взглядом кабинет, припоминая, где он оставлял заветную бутылочку, – и увидел такое, что ему стало совсем плохо.

В углу всегда висела небольшая обсидиановая панель. И на панели горели несколько голубых огоньков. Сейчас там горело четыре огонька вместе – и один отдельно. Огоньки соответствовали наказанным людям. Точнее, волшебникам, которые сейчас находились в заключении в предметах. Трое из них должны были освободиться в течение ближайших ста лет, один – еще через триста лет. И один – никогда.

Рон Джетлисс.

Но сейчас с огоньками происходило что-то странное.

Верховный волшебник так привык к этой панели и к ее виду, к неизменности и стабильности, что сперва даже не понял, что происходит. Провел по ней взглядом и успокоился. Ненадолго. Секунды на три. А потом подскочил как ужаленный и бросился к панели. Один огонек, именно тот, что должен был гореть если не вечно, то уж пару миллионов лет точно, стал из голубого – красным!

Рон Джетлисс!!!

Даже с больной головой, верховный взари доказал, что не зря носит свой титул. Он мгновенно проделал три вещи. Активизировал заклинание исцеления, наплевав на последствия. Потом будет время разобраться! Одним движением век перенес панель на свой рабочий стол и сам переместился к ней поближе, на ходу доставая волшебную палочку. И активизировал заклинание перемещения.

Через две секунды в его кабинете оказался взъерошенный и сонный Ник.

Молодой волшебник был в чем мать родила, но верховного взари это не смутило. Он просто кивнул Нику:

– Мой халат на кресле. Оденься и иди сюда. Это наверняка ее работа!

– Что – это? – уточнил Ник. – Ваш встрепанный вид?

– Хватит хохмить. Мой вид тут ни при чем. Рон Джетлисс.

Ник, хотевший сказать, что верховного взари определенно черти по пивному болоту за уши таскали, тут же прикусил язык.

– Что с ним случилось?

– Случается в данный момент.

Ник машинально накинул на плечи халат и подошел к столу. Верховный волшебник уже выкладывал вокруг доски кучу разных амулетов, но у него определенно что-то не получалось. Амулет из рога Фейранского быка рассыпался в порошок. Перо птицы Рохх обуглилось на глазах, и если бы верховный взари не смахнул его со стола, от пера и памяти не осталось бы. Странного вида металлический осколок расплавился в лужицу.

Ник не стал воздействовать на досочку артефактами. Как и все, он знал, что огоньки непосредственно связаны с заточенными.

И сейчас не пытался определить, что именно происходит. Его волновало другое. Кто стоит за этим делом? Тина? Ник чувствовал себя, как на соревнованиях. У любого заклинания связи всегда есть два конца. И, находясь на одном конце, вы можете увидеть – иногда, при должной сноровке, что происходит на другом конце.

Сам Ник не смог бы этого сделать. И верховный волшебник тоже. Но вместе они кое-как справились. У Ника была сильная эмоциональная и физическая (первый мужчина – это что-то да значит) связь с женой, а верховный взари, поняв, что Ник собирается сделать, поддерживал его своей силой. Особым успехом попытки не увенчались. Но и не были безрезультатными.

На какой-то миг панель замутилась. И Ник увидел в ней отчетливую картину.

Женщина в бледно-зеленом балахоне, стоящая на одном из углов треугольника. Она протягивает руки к медальону – и пальцы медленно погружаются в черный металл, теряя по дороге плоть и силу.

– Валентина!!! – вырвалось у него.

Это лицо он узнал бы где угодно и когда угодно.

И на плече у волшебника тут же сомкнулись пальцы верховного взари.

– Ты видел ее?

– А вы?

– Видел. Но очень плохо. А ты?

Ник не стал ломаться.

– Не знаю. Мне показалось, что она что-то пытается сделать с медальоном. И нестандартным способом.

– Это как?

Ник потер лоб и попытался объяснить:

– У нас такие ритуалы проводятся стандартно. Медальон ложится на воссозданное тело, проводится прямая, весь расход силы идет четко – от человека к человеку. Здесь – не так. Тина осознанно включает в ритуал третий элемент. Зачем? Я не понимаю.

– Она не могла воссоздать тело Рона Джетлисса.

– Уверены? – насмешливо спросил Ник. И, когда верховный взари кивнул, безжалостно продолжил: – Уверены, что у эльфов не осталось ничего от Рона? Он был хорошим другом предыдущего короля. И мог кое-что отдать ему перед арестом.

– Рон не знал, что его арестуют.

– А просто так? Для подстраховки?

Теперь пришла очередь верховного взари чесать в затылке.

– Не знаю. Он мог. Но откуда у девчонки столько сил?

– От верблюда, – мрачно отозвался Ник, не отрывая глаз от красного огонька. Искорка то приугасала, то вновь разгоралась так, что начинала занимать едва ли не половину доски.

– От кого? – не понял юмора верховный взари. – Где она с ним познакомилась?

– В Австралии.

– А вы были в Австралии? И что такое – Австралия?

Ник только плюнул. Верховный взари не понимал юмора. Бывает. И волшебник впился глазами в простенькую доску. Огонек то затухал, то разгорался сильнее. Ник ждал.

- Валечка, - шептал он. - Только бы все получилось...

Верховный взари ничего ему не сказал. Он тоже молча смотрел на доску.

И они дождались.

Момент, когда доска полыхнула - и рассыпалась в прах.

Верховный взари выматерился.

Ник молчал, как рыба. А что он мог еще сказать? Главное, что его жена - жива. Остальное его не волновало.

Глава 20

Больно.

Это было первое, что почувствовал Рон Джетлисс, приходя в себя.

Боль.

Казалось, что в каждой клеточке его тела поселился огромный злющий тигр – и разрывает свое место обитания на мелкие части.

Клеточке тела?!

Рон бросил привычное сканирующее заклинание.

Он составил его сам. Для развоплощенных и заточенных волшебников наказанием было одиночество. Обычно они не могли посмотреть, что с ними творится, жили в тоске и постоянном страхе уничтожения – и быстро сходили с ума. Рон не желал для себя такой судьбы. И смог пробиться на поверхность. Он наблюдал за происходящим вокруг, оставаясь не замеченным владельцами медальона. И сейчас он должен был что-то увидеть...

Пустота....

Заклинание ушло в пустоту.

И в следующий миг на лоб ему легла чья-то мягкая и прохладная ладонь.

Ему на лоб?!

У него есть тело?!!

Рон попытался пошевелиться, но чьи-то руки надавили ему на плечи.

– Лежите смирно, Рон. Вы еще не до конца восстановились.

Этот голос был ему очень хорошо знаком. Этот голос он уже слышал. Там, в медальоне.

– Тина?!

Одно-единственное слово, сорвавшееся с губ, вызвало такой приступ резкой боли, что Рон едва не заорал во все горло. Он бы и заорал, но голосовые связки просто отказались ему повиноваться. Прохладная ладонь опять легла ему на лоб, каким-то образом снимая напряжение и судорогу в мышцах.

– Рон, если вы не будете лежать смирно и молча, я вас просто усыплю. Я не для того потратила на вас столько усилий, чтобы выкопать еще одну могилку.

Рон готов был поверить, что следующее усилие, не важно, магическое или нет, просто убьет его. Но и оставаться дальше в темноте и неведении не мог. Кажется, женщина это тоже понимала. Потому что второй рукой она стиснула его пальцы и опять заговорила:

– Рон, я потратила очень много сил и времени на то, чтобы дать вам новое тело. Не говоря уже о том, что насмерть разругалась с верховным волшебником. Теперь мы оба вне закона. К счастью, найти он нас не сможет. Поверьте на слово. Я знаю, вы сейчас думаете об отпечатке ауры. Не волнуйтесь. Я не слишком опытная волшебница, поэтому еще дня три вы будете восстанавливаться. И ваша аура будет сама на себя не похожа. Моего же отпечатка у них просто нет. Свою историю я расскажу вам чуть позже. А пока постараюсь объяснить все остальное. У вас сейчас идет откат от заклинания. Несколько дней, пока душа и тело привыкали друг к другу, вы были под моим заклинанием магического сна. Сейчас вам требуется сон обыкновенный, чтобы все связи окончательно срослись и восстановились. Поэтому вы должны постараться заснуть. Мы сейчас в безопасности, я все время рядом, я ваш друг и не дам никому даже приблизиться к вам.

Рон слушал этот голос, как музыку. Он свободен! Свободен!!! Свободен!!!

Он опять будет жить! Будет двигаться, говорить, колдовать, пить вино, целовать красивых женщин... У него обязательно будет ребенок! На этот раз он не станет уворачиваться от жребия всеми правдами и неправдами. Ему так безумно хотелось открыть глаза – и хотя бы просто посмотреть на окружающий мир. Кажется, он даже потянулся рукой к глазам, но на его кисть тут же легли жесткие пальцы.

– Рон, я понимаю, что вы вне себя от счастья...

По мнению Рона, этого никто не мог понять! Каково это – пару тысяч лет (или все-таки десятков тысяч?) просидеть в тесном предмете, существовать, а потом опять начать жить! Да ему хотелось на голову встать! Просто так! Чтобы доказать, что у него есть голова и он может на ней стоять!

– ...но если вы и дальше будете так наплевательски относиться к моим словам, я вам просто дам снотворного. Конечно, эффект будет непредсказуемым, может быть, даже потребуются много времени для восстановления, но это все равно лучше, чем ваша глупая гибель! Лежите – и постарайтесь уснуть. А я посижу с вами.

Рон хотел, чтобы женщина поговорила с ним, пока он будет засыпать. Сейчас для него не было ничего лучше этого тихого, немного хриповатого голоса. Песни ангелов?! Да кому они нужны?! У него теперь был свой ангел! И у нее даже имелось имя. Тина...

– Я не буду рассказывать вам свою историю, Рон. Но я расскажу вам о моем мире. Знаете, мой мир называется Земля. И представляет собой одну планету. На самом деле их гораздо больше, этих планет. Миллионы и миллиарды. И на многих есть жизнь. Иногда такая, как мы, иногда совсем другая. А я знала раньше только одну страну. И только одну планету. А моя страна называется Россией. Знаете, для меня это самое прекрасное место в мире...

Про нее один поэт даже стихотворение написал. Его звали Сергей Есенин...

Я не успела дочитать стихотворение до конца. Рон заснул примерно на середине второго четверостишия. Несколько минут я молча сидела рядом, а потом осторожно высвободила руки и пригладила растрепанные медные волосы. Как хорошо, что я старалась не отходить далеко от палатки. И когда Рон проснулся и выбросил мощную волну магии, оказалась рядом. Страшно даже подумать, как бы он себе навредил, продолжая колдовать или попытавшись двигаться. Я не обманывала волшебника. Его сущность только-только притиралась к другому телу. Если бы я использовала клон первоначального Рона, как это описывалось в подаренной Лефроэлем книге, все прошло бы быстрее и безболезненнее. Но для создания клона требовались кровь, волосы и кусочек кости, кстати – взятые из живого тела. У верховного волшебника все это было. Но явиться к нему домой и попросить образцы...

Спасибо, мне еще жизнь не надоела.

То же самое относилось и к краже. Чисто теоретически я могла провернуть операцию в духе Лары Крофт. Расхитить личный мавзолей Орланды ан-Криталь, передавить врагов, поцеловать друзей, походить на голове, одновременно стреляя с обеих рук...

Я могла попробовать.

Но жизнь – не голливудский боевик. И до сих пор мне просто свински везло. Меня не сожрали, не утопили, не пристрелили и не повесили просто потому, что считали безобидной дурой. Верховный волшебник меня такой не считал. Дурой – да. Наверняка. Но не безобидной. И наверняка понаставил на меня ловушек. А умирать мне рановато, у меня еще в жизни дела...

Вот и пришлось сидеть рядом с Роном Джетлиссом уже пятый день. Осторожно выправлять разорванные связи между душой и телом, поить с ложечки, обтирать холодной водой, держать за руку и всячески изображать из себя заботливую мамочку.

Но не надо считать меня доброй, белой и пушистой. Я была уверена, что после заточения Рон любит верховного волшебника, как я – касторку. И поможет мне в ма-аленькой такой войне. И не только.

У меня уже сложился план действий. Думаю, для Рона не будет очень сложным изобразить ко мне ну если и не безумную любовь, то хотя бы видимость ее. Тогда я и с Орландой расквитаюсь. И с муженьком тоже. Одно дело – гордо уйти прочь, стискивая зубы и шипя: «И вовсе мне даже никто не нужен... не нужен, я сказала!!!»

И совсем другое, когда я заявляю, что Ник и Орланда могут подавиться друг другом, а я им только спасибо скажу, потому что благодаря им я нашла единственного человека, который что-то значит для меня. И это как раз Рон Джетлисс. Зная Ника... Он просто взбесится от того, что я предпочла ему другого. Зная Орланду...

Она тоже будет в бешенстве, потому что я выкинула на помойку мужчину, за которым она гонялась долго и упорно. А то, что Ник к ней не вернется, я даже не сомневалась. Еще не родился такой мужчина, который стерпит подобное обращение с собой. Даже дядя Паша с нашей кафедры, лет двадцать сидящий под каблуком у жены, – и тот взбесился бы.

Я решительно выбросила из головы все лишние мысли, поднялась – и отправилась на рыбалку. У меня имелись с собой кое-какие припасы от эльфов, но Рону их лучше было пока не давать. Эльфы так же легко добавляли в свои продукты магию, как и поедали их. А если мне удастся поймать пару рыбешек, я сварю неплохую уху. Для Рона это будет полезнее эльфийских галет.

Когда Рон второй раз попытался открыть глаза – у него действительно это получилось. И он тут же огляделся вокруг, получая огромное удовольствие от самых простых вещей, над которыми люди и не задумываются. Думать, видеть, слышать, дышать. Чувствовать запахи земли, ночного ветра, травы, цветов...

– Мы никогда не задумываемся над такими простыми вещами, пока не лишимся их.

Тихий голос прозвучал рядом так неожиданно, что Рон едва не подскочил на метр в высоту. Рука сама сложилась в позицию для атакующего заклинания.

– Спокойно, Рон. Это я, Тина. Вы помните мой голос?

Еще бы Рон его не помнил!

– Тина?

На этот раз говорить было почти не больно. Для того, кто знал боль в самых разных ее проявлениях, вообще сущие пустяки.

– Вот именно. Я рада, что вы наконец проснулись. А теперь закройте глаза и полежите смирно пару минут. Я хочу считать вашу ауру.

– Мою ауру? Вы медик?

– Я и лошадь, я и бык, я и баба, и мужик... Вы послушаетесь – или мне прибегнуть к силе?

– Не надо.

Рон послушно закрыл глаза – и сильные пальцы легли ему на виски. Он почувствовал мягкое прикосновение чужой магии. Разум его протестовал против любого вмешательства, но Тина и не пыталась воздействовать. Она просто проводила осмотр. И через несколько секунд убрала руки.

– Можете открыть глаза. Я помогу вам сесть.

– Можно, доктор?

Рон пытался острить, но получалось плохо. Наверное, потому, что волшебница действительно стала для него авторитетом в вопросах лечения. Сам Рон был поразительно бездарен в этой области. Убить? Пожалуйста! А вот вылечить...

Это гораздо сложнее.

Вместо ответа теплая рука обхватила его за плечи и приподняла. Рон почувствовал,

что ему что-то подсунули под спину. И осознал, что сидит.

– Если бы мы были снаружи, вы бы могли увидеть звезды. Они такие красивые в этом мире.

Звезды?

На миг перед глазами Рона вспыхнуло небо, усыпанное крупными – с вишню – сияющими звездами. Так много... И они были прекрасны. Они смотрели на мир с огромной высоты, а Рон смотрел на них в ответ и чувствовал, что если потребуется отдать всю кровь, до последней капельки, если потребуется отдать жизнь, душу и посмертие, чтобы только его народ жил, смотрел на эти звезды, любил и радовался жизни, – он бы с радостью пошел на это. Но небо часто бывает жестоко. И смерть одного человека его не удовлетворит. Оно всегда требует жертв...

Рон невольно дернулся и тряхнул головой. Да что это с ним такое?! Когда он последний раз думал о звездах?! Или это просто потому, что выбрался из заточения?

– Что-то не так? – тихо спросила женщина.

– Нет, все в порядке.

– Первое слово было правильным.

Рон внимательно посмотрел в темноту.

– Вы меня видите?

– Вижу. Подождите, сейчас я кое-что сделаю.

Несколько секунд она чем-то шуршала в темноте, а потом по палатке разлился неяркий свет. И Рон жадно впился взглядом в свою спасительницу. Да, он видел ее раньше, из медальона, но это было другое. Тогда все люди представлялись ему смесью ауры и материи. Совсем не так, как сейчас.

Она была довольно молода. Хотя возраст для волшебников понятие растяжимое. Но Рон не дал бы ей больше двадцати пяти. Красива? Он не употребил бы и этого слова. Тину нельзя было назвать красавицей в общепринятом смысле слова, как ту же Орланду ан-Криталь, но в ней крылось что-то такое... Искра души. Искра живой человеческой души, которая освещала и ее, и все вокруг нее. И еще бешеная, детская и потому неистовая любовь к жизни. Растрепанные недлинные волосы, кривая улыбка, исказившая широкий рот, пушистые ресницы, прикрывшие темные глаза.

– Это мой фонарик. Хотя я не знаю, на сколько хватит батареек.

Рон подумал, что разозлил ее своим разглядыванием. Но внешне это никак не выразилось. Просто короткая реплика совсем о другом. Как будто королева прощает конюху невольную грубость. Ну да, он нахамил. Но он же не знает, как поступать правильно! За что же его карать? И Рон неожиданно подумал, что не желает такого отношения к себе. Ему неожиданно захотелось, чтобы кривая гримаска превратилась в искреннюю и широкую улыбку, без всяких там аристократических «зубов не показывать». И чтобы волшебница разговаривала с ним не как врач с пациентом, а как подруга. Как с теми ребятами, с которыми она путешествовала.

– Фонарик?

Рон ожидал, что она воспользуется магией. Смешно обладать силой и не использовать ее. Женщина покачала головой:

– Если я попробую зажечь магический огонь, здесь ничего не останется в радиусе километра. Я пока еще неумеха.

– Ничего себе – неумеха?! – Рон невольно дернулся и тут же закусил губы от боли. – Всем бы такими неумехами быть!

- Ничего вы не понимаете. - Женщина отвернулась и чем-то зашуршала в углу. - Я действительно новичок в магии. А вот своим инстинктам привыкла доверяться с детства. Потому и смогла все это совершить. В магии же многое построено не только на математике, но еще и на доверии к самому себе... Я, может, непонятно объясняю, но лучше я не умею!

- Все понятно, - успокоил девушку Рон.

- Очень рада, что хоть кому-то что-то понятно. Думаю, что вы голодны.

Голоден?! Да Рон готов был сожрать целую планету! И не потому, что проголодался. А просто так - чтобы ощутить вкус еды.

- У нас на обед уха и эльфийские хлебцы. Не возражаете?

Возражать?! Наверное, что-то такое отразилось у Рона в глазах, потому что женщина подмигнула ему.

- Держите, а то я уже за себя боюсь. Каннибализм - страшная сила.

И вложила в протянутую руку Рона большую миску с восхитительно пахнущим супом.

Рон втянул ноздрями запахи. Боги, как же давно он был этого лишен. Миска невольно задрожала в руках, и женщина поспешно перехватила ее на полпути к полу.

- Спокойно, Рон. У меня не так много посуды, чтобы дать вам ее переколотить. Давайте-ка я сама вас покормлю. Будьте умным мальчиком, откройте рот и скажите «А».

- Бэ, - чисто из вредности отозвался Рон. И обнаружил, что сидит с ложкой во рту.

- Прожуйте. А потом проглотите. Не забыли, как это делается?

Не забыл. И вкус у супа оказался еще прекраснее запаха. Рон готов был слопать целое ведро, но пришлось ограничиться одной миской.

- Если все будет хорошо, завтра перейдем на твердую пищу, - обрадовала его женщина. - Кстати, как вы относитесь к эльфам?

Рон пожал плечами. Неплохо. А с их королем даже дружил. И не обижался, что они не стали помогать ему или заступаться. Он и сам не попросил бы эльфов встречать в свои дразги с волшебниками. Дружба - это одно. А ответственность за свой народ - немного другое. И если его друг как простой эльф еще мог ему помочь, то как король... Рон был искренне удивлен, когда увидел эльфа на совете, где он просил помилования для друга. Этого он никак не ожидал.

- Нормально. А что?

- Ну, может, у вас аллергия на эльфийскую пищу. Или просто вы их не любите.

- И что тогда?

Рона начинала забавлять эта ситуация. Эта женщина имеет что-то против эльфов - или наоборот?

- Тогда я попросила бы вас держать свое мнение при себе, чтобы мы не поссорились. Я хорошо отношусь к эльфам, а Лириин - их королева - мой друг.

- Лириин?

- Ее настоящее имя просто невозможно произнести. Поэтому...

- Лиреанделон рэ-Аллиерэн кавэрэ Меарилэннон. Да?

И невольно покачал головой, когда глаза женщины раскрылись на пол-лица.

- Хорошая память - это самое главное для волшебника. Вам придется долго над собой работать, Тина. Просто чтобы оправдать ваше звание.

- Если мы вообще выживем, – оставила за собой последнее слово женщина. – Откуда вы знаете Лирин?

- Она меня тоже хорошо знает. Я дружил с ее отцом. Что сейчас с Лэнном?

- Если Лэнн – это ее отец, то...

- Да, – огрызнулся Рон, уже догадываясь об ответе. – Меарилэннон рэ-Аллиерэн кавэрэ Ристалозэннон. Его величество.

- Бывшее. Его убили люди. Подробности – у Лирин. – Лицо женщины стало просто ледяным. – Я ей друг, а не исповедник.

- Хороший подход.

- Ага. Не лезь мне в душу – и я не наплюю в твою.

- Так-то вы к людям относитесь.

- Именно так.

За разговором Рон и не заметил, как очистил тарелку, и теперь умоляюще взглянул на женщину. Вместо ответа та сунула ему в руку эльфийский хлеб.

- Извольте съесть – и на боковую. У вас сейчас главные задачи – есть и спать. И побольше, побольше...

- Как прикажете, моя взари.

- Ага, вот так я вам и приказала.

К удивлению Рона, женщина никак не отозвалась на его обращение. А ведь на такие слова имел право только один человек – тот, с которым она должна была зачать ребенка. Пропустила мимо ушей? Одобряет его попытку сблизиться? Или просто не в курсе об этом нюансе?

Рон впился зубами в галету и вздохнул. Зная Тину (а он уже немного знал эту девушку), можно было всерьез рассматривать только третий вариант.

- Тина, а вам вообще что-нибудь известно о сообществе волшебников?

- Только то, что оно существует и временами отдельные его представители доводят меня до головной боли. А что?

- Ничего. Но вы собираетесь стать полноправной взари?

- А куда я денусь с подводной лодки?

- А что такое подводная лодка?

- Железный пузырь, в котором можно погружаться в глубины океана.

- Зачем?

Изумление Рона было неподдельным.

- Ради интереса, чтобы узнать что-то новое, чтобы напасть на своего противника...

- Да нет! Я понимаю, зачем нужно плавать под водой! Но зачем для этого пузырь, да еще железный? Проще же магией!

- Как видите, не проще, – огрызнулась Тина.

- Откуда вы, говорите, родом?

- С Земли. Лирин обозначила мой мир, как Землю Иисуса-13.

- Иисус, Иисус... А! Вспомнил! Библия, бог един и мучительная смерть в конце, чтобы

все точно уверовали! Да?!

- Если вкратце - то да.

- Тогда понятно. Вообще-то я попал в лапки совета, когда тот был еще на шестой Земле. Но, кстати, уговаривал его отказаться от глупой затеи. Ежу понятно, что Иисус с самыми благими намерениями втягивал свои миры в долгую братоубийственную войну.

Тина вспомнила, сколько народа в ее мире поубивали из-за дурацких расхождений в вере, - и покривилась.

- Благими намерениями вымощена дорога в очень плохое будущее.

- Именно.

Тина внимательно посмотрела на собеседника. И решительно отобрала у него остатки галеты.

- Спать. И никаких возражений.

Щелкнул фонарик, погружая палатку в темноту. Маленькие руки чуть надавили на плечи Рону - и волшебник обнаружил, что уже лежит навзничь, а Тина укрывает его удивительно теплым одеялом.

- Мы обо всем поговорим, когда вы проснетесь в следующий раз. А теперь - спать.

Рон проспал всего шесть часов. И когда он открыл глаза, наступало утро. Дальше все развивалось очень спонтанно.

- Тина, - позвал он.

Я в этот момент делала зарядку. Пришлось прерваться и подойти к Рону.

- Доброе утро?

- А оно доброе?

Я протянула ему руку, помогая встать и выбраться из палатки. Рон послушно принял мою помощь и с удобством устроился на траве.

- А почему нет? Мы живы, здоровы и свободны.

- И надолго?

- А это уже как получится.

Пессимизм Рона начинал действовать мне на нервы. И я решила больше не откладывать разговора.

- Вы себя хорошо чувствуете?

- Более чем.

- Это вам понадобится. А теперь садитесь и слушайте.

Я спокойно, не меняя ни тона, ни выражения, рассказала, как познакомилась с Орландой. Повела о своих встречах с очистителями, с эльфами, с драконом и разумной яблоней. И перешла к миру Двенадцати Дев. Рассказала про Эмрипея, про амазонок, про Керат и про медальон, попавший мне в руки. И про свое решение. Точно так же я рассказала о своей беседе с верховным волшебником и про убитый город. А потом - про постамент и найденное на нем тело.

До этой минуты Рон слушал спокойно, но тут его проняло.

- Тина, а как вы воссоздали мое тело?

Он уже начинал догадываться об ответе, и я опустила глаза.

– Вы не слишком хорошо обо мне думаете, Рон. И – вы правы в своих подозрениях. Я не воссоздавала ваше тело. Я не могла этого сделать. Я просто увидела тело без жизни и без души. Тело, которым я могла воспользоваться. Тело, обладающее огромными магическими способностями. Идеального донора даже для своей души, если бы я решила сменить пол. Вы имеете право быть недовольным таким моим решением, но любое тело лучше, чем заточение в медальоне.

В этот миг я зауважала Рона. Зауважала?! Нет! Гораздо больше! Я начала им восхищаться. А именно – его реакцией. Я бы в такой ситуации закатила истерику. Рон же просто замолчал. Руки его сжались в кулаки – и зубы он стиснул так, что чуть челюсти не треснули, но промолчал. Я молчала тоже, исподтишка разглядывая его при свете дня.

Отдаю должное своему вкусу. Не знаю, как Рон Джетлисс выглядел раньше, но сейчас он был просто восхитителен: молочно-белая кожа без единой веснушки и скульптурные, почти идеально правильные черты лица. Чуть более высокий лоб, чуть более длинный нос, полные, красиво очерченные губы – и вместо задуманного Творцом совершенства возник чертовски привлекательный мужчина. И это я еще ничего не сказала о его мускулатуре. И о высоком росте. Я доставала ему макушкой до плеча, а ведь я не карлица. Во мне не метр пятьдесят, а все сто семьдесят два сантиметра. А темно-рыжие волосы, кольцами падающие на широкие плечи? И это при угольно-черных бровях и таких густых ресницах, что их вместо забора ставить можно.

И самая привлекательная черта нового Рона. Это – его глаза. Большие, прозрачные, неистово-голубого цвета. Как будто ему в глазницы вставили два кусочка весеннего неба. Невероятно красивые глаза. Даже жалко, что они достались мужчине, а не женщине. Полцарства за такие глаза.

Рон молчал довольно долго.

– Давай перейдем на «ты».

Я настолько не ожидала этого предложения, что даже не сразу сообразила, как ответить.

– Да. То есть нет. Ой! Да, конечно, я согласна. Это значит, что ты не сердишься?

– У тебя ведь не было выбора, – пожал плечами Рон. – Совмещение прошло успешно?

– На мой взгляд – более чем. Все твои знания, навыки, способности – все восстановилось в полном объеме. Единственный минус – ты можешь иногда вспоминать то, чего никогда не знал. Тебе досталась память юноши, в теле которого ты живешь.

– Юноши?

– Ты выглядишь года на два старше меня. А если хочешь узнать подробнее – покопайся в своей памяти. Должен же ты знать, сколько лет твоему телу.

– Это подождет. Тина, я подозреваю, что ты помогала мне не просто так.

– Правильно подозреваешь, – не стала ломаться я. – Я человек корыстный. И теперь хочу попросить тебя о двух услугах. Больше мне ничего не надо.

– О каких? Достать луну с небес и звезды на платье?

– Угу. И солнце на трусики.

– Как скажешь. Я полетел?

– С крыши на забор. Так, ладно. А если без шуток – во-первых, мне нужно, чтобы ты покопался в своей памяти.

– Зачем?

– В своей новой памяти, – уточнила я. – Мне очень нужно узнать, кто убил этого юношу и уничтожил город.

- Зачем тебе это знать?
- Пошлю ему цветы.
- На память?
- На могилку.
- Мстить будешь?
- Нет. Восстанавливать справедливость и объяснять, что так не делают!
- И как ты собираешься это проверить?
- Какая тебе разница? Ты мне адрес дай, а уж там я сама приду в гости.

Перед глазами плавал приятный и успокаивающий образ старого доброго танка «Т-34». И парочки гранат рядом.

- Хорошо. Это несложно, если ты пообещаешь взять меня в компанию.

Мне показалось на минуту, что я ослышалась. И я ляпнула первое, что в голову пришло:

- А на фиг ты мне там сдался?

Рон ехидно оскалился.

- А без меня ты вообще можешь сидеть на кочке и плевать в небо. Сама понимаешь.

Я понимала.

- Гад ты и лошадь твоя гадская.

- Какая лошадь?

- Такая, сякая и разэтакая, - непонятно ответила я.

- Значит, работаем вместе.

Я закатила глаза.

- Нет, ну ладно - я. Тебе это на фиг нужно?

- Что значит - на фиг? Во-первых, это теперь мое тело. И я кое-что за него должен. А во-вторых, мне просто надо размяться. Проверить старые навыки, погреть косточки...

Это было разумно.

- Хорошо, - согласилась я. - Помехой ты не будешь. Но одно условие у меня есть.

- Разве?

- Факт. Того козла, который сотворил это колдовство, отдаешь мне. Я с ним тоже что-то подобное сделаю.

- Тогда лучше мне. - Рон был спокоен и невозмутим. - Видишь ли, у меня больше опыта в этих делах, да и навыки обновить надо... перед встречей с верховным волшебником.

Слушая нарочито спокойный голос Рона, я кивнула и нехорошо оскалилась. Ой, как я не завидую верховному волшебнику...

- А какая вторая просьба?

- А?

- Да. Ты говорила о двух просьбах. Вторая?

Я покусала ноготь, собираясь с мыслями.

- Ты меня совсем запутал. Рон, а когда ты опять собираешься явиться пред светлы очи?

- Чем скорее, тем лучше.

- Отлично. Тогда у меня есть скромная просьба. И предложение. Ты не хотел бы явиться на праздник, который состоится через два дня по времени мира взари? Не самый плохой момент для появления.

- Это верно. Ты и сама хотела там разобраться с Орландой?

- Правильно помнишь. Мы могли бы появиться там вместе?

Рон замолчал на несколько секунд. Потом поднял бровь.

- В каком смысле - вместе?

Я искренне постаралась объяснить:

- Мой муж меня предал. Эта стервочка разозлила. Мне хотелось бы отплатить им той же монетой. Но просто повернуться и уйти - это не по мне. Попытаться мстить - я потеряю больше времени, чем получу удовольствия. А вот если уйти к кому-то другому, к человеку, которому Ники и в подметки не годится.... Тогда взбесятся и мой бывший муж, и Орланда.

Рон пожал плечами:

- Мне кажется, что это глупо. Ты уверена?

- Во всяком случае, я этого хочу. Ты мне pomoжешь?

- На своих условиях.

- Кто бы в этом сомневался. На каких?

Несколько секунд Рон молчал. И разродился, когда я уже начала терять терпение:

- Пару мы будем изображать, пока я не дам отмашку. Если я буду оправдан, ко мне тут же привяжутся с разными глупостями. Мне надо будет найти себе даму, произвести на свет ребенка... Я хочу какое-то время отдохнуть от роли племенного жеребца.

- Когда же ты успел от нее устать? - не удержалась я.

- Еще до начала спектакля. Поэтому мы просто будем изображать влюбленную пару лет на двадцать дольше, чем ты предлагала.

- Я предлагала всего одну вечеринку.

- А я предлагаю более длительное партнерство. Попутешествуем по мирам в свое удовольствие, я тебя научу пользоваться твоей личной силой, чтобы ты никого не угробила...

- А я пока никого и не угробила.

- Это по чистой случайности.

Возразить было нечего.

- Но мы будем просто друзьями?

- Я бы предложил тебе стать моей подругой, но я не в том положении.

- В «том положении» тебе оказаться и не светит, - огрызнулась я. - Физиология не позволит.

- Ты права. Это, скорее, твоя обязанность. - Рон и не подумал обидеться.

- Всю жизнь мечтала.

– Вот и домечталась.

Препираться с Роном оказалось тоже весело. Я уже и не думала, что буду с кем-нибудь так спорить, особенно после того, что выкинул мой бывший муж. Но...

– Почему бы тебе тоже не помечтать? Очень хочется узнать, какая сволочь сделала такое с беззащитным городом.

– Сейчас выясним.

Рон закрыл глаза. Потом открыл их и посоветовал:

– Не смотри на меня так. А то у меня прыщ на носу вскочит. Или уже вскочил?

– Гад, – обиделась я. – И вовсе я на тебя не смотрю! Что я – обезьян не видела?

– Каких обезьян?

– Человекообразных!

– Ну так посмотри. – Рон повернулся, демонстрируя себя во всей красе. – Мне раздеваться?

– Размечтался!

– Вот так всегда! А у меня, может, самые честные и чистые намерения!

– Чтобы они такими стали, тебе нужен мировой океан и пара цистерн хлорки!

– Нет в мире справедливости.

– Зато есть все остальное. Не буду мешать твоему редкому мыслительному процессу. Вспомнишь – скажешь?

– Я тебе все-все скажу, – пообещал Рон. – И даже немного сверху.

Препираться мы так могли до пенсии. Я развернулась и пошла прочь. Буду листать фолиант, который мне подсунул Лефроэль. А то пиромагией займусь. До сих пор вспоминаю, как на месте костра чуть вулкан не открылся. А ведь мог. Сила есть, волшебство есть, ума не есть. Если Рон согласится со мной позаниматься, я за предложение зубами уцеплюсь. Потому что долго так не продолжится. Кого-нибудь я с такими способностями грохну. И скорее всего – себя.

Рон лежал на мокрой и холодной траве и смотрел в небо. Откуда-то он знал, что у него глаза точно такого же цвета. Цвета неба. Один в один. Они чернели ночью, светлели днем, серели, когда небо закрывалось тучами... Это было так же естественно, как дыхание. Его наследство. Единственное наследство старого короля.

Эти слова сорвали маску с памяти, и воспоминания хлынули потоком. Воспоминания не Рона Джетлисса, но совсем другого человека. И Рон закрыл глаза, повинуясь их молчаливому безумию.

Его звали Арэсти Эрналът. Последний из Эрналът, он мог проследить свой род столетиями и тысячелетиями. Он не помнил всех своих предков. Только тех, кто сделал что-нибудь для Эрлина, его страны. Одной из многих в этом мире. И, пожалуй, самой прекрасной. Жаркий климат летом и теплый – зимой. Виноградники и озера. Леса и поля. Горы на севере и море на юге. Этими горами Эрлин был надежно отделен от других стран континента. Иногда Арэсти даже казалось, что Эрлин – и есть весь мир. Арэсти знал, что их мир не один. Что миров существует бесконечное множество. И даже пытался представить это, но путался и выбрасывал ненужные мысли из головы. Уже несколько десятков тысяч лет Эрлином правили Эрналът. Так было, так должно было быть, и так обязательно будет. Арэсти обязан был стать правителем, как и другие из рода Эрналът. Но так не вышло. Никто не знал, откуда появился человек в синем плаще, никто не знал его имени и возраста, никто даже не видел его лица, но однажды он пришел. Неотвратимо, как смерть. Тот день стал трауром для рода Эрналът. Сам Арэсти этого, конечно, не застал. Его отец тогда еще и не родился, а его матери было всего два годика. Поэтому она и спаслась. Все произошло на одном из праздников.

Король и его семья, к сожалению вся семья, сидели в ложе. И на арену вышел человек в синем плаще.

Он не стал ничего говорить, не стал предупреждать и вызывать на поединок. Он просто поднял посох, увенчанный небольшим черепом неизвестного животного, – и с него полетели черные молнии.

Первыми погибли маги. Потом – оцепеневшая от ужаса королевская семья. Затем – зрители. И маг объявил, что становится королем Эрлина. Приказал называть его просто – Некромант – и воздвиг для себя замок посреди столицы, разрушив фамильный дворец Арэсти. И стал править.

Род Эрнальтов был уничтожен почти полностью. И Арэсти мог просто не родиться. Но у его деда нашлись верные люди. Маг Ариан. Один из немногих, выживших после первого удара Некроманта. Отличный телепортер и умница. Он сразу понял, что битва проиграна. И перенесся во дворец. Ему удалось найти маленькую принцессу Верену с нянькой. У девочки болел животик, и поэтому ее оставили дома. И маг, не вдаваясь в подробности, просто телепортировал девочку, ее няньку и несколько человек, особо преданных королю, за пределы столицы. Дальше все зависело только от них. И люди разделились. Кто-то пошел на закат, кто-то на восход. А мать Арэсти спрятали там, где ее точно не должны были искать. В одном из самых крупных торговых городов Эрлина. В Риальте.

И сейчас Риальта превратилась в горсть пепла.

Принцесса Верена так и не узнала о своем происхождении. Никогда. В восемнадцать лет она вышла замуж за человека из когда-то знатного рода, в двадцать родила Арэсти, а еще через три года умерла от воспаления легких. А Арэсти выжил под присмотром отца и любящих деда (когда-то начальника королевской стражи) с бабкой (той самой няньки). Отец тоже не чаял души в мальчике и воспитывал его как воина. Политика из него воспитали дед с бабкой. Арэсти долго не знал о своем происхождении. Очень долго. Он просто жил в своем городе, в котором и родился двадцать шесть лет назад. Работал в лавке у деда, продавал и покупал ткани, в восемнадцать женился, а через год у него родилась дочка. Алитта. Солнышко и радость Арэсти.

К сожалению, ее мать не перенесла родов.

Арэсти долгое время был безутешен. Потом стало проще. Он не жил монахом, но и жениться не собирался. У него есть дочь. Все остальные могут катиться в бездонный провал. Или еще куда глубже. Но у общественности было другое мнение. Когда Алитте исполнилось два оборота, заговорщики решили, что принц должен знать тайну своего рождения.

Сперва Арэсти просто не поверил. Потом ему предъявили доказательства – сочетание синих глаз, фамильных родимых пятнышек на пояснице в виде пятиконечной звезды, нескольких документов и перстня с гербом...

Рон поспешно схватился за руку. Перстень был на месте. Никто не позарился на него. Что ж, тем лучше. Хотя документы наверняка сгорели.

...убедило его. Арэсти посвятили в план заговора. Люди надеялись на лучшее, но их предали. И Итвор Ретан сумел выманить Арэсти из города, навстречу каравану.

Некромант лично прибыл в Риальту, чтобы все выяснить и покарать людей, не смирившихся с его жестокостью. Арэсти схватили, связали и затащили на помост, собранный из частей телег. Юноше до последнего мгновения казалось, что это всего лишь дурной сон. Казалось, стоит тряхнуть головой – и он очнется у себя в спальне, рядом улыбнется жена и шепнет: «Милый, наш ребенок опять толкается. Кажется, мы дадим миру настоящего воина».

Арэсти понял, что с ним будут делать, только на помосте. Когда вскрыли вены на его запястьях и из его крови стали подниматься зловещие багровые сущности, похожие на вихри с мечами. Высотой в рост человека. Теперь сон развеялся – и Арэсти понял, что это неотвратимо. Он умрет.

Вихри, покорные злой воле Некроманта, рванулись к городу. А Арэсти закричал от боли, раздирающей душу. Не тело. Но душу и разум.

Умрет он.

Умрет его дочь.

Умрут люди, которые доверяли ему до последней капли крови.

И умрут от силы, полученной из крови рода Эрналт.

Какая чудовищная ирония.

И Арэсти сделал то единственное, что ему оставалось.

Он *позвал*.

Он звал, как не звал никогда в жизни. Не богов и не демонов. Не предков и любимую. Нет. Он звал тех, кто может отомстить за его смерть. Тех, кто сможет пройти сквозь миры, чтобы восстановить справедливость. Арэсти умирал, но был готов отдать все, что имел. Душу и разум, жизнь и смерть, рождение и посмертие. Все! Все!! **Все!!!**

Все, что у него было и чего не было. Что могло быть – и что безжалостно отнимали с каждой каплей вытекающей крови. Весь огонь живого человеческого сердца. То, что способно сжечь моря и погасить вулканы. Любовь. И не к чему-то определенному вроде мороженого, роз или котят. А просто – любовь. Силу, которая есть не у каждого, потому что с ней люди стали бы богами, ибо такая любовь – обожествляет. Но у Арэсти Эрналта она была. И его кровь, его боль, его ярость и отчаяние пронизывали миры и междумирье. Кто бы ты ни был, что бы ты ни было... Зло или добро, свет или тьма, зверь или человек!!! Пусть придет кто угодно – и пусть отомстит! Арэсти рвался в магических путах из всех сил. Если кровь человека с глазами цвета неба дает *силу* – так пусть она хоть раз послужит своему хозяину!!! И что-то вспыхнуло в его крови.

Путы не выдержали.

И Арэсти ощутил, как его разум взрывается чудовищной болью.

Что было дальше – он не знал.

Но, даже умирая, он улыбался.

На его призыв ответили!

Рон долгое время лежал неподвижно. Мне это довольно быстро надоело, поэтому я достала один из учебников и принялась читать. Я успела осилить страниц пятьдесят, когда его магическое заклинание наконец-то соизволил открыть глаза.

– Тина?

– Да?

– Скажи, твоя телепортация проходила нормально?

Я пожала плечами.

– Рон, я первый раз телепортировалась по блуждающему вектору. Откуда я могу знать, что нормально, а что – нет.

– Логично.

– А что-то должно быть не так?

– Именно. Этого парня звали Арэсти Эрналт.

Мне это ни о чем не говорило, и Рон решил продолжить объяснения:

– Кажется, в нем есть немного крови взари или богов. Не знаю точно. Это еще предстоит выяснить. Просто этот парень был одним из претендентов на престол. Последним законным претендентом. А его страной правил узурпатор.

– И тот неожиданно нагрянул в гости, – кивнула я. – Ясен хвост. Рон, как его звали?

– Кого именно?

– Узурпатора!

– Некромант.

Я хихикнула. Потом еще раз. Но, посмотрев на серьезное лицо Рона, заткнулась.

– Это что – шутка юмора?

– Нет. Этот человек приперся невесть откуда, уничтожил династию, поднял себе гвардию скелетов, зомби и вампиров – и стал править. Магов, равных ему по силе, здесь просто нет. Ни одного взари.

– Не жизнь, а сказка, – протянула я. – А Арэсти как уцелел?

– Его мать спрятали горожане. Девочке было всего два года. Ее унесли, а когда она выросла, выдали замуж за аристократа. Но о происхождении ей ничего не говорили. Девочка оказалась не очень умна. Рассказали только ее сыну. Арэсти не хотел связываться с Некромантом, но выбора не было. Сама понимаешь.

– Ага. Королем, как и козлом, можно только родиться.

– Можно спорить, но это близко к правде. – Рон пожал плечами. – И времени тоже, как оказалось, у заговорщиков не было. Нашлась одна гнида и предала. И Некромант нанес удар первым.

– Поня-атно, – протянула я. – А что за гнида?

– Он уцелел. Один из заговорщиков. Некто Итвор Ретан.

– Ит-вор Ре-тан. Понятно. А картинку нарисуешь?

– Не-а. Я его сам прибью.

– Размечтался! Это моя добыча!

– Убили меня, а добыча – твоя?

– Убили Арэсти Эрнальта. И вообще, фильтруй базар! Я первая в очереди!

– Да кто бы спорил. А ты понимаешь, что толковый Некромант тебя бантиком завяжет?

Это я хорошо понимала. А что поделать? Я даже представляла, как пойдет разговор.

«Мужик, так жить нельзя!» – «Ну и не живи! Твои проблемы».

Я ему о жизни, а он мне по морде. Меня же во всех переделках спасало только то, что били не сразу. Сперва старались или выслушать, или что-то поймать. А у Некроманта такой лафы не будет. Если он от целого города склад трупешников оставил, то гуманизмом точно не страдает. А чем он, интересно, страдает? Язвой? Гастритом? Простатитом?

– Ни первым, ни вторым, ни третьим. И старайся думать про себя, – припечатал Рон. Я скорчила ему рожу и задумалась.

– Рон, а сколько тебе еще восстанавливаться?

Рон пожал плечами.

– Да я почти восстановился. Только вот...

- Что - вот?

- Солнышко, как ты предлагаешь бороться с Некромантом?

- Бросить его в яму к диким пчелам. Накормить солеными огурцами и напоить молоком. Отрубить хвост по самые уши, - мрачно начала излагать я.

Рон фыркнул.

- Я, конечно, твои планы одобряю, но у них есть одно слабое звено.

- А именно?

- А именно то, что сперва до Некроманта надо добраться.

- Давай придем и постучимся в дверь?

- Тина, исходя из воспоминаний Арэсти, я могу тебе сказать, что у этого нехорошего дяди в каждом большом городе стоит двухтысячная гвардия. Тысяча скелетов, тысяча зомби. Командуют ими вампиры. От двадцати до сотни на город.

- А Эрлин большой?

- В целом его гвардия исчисляется где-то тысяч в шестьсот. Это если считать всех. И скелетов, и вампиров, и зомби. Страна не такая большая, что нас и спасло.

- Все равно. Откуда он столько пакостей набрал?

- Тина, ну что ты как маленькая?! Арэсти принесли в жертву. Вот и с остальными так же. Некромант просто принес пару сотен человек в жертву и приказал кладбищам подняться. Кого-то он потом очистил до скелетов. А свежие покойники стали зомби.

- Рон, а сложно их убить?

- Кого?

- Про вампиров не спрашиваю. Знаю. Их в нашем мире тоже знают. Зомби и скелетов.

- Их проще не убить, а упокоить. Сжигать их долго, рубить в капусту утомительно, но если готовить на всю эту армаду эликсир - это проще сразу будет удавиться, чтобы не мучиться.

- Много потребуется?

- До хрена. На каждого миллилитров по сто - сто пятьдесят, но ты перемножь их на шестьсот тысяч? Офонареешь!

Я была полностью согласна.

- А как же тогда?

- Надо что-то придумать, чтобы уничтожить и Некроманта, и большую часть его армии одновременно.

- Интересно, что? Боюсь, что эликсира мы на них не напасемся.

- Да, если задаться целью лично прибить каждого, это мы год провозимся.

- Года у нас нет.

- Зато проблем, как тараканов.

- Знаешь старый чукотский способ борьбы с тараканами?

- Какой?

- Загнать их всех под шкаф и подпилить ножки.

Рон шутку не догнал, это было видно по непонимающим глазам.

– А тараканы так и будут ждать под шкафом, пока ты будешь пилить?

– Тараканы не будут, они умные, – протянула я, погружаясь в тоскливые размышления. Блин, положение хуже губернаторского. Знать бы, какого губернатора так увековечили? Но это простое любопытство, а вот факты таковы, что у меня даже чувство юмора обвисает, как... ну, понятно как.

Итак! У нас от силы месяц по местному календарю. Потом надо будет отправляться на растерзание к вэари. Хотя еще кто кого растерзает. Лично я ставлю на нас с Роном. У него за несколько десятков тысяч лет накопилось столько дружелюбия, столько добрых слов... Я даже иногда задумывалась – права ли я? Выпустить демона из бутылки несложно, о чем говорят все сказки. А вот справиться с ним или просто самому удрать...

С другой стороны, без Рона мне всяко голову оторвут. Если сразу и не оторвут, то потом падение кирпича устроят. Орланда лично постарается. Не то что кирпича, бетонного блока для меня не пожалеет, добрая девочка. А ее папочка... Фи! Но это мы потом разберем! Подумаю об этом завтра! Сейчас проблема поважнее – Некромант. Сразу чувствуется, что у мужика воображение не работает. А у меня? Неужели единственное, на что я способна, – это потребовать загнать его скелетов и прочую нечисть под шкаф? Да знаю я, что это глупо! Но мысль-то вертится! Хотя где такой шкаф найдешь?!

Я посмотрела на небо. Небо молчало. Молчали долины, молчали горы... горы... горы!!!

– Рон!!!

Он отвлекся от особо важных размышлений и посмотрел на меня.

– Да, Тина?

– Горы!!!

– Да, я вижу. И что?

– Рон, как у тебя с магией земли?

– Нормально. Я универсал, как и ты.

– У меня тут идея. Скажи, ведь скелетов можно спалить?

– Жечь замучаешься.

– А если их в магму?

– Магму?

– Ну, вулкан под его войском открыть и туда их, туда, в лаву!!!

Рон запустил обе руки в волосы. Я невольно залюбовалась. М-да, таких, как Арэсти Эрналт, надо просто приводить на пункт сдачи спермы – и активно размножать. Нет, правда! Рост, волосы, лицо, мозги, а теперь еще и разум Рона Джетлисса! С ним даже фиктивную пару изображать приятно.

– Идея неплохая, – наконец изрек Рон. – Надо обдумать. А так... Пара заклинаний у меня есть, надо только придумать, как заставить Некроманта собрать все свое войско в одном месте.

– Вызвать его на поединок.

– Так он и пойдет.

– Полагаешь, он нас пошлет?

– И еще чего-нибудь прибавит.

– А как тогда?

- Злить его будем.

- Врага надо низводить и «курошать»? И лучше плюшками?

- Не понял?

Рассказывать про Карлсона мне ужасно не хотелось.

- Я потом все объясню. Ты уже придумал, как будем доводить нашего заклятого друга?

Рон хищно улыбнулся.

- Есть одна идея.

- Какая?

- Надо для начала дать ему знать, что Арэсти Эрналът жив.

- Живее всех живых. Наша сила, знание и оружие.

- Мне нравится, – согласился Рон. – Предлагаю действовать так!

Спустя два часа ссор, споров и обвинений во всех смертных грехах план был готов.

Настроение у Некроманта было, мягко говоря, паршивым. Очень мягко говоря. А если брать то, что он сам мог сказать по этому поводу... все равно цензура вырежет.

И самое главное – непонятно с чего накатило! С утра все было прекрасно. А вот перед большим парадным выходом – хуже некуда. Вроде бы все препятствия устранены, последнего претендента на трон он лично прикончил, а на душе не просто кошки скребут, а сорок клеток с тиграми. Почему-то вспоминается этот мальчишка Арэсти. Его ярые глаза и доверчивая улыбка, которой он приветствовал знакомого.

- Итвор! Какими ветрами? Мы тебя не ждали...

Потом он уже не улыбался. Его оглушили и связали. И держали оглушенным все время до эшафота. А когда тебя приносят в жертву – не улыбнешься.

И все-таки он улыбался!!!

В последние секунды перед неминуемой смертью, зная, что погибает не только он сам, но погибает его единственная дочь и его люди, погибает все, что при жизни любил Арэсти...

Он улыбнулся.

И этого Некромант понять не мог. Можно улыбаться, когда ты победил или за тебя отомстят, но кто мог отомстить за Арэсти? Никто теперь не посмеет пойти против его власти. Да ни у кого и прав таких нет! И сил тоже! Его власть теперь непоколебима, как никогда прежде. Никто не посмеет ее оспорить. Хотя... Они могут попытаться. Улыбка, появившаяся при этой мысли на лице Некроманта, могла довести до инфаркта даже дерево. Пусть попробуют. Ему как раз нужны новые слуги. Зомби, вампиры...

Но почему он улыбался?

Некромант не понимал мертвого мальчишка. И не мог забыть. Даже если выход пройдет успешно, день все равно будет отравлен. Он посмотрел на себя в зеркало, проверяя, как лежат оборки воротника. Король должен выглядеть по-королевски. Безупречно. Эту истину Некромант открыл сотни и тысячи лет назад – и с тех пор всегда следил за собой. Пятна, складки, случайные прорехи на одежде – все подмечалось им и моментально устранялось. Жаль, что нельзя так же устранить пятна и складки в душе.

Некромант решительно шагнул к стене и коснулся ее ладонью. Каменная плита отошла в сторону, и за ней открылся проход в лабораторию.

Это была истинная лаборатория некроманта, как ее представлял непосвященный. Черные стены, отполированные до зеркального блеска. В потолке большое окно, чтобы

наблюдать за движением звезд. Удобный каменный пол, на котором легко нарисовать любую фигуру, каменный же алтарь с канавками для стока крови, несколько полезных приспособлений, чтобы удержать тех, кто вырывается, стойка с ритуальными ножами, несколько шкафов с реактивами. Лаборатория для получения необходимых ингредиентов, оборудованная в соседней комнате, – так удобнее. Главным в этой комнате была функциональность – во всех ее проявлениях.

– Тина, ты готова?

– Не фиг спрашивать, давай работать!

– Предупреждаю еще раз, это будет достаточно болезненно. Ты взяла кляп?

– Разумеется! Рон, хватит, а? Мне иногда кажется, что это у тебя будут забирать силу, а не у меня!

– А мне иногда кажется, что это ты будешь забирать силу, а не я!

Тина только фыркнула в ответ. Рон положительно был очарован этой женщиной. После долгого сидения в медальоне он думал, что уже никто и никогда не сможет его заинтересовать. И к женщинам относился очень потребительски. Не говоря уже о его планах по мщению верховному взари. Вопреки всем прогнозам, Рон не собирался мстить всем подряд. Он отлично понимал, что большинство взари виновны только в клинической глупости. А это лечится. Жизнью. Вот Таись ан-Криталь, верховный взари, – это было другое. И его дочь. Чтобы и памяти от этого подонка на земле не оставалось. При одной мысли о верховном взари у Рона стискивались зубы. Да так, что эмаль крошилась. Рон считал, что выживает и сохраняет здравый разум, чтобы отомстить. И тут его собственное подсознание сыграло с ним подленькую шуточку. Если несколько тысяч лет думать только о мести, если ненавидеть человека несколько тысяч лет – это что же будет?! Рон свихнулся бы еще в первые десять лет, не то что десять тысяч. Но «ужас взари» желал сохранить здравый разум. Поэтому уже через два года великие планы мщения были отложены на полку – и Рон вспоминал о них, только когда у него было особенно плохое настроение. Все остальное время он старался занимать себя. Каждые тридцать часов он обязательно погружался в подобие транса, выбирая ночное время. Он старался изнурять себя наблюдением за своими хозяевами. Он занимал себя умственной работой, составляя, запоминая, перепроверяя цепочки заклинаний... Он жаждал свободы, стремился к мести, но – абстрактно. Вся его энергия была направлена внутрь, на сохранение своего рассудка.

И Рон дождался своего часа. Судьба любезно предоставила ему свободу, силу – и инструмент для мщения.

Во всяком случае, так он сначала подумал о Тине.

Тина же, не зная о великих планах «ужаса взари», решительно опровергала все его расчеты. Она была умна, решительна, готова на все для восстановления справедливости. Рон восхищался ее разумом, хотя и не мог понять ее принципы. И собирался оставаться рядом столько времени, сколько понадобится, чтобы постигнуть вечно изменяющуюся натуру своей спасительницы. Сто лет? Тысячу? Или всю жизнь? «Ужасу взари» казалось, что это будет очень интересным занятием.

От лирических мыслей его отвлек весьма недовольный голос волшебницы:

– Рон, черт побери!!! Долго ты будешь мне хвост крутить?!

– У тебя нет хвоста, – огрызнулся Рон. – Готовься! Активирую!!!

Некромант с удивлением смотрел, как в зеркальной стене, в его тайной, неприкосновенной и защищенной от всех вторжений лаборатории, проявляется странная картина.

Сперва возник город, недавно уничтоженный им. Потом изображение медленно скользнуло к помосту, где происходило жертвоприношение.

Чего ожидать, маг просто не знал. Но уж точно не нападения. Атаковать мага в его

доме, где и стены помогают, попросту глупо. Скорее всего, ему хотят что-то показать. Поэтому он просто и внимательно уставился в зеркало. Изображение наплывало, не теряя четкости. Чернота стен ничуть не мешала неведомому режиссеру. Картины были такими четкими, словно Некромант смотрел в открытое окно. Помост был показан во всей красе. И Некромант увидел, как он сам и его люди скакали прочь сразу после проведения ритуала. А тело Арэсти осталось на помосте.

Ненадолго.

Некромант подумал, что наступает рассвет, но он ошибся.

С темных небес неожиданно хлынул свет. Теплый, мерцающий, золотистый. Он ласкал и успокаивал, он нежно касался израненной земли, заливал ее потоком теплого золотого меда – и Некромант даже через зеркало ощутил, какое умиротворение пришло вместе с этими любящими лучами.

Свет охватывал землю кольцом, не решаясь прикоснуться к помосту. Маг ждал. Сам не зная чего, он просто ожидал, пристально вглядываясь в зеркало. И его терпение было вознаграждено. Он заметил, что в одном месте свет особенно усилился. Он все уплотнялся и усиливался, пока угол зеркала не вспыхнул особенно ярко.

И в небе появилась дверь.

Это было очень давно.

Им с Арэсти было всего по девять лет. И их тянуло на подвиги. Когда мальчишки узнали, что в старой башне живет привидение, удержать их не смог бы ни один ошейник. Итвор Ретан и Арэсти Эрнальт направились туда поздно ночью.

Итвор шел первым, Арэсти – вторым. Недолго. Арэсти был слишком смел, чтобы идти за кем-то по пятам. И когда они добрались до башни, Итвор пропустил приятеля вперед.

Сейчас Итвор не мог сказать честно – чего он хотел. Неужели он и тогда желал убить Арэсти? Вряд ли. Тогда у него не имелось еще причин ни для зависти, ни для ненависти. Или все-таки имелись? Вот уж чем Рону было неинтересно заниматься – так это анализом разума подлеца и предателя. Разве что хирургическим. Без наркоза.

Но Итвор сделал то, что сделал.

Он насмешливо приоткрыл дверь перед кузеном, шаркнул ножкой, подражая лакеям, – и, стоило Арэсти войти внутрь, тут же захлопнул дверь за его спиной и бросился бежать. Через час он лежал в своей кровати, накрывшись до ушей одеялом, и пытался представить, что случилось с Арэсти.

Он так и не уснул в ту ночь. А Арэсти явился утром, свежий и веселый, как всегда.

– Зря ты испугался, – сказал тогда мальчик. – Ты многое потерял.

– Что – потерял? – спросил Итвор.

– Теперь уже не важно, – отмахнулся Арэсти.

– Все-таки – что?!

Арэсти улыбнулся своей мягкой улыбочкой. Как же Итвор ее ненавидел!!!

– Этого ты никогда не узнаешь.

И сейчас Некроманту показывали дверь в ту самую башню.

Некромант видел, как мальчик влетел туда. Двери тут же захлопнулись – и ребенка окутала сплошная темнота. Темно было так, что он мог видеть только контуры человека в зеркале стены. Мальчик в зеркале неуклюже вытянул перед собой руки и сделал шаг.

Потом еще один. Он осторожно нащупывал дорогу ногой.

Ему попалась еще одна дверь – и он толкнул ее в надежде, что там окажется выход.

И все залил мягкий золотистый свет. Точь-в-точь такой, который лился сейчас на израненную землю.

Арэсти оказался совсем в другом месте. Не в старой башне. Нет. Теперь перед ним была огромная поляна, заросшая странными, но очень красивыми цветами. Колдун, несмотря на то что много путешествовал, таких не видел никогда в жизни. Поляна была огромной. Насколько простирался взгляд – Некромант мог видеть ту же равнину, заросшую цветами. На горизонте, очень далеко, росли деревья. Кажется, там было что-то еще, но он не мог ничего рассмотреть. Потому что в следующий миг откуда-то из-за рамы зеркала появилась женщина. Не очень высокая, с короткими темными волосами, в длинном светло-зеленом платье. Но такой от нее шел свет... Свет внутреннего тепла, доброты, участия, любви...

Она посмотрела на Арэсти и протянула ему руку.

– Как ты сюда попал, маленький принц?

И столько доброты было в ее глазах, что Некроманта просто затрясло. От злости, от возмущения. Можно многое получить от человека с помощью денег, власти, магии, страха наконец! Но такой взгляд получить нельзя. Его могут только подарить. И было почему-то до ужаса обидно, что на Некроманта никто ни разу так не посмотрел. За все тысячелетия его жизни.

Арэсти подумал – и протянул ей свою ладонь.

– Меня зовут Арэсти Эрналт.

– А меня Тина-ви-элль. А что ты здесь делаешь?

– Мы пришли сюда поиграть.

– Ко мне?

– В башню. Потом мой друг испугался, а я остался.

– Понятно. Я рада тебя видеть, маленький принц. Пусть ты и пришел незванным, но ты мой гость. Кровью и пламенем клянусь, что не причиню тебе вреда. И приглашаю тебя в свой замок.

Некромант наблюдал за тем, как руки женщины и мальчика сомкнулись. Между их пальцами проскочила мгновенная вспышка – и спустя секунду они оказались перед огромным замком. Широкая лестница, по которой могли одной линией пройти двадцать человек, не касаясь друг друга плечами, вела к высоким воротам.

Женщина первая сделала шаг. Она поднялась на ступеньку и посмотрела сверху вниз на Арэсти.

– На эту ночь я приглашаю тебя в свой замок, маленький принц. Ты получишь все, что пожелаешь. Я знаю, что золото тебя не привлекает, но тебе всегда было интересно познать мир. Мы будем летать в поднебесье и опустимся на дно морское. Попробуем поймать звезду – и прокатимся на льве. Заберемся на самую высокую гору моего мира, устроим пикник на траве, а затем ты увидишь, что таится в самом сердце земли. Показать тебе мой мир – в моей власти. В эту ночь у тебя будет все, что ты пожелаешь.

– Почему, – удивился Арэсти, – ты так добра ко мне?

– Ты пришел. Этого достаточно.

– А что будет утром? – Мальчик не торопился шагнуть на лестницу, но женщина и не настаивала.

– А утром я верну тебя в твою комнату. Я обещаю, что ты будешь помнить все, что с тобой произошло. И меня, и этот мир. Но только если ты поклянешься никому

обо мне не рассказывать.

– А...

– Никому, – женщина властно подняла руку. – И никогда.

– И тогда я смогу вернуться сюда?

– Нет.

Женщина опустилась на ступени замка, зеленое платье раскинулось вокруг нее озером мерцающего света.

– Ты не вернешься сюда, Арэсти Эрналът. Твоя кровь открыла тебе проход один раз. Второй это может быть слишком опасно. Но я обещаю тебе другое.

– Что?

– Если ты никому обо мне не расскажешь, я оставлю тебе свой дар. В минуту, когда надежда, вера и сила покинут тебя, ты сможешь позвать – и я приду.

Некромант почувствовал что-то неладное. Позвать – прийти. Неужели он позвал? И она – пришла? Но кто?! И как?!

– А если...

– Это случается с каждым человеком. Рано или поздно приходит такой миг, в который он слаб, слеп и беспомощен. Я приду, если ты позовешь. Но ты никому и никогда обо мне не расскажешь. Договорились?

Вместо ответа Арэсти Эрналът сделал шаг вперед и протянул женщине руку.

– Разрешите вам помочь?

Женщина наградила мальчика ослепительной улыбкой.

– Я счастлива принять от вас помощь, мой принц.

Вспышка на миг ослепила сосредоточенного Некроманта. А когда он опять посмотрел в зеркало, там была совсем другая картина.

Помост. И разрушенный город невдалеке. Кстати, Некромант собирался пополнить его жителями свою армию. Позже, когда оставленная на свободе *сила* сделает большую часть его работы.

На истерзанное тело Арэсти прямо с неба лился мягкий золотой свет. Старая дверь открылась – и Некромант даже не удивился, потому что знал, кто оттуда выйдет.

Тина-ви-элль.

Он угадал. Женщина была в странном белом платье, обнажавшем одно плечо, с распущенными волосами и какой-то странной золотой игрушкой в руках.

Геракл мгновенно признал бы в ней лиру, но волшебнику эта вещь была незнакома. Его редко интересовали музыкальные инструменты. Все наблюдения Некроманта лежали немного в другой области.

Женщина спокойно и непринужденно спускалась прямо по воздуху, как по невидимым ступеням. Она встала на колени рядом с телом Арэсти, дотронулась рукой до его плеча – и заплакала.

– Что же с тобой сделали, мой принц?! За что?!

И столько боли и ненависти прозвучало в нежном голосе, что Некроманту стало не по себе. Даже он не умел *так* ненавидеть. Нежный тихий голос обещал ему такое богатство пыток, что страшно было даже подумать об этом! Страшно! Это ему-то, обучение которого началось с ритуального мучительства!

Слезинка упала на эшафот, и сквозь дерево пророс белый цветок. Точь-в-точь как те, на лугу. Яркий и чистый.

А женщина взяла в руки инструмент, коснулась его пальцами – и зазвучала странная, но очень красивая мелодия. На глазах у ошоломленного от бессильного бешенства некроманта музыка творила – магию!

Пальцы женщины перебирали струны все быстрее и быстрее, музыка неслась по миру, как горный поток. Она звала и приказывала, вела за собой и держала на коротком поводке из золотых струн. И только сейчас некромант заметил, что пальцы у Тины-ви-эльль изрезаны, просто изорваны в кровь. И уже не мелодию они выводят, а что-то другое тянут своей кровью и властью музыки. Да и струны-то уже не золотые, а вовсе даже алые. И платье ее покраснело от крови. С золотых струн на тело мужчины падала кровь.

И на глазах волшебника творилась магия крови. Он даже пожалел, что не может оказаться рядом и пронаблюдать все своими глазами. Все-таки в зеркале многого не увидишь. Ауры, следы заклинания, детали...

Кровь сплеталась в одно целое с золотым сиянием, били алые молнии, собирались грозовые тучи. Небо над головой женщины вертелось, как будто его ложкой размешивали. Но на помосте так же лился ровный золотой свет. Казалось, все идет как должно. За несколько секунд, показавшихся некроманту тысячелетиями, чудовищная воронка из черного, золотого и алого собралась над телом Арэсти. И прозвучал нежный голос.

Женщина вплела свои речи в музыку. Сделались они ее частью, оплели, поработили – и грянули единым громом, имя которому – жизнь!

– Ты встань, пробудись, мой сердечный друг! Никогда я тебя не покину. По твоему зову я пришла в смертный час. По твоей крови врата открыла. По твоей любви сердце потеряла. Не оставь меня, любовь моя ненаглядная... Не бросай меня! Не уходи! Подождет тебя смерть-красавица. К ней прийди всегда успеем рука об руку. Возвернись ко мне, мой единственный! Никому тебя не отдам теперь...

И Арэсти зашевелился.

Медленно-медленно открылись голубые глаза.

– Тина-ви-эльль?

– Да, любимый мой.

По лицу женщины катились слезы. И поле белых цветов раскидывалось от края до края.

– Неужели я сплю?

– Нет, любовь моя. Ты уже проснулся.

Женщина наклонилась и прикоснулась губами к губам Арэсти.

– Я пришла к тебе. И навсегда. Теперь мы уже никогда-никогда не расстанемся. Ни в жизни, ни в смерти. Ты мне покажешь свой мир?

Некроманта ослепила вспышка. Он невольно зажмурился, а когда открыл глаза – зеркало было пустым и чистым. Только на столе рядом с ним лежал белый цветок. Из тех, которыми плакала женщина.

Тонкий аромат заполнил комнату, и Некромант почувствовал, что сходит с ума.

Сон? Явь?!

Неужели это правда?

И Арэсти жив?

Тогда...

А что, собственно, «тогда»?

Некромант бросился к своему рабочему столу. Потребовались два голубя и один котенок, чтобы в зеркале отразился мертвый город. Некромант намеревался пополнить за его счет свою гвардию, но...

Что за демон?!

Города просто не было. Некромант еще раз проверил положение в пространстве, но – увы! Он не обманывался. Просто город мертвецов был уничтожен. А на том месте, где он находился прежде, росли странные белые цветы. И казалось, что он чувствует их аромат даже через зеркало. Или это был аромат того, первого цветка? Некромант не знал.

– Глупости. Никакая ведьма не сможет вернуть то, что было уничтожено. Это просто бред!

Некромант разговаривал сам с собой, но уверенности не испытывал. Ему так хотелось, чтобы разговор с зеркальной женщиной оказался просто галлюцинацией! Но это была жестокая правда.

Глава 21

Я с удовольствием наблюдала за метаниями типчика в озере.

– Так тебе и надо, гаду!!!

– Именно, – поддержал меня Рон.

Мы переглянулись, и он заговорщически подмигнул мне.

Конечно, все, что Некромант видел в зеркале, было чисто конкретной брехней. Сценарий мы придумали вместе с Роном. Два часа изобретали, полдня снимали и ваяли. И только потом стали отлавливать этого ученого. Ведь и правда – ученый, сволочь! Таких бы на фонарях развесить! Я-то думала, что избыток силы оставлен по неопытности, а нет! Избыток оставлен, чтобы трупы впитали его – и превратились в какую-нибудь прелесть типа зомби. Ох, доберусь я до этого некроманта! Не то что перья полетят, мясо поползет. Хотя у Рона тоже есть свои планы насчет любителя трупов. Может, стоит довериться ему? За пару тысячелетий в заточении еще и не такое можно придумать! И потом. Моя ярость – костер. Быстро вспыхнула, быстро сгорела. Ярость Рона – море. Которое вроде бы спокойно, но в любой момент может устроить тебе водоворот или Бермудский треугольник. И сейчас Рон именно его и устраивал. Он хотел сперва помучить свою жертву морально и только потом перейти к физическим пыткам. И пока ему это удавалось.

Рон отлично знал главный принцип всех вешателей лапши. Берешь грамм правды, добавляешь килограмм лжи, поперчить мистикой, посолить романтикой – и подавать на стол. Сожрут, не подавятся!

Некромант и сожрал. Если расчеты Рона верны, Некромант вызовет к себе Итвора и расспросит его о событиях далекого детства. И получит подтверждение, необходимое нам для следующего шага.

На самом деле Итвор и Арэсти лазили в башню. И Итвор остался снаружи, а Арэсти – внутри. Но никакой женщины и никакого сада Арэсти, конечно, не видел. Рон сказал, что мальчишка просто прошел вокруг башни, нашел окно, вылез – и отправился в кровать. А Итвору ничего не говорил, потому что хотел заставить приятеля помучиться любопытством.

Но картинку мы сваяли просто потрясную! Уолт Дисней со своими «Красавицей и чудовищем» просто отдыхает в уголочке. И даже обижаться не стоит. Те спецэффекты, которые может творить магия, ни одному режиссеру не снились! И сейчас мы наблюдали за типом в мантии, потянувшимся к зеркалу. На минуту мне даже показалось, что этот козел всплывет у нас в озере.

– Он нас не почувствует?

– Нет.

– А если он тоже взари? – поинтересовалась я, глядя, как маг делает какие-то пассы над зеркалом.

– Откуда здесь взэ... гехрат!!!

Слово было определено ругательным. Рон схватил меня за руку, и я ощутила отток силы. Сейчас это оказалось больнее, чем раньше, но я только стиснула зубы и тихо шипела. Пользуясь моей силой, Рон ставил заслоны на пути у мага, запутывая все следы. Он должен был поверить в существование Тины-ви-эль.

Кажется, Рону это удалось. Или не это?

– Что ты делаешь?

– Этот козел, – Рон уже успел перенять мое любимое ругательство, – сейчас смотрит сюда. Я сделал так, что нас он не видит.

– Только розы?

– Именно.

Розы мы вырастили еще вчера. Это был какой-то особый сорт. С шипами, но растущие не кустом, а одной веточкой. Белые, огромные, чуть ли не с кочан капусты, воняющие так, что у меня едва аллергия не началась. Впервые в жизни.

Нет, я, конечно, люблю розы. Да и пахнут они хорошо. Но не в таком же количестве. Две капли – аромат, полфлакона – вонь, а пол-литра – газовая атака. Жаль, что многие этого не понимают.

Но вырастили мы их от души. Все засадили ими. И эшафот, и город. Растил, конечно, Рон, а я служила проводником силы. Он ее просто черпал из меня на свои заклинания. Сам «ужас взари» еще не настолько восстановился, чтобы колдовать в полную силу. Так, в пятую часть от прежнего. Поэтому пришлось воспользоваться мной. Я не возражала. Сама виновата. Хотя и косвенно.

Зато Рон меня ни в чем не винил. Какое там! Наоборот! Он меня готов был на руках носить. Конечно, мы разговаривали без особой вежливости, спорили и ссорились, но в глазах у «ужаса взари» иногда проскальзывало такое, что я просто краснела до самых ушей. Благодарность, тепло, доверие, дружба, благоговение – адская смесь. Рон успел меня изучить за эти несколько дней и знал, что я освободила его по своим, чисто эгоистическим причинам. А сложись все по-другому, я просто сдала бы его верховному волшебнику и плевать хотела на его боль и страдания. Он это прекрасно знал, но из песни слова не выкинешь. Хотела я там не хотела, думала не думала – не важно. Главное – сделала. И за это Рон готов был простить мне очень и очень многое.

Хотя это и не мешало ему дразнить меня, вышучивать и немилосердно издеваться над моими манерами и привычками, неподобающими истинной взари.

Вот и сейчас, когда некромант закончил нас разглядывать, мы расслабились и Рон наконец-то отпустил мою руку. На коже остались синяки.

– Извини. Я не хотел.

– Ты волновался. Знаю. Мелочи.

Рон широко улыбнулся.

– Как приятно встретить такую всезнайку!

– Мне тоже было бы приятно, – согласилась я.

Рон, не обращая внимания на мое ехидство, взял меня за запястье, поднес мою руку к губам и поцеловал каждый синяк. Я почему-то смутилась и покраснела. Особенно уши. Но вместо романтики волшебник перешел к жестокой правде жизни:

– Пора сваливать.

– Согласна. А куда?

– Поближе к народу.

– Не поняла юмора.

По нашему плану явление Арэсти Эрналта пока не предусматривалось.

– А что тут непонятного? Замаскируемся – и вперед.

– А ты сможешь?

Сомневалась я не зря. Рон, конечно, мог навести на нас иллюзии, но поддерживать их долгое время мы просто не сумели бы. Ни он, ни я. У него не хватило бы сил, а у меня – опыта.

– Я все смогу, если ненадолго, – пообещал Рон. – А надолго нам и не надо. Пройти в ворота и добраться до любого из сподвижников Арэсти. Потом я покажу тебе, как защищать дома от посторонних взглядов, – и можно будет отдохнуть. До общего

сбора.

– Скромно так...

– А у нас что – выбор есть?

Все правильно. Не фиг думать, прыгать надо. А, ладно! Что-нибудь мы придумаем на месте!

– Хорошо, хорошо, хорошо!!!

Рон пакостно ухмыльнулся.

– Все хорошо?

– Все, – отозвалась я.

– Тогда предлагаю тебе заняться уроками левитации.

Гад!!!

Не могу сказать, что я не любила левитировать, но не надо смешивать селедку и варенье! Одно дело – просто перелететь, продержаться в воздухе минут десять, попрыгать в высоту...

Другое – целый день плюхать под облаками. Я вам не Ариэль! Выдохнусь! И вообще, я пока еще маленькая и недоучка.

На Рона все мои возражения просто не подействовали. Он быстро собрал все наши пожитки, навьючил на себя мой рюкзак и обхватил меня за талию.

– Поехали, солнце мое. Без труда, сама знаешь...

– По морде не получишь. Знаю.

– И не надаешь. Вперед. Нас ждут великие дела. И не бойся так. Я буду контролировать наше заклинание.

Нет, вы слышали?! Наше заклинание?! Силы мои, головная боль моя...

А заклинание и правда – наше. Рон за время своего заточения составил столько новых заклинаний – на все темы, что у меня крыша ехала.

«Я тогда просто с ума сходил. И начал перебирать свою жизнь. С первой минуты – и до последнего боя. Перебирал – вспоминал, а потом, когда мог с точностью до секунды сказать, что произошло в тот или иной день, принялся составлять заклинания. На все темы. Чтобы солнце светило на два градуса ярче – или на пять градусов холодней. Чтобы вырастить зеленую траву. Чтобы перекрасить эту траву в синий цвет. Чтобы спалить айсберг – и при этом обойтись минимальной затратой энергии. И это еще далеко не все, чем я занимался. Сама понимаешь, я делал все, чтобы не сойти с ума. И, кажется, я не более чокнутый, чем раньше».

Я полагала, что Рон был и остался вполне вменяемым занудой. Если речь не шла о верховном вэари. Вот тут можно было просто отключать все системы и прятаться под кровать. И молиться, чтобы не задело взрывом. Не было никаких сомнений, что смерть верховного вэари будет долгой и неприятной. Но – смертью. Рон, после того как его вытащили из медальона, не желал рисковать. Казнить – и точка.

И никаких заточений.

Рон собирался также освободить всех, кто был сейчас заточен в предметах. Он считал, что никто и никогда больше не должен подвергаться такой пытке. Я подумала – и согласилась с ним.

Мы летели весь оставшийся день. Благо места были не очень населенные и нас никто не видел. Вечером мы остановились на привал, но ночью опять поднялись в воздух. Выбора не оставалось. Лучше лететь, пока тебя никто не видит. А на день мы сделали

привал в лесу. Ближе к опушке, чтобы не пришлось долго ноги ломать. Как сказал Рон, до столицы было два дня пешего пути. Нам – четыре часа лету. И мы решили провести день в лесу, отлежаться, ночью совершить еще один перелет – и на следующее утро войти в город.

И еще кое-что, так, по мелочи.

Надо было обработать предателя и подонка Итвора. И дело не в том, что я такая мстительная! Я гораздо хуже! И как бы у меня ни чесались руки оторвать предателю голову, я всегда смогу сдержаться. Некоторыми подонками надо заниматься медленно и со вкусом. А если у самой вкуса не хватит – свозить его в гости к очистителям. Очень милые люди. И с подходящими наклонностями.

Я бы подождала до победы, но Рон настаивал. Мы ведь ничего не знали о планах Некроманта. А Итвор был прекрасно осведомлен обо всех новостях. Поэтому я собиралась прийти к нему ночью, загипнотизировать и выудить всю нужную информацию. А потом скромно уйти, оставив на память ночной кошмар.

План был хорош. А вот исполнение...

Итвор Ретан мирно спал, когда зеркало в его спальне засветилось.

Я, вся такая красивая, вышла из зеркала и уселась на край кровати. Мужчина посапывал во сне и казался просто ангельски невинным. Свойство блондинов и блондинок. Что бы они ни делали, им достаточно просто похлопать глазами, чтобы соорудить изумленную невинность. Брюнетам приходится возиться больше. А мне и вообще никто не верил. Улыбка выдавала.

Очень захотелось взять Итвора за кончик носа и как следует дернуть. Но прекрасные видения себе такого хамства не позволяют. Они только действуют на нервы. А вот физическое воздействие (подушка, полено, подсвечник) мне Рон строго-настрого запретил.

Пришлось замогильным голосом студента за три дня до стипендии позвать:

– Итвор! Итво-о-о-ор!!!

Надеюсь, он чутко спит? А то стеной тут до утра! Я вам что – Кентервильское привидение? Нет, на Кентервильское привидение я не тяну. Скорее на Стервильское.

Стервозное.

– Итво-о-о-ор!!!

Дрыхнет, сволочь! Ну вот что ты будешь делать?!

У меня было несколько идей, но расчлененку и извращения я решила оставить для Рона. Пусть потренируется перед встречей с верховным взари. И ограничилась просто тем, что подпрыгнула на кровати. Да так, что ножки скрипнули.

Итвор, даже не открывая глаз (во рефлексы!), протянул руку и привлек меня к себе. Я только ахнула. Даже дернуться не успела. Эффект присутствия сработал в обратную сторону.

Заклинание, которое применил Рон, было очень простым. Я оставалась на месте. Физически. Но какая-то часть моего существа, душа и несколько триллионов молекул, отправлялась в требуемую точку. Я не становилась привидением. Я была вполне осязаема, если меня ударить, я почувствовала бы боль, я могла передвигать предметы, но при случае сумела бы и пройти сквозь стену или взлететь под потолок. Странное состояние. И мне очень хотелось подробнее изучить его. Потом. После всех этих разборок. Рон клятвенно пообещал, что научит меня всему, что знает сам. И я была полна решимости заставить его сдержать обещание.

Потом. Когда выберусь из цепких лапок блондинчика.

– Ну, не дергайся, киска, – пробормотал он во сне.

Одна его рука поползла по моей груди, вторая забралась под юбку. Губы на чистом автомате накрыли мой рот. При этом ресницы у Итвора были опущены, а аура ясно говорила, что он спит! Виртуоз-лунатик!

И тут Рон начал действовать. Мы договорились, что он будет мягко и спокойно скачивать информацию. Но куда там! И мозг, и тело рвануло такой болью, словно в каждую клеточку воткнули иголку, а потом еще и электрический ток по ним пропустили. Я бы взвыла, да только язык не повиновался.

Удар – миг расслабления – и удар обратно. Больно! Так больно, что даже разум отказывается повиноваться. Но я знала, что происходит. Рон вытащил всю информацию из мозга Итвора – одним ударом, – как больной зуб. Только последствия теперь окажутся гораздо страшнее. Вместе с вытасченной информацией пропадет и вся остальная. Те, кто придет будить Итвора, найдут в спальне полного идиота.

Но мы так не договаривались!!!

Я просто застыла от боли и возмущения – и поэтому пропустила момент, в который Рон выдернул меня обратно, как бумажный фантик на ниточке из кошачьих лапок.

Эффект от попадания в собственное тело был как от хорошего удара о землю.

– Ай! – взвизгнула я. – Ты что – офигел?!

– Я?! – На Рона было просто жутко смотреть. Рыжие волосы блестели так, что его голова казалась объята огнем, синие глаза полыхали грозowymi зарядами. – Я – офигел?!

– А кто?! – завелась я. – Что на тебя нашло?!

– И ты еще смеешь спрашивать?!

Будь я умной, я бы заткнулась и выслушала оппонента. Увы.

– Да, смею! – завелась я. – Какого черта ты портишь мой тщательно разработанный план?! Еще пять минут...

– И тебе было бы не до плана! Тебе что – невтерпеж?! Не с кем?! Бешенство матки...

Договорить ему не дала звонкая оплеуха.

– Сволочь! – рявкнула я, теряя над собой всякий контроль. – Тебя я забыла спросить, с кем мне трахаться! – Меня охватывало знакомое состояние белого бешенства. Если так пойдет и дальше, Рон недосчитается пары важных органов. – Да лучше с этим козлом, чем с тобой!

И без того жуткое выражение лица Рона сменилось еще более жутким. Я на миг испугалась, что его удар хватит.

– Говоришь, лучше с этим козлом... – прошипел он.

И в следующий миг запечатал мне рот своими губами.

Первые две минуты я честно пыталась бороться, сопротивляться и брыкаться. Но – увы. Мое сопротивление с самого начала было обречено на проигрыш. Рон сильнее меня, лучше тренирован, а злость просто отрезала его от голоса разума. Да мне и не очень-то хотелось сопротивляться. Моя ярость тоже требовала выхода. И вместо того чтобы двинуть Рону пониже пояса, я застонала и вцепилась в его спину ногтями, увлекая его вслед за собой на мягкий эльфийский плащ.

Кажется, я нашла хорошее средство от изнасилования. Если тебя насилуют, соберись и попробуй в свою очередь изнасиловать нападающего. Хотя бы удовольствие получишь, если уж вырваться не удастся. А может, еще и насильника до нервного тика доведешь!

В себя мы пришли только под утро. Да и то – потому что замерзли до озверения. Ведь заснули на плаще в голом виде, напрочь забыв про одеяло и костер.

Я первой открыла глаза и посмотрела на Рона. Во сне он больше походил на Арэсти,

чем на «ужас взари». Лицо его разгладилось, губы чему-то улыбались. Но руки крепко прижимали меня к мужскому телу, не давая вывернуться. Я вспомнила прошедшую ночь. Ну что тут можно сказать? Удовольствие я получила. И не один раз. И даже не два. И не десять. Гораздо больше. Все тело ломило даже от воспоминаний. Рон вел себя как человек, который после нескольких тысяч лет воздержания дорвался наконец до секса. И его можно было понять. А вот я – дура. Могла бы и раньше подумать. И даже сама предложить. Все равно я женщина молодая, свободная, одинокая. Рон мне не противен, даже более того. Очень приятен. И дело лучше крепить личными интересами. Тьфу! Я что – и правда так думаю?! Кошмар! Даже самой противно.

Я что – канализация, чтобы собой так пользоваться?! Или презерватив?! Использовал, выбросил – и забыл?! Чем я тогда лучше многоразового презерватива – с такими-то взглядами?!

Я бесцеремонно толкнула Рона в плечо.

Волшебник проснулся почти мгновенно.

– Тина?

Глаза его были еще затуманены сном, но потом рука его шевельнулась у меня на груди, поспешно отдернулась – и непонимание сменилось яростью и отчаянием.

– Тина, прости меня, пожалуйста!

Я внимательно смотрела ему прямо в глаза. Рон не раскаивался. То есть он боялся моей реакции, ему было стыдно, но он не раскаивался в своем поступке. А его тело тем более. И мне это показалось весьма приятным.

Вопрос стоял однозначно. Я хочу, чтобы эта связь продолжалась?

Да.

Если Рон не станет возражать. И это я сейчас выясню.

Я дотронулась до его плеча.

– Рон, нам надо серьезно поговорить.

– Согласен. Сейчас...

Кажется, он собирался удрать. Но я этого не допустила. И очень просто. Придвинулась поближе – и поцеловала так, что спустя минуту обнаружила себя лежащей на том самом эльфийском плаще. Руки и губы Рона свободно гуляли по моему телу – и я не собиралась их останавливать. Мне было холодно, а чтобы согреться, лучше способа не придумаешь. Разве что зарядка.

Солнце поднялось уже достаточно высоко, когда мы смогли опять перейти к серьезному разговору. Мы опять лежали на плаще, я поудобнее устроилась у Рона на плече, и на этот раз мужчина не стал отстранять меня.

– Давай я начну, а потом ты продолжишь, если захочешь, – предложила я.

– Согласен. Первое слово принадлежит тебе.

– Толку с того слова, если все, что могли, мы уже сделали, – съязвила я.

Рон глубоко вздохнул.

– Тина, я понимаю...

Я быстро закрыла ему рот рукой. Пока не наговорил такого, о чем сам пожалеет.

– Рон, мы же договорились.

– Да. Слушаю.

Как бы получше начать? А вот так!

– Знаешь, мне очень понравилась эта ночь. Наверное, тебя тоже не стошнило. Знаешь, у нас впереди тысяча лет. И, по идее, мы должны будем за это время сделать ребенка.

– Да.

– И как ты предлагаешь этим заниматься? Виртуально?

– Тина...

– Я предлагаю стать из компаньонов свободной парой любовников. Не знаю, как я пришлось тебе, а мне понравилось просыпаться в одной постели с тобой. И я не буду возражать, если это будет повторяться. Время от времени. Когда мы оба этого захотим. Опять же, если ты или я пожелаем, мы можем завести себе других партнеров. Будем честно предупреждать друг друга – и отпускать погостить на соседний лужок. Исключим только беременность.

– Для взари она и так исключена.

– Тем более. Если ты решишь загулять, я не стану ломать об твою голову скалку. Как и ты об мою. Мы просто будем ближе друг к другу. Друзья, спутники, соратники, а теперь еще и любовники. Не так уж и плохо, а? Подумай, я тебя не тороплю. И постарайся принять решение до вечера.

Рон пожал плечами.

– Я решение уже принял. Только... Тина, ты должна четко понимать, что в одну постель нас толкнула не любовь. И даже не привязанность.

– Если бы кто-то другой оказался здесь, было бы то же самое, – перебила я. – И на моем месте могла быть любая каракатица.

– Примерно так. Сама понимаешь, секс – это важная часть человеческой жизни, а я был долго лишен...

– Я понимаю. Рон, меня вполне устраивает все, что ты можешь мне предложить. Я не потребую больше. Мне тоже сейчас плохо. Очень. Понимаешь, я ведь была замужем. И любила. Не так, как об этом писал Шекспир, но искренне. А меня предали. Я не могу понять, почему мой муж так поступил со мной, и не могу простить. Знаешь, в мире Двенадцати Дев есть такой царь – Эмрипей. А может, уже был. Время там летит быстро. Я переспала с ним, когда находилась в том мире. Просто так. Узнала, что муж мне изменил, была зла на него – и все случилось. Не стану оправдываться. Физически мне даже понравилось. Но чувствовала я себя омерзительно.

Рон крепче прижал к себе женщину. Тина была рядом. Теплая, уютная и бесконечно родная. И когда эта девушка успела стать такой близкой ему? Этого «ужас взари» и сам не знал. А вот что он знал точно – это свои чувства. Тина была рядом с ним. И он ее никуда не отпустит. И никому не отдаст. Ни за что. И никогда. И если кто-то посмеет к ней хоть пальцем прикоснуться, вот тогда он и узнает, что такое настоящий «ужас взари». Посмертно.

Честно говоря, прошлой ночью Рон просто не сдержался. И физиология тут была ни при чем. Все-таки его тело принадлежало Арэсти Эрнальту, а молодой человек жил не монахом. У него была любовница, да и к веселым девушкам он заходил регулярно. И Рон вполне мог потерпеть до цивилизации.

Но сорвался. И по ужасно глупой причине.

Просто когда он увидел, как Итвор, пусть даже в полубессознательном состоянии, лапает Тину... Нет! Не так! Лапает его женщину!!!

С каких это пор Тина стала «его женщиной» – Рон и сам не знал. Наверное, с той исторической минуты, когда он впервые услышал ее голос. Еще когда он был заточен в медальоне. А потом это чувство только развилось и усилилось.

«Я что – приревновал ее?!» Мысль ударила по мозгам не хуже кувалды. Очень много времени прошло с тех пор, как Рон испытывал что-то кроме ненависти. И он просто не понимал, что с ним происходит. Зато другое понимал твердо.

Рон точно знал, что никуда не отпустит лежащую рядом с ним женщину. И что никто другой ему не нужен. А фраза о зеленом лужке и предложение «попасться» вообще вызвали у него приступ злости. Не ярости, но чего-то очень близкого. Рон подумал, что любому мужчине, который решит прикоснуться к его взари, он оторвет... Да все поотрывает! И начнет с ног, чтобы медленнее было! Фиг им, а не его женщина! Тем более сейчас. Он давал ей шанс отказаться. Она согласилась? Вот и пусть не плачется!

Эта мысль пришла в голову «ужаса взари» сама по себе и уходить не собиралась. Его женщина. Так что же получается? Приревновал? Но ревнуют, когда любят? Так? Или не так? Это что же получается?! Не успел он выйти на свободу, как влюбился? Боги мои великие!!!

– Рон?! Земля вызывает Юпитер!! Прием, прием, прием!!!

Рон отвлекся от своих мыслей и посмотрел на женщину, которая щелкала пальцами у него перед носом.

– Да, солнце мое?

– Ты слышал, что я сейчас сказала?

– Да.

Рон решил, что соврать будет проще. Здравее останется. Вряд ли Тина его убьет, но пару подзатыльников за невниманье он точно заслужил. Девушка тут распинается, душу изливает, а он самокопанием заниматься изволит. Нехорошо-с.

Теперь бы еще узнать, что Тина ему предложила. Или сказала.

– Как сторона, причинившая тебе хотя и невольный, но вред, я заранее согласен со всеми твоими предложениями.

Угадал! Тина тут же сдвинула брови.

– Рон, хватит самоедствовать! Никакого вреда ты мне не причинил. Ну, разве что ходить будет немного трудно. А так все очень даже неплохо. А в остальном – все зависит от тебя. Если ты хочешь, чтобы наша связь продолжалась, – она продолжится. Только без упреков, терзаний и угрызений совести. Захотим расстаться – расстанемся точно так же, как сошлись.

Рон слушал и ушам своим не верил. Ему предлагали то, о чем он и мечтать не смел. И... он даже немного боялся принять этот подарок.

– Тина, а ты понимаешь, что сегодня ночью было самое настоящее изнасилованье? Я бы ведь не остановился. Даже если бы вокруг нас войско маршировало.

– Я бы тоже не остановилась. Даже если бы к войску еще и телевизионщиков добавили. Рон, ты сам-то веришь, что мог бы причинить мне вред?

Рон не верил. И, глядя в чистые зеленые глаза, понимал, что ему чертовски повезло. Тина не только не обиделась. Она еще готова была принять его – вот такого. Злого, как тысяча чертей, мстительного, с заскоками и подвигами, которыми взари теперь детей пугают. Да и будут пугать, потому что меняться Рон не собирался. А тем, что он делает с верховным волшебником и его дочуркой, можно будет довести до нервного тика даже листэрр.

– Расслабься, – посоветовала женщина в его объятиях.

Рон дернулся, потом сфокусировал взгляд на ней и помотал головой.

– Прости?

– Не прощу, если не прекратишь извиняться. У тебя лицо на несколько минут стало... такое...

В душе Рона медленно гасли праздничные салюты.

– Ты меня испугалась?

Он не хотел задавать этого вопроса, но выбора не было. От этого зависели их дальнейшие отношения. Тина, конечно, прелесть, она почти ничего не боится в этой жизни, но если она начнет бояться его – это будет конец. Полный конец их даже толком не начавшимся отношениям. Потому что разумом она будет преодолевать свой страх, а подсознательно – постарается оказаться от него подальше. И этого Рон уже не вынесет. Поэтому лучше рвать сразу. Пока чувства к этой смешной женщине еще не приросли к душе. Пока не так больно.

Тина даже и не подумала отводить взгляд.

– Не боюсь. Я тебя вообще не боюсь.

Рон звериными инстинктами почуял – не лжет. И ощутил, как с души рухнула здоровенная скала, рассыпаясь в мелкую пыль. Тина действительно не лгала! У них может быть и настоящее, и будущее.

– Совсем-совсем? – уточнил он, глупо улыбаясь.

– Вообще, в натуре и в частности.

Рон перекатился на спину, подхватил женщину и уложил на себя так, что они оказались буквально нос к носу.

– А почему?

– А я тебе доверяю.

Тина наклонилась и уверенно поцеловала его в губы. И Рон ощутил – впервые за чертову прорву лет, – что такое настоящее человеческое счастье. Это когда ты не одинок. Когда рядом с тобой есть человек, которого ты любишь. А Тина... Она тоже полюбит. Обязательно. Доверие еще не любовь, но учитывая, что ее недавно предал любимый муж (Рон сам удивился неожиданной вспышке ревности и ярости. И одновременно про себя обругал Ника. Дурак он! Ему такая женщина досталась! Умная, красивая, любящая, верная! Цени, идиот, свое счастье! А он решил что-то поискать под простынями у Орланды. Ну не кретин?), доверие – это гораздо больше того, что можно было ожидать.

Рон не стал выяснять у женщины, почему она ему доверяет. Руки его сами скользнули на талию волшебницы, и все стало не важно. Жизнь – прекрасна! А Некромант – или как там его – подождет. Не развалится. А развалится – сметем в совочек и выкинем в уличник. Да и так выкинем. После всех разборок. Только пусть он за Арести ответит.

Ко второму этапу плана мы приступили только вечером.

– Никаких ночей! – твердо решил Рон. – Хватит мне одного раза. Если какой-нибудь мерзавец еще хоть раз хоть пальцем к тебе прикоснется, я ему устрою... несчастный случай с выворачиванием наизнанку. Любому. Если ты считаешь себя моей взари – пока считаешь? – Он дождался кивка и продолжил уже более спокойно: – Значит, признаешь за мной право на ревность. Если не собираешься закрутить с этим... Некромантом интрижку.

Я только плечами пожала. Если бы не мерзкий доносчик Итвор с его лапаньем, не сблизилась бы мы с Роном. А если бы не Некромант, Рон вообще сидел бы в медальоне и склонял сказуемые. Так что я готова была позволить негодяю умереть быстро. Не за десять лет, как хотел Рон (уже разработавший программу пыток, в том числе и моральных), а хотя бы за пять. Но интрижка в мои планы точно не входила. Лучше уж с сороконожкой, чем с таким.

Рон не дал мне времени на самокопание.

– Готова?

– Всегда готова!

И Рон уверенно опутал меня сетью заклинания.

Ник сидел в кабинете у верховного колдуна. Хозяина пока еще не было на месте, но долго ожидать не придется. Не та у верховного волшебника сейчас ситуация, чтобы держать Ника в заточении. И верно.

Не прошло и двух минут, как ан-Кристалль материализовался прямо посреди кабинета.

– Ты уже здесь?

– Как видите.

– И рад, что я тебя отпускаю?

– А что – у вас есть выбор?

– Дерзишь, мальчишка!

Конечно, Ник дерзил. Но у него на то были свои причины. И очень веские. Вас бы так! Похитили, продержали в заточении, фактически изнасиловали, а выпускают не потому, что осознали свое свинство, а просто его жены боятся! И о каком достоинстве тут может идти речь?! Как выражалась Вэл, опускают ниже плинтуса, да еще и тараканов направляют! Вэл... Девочка моя, где-то ты сейчас?!

Воспоминание о жене придало волшебнику сил. Он выпрямился и нагло ухмыльнулся прямо в глаза верховному взари.

– И что? Что вы мне можете сделать?! Если Вэл действительно освободила Рона Джетлисса, если они на свободе и вместе – я вам решительно не завидую! Что там, я бы лучше сам пошел и повесился. Сколько лет Рон по вашей милости провел в заточении? То есть сколько тысяч лет? Не сомневаюсь, он успел обдумать свою месть со всех сторон.

Верховный волшебник тоже в этом не сомневался. Ник по молодости лет так и не успел пообщаться с «ужасом взари», но сам верховный волшебник отлично помнил холодные карие глаза. И помнил обещание Рона, которое он дал перед развоплощением.

«Я вернусь. Я все выдержу. И ты проклянешь свою судьбу. Клянусь сердцем матери!»

Такими обещаниями Рон не разбрасывался.

– А ты и рад?

Других слов верховный взари не нашел. Зато Ник не растерялся.

– Я больше был бы рад, если бы Вэл не связалась с этим психопатом. А раскатать вас на блинчики она и так сможет.

– Пока не сможет.

– Вот и причина. Ей нужны тренировки, наставник, постоянная практика. Я оказался запаperti, а Рон – под рукой. Вэл выбрала простой путь.

– Мне больше интересно, как она смогла его освободить и в каком виде Рон находится теперь.

– Мне тоже.

Ник не кривил душой. Ему действительно было интересно. Огонек на доске показывал только состояние медальона. Цел он или разрушен. И теперь он был разрушен. Без повреждения для заточенной сущности. Это точно. Вэл проводила какой-то обряд.

Но какой?! Что она сделала из души Рона Джетлисса?! Тела-то у нее нет?! Или...

- Интересно, а можно душу пересадить в другое тело? - спросил Ник.

Верховный вэари ненадолго задумался.

- В принципе - можно. Но есть ограничения. Я одно время занимался этим вопросом. Так вот. Магические качества души и тела должны соответствовать. То есть душу мага можно пересадить только в тело мага. И чтобы не слабее прежнего. А если душу мага пересадить в тело человека, это будет обычный человек. Это во-первых. Во-вторых, тело должно быть полностью очищенным. Предыдущая душа должна быть уничтожена. Иначе в одном теле окажется две души. Тоже удовольствие ниже среднего. И в-третьих, нужна просто громадная сила. Без жертвоприношения твоей ведьме было просто не обойтись.

- Но она не приносила жертву. Это я точно видел.

- Уверен?

- Да. Там были медальон и тело, но не было ни алтаря, ни чертежа для жертвы... Да и жертвы тоже.

- Ты все это видел две секунды.

- Можете сами посмотреть моими глазами. Мне не жалко.

- Не буду, - отмахнулся верховный вэари. - Это все равно ничего не меняет. Даже если твоя жена нашла принципиально новый путь течения силы, со мной она не поделится. А определить, чем она занимается, по твоим двум секундам видений я просто не смогу.

- Понимаю.

Несколько секунд верховный вэари и Ник сидели совершенно неподвижно. Каждый думал о своем. Ник прикидывал, как ему найти жену, пока та не наделала глупостей. И решил наведаться к эльфам. Те должны хоть что-то знать. Верховному вэари они могут пудрить лысину сколько угодно, но ему - ответят! Не будь он Ник Серый!

Верховный вэари в свою очередь думал, как ему найти Тину. И его мысли почти совпадали с мыслями Ника. Он тоже понимал, что его эльфы просто дипломатически послали. Туда и даже еще дальше. Может, они и Ника пошлют. Это зависит от рассказов девчонки. Но если они ответят Нику, где найти эту мерзавку, надо будет проследить за волшебником. И если он отыщет свою жену...

У верховного вэари был только один выход. Полное уничтожение. Рон, Тина, Ник. Всех троих и сразу. Хотя Тину он не отказался бы взять живьем. Верховный волшебник понимал, что между ними вражда до гроба, но если лишить женщину магической силы... Орланда - его дочь. И дочь любимая. Но она слаба и глупа, как ни крути. Вся в свою мамочку, дурищу редкостную. А вот Тина... Верховный вэари не отказался бы получить от нее сына или дочь. А лучше даже двоих детей. Конечно, об этом никто не будет знать. И ребенка можно вырастить в мире с быстрым течением времени. А какое у них могло бы быть потомство! Ум, сила, упрямство, удача, умение ставить цель и идти к ней любыми способами... Жаль, что они не могут договориться мирным путем. Ах, как жаль! Какая из нее получилась бы спутница для верховного вэари! С такой можно и в огонь, и в воду, и в медные трубы, и к черту в зубы. Такая не предаст и не подведет. Но - увы! Тина с самого начала встала по другую сторону баррикады. Убить за это дочурку мало!!!

- Орланда хочет с тобой попрощаться, - сообщил верховный вэари.

- А не пошла бы она? - нагло предложил Ник. - Туда и без прощаний.

- Я тебя очень прошу, - нахмурился верховный вэари. - И постарайся объяснить ей, что любишь жену. Или тебе хочется, чтобы она увязалась за тобой? Готов поспорить, что Орланда может тебя выследить в любой точке любого мира. Материала у нее хватит.

Ник нахмурился, но кивнул.

- Хорошо. Она придет?

– Разумеется. Я позову ее сюда и открою для тебя портал. Иди куда глаза глядят.

– Вот спасибо, вот разодолжили. – Это Ник произнес совсем тихо. Можно хамить, но зарываться не стоит. Жизнь – она всяко дороже.

Верховный вэари начертил пальцами в воздухе сложную фигуру и растаял, а через десять секунд на его месте появилась растрепанная и очень грустная Орланда ан-Криталь. И печально посмотрела на Ника.

– Ты уходишь?

– Как видишь.

На языке у волшебника крутилось множество очень содержательных ответов, включающих полную информацию о его местопребывании и о том, куда стоило бы отправиться Орланде, но Ник счел за лучшее пока помолчать. Пусть она сперва сама напросится. Но Орланда не торопилась услышать о себе правду.

– Ник... – начала она. – Я хотела... то есть... мне нужно... понимаешь...

Она несколько минут молчала, набираясь храбрости, а потом резко подняла глаза.

– Я хотела узнать – что со мной не так?!

Ник захлопал ресницами.

– Не понял...

– А что тут непонятного?! Что со мной не так?! Я красива, я знаю это.

«Это если кому нравятся скелеты. А я не собака, чтобы кости облизывать», – подумал Ник, но вслух этого говорить не стал. В конце-то концов, в мире Вэл и такие считались красивыми.

– Мало того, я умна...

«Ну-ну, умна, скромна, мила, мала старуха Шапокляк была...»

– ...я волшебница, я, хотя это и второстепенно, дочь верховного вэари. И я безумно, что уж теперь скрывать, люблю тебя. Этого было бы достаточно для любого вэари. А ты всю жизнь старался держаться от меня подальше. Почему?

Ник пожал плечами. Хамить в ответ на такое было просто подлостью. А объяснять? Не поймет. Но попытаться можно. Пусть она подумает и оставит его в покое. Хоть на несколько дней!

– Орланда, – медленно начал он, тщательно подбирая слова. – Я с тобой полностью согласен. Ты красивая, умная, ты волшебница из хорошего рода. Но в главном ты ошибаешься. То, что ты называешь любовью, это совершенно другое чувство.

Нет! Сделай одолжение, не перебивай, – остановил он волшебницу, видя, что та открыла рот. Орланда послушалась, и он продолжил: – Просто мы по-разному понимаем любовь. Скажи, ты хотела, чтобы я был рядом с тобой, хотела признаний в вечной любви и детей. Так?

– Ну... да. А разве...

– Подожди. Я еще не закончил объяснять. Вот, посмотри!

В руках Ника материализовался большой букет из нераскрывшихся белых роз.

– Возьми. – Ник осторожно отделил от букета одну розу. Цветок тут же распустился, наполняя комнату восхитительным ароматом. – Это доверие. – Он точно так же передал второй цветок. – Это восхищение. – Третий. – Это понимание. Уважение. Искренность. Дружба. Тепло. Взаимовыручка. Прощение. Нежность. Страсть. Уверенность. Любовь. Глупость. Злость. Мстительность. Эгоизм. Недоверие. Надменность. – С каждым словом Ник вручал Орланде по розе, пока в руках у женщины не оказался весь букет. – Теперь

понятно?

- Нет.

Такого ответа Ник и ожидал.

- Все просто, Орланда. Это то, что мы вручаем другому человеку, когда любим. Понимаешь? Мы вручаем все, что у нас есть, все хорошее и плохое, светлые и темные стороны своей души в руки другого человека. А он может либо принять, либо оттолкнуть этот дар. Или принять, но ничего не дать взамен. Тогда нам будет очень больно. Очень. Знаешь, Вэл была совсем юной, когда я с ней познакомился. Она просто очаровала меня своей живостью. Из нее ключом била энергия, любовь к миру, к людям, к жизни как таковой. Она и сейчас такая. Ты помнишь, как она отреагировала на известие обо мне?

- Пообещала поотрывать головы и мне и отцу.

«И правильно сделала. Может, это было пророчество?»

- Она поступила так, потому что вы подняли на меня руку. Вэл далеко не дура. Она понимала, что вы просто раздавите ее, но все-таки пришла. И это страшнее всего.

- Почему?

- Если бы она вела себя по-другому.... Если бы попыталась договориться мирно. Дай мне розы.

Орланда послушно протянула Нику букет. Волшебник взял его, бросил на пол и поджег. Розы вспыхнули и сгорели ярким пламенем. Через две секунды от них не осталось и пепла.

- Я принял все, что Вэл отдала мне. А она отдала все, что я перечислил тебе. Любовь как жизнь. Вот такая она была. Я был очарован. Я взял предложенное - и сжег. Я ничего не дал ей взамен. Я не доверял ей. Я отнесся к ней, как к домашней зверушке. Не доверился в ответ. А ведь мог бы все рассказать и доказать. Мог сам провести ее через инициацию. На это нет запретов. Мог стать ее наставником. И мы были бы связаны крепче, чем стальным тросом. Я так не поступил. Вэл выразилась достаточно ясно. Она считает мой поступок предательством. И секс с тобой - это просто причина для разрыва. В душе она простила бы меня за эту связь, но не простит такого отношения к своим чувствам. Она слишком горда для того, чтобы съесть обиду.

- И ты все равно отправляешься ее искать?

- Разумеется. Я люблю ее и надеюсь - всегда буду надеяться - получить прощение. Может быть, она даст мне второй шанс? Я знаю, что чудес не бывает, но Вэл благородна по сути своей. А еще у нее есть великое качество.

- Какое же? - В голосе блондинки прослеживались ненависть и ревность, но Ник не обратил на них внимания.

- Умение понимать людей. Она всегда может понять собеседника. Что бы им ни двигало. А если можешь понять, поставить себя на место другого человека, то злиться уже не получится. На это я и надеюсь. На ее понимание.

- Даже так?

- Да. И в этом разница между вами. Она может понять, но и сама ждет взамен такого же отношения. Понимания и приятия всех своих сторон. Плохих и хороших. Вэл отдала мне все, что у нее есть. Тело, разум и душу. А ты хотела получить меня. Получить, даже не понимая, что взамен тоже что-то отдадут. Доверие за доверие. Уважение за уважение. Тепло за тепло. А иначе просто жить не получится. Я взял у нее бриллиант и отдал стекляшку. А ты хотела просто взять - и украсить себя. Это не любовь, Орланда. Это обладание. А любовь ты не знаешь. И не узнаешь, даже если она усядется тебе на голову и будет долго орать в ухо. Извини. И - прощай.

Ник начертил двумя пальцами знак, открывающий портал, вошел в него - и исчез.

Орланда несколько секунд стояла неподвижно. Потом вдруг очнулась – и по дворцу верховного вэари пронесся безумный крик раненной в самое сердце женщины:

– Будь ты проклята, Тина!!!

Некромант сидел в лаборатории. Уже сутки он пытался нащупать хотя бы малейший след Арэсти Эрналъта или его спутницы, обследовал место, где они побывали, в сотый раз рассматривал поляну цветов, но признаков пребывания людей не находил. И магических колебаний тоже не было. Некромант не считал себя самым великим магом во вселенной, но в этом мире он таковым и являлся. И все же ничего не мог найти.

Зеркальная стена мягко засветилась. Тем самым золотистым светом. И в ней снова появилась та самая женщина. Тина-ви-эльль. Только на этот раз она ничего не делала. Лежала прямо в воздухе в роскошном голубом платье с серебряной вышивкой и забавлялась странной игрушкой. Вокруг ее правой ладони летал шарик. Она подбрасывала его вверх, вниз, вправо и влево, а шарик все равно возвращался к ее ладони.

– Госпожа, канал связи открыт, – доложил чей-то голос.

Женщина небрежно повела левой рукой. На пальцах и запястье полыхнули огнем камни, за каждый из которых можно было купить половину королевства, и еще пара провинций на сдачу останется.

– Можешь удалиться.

– Слушаюсь, госпожа.

Тина-ви-эльль перевела внимательный и умный, нечеловечески умный взгляд на Некроманта. И правителю вдруг показалось, что из ее глубоких зеленых глаз смотрит на мир ужасно старое и мудрое существо, для которого и сам он, и все его предки – просто мошки-однодневки. Хотя Некромант исчислял свой возраст уже не веками, но тысячелетиями, из зеленых провалов выглядывало такое, что... он почувствовал страх! Страх – и желание оказаться за тридевять земель от этой страшной женщины.

Лучше не связываться с этим существом. Тот, кто знает, что такое *истинная* боль, *истинная* ненависть, *истинное* страдание, может сделать так, что и другие испытают *это* на себе.

Что-то сместилось в ее лице. Тень легла иначе или свет? Но скулы резко очертились, кожа побелела, губы и глаза стали больше и ярче, нос изогнулся, а по чистому белому лбу пролегла глубокая вертикальная морщина. Даже скорее черта, делящая лоб на две части. Волосы женщины всколыхнулись, развернулись громадной черной косой в желтых пятнах – и улеглись длинной петлей рядом с диваном. Кожа блестела серебром, покрытая едва заметной мелкой чешуей. Это уже не была прекрасная женщина из зеркала. Перед Некромантом лежало чуждое и опасное создание. Чуждое и ему, и его миру. Да и многим другим мирам. По коже побежали черные и желтые полосы – и Некромант содрогнулся. Он узнал это создание.

Тина-ви-эльль была *листэrr*. Точнее, одна из *листэrr*. Не совсем народ, не совсем вэари, тем не менее один *листэrr* мог уничтожить до пятидесяти вэари, прежде чем его убьют. История вэари знала такие случаи. Один раз погибло пятьдесят два вэари, другой раз – тридцать шесть. После этого все поняли, что с *листэrr* лучше не связываться. Говорили, что *листэrr* – это дети змеебога. Среди вэари бытовала легенда, что однажды змеебог оплодотворил гигантскую анаконду и та отложила шестнадцать яиц, из которых и вылупились *листэrr*. И расселились по мирам. Себе они выбрали один мир – и всегда возвращались туда. Они были подобны вэари. Так же долго жили, так же путешествовали, так же владели магией. Но были гораздо сильнее. И – безжалостней. Про *листэrr* ходили страшные слухи – и Некромант не желал проверять их правдивость. Теперь он даже не сомневался в воскрешении Арэсти Эрналъта. Если хотя бы десятая часть того, что говорят о *листэrr*, – правда, то они могут и больше. Кровь богов...

– Ты слышишь меня, человек, именуемый Некромант? Ты вполне можешь мне ответить. Я услышу тебя.

Некромант издал какой-то звук, и женщина улынулась. Одними губами. Глаза ее оставались серьезными и холодными.

– Ты меня слышишь, мальчик. И боишься. Я чувствую привкус твоего страха на губах.

Как бы в подтверждение сказанного женщина облизнулась. Медленно и со вкусом. Открылся кроваво-алый рот. Блеснули мертвенным холодом заостренные клыки – два сверху, два снизу. Длинный, по-змеиному раздвоенный язык голубого цвета нарочито медленно облизнул губы и спрятался назад.

Некромант был в полном оцепенении, но его мочевой пузырь этого не знал. Раздалось неприятное журчание. Ногам стало горячо, а в комнате дурно запахло. Неосознанно волшебник приготовился бежать. Но этого не потребовалось. Тина-ви-эльль опять улыбнулась, не разжимая губ.

– Сегодня я не причиню тебе вреда. Если ты первым не разорвешь сеанс связи. Заклятие это таково... Тебе лучше не знать подробностей. Но твоя смерть будет мучительна, и ты умрешь в течение дня. До захода солнца.

И Некромант поверил ей. Безоговорочно. Было что-то такое... убедительное в том, как она облизывалась.

– Ты ни о чем не хочешь спросить меня, маленький человек?

Человек хотел. Очень. Но подозревал, что не сможет выговорить ни слова. А если Тина-ви-эльль вытворит еще что-нибудь вроде того облизывания, то штаны у него окажутся испорчены еще больше. А если он будет молчать, женщина сочтет это за неуважение. То есть куда ни кинь...

К счастью, Тина-ви-эльль поняла его состояние.

– Кажется, страх затмил твой разум. Хорошо. Тогда я отвечу сама на твои вопросы. Не на все. Но на самые важные. Кто я такая, откуда я взялась и что буду делать дальше. Ведь именно это ты хотел спросить в первую очередь?

Некромант закивал так, что голова чуть не отвалилась. Кажется, Тина-ви-эльль видела это, потому что опять улынулась. Одними губами.

– Как меня зовут, ты уже знаешь. Я – Тина-ви-эльль. Что это означает, тебе знать необязательно. С другими такими, как я, ты все равно не увидишься. Я полагаю, ты видел, как я встретила с Арэсти, как вернула его к жизни... Кивни, если это так...

Кивания стали еще сильнее. Женщина играла с шариком. Вверх – вниз, вправо – влево.

– Отлично. Ты понимаешь, что Арэсти не имеет к этому никакого отношения. Он даже не знает, какова я на самом деле. – Раздвоенный язык опять высунулся изо рта, облизнул краешек губы и спрятался назад.

Некромант вздрогнул. Непроизвольно. Он испытал приступ такого панического страха, наблюдая за ее языком, что чуть не навалил в штаны. И почему бы это?

– Поговорим дальше. Арэсти не знает, что я тебе показала. И никогда не узнает. Я слишком люблю его, чтобы дать понять, что я такое. Да-да, не удивляйся, люблю. Я способна испытывать человеческие чувства. Любовь, страх, страсть, ненависть – все это мне свойственно. Хотя ненависть – более других чувств. Догадываешься, кого я могу ненавидеть, если люблю Арэсти?

Некромант догадывался. И это его, мягко говоря, не радовало.

– Отлично. Идем дальше. Когда я впервые увидела Арэсти, я хотела убить его. Он пришел в мой мир незванным. В той башне, если ты не знаешь, в определенный день, раз в двести лет открываются ворота в мой дом. И незванные гости мне не нужны. Я решила подарить ему день радости – и убить. Но Арэсти очаровал меня. Он так любил жизнь! Я не желала больше ему смерти – и не пожалела. Он призвал меня в ваш мир – и я намерена получить от этого свою выгоду. Теперь я знаю, кто такие Эрналты с синими глазами. Я хочу от Арэсти ребенка. Мы, если ты не знал, можем скрещиваться

с другими расами. И дети рождаются истинными *листэrr*. Поэтому наш род и длится. Но детей следует рожать только от достойных *листэrr*. Для улучшения породы мне нужен ребенок от Эрналта. Кровь богов, знаешь ли... И я получу его. Останусь с Арэсти лет на пятьдесят, а потом отправлюсь по своим делам. И эти пятьдесят лет я желаю прожить так, как привыкла. По-королевски. Поэтому Арэсти должен стать королем. А ты – ты мне мешаешь.

Теперь ты знаешь, кто я и чего от тебя хочу. И вот что ты должен сделать. Уйди сам. Уйди из этого мира навсегда! Я даю тебе три дня, чтобы повиноваться. Если ты так сделаешь, я не стану тебя преследовать и не позволю Арэсти. Если же ты останешься – пеняй на себя. То, что ты сделал с моим любимым, покажется тебе благословением господним по сравнению с тем, что я сотворю с тобой. Тебе все ясно? Тогда позволь попрощаться.

И шарик на руке женщины внезапно полетел прямо в лицо Некроманту. Правитель шарахнулся, закрываясь ладонями, полыхнуло золотом, по комнате разнесся низкий злорадный смех – и все стихло. А Некромант, ощутив новый, весьма неприятный запах, понял, что штаны испорчены окончательно.

Женщина-*листэrr* не шутила.

– Готово! – Рон Джетлисс злорадно улыбнулся и встал с земли. – Ай да мы!

Я потеряла лоб. Голова еще гудела после откачивания силы. Для сеанса связи Рон вытянул ее столько, что хватило бы на возведение трех Тадж-Махалов.

– Соколов – готов?

– Он в штаны наложил, – злорадно ухмыльнулся Рон. – В лаборатории сидел, нас с тобой искал, весь такой важный был...

Я представила это – и фыркнула.

– Какие мы нехорошие.

– Еще бы! Ты видела, что я делал?

– Смутно, – призналась я.

– Будешь тренироваться. Думаю, лет через пять ты и меня превзойдешь! Но какое было зрелище!

Я злорадно ухмыльнулась.

– Прелесть. О, моя прелесть!

Рон подхватил меня на руки и покружил в воздухе. Он тоже был доволен. И поводы для радости наличествовали. Некроманта мы напугали до медвежьей хвори – отлично. Но надолго ли этого хватит? И, что самое приятное, Рон ему почти не солгал. В основном. Ну да, Тины-ви-элль не существует. Но все остальное-то правда! И про ребенка! Его же будет получать от меня и Арэсти, как ни крути. И про королевство. Да и потом, Рон не солгал. Если Некромант уберется из этого мира, Рон-Арэсти его преследовать не станет. А вот я – стану. Обязательно. Я-то ничего не обещала! Зачем нам понадобился этот маскарад? Причина была проста, как перпендикуляр. И называлась она – подмена целей. Некромант будет сражаться со мной, полагая, что Арэсти Эрналта раздавит одним ногтем. Пусть думает именно так. Он же не знает, что Арэсти больше нет. Есть «ужас взари». Поэтому Рон пойдет приятным сюрпризом. Типа гранаты в штанах. Мелочь – а приятно. Моя же цель – просто выжить, пока Рон будет стирать Некроманта в порошок. И я очень надеюсь на хороший конец. Дело в том, что *листэrr* – очень... специфическая раса. Против них нужны специальные заклинания и методы борьбы. И на людей большинство из этих методов не действует.

Итак! У узурпатора есть опыт, армия, злость. У Рона – опыт, злость, ну и я. Так что Рону повезло чуть больше. Кстати...

- Рон, ты был просто неподражаем!

Рон улыбнулся мне. Весело и чисто.

- Тина, я так рад, что рядом со мной именно ты! Тебе ведь и в голову не пришло говорить со мной о жестокости, о том, что этично или неэтично...

Мне и правда это в голову не приходило. Такая вот я неэтичная.

- Рон, а за что тебя так? Какой из тебя «ужас взари»? Да я страшнее тебя буду! Особенно когда мы до нашего знакомого доберемся!

Рон мгновенно помрачнел и опустил меня на землю.

- Тебе очень хочется это узнать?

Я положила руку ему на плечо.

- Рон, мне это не очень-то и нужно. Ты мой друг и любовник. Этого никакие откровения не изменят. Мы уже связаны, и этой нити никому не разорвать. Но знать хотелось бы. И не только из любопытства.

- А если я тебе не расскажу, ты решишь, что я тебе не доверяю...

Рон был еще мрачен, но в глазах уже появились искорки. Кажется, он боялся, что услышанное оттолкнет меня. Глупый.

- Что-то в этом роде, - кивнула я. - Расскажешь?

- Конечно. Присаживайся.

Я уселась на расстеленный плащ. Рон подумал несколько секунд, а потом улегся рядом и притянул меня к себе на грудь. Я послушно потерлась щекой о его плечо.

- Рон?

- Знаешь, меня прозвали «ужасом взари», - отозвался волшебник. - Заслуженно прозвали. Меня заточили в медальон за то, что я хладнокровно, не моргнув глазом, уничтожил сто двенадцать взари.

Если он ожидал ужаса, то напрасно. Я даже не повернула головы.

- И все?

- Тина, ты не понимаешь. Жизнь человека драгоценна, жизнь взари - бесценна. Мы плохо размножаемся...

- Это я как раз знаю.

- Тем лучше. Чтобы восполнить численность взари, потребуется не одно тысячелетие. Мое преступление сочли таким страшным, что даже не дали высказаться перед всеми. А суд... Знаешь, за преступление судят семь взари. То есть - шесть. И решающий голос принадлежит верховному взари. Обычно шестерых выбирают жребием, но в тот раз жребий распорядился очень странно. Очень... очень на руку Таисю.

- Кому?

- Таисю. Таись ан-Криталь, верховный взари и отец Орланды.

- Понятно. А я даже не знала, как его зовут. Верховный да верховный...

- А тебе и не нужно было. А мы с ним одно время дружили, а потом стали соперниками. Это давняя история. Моя мать - смертная женщина.

- И как это возможно?

- Приемная мать. Родная умерла, а меня воспитывала обычная женщина. И я так и остался обычным смертным. В душе. Когда мне было десять лет, меня нашел отец

и постарался перекроить по своему образу и подобию – но поздно. Я сопротивлялся отчаянно, так что, как только мне исполнилось пятнадцать, отец сунул мне в руки заклинание инициации и выпихнул за порог. Знаешь, для чего это нужно? Человек рождается или не рождается со способностями к волшебству. Междумирианник помогает их раскрыть. Первый шаг – между мирами. Ты можешь или не можешь пройти. Если нет, ты даже заклинание в книге не увидишь. И дальше тебе дается проводник. В походе по мирам ты проверяешь свои силы, учишься верить в себя, находить общий язык с разными людьми и нелюдьми. Я сразу начал с того, что отказался от проводника. Взбесила меня эта крольчиха.

– Крольчиха? У меня была ящерица.

– Это не важно. Короче, я ее послал и пошел по мирам самостоятельно. Штудировал Междумирианник, добыл себе палочку и медальон. Не самые крутые, потом я покруче раздобыл. Потом пришел в сад Двенадцати Дев.

– Они тебе просили передать привет.

– Да, я провел там довольно много времени. Но Миара и ее сестры поступили со мной очень благородно. Они ускорили для меня время в саду, так что я вышел оттуда совсем другим человеком. Я, кстати, многому научился у них. Ты тоже могла бы остаться...

– Не могла. Если бы Таись узнал, что я там, он бы меня подстерег на выходе и навалил по ушам.

– Если бы обстоятельства сложились по-другому.

– Если бы, да кабы, да во рту росли грибы...

– Вот и у меня все сложилось так, как сложилось. Страшнее было другое. Мой мир... Это был мир с очень быстрым течением времени. Вернувшись, я не застал свою приемную мать среди живых. Никто даже не знал, где ее могила. Я и дух ее вызвать не мог. Поговорить, попрощаться, сказать, что я ее люблю...

В голосе Рона сейчас звучала такая тоска, что я не выдержала. Повернулась так, что мы оказались почти нос к носу, обхватила его лицо руками и прижалась щекой к щеке.

– Не надо, Рон. Не обвиняй себя. Она тебя любила. И знала, что ты ее любишь. Она бы тебя простила. Обязательно.

– Я часто говорил себе об этом. Но поверить не могу, – признался Рон.

– Ничего, – шепнула я. – Я буду рядом. И я говорю тебе как женщина. Я бы поняла и простила. А значит, поняла и она. Просто так получилось. Но она тебя все равно любила.

Рон крепче прижал меня к себе.

– Я много путешествовал по мирам, учился, работал, заводил друзей. Познакомился с королем эльфов и подружился с ним. Наладил контакты с вампирами... Можно очень долго перечислять мои дела. А вот их конец наступил неожиданно. Я влюбился. Влюбился в смертную девушку без капли способностей. Ее звали Мадалена. В то время мы с Таисем были друзьями. Хотя и очень разными. Он всегда стремился к власти. Мне были интересны только знания. И я на свою голову познакомил его с Мадаленой. Представляешь, какой я был глупец?! Я надеялся, что Таись поможет мне сделать ее волшебницей.

– А он уже был верховным?

– Да. Уже несколько десятков лет. Увы, я переоценил своего друга. Таись, зараза такая, сам положил глаз на Мадалену. Он воспользовался тем, что я оставлял Мадалену в замке верховного взари во время своих странствий по мирам, – и попытался ее соблазнить. Не получилось. Колдовство тоже не дало эффекта. Если человек действительно любит, любит всем сердцем, на него не действуют ни приворотные, ни отворотные чары.

А Мадалена любила меня именно так. Тогда Таись решился на последние меры. В один из моих отъездов он инсценировал похищение Мадалены. А ведь она была простой смертной девушкой. И очень слабой. Вот что бы ты сделала, если бы тебя похитили и стали нагло домогаться?

Я задумалась. Ненадолго. И тихо напела врезавшиеся в память незамысловатые строчки:

– В неволе жить не буду, свобода на кону! Твердят, есть жизнь повсюду, нет жизни в плену!

– Ты бы боролась.

– Хвост даю на отсечение.

– У тебя же нет хвоста...

– Неправда, у всех людей есть рудиментарные хвосты, – возразила я, понимая, что Рону необходима шутливая нотка в этом, увы, необходимом разговоре.

– А где они расположены?

– Сейчас покажу, если ты перевернешься.

– Ну-уу, а не переворачиваясь можно показать?

– Можно, но сложно.

Процесс поиска хвоста затянулся минут на десять, после чего Рон пришел в норму и стал рассказывать веселее:

– Когда Таись похитил Мадалену, я ничего не заподозрил. И узнал, что и как произошло, только когда она умерла. С ней произошло почти то же, что и с Арэсти. Ее убили, разрушив и тело и душу.

– Зачем?

Я действительно не понимала. Ну, трахнул, ну и что? Разбежались, и все забыли. Тем более достаточно было оставить Мадалену в любом малообитаемом мире или в мире без магии, типа моего, или... Ну, могли, могли сделать так, чтобы ее никто и никогда не нашел! И без всякого убийства.

– Эти сто двенадцать взари, солнышко, занимались вопросами вечной жизни. И для опытов им требовались все. Мужчины, женщины, люди, нелюди... Таись был связан с ними. И он всегда плохо переносил отказы. Мадалена смогла явиться ко мне только в последние минуты перед абсолютной смертью. Она рассказала, что Таись играл с ней пятнадцать лет. А когда она постарела, без всякого сожаления отдал на опыты. Я... Я просто взбеленился. И это еще мягко сказано. Мне потребовалось три года, чтобы мягко, не привлекая к себе внимания, выяснить, кто, что и как. Я сумел уничтожить их базу и их самих, но Таися оставил напоследок. И он успел нанести удар первым. Я не дался бы под арест. Мать Орланды, сейчас она уже сдохла, Беттина ан-Криталь, тогда уже жена Таися, пришла ко мне якобы для разговора. Я решил, что не стоит открывать ей глаза на подлость мужа, и действительно – не стоило. Она и так все знала. Не знал только я один! Слепой дурак! До сих пор помню, как она пришла ко мне в камеру.

Она вошла и встала на пороге. Некоторое время мужчина и женщина разглядывали друг друга. Он – с усталым безразличием и брезгливостью. Она – с насмешливым интересом. Но первой заговорила она:

– Прости, Рон, но я не позволю тебе убить моего мужа.

– И с чего ты решила, что я **хочу** его убить? Я его просто убью – без всякого хотения.

– Рон, посмотри сюда. Эта штучка – доказательство того, что нас никто не подслушивает. И я хочу сказать тебе все, что думаю.

Рон чуть приподнял левую бровь.

- Неужели?

Женщина не обратила внимания на иронию.

- Да. Если Таись узнает, что я с тобой говорила и что именно сказала, он сам убьет меня. Дело в том, Рон, что я всегда любила тебя. И только тебя. Таись был твоим другом, я стала спать с ним, чтобы быть ближе к тебе. И поняла, что оказалась только дальше. Дружба вместо любви – невыносима! А потом ты привел эту соплюшку! Эту... Мадалену!

- Поосторожнее, – тихо предупредил Рон.

- Мне уже нечего терять, – пожала плечами женщина. – Я смертельно больна.

- И чем же?

- Арии-ак-исс.

Рон знал, что это такое. Это бывало с некоторыми волшебницами при беременности. Непонятно почему, их дар начинал ослабевать. В первые три месяца почти незаметно, потом следовал резкий скачок, а к девятому месяцу волшебнице уже не удавались даже самые простые действия вроде пирокинеза и левитации. Заканчивалось это смертью. Увы, дети взари рождались очень болезненно, поэтому роды приходилось облегчать магией. А арии-ак-исс препятствовала воздействию магии на человека.

- Что, нельзя было в обычную поликлинику обратиться? – не выдержала я.

- Нельзя. Ребенок взари в этом случае просто высасывает свою мать, как энергетический вампир. Ничего не поможет. Только люди погибнут. Думаешь, взари не пробовали?

- И с этим никак нельзя бороться?

- Пока метод не найден. Даже те сволочи ничего не отыскали. Я сильно подозреваю, что Таись связался с ними еще и из-за Беттины. Она была стервой, но очень удобной для его планов. И полностью поддерживала его во всех начинаниях. И потом, он считал жену своей собственностью. И признать, что кто-то другой, пусть даже судьба, может ей распоряжаться... Как домашние тапочки. Сам выкину! А ты не тронь! Понимаешь?

Я понимала.

- А что было потом?

- Я смертельно больна. После твоей смерти я протяну не больше месяца или двух. Хочется родить ребенка, чтобы оставить хоть что-то после себя. Так вот! Я мечтала о ребенке от тебя. А когда ты привел эту Мадалену, я поняла, что мое желание неосуществимо. Это я спровоцировала Таисю. Я подтолкнула его. Хотя он и сам додумался бы. Только позже. А мне было это необходимо именно сейчас.

- Почему?

- Я не желала, чтобы Таись всерьез связался с этими кретинами. Они его кое-чем держали... теперь это уже не важно. Ты сделал все, как я хотела. А теперь тебя или убьют, или развоят. Я проживу достаточное время, чтобы родить, – и тоже умру. Я очень хотела иметь ребенка от тебя. Но ведь это неосуществимо?

- Нет.

- Однажды я подсыпала тебе барутту. Уже после прихода в твою жизнь Мадалены.

- Разве?

- Ты даже не заметил. Я безумно завидую тебе, Рон. Люблю и ненавижу одновременно. Ты убиваешь меня уже долгие годы. Своим безразличием, своей дружбой, своей честностью, а потом и своей любовью. Но я могу тебе отомстить. Мадалена могла воспринять силу взари. Она могла стать взари. Если бы Двенадцать Дев разрешили тебе.

- Они бы разрешили.

- Тебе? О да! Несомненно! Но теперь ты будешь мучиться так же, как и я! Мадалена – мертва! И это навсегда!!! Навсегда!!!

Женщина развернулась и вышла из камеры. Но дикий хохот еще долго стоял в ушах у Рона.

- Тогда я еще не понимал, на что меня обрекла Беттина.

- Мстительная сучка.

- Всего лишь измученная женщина.

Я фыркнула. Да если бы из-за любви все женщины такое вытворяли, планета просто обезлюдела бы.

- Никогда не пущусь на такие подлости.

- Не зарекайся.

- Чего зарекаться? Рон...

- Да, солнышко?

- Эта ночь еще наша?

- Да. Завтра мы должны отправиться в столицу. Мы же не можем пропустить казнь моих друзей и сообщников?

- Главный виновник торжества обязан присутствовать!

- Именно! А сегодня будем расслабляться.

Чем мы и занялись. Сперва на траве, а потом в лесном озерце. А что, здесь уютно и хорошо. А главное – туристов нет и пивные банки не валяются!

Человек, которого Тина знала как Серова Николая Игоревича, а все взари как Ника Серого, стоял посреди роскошного зала. Ему пришлось сутки добиваться аудиенции у Лиреанделон рэ-Аллиерэн кавэрэ Меарилэннон. И его мучило страшное подозрение, что, не будь он супругом Вэл, добиваться пришлось бы еще дольше.

Королева вошла в кабинет так стремительно, что лоскутки голубого шелка, в который она была одета, разлетелись в стороны, открывая еще больше. Сверкнули синие камни ожерелья, пояса, браслетов, подчеркивая нежную белизну кожи. Ник даже не подумал отвести в сторону глаза. Напротив, эльфийский этикет приказывал смотреть спокойно и с восхищением. С желанием, но без похоти. Нику это удавалось не вполне, что и отметила эльфийка.

- А вот Тина всегда могла смотреть на эльфов, как на произведения искусства. Даже на моего будущего супруга. Но вы еще очень молоды, Ник. Я вас прощаю.

Ник был просто ошарашен. Чего он не ожидал, так это разговора о Вэл. Ник настраивался на долгое дипломатическое выцарапывание сведений о своей блудной супруге, поэтому, когда королева спокойно упомянула Тину, опешил – и ляпнул первое, что пришло в голову:

- Моя жена еще моложе.

- Ваша жена? – Ирония в голосе женщины чувствовалась за километр.

- Вэл, Тина – какая разница?! Мы все равно женаты!

- Неужели?

- Что вы хотите этим сказать? – напрягся Ник.

- Вы обвенчались с ней, как с полноправной взари?

- Нет. Но я подал прошение верховному взари еще до... ну, вы понимаете, до заключения, чтобы наш союз признали полноправным.

- Это не в счет. Вы не спрашивали Тину, а без ее устного согласия в присутствии пяти свидетелей ваше прошение выеденного яйца не стоит.

- И наш брак был заключен по законам Российской Федерации.

- Тоже нет. Можете его не считать.

Лирин подняла руку, и в ее ладонь порхнул лист белой бумаги.

- Тина просила меня сделать это.

Ник послушно пробежал лист глазами. Это было... было...

- Как это понимать?

- Как документ о расторжении брака. А что вас удивляет?

- Удивляет?! Что меня удивляет?! - закипал Ник. - Ваше величество, я знаю, что Тина ни разу не появлялась дома...

- Она не могла этого сделать. И вы прекрасно знаете почему. Ваши связи представляют серьезную опасность для моей подруги. Но Тина просила меня - и я направила одного из моих агентов. Кстати, агент использовал только маскировочную магию. И опротестовать решение суда вы не сможете.

- Вы воспользовались моим отсутствием, чтобы...

- Чтобы защитить Тину от ваших друзей. Это все, что вы хотели мне сказать? Тогда не смею дольше вас...

- Нет, ваше величество.

- Нет?

- Ваше величество, вы знаете, где сейчас моя жена?

- Нет.

- Я должен в это поверить?

- Это ваши проблемы.

Лирин была так спокойна, что это напоминало больше чем издевательство. Но Ник терпел. Выбора не оставалось.

- А вы можете узнать, где сейчас Вэл?

- Ей не нравится, когда ее называют Вэл. Она предпочитает имя Тина.

- Так можете?

- При определенных усилиях. Как и вы, и ваши волшебники. Но я этого делать не буду.

- Почему?!

- Тина мне этого не простит. Хотя нет. Простит. Но трещина в нашей дружбе стоит слишком дорого для вас. Вы не сможете предложить мне ничего равнозначного.

- Ваше величество...

- Довольно!

Эльфийка прошла по комнате, шелестя шелком платья.

- Вы хотите отыскать Тину? Ищите ее своими силами. И позвольте сказать, что вас примут без особой радости. Ваша бывшая, подчеркиваю, бывшая жена жива, здорова и находится с человеком, которому я полностью доверяю. Надеюсь, они станут не только друзьями. Они отличная пара.

- Вы готовы сосватать ее с «ужасом взари»?! - взбеленился Ник. От того, чтобы наброситься на эльфийку и надавать ей оплеух, его удерживал только инстинкт самосохранения. Лирин была не самым сильным магом, но статус королевы... Малейшее нарушение протокола, капелька враждебности - и для Ника лучше будет утопиться самому. Во всяком случае, быстрее и безболезненнее. И Лирин это отлично понимала.

- Нет. С Роном Джетлиссом, моим другом и другом моего отца. Человеком, которого я очень люблю и которому готова доверить свою жизнь и честь.

- Он преступник. И моя жена тоже может быть наказана. Я не хочу, чтобы ее...

- Этого и не будет, - ледяным тоном оборвала его королева. - Сколько вы еще станете занимать мое время?

Ник понял, что дешевле уйти сейчас. Он покорно раскланялся и зашагал к двери. Но на пороге остановился.

- Прошу вас, если что-то, как-то... Дайте мне знать! Я не враг Вэл! Я ее люблю!

- Это ваши проблемы. Прощайте.

Ник вышел, хлопнув дверью.

Лирин криво улыбнулась и принялась просматривать бумаги. Еще чего не хватало! Посадить Тине на хвост этого болвана? А вместе с ним верховного взари и его гвардию? И его противную дочурку? Еще чего не хватало! И что Тина могла найти в этом напыщенном недовзари? Хотя... Лирин полагала, что Тина, будучи одарена от природы, чувствовала магию в своем муже. Тянулась к ней, даже не замечая прочих недостатков Ника. Но сейчас, когда Тина обрела свою силу, такой муж был ей просто вреден. И Лирин всерьез надеялась, что Тина завяжет серьезные отношения с Роном Джетлиссом. Потому что они как раз подходили друг другу. Во всяком случае, с тем Роном, которого помнила эльфийка.

Некромант сидел в своей библиотеке и сосредоточенно перебирал толстенные фолианты. Ему нужны были все сведения о *листэрр*, которые он только мог разыскать. А лучше - еще больше. Надо отдать магу должное, он не собирался удирать без боя. Да, он испугался Тины-ви-эль до... в общем, испугался. Но разве это повод оставлять обжитый мир? Мир, в котором все устроено так, как ему нравится. Мир, где никто не посмеет противиться его воле. Мир, где он - самый могущественный, да и, пожалуй, единственный маг?

Да пусть хоть десяток *листэрр* явится к нему в гости! Зомби им в задницу! И повернуть три раза!!! Он будет сражаться! И для начала соберет всю свою армию!

Стена библиотеки засветилась. Некромант уставился на нее - и чертыхнулся. В камне проявлялись контуры *листэрр*.

- Осталось два дня, - произнесла она.

Контур расплылся и исчез.

Некромант помянул всех *листэрр* кротким словом - и отправился в лабораторию, рассылать сообщения по городам. Надо было собирать армию.

Мы с Роном переглянулись - и хлопнули друг друга по ладоням.

- Действует!

- Еще бы! План-то мой!

- От скромности ты не умрешь.

- Я, - надменно проинформировала я Рона, - само совершенство. Умна, красива, невероятно обаятельна, а сообразительности и изворотливости у меня на тысячу человек хватит! Тебе досталась самая лучшая женщина этого и всех соседних миров! Цени, несчастный!

- Кто - несчастный?! Я - несчастный?!

Рон с возмущенным воплем повалил меня на траву и удобно разместился сверху!

- Да ты меня просто не ценишь! Тебе выпало огромное счастье - получить в партнеры самого великого и ужасного...

- Гудвина, - ехидно вставила я.

- Гудвина?

Рон на секунду растерялся, и я ловко спихнула его на траву и улеглась сверху.

- Ага. В нашем мире был такой... сказочный персонаж. Клоун.

- Клоун?! Я - клоун?! Ну погоди, ты мне заплатишь за оскорбления!!!

- Уже трепещу!

- Сейчас проверим. - Руки Рона нагло пролезли под мой свитер, и я затрепетала.

К обсуждению Некроманта мы вернулись только пару часов спустя.

- Думаешь, он решит драться?

- Наверняка. Он тут боролся, обживался, а потом приходит какая-то *листэrr* - и он вынужден убираться ко всем чертям?! Я бы не согласился.

- А я бы не стала бороться.

- Неужели? А кто сцепился с верховным взари из-за мужа?

- Это другой вопрос! Я знала, что могу победить!

- Он тоже знает, что шансы есть. Если бы речь шла о *листэrr*, они делились бы как семьдесят к тридцати.

- В чью пользу?

- *Листэrr*, разумеется.

- Рон, я кое о чем хотела тебя попросить.

- Да?

- Если со мной что-то случится, ты ведь наведишь взари?

- Разумеется.

- Ты не мог бы рассказать, что у меня все было прекрасно? И что мне было наплевать на них с высокой колокольни?

- Могу. А откуда такие пораженческие настроения?

- Понимаешь, обычно я была или одна - или самая сильная. А сейчас рядом со мной ты, а я не привыкла, когда рядом есть кто-то более самоуверенный.

- Тина, успокойся. Все будет хорошо.

- Обещаешь? - жалобно спросила я.

- Хвостом клянусь! А сейчас расслабься. Если мы решили раскатать Некроманта, мы должны будем действовать в паре. Прости, но у тебя опыта боевых действий вообще

нет.

– За правду не извиняются.

Чего уж там, пока у меня был только опыт выживания. А точнее, вспоминая мои приключения, можно сказать, что я изо всех сил пыталась совершить самоубийство, а мне этого сделать не давали.

– Тогда выслушай мои предложения. Мы будем действовать по моему плану. Я сделаю несколько амулетов, которые помогут нам эффективно управлять нашей совместной силой. И согласуем несколько жестов. Чтобы знать, что и когда применять. Согласна?

– Разумеется. Руководи.

Не знала я, на что соглашаюсь. Поспать удалось всего часа четыре. Хорошо, что это были самые темные часы, и я смогла как следует выспаться. Потому что на рассвете Рон опять поднял меня – и мне пришлось повторять все заново.

Учить материал за сутки до экзамена для меня было не в новинку. Поэтому все и получилось.

Глава 22

Некромант сидел в своей ложе. И выглядел как человек, которого обкормили лимонами с солью. Лица его я не видела, но было что-то такое в его посадке, в движениях, в манере наклонять голову к плечу. Наверняка под капюшоном на его губах играла мерзкая улыбка. Эх, кирпич бы мне! Или плиту. Гранитную. С надписью!

Площадь казней чем-то напоминала стадион. Такая же большая чаша, только вместо зеленой травки – черный камень. А вместо неудобных скамеек – еще более неудобные каменные ступени сантиметров пятьдесят высотой и столько же шириной. То есть если сядешь, то опираться придется на чьи-то ноги.

Нам придется быть особенно аккуратными. Если начнется паника, жертв будет – кошмар!

Мы с Роном твердо решили прибить сегодня Некроманта. Что до его слуг – придется вылавливать поодиночке. Скелетов всем миром затопчем, вампиров частично привлечем на службу, частично тоже уничтожим – посмотрим на их поведение. Зомби вообще сожжем – и пустим на удобрения. Рон как раз составил очень подходящее заклинание.

И вот – на арену выгнали людей. Они шли медленно, некоторые шатались, я разглядела у них укусы и поняла, что потом их придется серьезно лечить. Вампиризм – штука заразная. Почти как СПИД. Только последствия немного лучше.

Рядом со мной выругался Рон.

– А?

– Тина, ты должна будешь заняться заключенными. Видишь?

– Что?

– С другой стороны арены ворота. Там дикие животные или что-то похуже.

У меня дыхание перехватило. Сволочь!!! Спустить на беспомощных людей голодное зверье?!.....!!!

Печатных слов просто не осталось. Даже в Древнем Риме до такого не додумались. Хотя... Меня ж там не было?

– Займусь.

– Очень надеюсь. Ну? Пошли?

– Вперед, сэр рыцарь!

Рон скорчил мне проказливую рожицу и подмигнул. И мы прыгнули.

Для первого появления мы выбрали марш «Прощание славянки». Рон хотел обойтись без музыкального оформления, но я настояла. При удаче это могло дать нам пару минут, чтобы войти и представиться. А то и нанести первый удар.

Музыка грянула на весь стадион так, что люди подпрыгнули. А прямо напротив ворот с дикими животными открылась простенькая дверь. Прямо в чистой стене, в которой до этого ничего не было. И появилась я.

Ради такого случая я даже отказалась от любимых джинсов и отдала предпочтение коротенькой юбочке-лейкопластырю и майке – два шва, три разреза. И обвешалась кучей украшений. Во-первых, надо было спрятать сделанные Роном амулеты, а во-вторых, государственный переворот заслуживал определенной формы одежды.

Все ошолбенели.

Я подняла голову и оглядела трибуны. Общие впечатления можно было выразить одним словом – столбняк! Некромант тоже прибалдел – и я воспользовалась этим.

- Дамы и господа, позвольте представить вам истинного виновника торжества! Арэсти Эрнальт!!!

Грянули фанфары.

Рон легко материализовался рядом со мной.

- Арэсти Эрнальт, последний из Эрнальтов, сын принцессы Верены, которую успели спасти верные слуги. Все доказательства будут предъявлены любому из заинтересованных лиц до коронации! Приветствуем короля, народ! Аплодисменты!!!

Оваций мы не дождались. Люди просто ошалели. Зато Некромант наконец пришел в себя. И первое, что он сделал, - указал на меня своим вампирам. Клыкастики бросились ко мне вместе со скелетами и зомби.

Жаль. Придется их всех перебить. Я деликатно отодвинула Рона себе за спину, как и должна была сделать *листэrr*. Чтобы не рисковать. И ощутила, как в меня полетело какое-то заклинание. Глупый. Методы борьбы с людьми - одни, с *листэrr* - совсем другие.

Сейчас я его...

Записано в пятнадцатый день сезона золотой листвы Дарианом Ревельтом с личными комментариями Тины-ви-эль. Исключительно для прочтения особами крови Эрнальтов. Ослушание карается смертной казнью.

Как прекрасна ночь, оборачивающаяся ясным днем, закат, превращающийся в рассвет, безнадежность, сменяющаяся светлой радостью, неволя, навсегда исчезающая перед прекрасным ликом свободы. Волей судьбы я, Дариан Ревельт, пишу, дабы мои потомки и потомки моих детей знали о дне, когда в Эрлине опять воцарились Эрнальты.

Кровь богов, кровь Эрнальтов, кровь синеглазых (*считалось, что глаза именно такого, невероятно синего оттенка могут быть только у потомственных Эрнальтов. Как ни странно - исторический факт. По мнению Тины-ви-эль, направленная генетическая мутация, которой придется долгое время оставаться неисследованной*).

Я был одним из тех, кому маг Ариан доверился с самого начала. К счастью, я не жил в Риальте, иначе меня постигла бы судьба ее населения. Тогда кровь Эрнальтов еще не пробудилась - и его величество Арэсти Второй еще не знал, на что способен. К счастью, кровь Эрнальтов проснулась до того, как нас уничтожили.

Это были ужасные два дня. Некромант каким-то образом узнал о последнем живом Эрнальте - и поспешил избавиться от него. Риальту подвергли мерзкому обряду, о котором Некромант нам не рассказывал, а его величество сказал, что это было больно, страшно - и он почти умер. Как объяснил его величество, обряд состоял в том, что из человека выпускалась по каплям вся кровь. За счет полученной при этом силы Некромант вызвал в наш мир отвратительных существ из Пустынного мира (*местное наименование мира мертвых. Что-то вроде ада. Согласно одной из религий Эрлина, те, кто при жизни был белым, пушистым и уступал старушкам место в троллейбусе, после смерти попадает в Высший мир, где получает много всего хорошего. А тот, кто при жизни был бякой, отправляется как раз в Пустынный мир, где тоже получает... много, - но по заслугам. Полагаю также, что название «Пустынный» происходит не от слова «пустыня», но от слова «пустота», так как упоминание великой Пустоты встречается во многих священных книгах данной религии. - Комментарии Тины-ви-эль*).

Риальта была уничтожена, последний из Эрнальтов умирал - и послал зов. И Тина-ви-эль откликнулась. Кто она такая, чем занималась и как овладела такой силой - до сих пор остается неизвестным. Тем не менее мир Эрлина обязан ей больше, чем многим другим. Ибо она спасла последнего из Эрнальтов, предотвратив катастрофу.

Тем временем злокозненный Некромант, ошибочно полагая последнего из Эрнальтов мертвым, приказал своим исчадиям пустоты (*вампиры, скелеты, зомби. С оборотнями наш Некромант связываться побоялся. И правильно. Публика очень ненадежная - всегда себе на уме. - Комментарии Тины-ви-эль*) уничтожить всех, кто остался верен

законной династии. Предал же нас Итвор Ретан, коего и поразили за это светлые боги – разум его помутился, и он постоянно кричит от ужаса, словно видя что-то кошмарное перед собой. Нас схватили и, проведя пустой дорогой *(все-го-то-навсего телепорт. Некромант, хоть и сволочь был, но сетку порталов наладил качественно. Теперь они поступили в собственность короны, и за минимальную плату ими может воспользоваться любой человек. За неимением самолетов и пароходов. Быстро, удобно, экологически чисто. Очень рекомендую. – Комментарии Тины-ви-эль)* заперли в темнице, пообещав, что убьют без суда и следствия, как посягнувших на верховную власть. Казнь была назначена на утро пятнадцатого дня сезона золотой листвы. Известно мне также, что ко многим из моих товарищей по несчастью ночами являлись богомерзкие порождения пустоты, именуемые вампирами *(ишь как припечатал! И это еще очень мягко. У других людей вообще печатных слов для вампиров не нашлось. Поторопилась я заявлять насчет службы закону и использования клыкастых на благо народа. Любая попытка приведет только к смерти вампиров. Люди очень отрицательно к ним относятся, и винить их за это сложно. – Комментарии Тины-ви-эль)* и сосали кровь, а также творили над ними разные непотребства. Ко мне же никто не явился, потому что стар я и слаб здоровьем. Видят Боги, я мечтал умереть до казни, но провидение оказалось милосердно ко мне! И я узрел возвращение Истинного Короля!

Нас вывели на арену, где и намеревались затравить. Злокозненный Некромант любил развлекаться тем, что спускал на приговоренных толпу плотоядных живых мертвецов *(зомби, нуждающиеся в материальной подпитке. Иначе они начинают разлагаться. И еда – действительно один из способов. Остальные перечислять не буду. Боюсь, что меня стошнит на исторический документ. – Комментарии Тины-ви-эль)* и наблюдал за этим отвратительным действием. Сгоняли туда и людей, чтобы те знали, какая судьба ждет их при ослушании. Довелось мне один раз присутствовать при этом кошмаре. И, к стыду своему, я упал в обморок, не увидев и половины того кошмара, который творился на арене. У меня была единственная надежда, что я умру раньше, чем почувствую, как меня будут разрывать на части и поедать заживо.

Некромант собирался выпустить своих тварей, когда с неба послышались звуки музыки, прекраснее которой я не слышал в своей жизни.

И из ниоткуда появилась женщина, прекраснее которой я в жизни не видел.

Ее слова навсегда останутся в памяти тех, кто пришел на казнь. Она заговорила, и голос ее был прекраснее голоса небесного вестника.

«Дамы и господа, позвольте представить вам истинного виновника торжества! Арэсти Эрналт!!!» – провозгласила она.

Несколько секунд мы стояли, не в силах даже дышать. А потом рядом с ней из ниоткуда появился молодой человек. Точная копия старого короля.

«Арэсти Эрналт, последний из Эрналтов, сын принцессы Верены, которую успели спасти верные слуги. Все доказательства будут предъявлены любому из заинтересованных лиц до коронации! Приветствуем короля, народ! Аплодисменты!!!»

И тут злокозненный враг отдал приказание своей нечисти.

Но его величество и Тина-ви-эль не растерялись. Его величество отошел назад, чтобы не мешать своей соратнице. Тина-ви-эль, напротив, шагнула вперед, вызывая удар на себя. Бросились на нее порождения пустоты, но отважная воительница не приняла боя. Сочла она недостойным скрещивать свой меч с этой мразью – и легко оторвалась от земли. И из рук ее полился странный, неприятно пахнущий дождь. Порождения пустоты попадали под него – и тут же начинали чернеть, корчиться – и рассыпаться в прах. *(Ничего особенного. Просто царская водка плюс несколько органических кислот. Отлично растворяет все, что попадет под струю. – Комментарии Тины-ви-эль.)*

Попутно вокруг нее возник прекрасный золотой ореол. Раз за разом метал в нее свои черные заклятия Некромант, но ни одно не достигало цели!

(Примитивное «зеркало», просто исполненное очень сильными мастерами. Мы сделали его ночью, ориентировали на типичную некромантию и закрепили

на браслете. Все, что направлял на меня Некромант, благополучно отражалось на него. А чтобы перебить заклинание, созданное двумя взари, тем более такими, как мы, – это даже не смешно! Нужно не меньше десятка подобных Некромантов. – Комментарии Тины-ви-эль.)

Тем временем Арэсти Эрналът пробежал по арене, подскочил – и взлетел в воздух. И оказался прямо перед ложей Некроманта. Он с яростью орудовал мечом, пробиваясь к врагу. Понял негодай, что не выстоять ему, – и решил перед смертью отомстить невинным людям.

(Вообще-то он хотел отвлечь внимание и сбежать. Но – увь. У нас были другие и очень серьезные намерения. – Комментарии Тины-ви-эль.)

Он усилием мысли открыл ворота, за которыми скрывались его плотоядные зомби, – и бросил в бой последний резерв.

И показалось нам, что все потеряно. Мы впали в отчаяние. Вампиры нападали на отважную воительницу, уворачиваясь от ее оружия. К счастью, пока ни один не смог дотянуться до нее. И тогда грянул голос с небес. И голос законного короля рек:

– Останови свою стаю!

К стыду своему, не могу я описать, как Арэсти Эрналът добрался до ложи Некроманта, ибо все внимание мое было поглощено сражением отважной Тины-ви-эль.

(Зато я могу. Пока все эти паразиты набрасывались на меня, Арэсти стоял смирно, чтобы его не воспринимали как врага. А когда вся нечисть набросилась на меня, он просто взлетел – и поздоровался с узурпатором. – Комментарии Тины-ви-эль.)

Дрогнули исчадия пустоты, но не растерялась отважная воительница – и многие пали под ее руками, прежде чем Арэсти Эрналът полоснул Некроманта по горлу – и поднял голову врага за волосы, показывая народу.

Начало тут падать и развеиваться в прах мерзкое воинство узурпатора (а вот это – брехня! Падать они падали, см. учебник некромантии от Рона Джетлисса, зомби и скелеты были привязаны к Некроманту закланием – и поэтому отбросили копыта вместе с хозяином, но вот чтобы развеиваться... Лучше бы развеялись по ветру, потому что сразу после смерти они начали разлагаться. Скелеты еще ничего, смел в совочек и выкинул, а вот зомби смердели просто невыносимо. Даже несвежий кефир нюхать неприятно, а тут несвежие трупы, да еще в таком товарном количестве. – Комментарии Тины-ви-эль).

К сожалению, разлетелись в разные стороны богомерзкие исчадия пустоты, вампирами именуемые, и не один год пройдет еще, пока их не выловят. Но рано или поздно их уничтожат. И народ вздохнет свободно.

Мы с Роном сидели в спальне и смотрели на огонь. Позади остался чертовски долгий день. После того как Рон поднял отсеченную голову Некроманта за волосы и показал народу, надо было сделать так много, так невероятно много! Следовало освободить всех заключенных столицы. Рон на скорую руку формировал из освобожденных отряды добровольцев и рассылал их по городам. С зомби и скелетами там произошло то же самое, что и в столице, но вампиры никуда не делись, хотя и почувствовали смерть хозяина. Наверняка. Кто-то разумно решил свалить подальше от разборок с угнетенным народом. А вот у кого-то другого ума не хватило. Эти кретины решили, что теперь они могут установить свою диктатуру. Вот для таких и нужны были мы с Роном. И отряды. Требовалось выпустить из тюрем всех, кто там сидел. По всей стране. Конечно, вместе с невинными уходила и чертова прорва преступников и уголовников. Но с такими мы справимся. Опять переловим и повесим без всяких разговоров. Мы им, понимаете ли, даем второй шанс на жизнь, а они опять за старое?! Фиг им, а не прощение!

Завтра мы собирались связаться с магами других стран. Тот самый маг Ариан, сильно постаревший и сдавший за минувшее время, но как никогда бодрый и радостный, обещал нам помочь в этом благом начинании. Мне было очень неприятно, что придется ему

врать, но – куда деваться? Иногда просто нет выбора. И ему вовсе не обязательно знать всю правду обо мне и взари. И тем более об Арэсти Эрналте Втором.

Весь день, растянувшийся в ночь, а потом и в еще один день, мы формировали отряды добровольцев, снабжали их амулетами и отправляли по городам. Амулеты были двух видов: призванные защитить от вампирских чар и дать нам знать, если что-то пойдет не так. Разумеется, пошло. Трижды. И все три раза мы с Роном выезжали на место происшествия. И – увы! – всегда оказывалось одно и то же. В самых крупных городах, Веране, Каассе и Тисольте, там, где вампиров было до сотни, эти кровопийцы решили, что теперь пришла их власть. В двух первых наши отряды просто перебили, прежде чем явились мы с Роном и быстро навели порядок. В Тисольте же предводитель нашего отряда освобождения оказался умнее – и сразу дал нам знать, что дело неладно. Во всех трех случаях мы с Роном действовали одинаково. Рон орудовал мечом, как мясник, кроша вампиров в кровавый салат. Я поливала их кислотой и лупила телекинезом, заставляя терять ориентацию так, что они становились легкой добычей для Рона. Считая наши потери, можно сказать, что все прошло просто отлично. Погибли еще двести двенадцать человек. Были убиты триста шестьдесят два вампира. Из них около трехсот прикончили мы с Роном. Но устали мы, как черти в аду.

И только сейчас чуть-чуть смогли расслабиться.

Распорядитель церемоний, с радостью принесший Рону клятву верности, успел приготовить для нас несколько комнат, но остальной замок предстояло еще отремонтировать. Некромант, проявив бездну вкуса, оформил все в траурно-черных, багрово-красных и пепельно-серых тонах. В итоге нормальный человек чувствовал себя в королевском дворце как на кладбище.

– Вы даже не представляете, с каким удовольствием мы впустим сюда свет, тепло и веселье, – поделился со мной распорядитель.

Я очень даже представляла. Проводить свой рабочий день в таких декорациях? Рехнешься, не дожив до пенсии!

– Ты о чем-то задумалась? – спросил Рон.

Большая ладонь мягко поглаживала мои волосы. Я потерлась щекой о его плечо и вздохнула.

– Устала. А думала я о нашем распорядителе.

– Господине Тоскано?

– Именно.

– И что?

– Ему тоже предстоит чертова прорва работы.

– Меньше, чем нам.

– Согласна. А впереди еще взари...

– Знаю. Но отложить не получится. Ты выдержишь?

– Попробую.

– Если хочешь, я освобожу тебя от большей части обязанностей. Ты не должна так переутомляться.

– Я много чего не должна. А сейчас... Рон, ты уверен, что мы сможем стать хорошими правителями?

– Вряд ли. Маги вообще не слишком хорошие правители. Но я считался хорошим организатором.

– То есть?

- Главное – это подобрать нужных людей и поставить их на нужные места. Тогда работа короля будет заключаться только в проверке и контроле. И тут наша магия окажется незаменимой. Мы же всегда сумеем выяснить, правду человек говорит или лжет. Сможем просто дать Эрлину потихоньку развиваться и восстанавливаться, а сами займемся в свободное время изучением магии. И твоим обучением.

Вот на этот счет меня терзали сильные сомнения. Я не думала, что все пойдет так радужно, но пока не возражала.

- И ты полагаешь, что мы сможем это повернуть?

- Мы? А я что – уже успел жениться?

- А ты не собираешься сделать из меня честную женщину?

- А разве это возможно?

Я извернулась и попыталась дернуть его за ухо.

- Негодяй!

- Знаю. Ты уверена, что сможешь сделать из меня честного мужчину?

- А разве это возможно? – фыркнула я. – Хорошей же мы будем парой, если не убьем друг друга в первые двести лет. Рон!

- Что?

- А как же дальше?

- Что – дальше?

- Ну, срок жизни смертного человека – лет сто. Мы можем прожить вдвое дольше. Но рано или поздно надо будет передать Эрлин нашим детям. А они ведь тоже будут взари...

- Не все.

- Не все?

Теперь я ничего не понимала.

- Дело в том, дорогая, что перед смертью Некромант успел нас проклясть.

- Да-а-а! И когда?

- Когда я отрубил ему голову, он заговорил. Знаешь, так многие делают. Жаль, теперь не получится его помучить, ну да черт с ним.

- Рон! Что он сказал?!

- Пожелал мне увидеть смерть своего первенца.

Я почесала нос.

- С тем же успехом наш первый сын может родиться взари и свалиться в колодец.

- Я успел наложить ограничения, малышка.

- Это как?

- Ну, вот так. Проклятие недействительно без ограничений. Иногда можно прервать его, убив того, кто тебя проклинает, но если это не получается... – Я ничего не понимала, и Рон снизошел до объяснений: – Вот так, например. Чтоб у тебя рождались мертвые дети, пока ты не напьешься воды из священного колодца. Или – чтоб тебя от вина всю жизнь мутило. В первом случае ограничивающее условие, во втором случае – установленный срок. Если это действительно проклятие, его можно снять. А во втором случае можно еще наложить условие. Скажем так. Чтоб тебя всю жизнь от вина мутило,

пока твой сын добровольно сто литров вина в речку не выльет. Условие может быть каким угодно. И когда Некромант нас проклял, я дополнил его условие своим. Он сказал, что я увижу смерть своего первенца, а я добавил, что это будет, если он родится смертным от двух вэари.

- Что?! Это получается, что мой ребенок умрет раньше меня?!

Рон крепко притянул меня к себе.

- Не загадывай, маленькая. Не надо. Жизнь длинная. Мы не знаем, что будет впереди. Надо просто ждать и надеяться.

Я ткнулась носом ему в плечо.

- Надеяться? На что? Проклятие сбудется, ведь так? Это же не Ванька с огорода, а серьезный Некромант. И наш сын умрет...

- Тина! - Рон взял меня за плечи и сильно встряхнул. - Посмотри на это с другой стороны. Наш сын вырастет человеком. Он женится - и Эрлином снова будут править Эрнали. Обычные смертные. Но за это придется чем-то платить. Мы всегда платим по счетам. А если не мы, то наши потомки. Их дети. И дети их детей. И проценты нарастают на наш долг с каждым новым поколением. Это закон жизни. Жестокий закон великой спирали эволюции. Лучше уж расплатиться самим, пока счет не стал непомерным.

- Думаешь, от этого менее больно?!

- Нет. Но разве у нас есть выбор?

Выбора не было.

- А скоро нам к вэари?

- Чем скорее, тем лучше. Лучше всего - послезавтра.

- Не поняла?

- Чего?

- Вот ничего и не поняла. Общее же собрание еще не скоро по местному времени?

- Тина! - Теперь в голосе Рона звучало нетерпение. Как у учителя, который объясняет второкласснику принципы сложения. - Ну кто тебя пустит на собрание? Не смеши мои тапочки!

- А кто сказал, что я спрашивать буду?

Рон закатил глаза к небу, получил подзатыльник, чтобы не корчил тут профессора, - и перестал валять дурака.

- Тина, это общее собрание всех, всех вэари. Прикинь, какая там охрана?

Я прикинула.

- Охрененная. Не справимся?

- Можем и справиться. Если ничего за последнее время не изменилось. Только вот теперь Таись будет наготове. Это раз. Как только мы снимем охрану, поднимется звон. Нас просто сомнут числом, повяжут - и мы окажемся вместе с тобой в каком-нибудь медальоне. Это два.

- Воссоединенные душами... Как романтично!

На этот раз подзатыльник достался мне.

- Видал я такую романтику.

- А ты не хочешь воссоединиться со мной душами?
 - Хочу. Но лучше это делать в кровати, а не в медальоне, где и ноги-то вытянуть некуда.
 - По причине их отсутствия, – поддакнула я. Но Рон был прав вдоль и поперек. Я недооценивала всю сложность задачи.
 - А что делаем тогда?
 - Мой план таков. Ты можешь связаться с Лирин?
 - Спрашиваешь.
 - Вот сейчас ты это и сделаешь.
 - Нет.
 - Почему?
 - Мы можем поставить ее в неудобное положение. Как королева она обязана отчетом слишком многим. Готова поспорить, после того как я сбежала с твоим медальоном, Таись перерыл все знакомые тебе миры и всех знакомых волшебников. И эльфы не стали исключением.
 - Так я же не предлагаю просить ее о помощи. И вообще, Таись думает о тебе как о балбеске. Об обезьяне с гранатой. Вот и давай воспользуемся этим.
 - Хорошо. Как?
 - Ты связываешься с Лирин. И спрашиваешь ее о муже.
 - О чем?
 - Тина, не тупи! О твоём бывшем.
 - Допустим. Дальше что?
 - Если он на свободе, тебе срочно нужно с ним встретиться. Лишнего не говори. Не знаю, кто сможет прослушать личный разговор королевы эльфов, но если речь идет обо мне, Таись на все способен.
 - Я бы тоже на его месте за свой зад боялась.
- Рон ухмыльнулся так, что мне даже страшно стало. Улыбаться у него получалось плохо. Его новое лицо принадлежало человеку, который не ведал зла. А может, и ведал, но не столько, сколько вынес Рон. И не такого. Арэсти познал истинное отчаяние только перед смертью. Рон познавал его несколько тысяч лет. И я замечала, как прямо на глазах меняется юношеское лицо. Сжимались крепче челюсти, пролегали новые морщинки, разглаживались старые, а в глазах появлялось что-то новое. И кое-где в рыжих прядях блестели белые нити. Смерть и воскрешение так просто не проходят.
- Если Таись сумел проследить за разговором Лирин, он сразу нагрянет сюда. То есть не сюда, а в мир, из которого мы будем с ней связываться. Если нет, ты спрашиваешь, как поговорить с мужем. Если он на свободе.
 - А если нет?
 - Придется телепортироваться к тебе домой.
 - Зачем?
 - Чтобы оставить след. Таись пойдет за нами и попадет в ловушку. Но проще использовать твоего бывшего мужа. Таись отправится за ним – и в лапки к нам.
 - Как-то это гладко получается. Папа, я медведя поймал. Так веди. Так не пускает. Мы в таком положении не окажемся?

- Надеюсь, что нет. Я тут порылся в лаборатории у Некроманта. Такие штучки нашел! С их помощью мы с кем угодно справимся.

- План писали на бумаге, да забыли про овраги. А по ним ходить.

Рон пожал плечами:

- Возможно, что без срывов не обойдется.

- Стопроцентно.

- Я подстрахуюсь. Всем, кем и чем могу.

- А можешь ты очень немногое.

- А что поделать. Но я уверен, что мы выиграем.

Я возвела глаза к небу.

- И этот человек называет меня безрассудной?! Я с его подачи собираюсь сунуть голову в пасть верховному вэари - и я безрассудная?

- Рассудная, рассудная, успокойся. Тем более что твоя голова у него во рту не поместится.

Я фыркнула еще раз.

- Хотела бы я посмотреть на его лицо, когда он понял, что медальон разрушен.

В голосе Рона звучало такое, что я вздрогнула:

- Я бы тоже этого хотел. Очень.

И не только посмотреть, но и потрогать? А что поделать? Вряд ли на его месте я бы стала доброй и всепрощающей.

- Пойдем спать, - оборвал мои размышления Рон. - Завтра с утра начнем претворять наш план в действие.

Он заметил мою реакцию и теперь пристально наблюдал за мной. Синие глаза впились в мое лицо, пытаюсь отыскать там что-то... Что?! Не знаю. Я плохо умею скрывать свои чувства, а в тот момент я просто понимала Рона. Не осуждала, не боялась, не испытывала отвращения. Просто понимала и доверяла. Кажется, до Рона это тоже дошло, потому что он улыбнулся краешком губ, легко вскочил с кушетки и протянул мне руку.

Несколько секунд я смотрела на его ладонь. Рон постоянно спрашивал меня - с ним я или против него. Спрашивал словами, движениями, поступками. Часто - неосознанно, но ответ всегда был один и тот же. Глупо с моей стороны, но я вложила свои пальцы в аристократическую руку Арэсти Эрнальта - Рона Джетлисса.

Я доверяю тебе, Рон.

Глава 23

Сеанс связи мы решили провести из мира, в котором Рон когда-то творил свои подвиги. А именно – убил тех сто с хвостиком взари. Координаты этого мира он отлично помнил, и переход прошел без проблем. Теперь мы стояли у подножия старинной башни. То есть раньше это была башня, а сейчас просто груда кирпичей.

– Здесь ты и получил свое прозвище?

– Здесь они и проводили свои эксперименты. Твари!

В голосе Рона была дикая, чудовищная ярость. Я положила руку ему на плечо.

– Расслабься. Их больше нет. А с Таисем ты разберешься очень скоро. За дело?

– Ты пока связывайся с Лирин, а я установлю ловушки. Идет?

– А моя помощь?

– Не стоит. Я справлюсь.

– Да я и не сомневаюсь. Просто я должна знать, чтобы самой не вляпаться.

– Тина, их установка займет от силы минут двадцать. А показать их тебе – пять минут. Я же рассказывал. Столько времени у нас будет. Работай, не препирайся.

Рон определенно был на взводе. И я не стала с ним спорить.

– Хорошо. Иди. Я приду позже.

Рон быстро поцеловал меня в щеку и отправился к развалинам. Я потеряла висок и сжала медальон, подаренный Лирин. Вызов помчался в мировое пространство. И через несколько минут в воздухе передо мной появилось объемное изображение эльфийки.

Лирин выглядела очаровательно, как всегда. Золотое платье подчеркивало светлый тон ее волос и белизну кожи. Изумруды на поясе сверкали огнями. И она рада была меня видеть.

– Тина? Как дела?

– Отлично. А у тебя?

– Мы планируем свадьбу.

– Лет через пять?

– Месяца через три. Сама понимаешь, будущий король эльфов не должен оказаться незаконным.

Я чуть слюной не подавилась.

– Лирин! Я так рада!!! А Лефроэль уже знает?

– Нет. Пока.

– Ты что?! Скажи ему немедленно! Он тебя на руках носить будет!

Лирин ухмыльнулась.

– Скажу еще, успею. Чего звонишь?

– Дела, дела... Я же не смогу побывать на твоей свадьбе, пока на меня не прекратят охоту.

– Очень здравая мысль.

– Поэтому... Не знаешь, моего бывшего выпустили?

- Выпустили. Он сюда являлся, просил аудиенции.

- И что?

- Я ему дала.

- Надеюсь, по шее?

Лири́н, немного знакомя с российским сленгом, пожала плечами.

- Не могла же я изменить Лефроэлю. Пришлось отчитать и выкинуть. Кстати, что ты в нем нашла?

Я пожала плечами.

- Он единственный, кто мог меня не удавить после трех минут общения. С Ником мне не приходилось корчить из себя пай-девочку.

- А, ну тогда понятно. А что он тебе?

- Мне нужно с ним поговорить.

- Очень?

Лири́н сдвинула брови.

- Тина, он сказал, как с ним можно связаться, и даже оставил медальон, если ты решишь сделать это, но ты должна понимать, какой за ним будет хвост!

- Офигенный! - весело подтвердила я. - И что?

- Надеешься отбиться?

- Очень надеюсь.

Я намекающим жестом коснулась груди.

- Ты так в себе уверена?

- Более чем! Где наша не пропадала, так ведь вылезла!

И я опять коснулась груди. Теперь до Лири́н дошло. Она широко улыбнулась.

- Это верно. Где только *ваша* не пропадала. Я могу за тебя связаться с Ником. Что передать?

- Лири́н, ты знаешь, как сейчас называется мир... мир Релаорн? В старой системе эльфийских координат он носил номер 17-а-23 киэран-56 эллистен.

Лири́н почесала нос.

- Да мы систему координат уж лет пятьсот не меняли. Тысяч. Как назывался, так и называется.

- Отлично. Передай Нику, что я буду его ждать в этом мире в течение трех часов по вашему времени. А потом должна буду уйти. Скорее всего - навсегда. Ну, добавь там трагизма, лирики, тоски... Ты ж королева, что мне - учить тебя?!

- Еще не хватало! - фыркнула Лири́н. - Ладно. Три часа здесь - это как три дня там, так?

- Именно. Это мир с очень быстрым течением времени.

- А как он там тебя найдет?

- Пусть ищет у места самого страшного подвига Рона Джетлисса. Я сейчас там. Понятно где?

- Так - понятно. Сейчас я с ним свяжусь. Удачи.

- Спасибо.
- Заедешь потом?
- Не сразу, но заеду. А свяжусь сразу по окончании заварушки.
- Отлично. Жду. Пока.
- Арриведерчи!

Я отключилась и посмотрела на Рона.

- А что теперь?
- Будем готовить сюрпризы. Приятные и очень приятные. Угу?
- Ага. Что делать?
- Для начала иди сюда.

Рон улыбнулся так, что его без разговоров сняли бы на развороте «Плейбоя».

- Зачем? – подозрительно спросила я.
- За надом. Я тебе покажу, как ставить защиту. А ты что подумала?
- Извращенец, – пробормотала я. – Спрашивается, зачем магам нужны красивые девушки! Чтобы ставить защиту! Извращенцы!
- Солнышко, ты повторяешься.
- Тьфу!

И я пошла учиться. А что мне еще оставалось. Известно же, тяжело в учении, легко на могиле врага.

Ник находился в отвратительном настроении. От Вэл не было никаких вестей. И никаких следов. Никакой возможности найти ее. Раньше – да. Но после сада Двенадцати Дев новая взари стала полностью недосыгаема. У нее изменилась аура, изменилась, хотя и не очень заметно, внешность, изменился даже ДНК-код. Куда уж дальше? Поэтому сейчас Ник сидел на кухне их скромной квартирки и накачивался дрянной водкой. Не помогало. Он все равно мучился от невозможности что-либо сделать. Одна мысль о том, что Вэл, такая чуткая, тонкая, беззащитная, может находиться на одном квадратном километре с «ужасом взари», ввергала молодого волшебника в истерику. И, чтобы не сорваться, он опрокидывал еще один стакан водки. Не помогало.

Вызов отвлек его от мрачных мыслей. И Ник подполз к зеркалу в прихожей с намерением обматерить любого, кто помешает ему напиваться. Но когда в зеркале возникло лицо королевы эльфов, онемел от изумления.

- Ва... ваше величест-тво?!

Лиреанделон рэ-Аллиерэн кавэрэ Меарилэннон брезгливо посмотрела на волшебника.

- Стойте смирно.

В следующий миг Ник почувствовал, как из зеркала вырвалось что-то неосызаемое. Это что-то пронеслось сквозь него могучим вихрем, выметая все последствия опьянения.

- Ваше величество?
- Именно. Молчите и слушайте. Я бы не стала тратить на вас время и силы, но несколько минут назад со мной связалась Тина.
- Вэл?!
- Не перебивайте.

- Да, ваше величество.

- Тина была в отчаянии. Я поняла так, что у нее какие-то проблемы с Роном Джетлиссом и ей требуется ваша помощь. Вы ей поможете?

- Разумеется. Где она?

- Я вам дам координаты этого мира. В нашей системе он называется 17-а-23 киэран-56 эллистен. В вашей – не знаю, но путь я вам покажу.

Ник потер висок. В голове его зарождались нехорошие подозрения.

- А почему она не попросила вас помочь ей? Вы же королева?

Лиреанделон рэ-Аллиерэн кавэрэ Меарилэннон покачала головой.

- Ваша жена гораздо умнее вас. Она понимает, что я в первую очередь королева, а во вторую – подруга. Я могу передать ее просьбу, но я не стану улаживать конфликты между вэари. Это ваши внутренние дела.

- А разве то, что вы делаете сейчас, не есть вмешательство?

- Нет. Тина просто не могла связаться с вами самостоятельно. Это конфиденциальная помощь подруге. Все. Вы пойдете к ней?

- Разумеется.

- Она сказала, что будет в том мире еще три дня. По здешнему времени это около трех часов. Я советую вам поторопиться. Иначе она вынуждена будет уйти.

- Она не сказала, в чем проблема?

- Я в первую очередь королева. И Тина никогда не скажет ничего, что могло бы поставить меня в неловкое положение. Кстати, через три часа я pošлю сообщение верховному вэари. А сейчас у меня очень важные и неотложные государственные дела. Прощайте.

Лирин резко оборвала связь, напоследок коснувшись пальцем зеркала. На гладкой поверхности высветился блестящий узор эльфийского пути в мир 17-а-23 киэран-56 эллистен. Ник несколько секунд смотрел на него, запоминая, а потом ринулся одеваться и собираться.

Если Вэл требуется его помощь, она получит любую!

И, может быть, тогда она простит его?

Верховный вэари довольно осклабился. У него остается не так много времени, но он прекрасно уложится. Сейчас только возьмет с собой одну маленькую вещь из заветного сейфа. И они с дочкой отправятся сворачивать головы этой мерзавке и Рону Джетлиссу. Тоже мне, стратеги! Слежку за Ником он установил сразу – и как только Лирин вышла на связь, тут же узнал о содержании разговора. И прищелкнул пальцами, вызывая Орланду. Вместе они прослушали разговор Ника с эльфийской королевой, и Орланда задала неожиданный вопрос:

- Пап, а ты уверен, что это не ловушка? Думаешь, они не знали, что ты за ними следишь?

Верховный вэари только пожал плечами.

- Дочка, у нас нет выбора. Ты представляешь, что будет, если вся эта история всплывет на ассамблее? Меня лишат места, тебя изгонят или заключат в предмет... Этого мы допустить не можем, правда ведь?

- Да, папа.

- И потом, Тина еще не настолько искусна. Я полагаю, что она попыталась освободить Рона, но не справилась с этим делом. Тут одной гениальности мало, нужны еще опыт и огромная сила. – Орланда покривилась, но Таись ан-Криталь безжалостно продолжал

свою речь: – В связи с этим хочу тебя предостеречь. Тину ты не тронешь.

– Почему?

– Потому. Можешь парализовать ее или ранить, но не убивать, если она тебя не вынудит. Такой материал просто бесценен. И не волнуйся. Своего наказания она не избежит. Просто я растяну его во времени.

Орланда кивнула:

– Хорошо, папа.

Верховный взари не поверил ей, но выбора не было. Больше он ничего не успевал сделать. Только явиться самостоятельно.

В кабинете раздался тонкий сигнал.

– Что это?

– Ник прыгнул.

– А мы?

– Сейчас я достану одну штучку – и мы пойдем.

– Они убегут!

– За две минуты? Не успеют.

Орланда довольно улыбнулась. Не пройдет и часа, как она навсегда избавится от этой мерзавки Тины! И Ник будет ее! Только ее! Навсегда!

Мы с Роном едва успели все завершить, когда он посмотрел на небо.

– Твой бывший. Поговоришь с ним?

Я пожала плечами:

– Рано или поздно это придется сделать.

– Мне уйти?

– Зачем?

– Чтобы не попасть под семейную разборку.

Я развернулась, положила руки на плечи Рону и внимательно поглядела ему в глаза.

– Рон, семейные разборки будут у нас с тобой, если ты еще раз скажешь что-то подобное. Ник – мое прошлое. Ты – мое настоящее и будущее, если пожелаешь. Осталось убедить в этом всех остальных. Если ты сам этого хочешь.

– Хочу. Извини меня.

Рон легко дотронулся губами до моей щеки.

– Был не прав. Исправлюсь.

– То-то же! Идем? Нас ждут великие дела!

– Прошу вас, – Рон галантно предложил мне руку. И мы направились от башни.

Рон был тихо счастлив. Смешно, но правда. «Ужас взари», он готовился к смертельной битве, он мечтал о мести, но все это почему-то оставалось второстепенным. Таким неважным. И почему только? Хотя ответ он знал.

Тина.

Тина-ви-элль.

Его подруга.

Рон и сам не знал, когда влюбился. В тот миг, когда заранее простил ей все, что она пыталась сделать для его спасения из медальона? В тот миг, когда она рассказывала свою историю и смешно, как обиженный ребенок, надувала губы? В ту секунду, когда сказала, что доверяет ему? И он понял, что Тина не лжет.

Он не знал когда. Знал только, что с какой-то минуты месть отошла на второй план. Боль и злоба оказались невероятно огромны. И если бы Рон дал им волю, эти чувства выжгли бы ему душу. Но он просто не успел.

Тина умудрилась втянуть его в эту дикую историю с Некромантом, потом повесила ему на шею целое королевство, а затем повисла и сама. И для ненависти не осталось ни времени, ни сил. Как-то она смогла подарить ему новую жизнь и новые цели. И Рон с радостью принял их. Что бы он делал, отомстив? Остался на пепелище с выжженной душой? Чем он займется сейчас, восстановив справедливость?

Отправится в Эрлин.

Будет править, восстановит страну, женится, станет воспитывать ребенка и обучать свою жену магии. Разве этого мало? Огромная программа на ближайшие двести лет. А там будет и что-нибудь еще. Он может превратиться из «ужаса взари» в невинно пострадавшего. История знала и не такие случаи. Может путешествовать. Завести еще нескольких детей. Вляпаться в миллион приключений.

Жить! Радоваться! Любить!

Да разве этого мало?!

Рон мог за это жизнь и душу заложить. Но такого и не требовалось. Просто надо оставаться рядом с Тиной. И это было прекрасно.

Ник стоял на поляне, растерянно оглядываясь по сторонам. Увидев меня, он просиял и бросился вперед, но тут же перешел с бега на шаг. Фигура Рона за моей спиной не способствовала выражению нежных чувств. Мы пошли друг другу навстречу и остановились в паре метров. Ник смотрел на меня жалобно. Он был изрядно потрепан. Под глазами залегли черные синяки, волосы растрепались, он похудел и выглядел в своей зеленовато-коричневой сбруе как спецназовец. И я не сомневалась, что под ней таится какое-нибудь оружие. Но не боялась. Ни за себя, ни за Рона.

– Вэл? – тихо спросил Ник.

– Ник, – отозвалась я. – Здравствуй.

Это не было прощением. Просто приветствие. И он это понял. Опустил голову, и золотые локоны закрыли его лицо.

– Нам надо серьезно поговорить.

– А я думала, нам надо попрощаться.

Забавно, но я ничего не хотела. Ни скандалить, ни спорить, ни ссориться. Мексиканские сериалы в тысячный раз оказались брехней. Когда дело доходит до самой ответственной точки, совершенно не хочется выяснять отношения. Разделаться со всем этим поскорее – и пойти домой. Домой? Да. В Эрлин. Дом – это место, где тебя ждут, где ты нужна, где тебя любят. Где рядом с тобой близкие тебе люди. Да, в Эрлине нет моей матери. Но она-то не пропадет. У нее семья и другая жизнь. Зато рядом со мной будет Рон.

Теплая рука чуть крепче сжала мне плечо.

– Малыш, не отключайся.

– Отвали, вредный Карлсон, – огрызнулась я.

Рон широко улыбнулся.

– Не время уходить в нирвану.

– Это верно, – неожиданно согласился Ник. – Вэл, мы поговорим в другом месте, а сейчас нам надо уйти отсюда. Попрощайся – и идем.

Я фыркнула.

– Это еще в честь чего?

– За мной могут следить.

Рон пожал плечами.

– Почему – могут. За тобой и следили. И следят. Минут через пять нам надо ожидать гостей.

– Тогда тем более надо торопиться!

Ник схватил меня за руку. То есть попытался схватить. Потому что в сантиметре от моей кисти его перехватил Рон.

– Не советую лапать мою невесту.

– Невесту?

– Кого?

На этот раз мы с Ником взвыли вместе.

– Мою невесту, – спокойно ответил мне Рон. – Как только вернемся домой – поженимся. Сама понимаешь, мой ребенок не может быть незаконным.

– Еще и ребенок?! Да кто ты такой?! – взвыл Ник.

– Я? Позвольте представиться, «ужас вэари».

– Рон!!! – раздался голос позади нас.

Мы все обернулись. В двадцати шагах от нас стоял человек. Я узнала его сразу. Верховный вэари. Таись ан-Криталь.

– Таись, – Рон улыбнулся так, что у меня спина похолодела. Эти двое хорошо знали друг друга.

И ненавидели.

Таись сделал шаг вперед и поднял руку.

– Узнаешь, тварь?!

Это было злорадное утверждение. В руке Таися светился мягким светом серебряный фиал. И, приглядевшись, я поняла, что это такое.

Кости.

Кровь.

Волосы.

Три частицы *настоящего* Рона Джетлисса, заботливо извлеченные и сохраненные перед развоплощением. Они запомнили своего хозяина. И сейчас Таись заставлял их умирать. Медленно и мучительно. И так же медленно и мучительно умирал Рон. Этот способ нельзя было применить на расстоянии. Но сейчас, когда противники стояли почти рядом друг с другом...

Рон умирал...

Я и сама не поняла, что именно делаю. Просто я отчетливо видела злую черную магию, тянущуюся от флакона – к Рону. Видела как золотые нити, по которым пробегали угольно-черные всполохи. И с каждым всполохом Рон делал еще один шаг к порогу смерти.

То, что я совершила, было глупостью. Но поступить по-другому я не могла.

Я бросилась им наперерез:

– Нет!!!

И нити зацепились за меня. Я позвала их и притянула к себе. Они медленно, нехотя, оторвались от Рона и обратили внимание на меня. Впились, обхватили, оплели, как водоросли неосторожного пловца. И потянули за собой к смерти. Теперь уже умирала я. Но Рон был свободен.

И ему требовалось несколько секунд, чтобы прийти в себя. А Орланда оказалась совсем рядом. И я даже не могла крикнуть, предупредить, защитить...

Вместо меня это сделал Ник.

Он поднял кинжал, который я уронила на мокрую траву. Тот самый, что я когда-то утащила от очистителей. И коротко, почти без замаха, метнул его в спину дочери верховного вэари.

И страшное оружие исполнило свой долг.

Орланда с криком упала в траву. Кинжал уверенно вытягивал из нее магическую силу, чтобы, когда она вся исчезнет, найти сердце. И убить еще одну ведьму.

Верховный вэари дернулся. Но помочь дочери означало отпустить контроль над заклинанием. А этого-то он сделать и не мог. Я знала, что с каждой минутой, с каждой секундой подхожу все ближе к порогу, из-за которого не вернулся ни один человек. Но меня это не пугало. Я крепко держала нити заклинания и тянула их на себя.

И еще раз к себе.

И в себя.

Больно?

Арэсти Эрнальту тоже было больно.

И жителям мертвого города.

И щенку, который до последнего пытался защитить свою маленькую хозяйку.

Рон встал на ноги.

Тряхнул головой, пробуждаясь от смертного сна.

И ударил.

Ударил всей собранной нами силой.

Ловушки не потребовались. Огненный вихрь испепелил на месте и не успевшего поставить защиту верховного вэари, и сосуд с его страшным содержимым. Не осталось даже пепла. Так оно и бывает в жизни. Никаких поединков от рассвета до заката. Один удар – и все.

Жаль, что только у сказок бывает счастливый конец.

У меня-то его уже не будет.

Рон, ударив силой по верховному вэари, не подумал, что краем заденет и меня. Но я знала – он не нарочно.

Я бы сказала ему об этом.

Только вот удержаться не смогла.

И падала, падала, падала в черный провал, в который до меня ушли миллионы взари.

У всех одно посмертие.

Хотя я предпочла бы и не знать – какое.

Рон подхватил на руки медленно оседающую в пыль женщину. Голова Тины мотнулась так, что он понял: еще немного – и все. Будет поздно.

– Что с ней?

Кажется, это спросил ее муж. Но сейчас Рону было на все плевать. Он пока не восстановился, а попытка возвращения требовала куда больших сил. Он с радостью отдал бы свою жизнь для нее, только вот завершить обряд это не даст.

– Помогай, – бросил Рон, опускаясь на колени и кладя девушку прямо на пыльную траву. – Она уходит.

– Как? – резко спросил Ник.

Лицо его заострилось, глаза провалились, скулы выступили резче.

– Держи меня. Я пойду за ней.

– Лучше я. Она к тебе не вернется.

Времени на споры у Рона не было.

– Она не вернется и к предателю. Держись.

Ник крепко сжал руку «ужаса взари». Конечно, это была только иллюзия. И вовсе не обязательно цепляться за кисть Рона так, что пальцы бедняги едва не склеились в клешню. Но при физическом контакте у него всегда получалось лучше.

И Рон нырнул.

Вокруг меня была темнота. Просто темнота – и все. Словно идешь по коридору, в котором какие-то уроды все лампочки вывернули.

Только впереди был свет. На него я и ориентировалась. Шлепала босыми пятками по холодному полу и тихо костерила умников, которые рассказывали о клинической смерти. Как же, светящийся тоннель, полет, беседа...

Это у нормальных людей.

Полоумным взари такое счастье не полагалось.

Меня ждал холодный коридор, прогулка пешком и, пардон, голый зад. Похоже, одежда бессмертным душам не причиталась. Неведомые умники стибрили всю мою одежду – от сапог до резинки на волосах. Хотя мерзла я, как и при жизни.

Я прекрасно понимала, что умираю, но меня это особенно не напрягало. Вот дойду до места, найду чего поесть и надеть, а потом будем разбираться с загробным миром.

Никакого внутреннего трепета я при этом не испытывала. Еще чего не хватало. Пусть сперва плавки вернут.

– Валентина, – позвал меня чей-то голос.

Коридор неожиданно кончился. И сразу за ним я увидела самое любимое мое место.

Море.

Когда мне было пять лет, мы с мамой зарулили в Геленджик. И это место навсегда осталось в памяти маленького ребенка. Море, песок, сосны...

С тех пор я часто хотела там побывать, но так ни разу и не съездила. Обстоятельства не позволяли. И вот теперь...

Я завизжала и хотела было броситься вперед, но меня остановил очень знакомый голос:

– Тина!!!

Я резко обернулась.

– Рон?

Это действительно был Рон. По голосу. Но не по виду. Рядом со мной стоял не привычный мне Арэсти, а среднего роста мужчина с растрепанными каштановыми волосами. На такого наткнешься взглядом и не заметишь. Но если присмотреться, в его глазах сияли искры, недоступные обычным смертным.

– Я, я это. Только такой, какой и родился, – отозвался человек. – Сама понимаешь, пока душа еще не привыкла к новому телу...

– А что ты здесь делаешь? Неужели...

Неужели моя смерть была напрасна?

Рон, казалось, прочитал мои мысли.

– Не напрасна. Все хорошо, малыш. Таись и Орланда умерли. И больше нас не побеспокоят. А я за тобой.

– За мной? Но я же...

– Ты пока еще не умерла. – Рон указал рукой на морской берег. Налетел ветерок – и до нас донесся слабый запах, который я даже не могла описать. Что-то теплое, родное, настоящее... Пара соленых брызг осела у меня на губах. – Ты на пороге.

– На пороге?

– Я не могу читать лекции. Находиться здесь стоит огромных сил.

Действительно, с каждой минутой Рон становился все бледнее и бледнее. Выцветал, как старый ковер. Я с интересом поглядела на него.

– А что будет, когда ты выцветешь?

– Я умру.

Ник сжимал руку «ужаса взари» и понимал, что еще пара минут – и все будет потеряно. Вэл уйдет навсегда. И вслед за ней уйдет и Рон Джетлисс.

Ужас взари.

Искушение было чертовски велико, но Ник только покачал головой.

Один раз он уже предал. Второго – не будет.

Он крепче сжал руку Рона и позвал его.

Обратно.

В мир живых.

Со спутницей – или одного.

Рон дернулся так, словно по нему хлестнули плетью.

- Что с тобой?

- Мне пора возвращаться. Ты со мной?

Я подняла брови.

- Это необходимо?

Мне так не хотелось уходить. Лучше я останусь – и подожду. Здесь время пройдет незаметно. Рано или поздно ко мне придут все. Мама. Отчим. Брат. Друзья и знакомые.

Придет и Рон.

- Да.

- Зачем?

Силуэт Рона расплзался все больше. Реальной оставалась только протянутая мне рука. Пока я еще могла ухватиться за нее. Пока...

Рон едва выдохнул истончившимися губами ответ.

Я вцепилась в его руку так, что оторвать не смогли бы и все боги с чертями.

И резкая боль пронзила все мое тело.

Медленно-медленно возвращалось сознание. Боль вернулась гораздо быстрее и теперь нагло скручивала меня в дугу, пока на лоб не легла чья-то прохладная ладонь.

- Вэл?

Я открыла глаза.

Я лежала там же, где и упала. Рядом был Рон. И наши руки так крепко сцепились пальцами, что я испугалась, не превратились ли мы в сиамских близнецов. Над нами наклонялся мой бывший муж.

Ник Серый.

Скотина!

- Привет, – вяло сказала я, присаживаясь и потирая свободной рукой лоб. – Как дела?

Ник на секунду замер, хватая воздух открытым ртом, а потом развернулся во всю мощь.

- Как дела?! Как дела??!

Кажется, он что-то орал о моей родне (вот уж кому на все чихать) и о моей совести (благополучно оставшейся дома), но я не слушала. Мое внимание полностью занимал Рон.

В сказках принцев обычно будят поцелуями.

Я обошлась парой оплеух.

А как действенно!

Рон открыл глаза и улыбнулся мне.

- Живы?

- Живы, – ответила я.

Все-таки он самый красивый на свете. Даже в своем настоящем теле. Теперь я отлично понимала Мадалену.

- Как ты себя чувствуешь?

- А ты?

- Паршиво.

- Дома отлежимся.

- Фиг мы там отлежимся. Ты забыла, что нас там ждет?

Забыла. М-да, разгребать за Некромантом?! Да лучше б я свинарники неделю вычищала! Согласна даже на две недели полезных работ в колхозе...

- И почему я там не осталась?

В синих глазах плясали лукавые искры.

- А ты не догадываешься?

Я знала, но говорить об этом сейчас мне не хотелось.

- Пойдем домой?

- Минутку! - возмущенно встрял в нашу беседу Ник. - Что все это значит?!

- А что такого? - Я невинно пожала плечами.

- По-моему, все в порядке, - присоединился ко мне Рон. - Таись ан-Криталь и его вздорная дочурка полностью и окончательно мертвы. Их даже допросить не удастся. Развоплотились не только тела, но и души. На ближайшей ассамблее взари обнаружат недостачу - и ее восполнят двое молодых и перспективных волшебников. Ресс Эрнальт и Тина-ви-элль. И с радостью произведут на свет еще парочку взари. Что еще нужно?

Кажется, Нику нужно было что-то еще.

- Вэл, а как же...

Я пожала плечами.

- Доверие, Ник, два раза не дается. Один раз я тебе поверила, второго не будет. И вместе мы тоже жить не будем. Прости, но у нас с Роном, то есть с Рессом, есть определенные обязательства друг перед другом. На ближайшие два-три тысячелетия. И я собираюсь их выполнить.

- А потом?

- Суп с котом. Откуда я знаю, что будет потом?!

- Но я могу надеяться?

Я пожала плечами, не обращая внимания на недовольный взгляд Рона.

- Надежду - лови. Но на глаза мне пока не лезь. А то и еще чего-нибудь поймает. Как я тебя еще не удавила после твоего номера. Взари, блин!

- Вэл, я могу все объяснить.

- Тина-ви-элль. И - до встречи на ассамблее.

Я поддержала Рона под локоть, помогая подняться на ноги.

- На счет «три»?

- Три!

И мы провалились в Эрлин.

Наш дом.

Эпилог

Огонь камина.

Два тела, лежащие рядом на широкой кровати.

Тихий шепот, наполняющий семейную спальню королей Эрлина.

- А мы отправимся на ассамблею?

- Несомненно. Но сперва мы свяжемся с Лирин. Завтра же с утра.

- Обязательно. Мы ей так и не рассказали, что случилось.

- Все равно дольше мы бы заклинание не удержали.

- Да уж. Не каждый день умираешь и воскресаешь. Ресс, а что будет дальше?

- Ты и так знаешь. Станем править, нарожаем детей, воспитаем, скинем на них эту дурацкую корону и отправимся путешествовать по мирам.

- Так просто?

- Так сложно. Не забывай, опыта-то у нас нету...

- Зато мы есть друг у друга.

- Это, конечно, важно.

- Очень. И попробуй только что-то вякнуть на эту тему.

- Вяз. И что?

- Ресс...

- Да?

- А то, что ты мне сказал там, в коридоре, правда?

- Кривда.

- Правда?!

- Правда. Люблю я тебя! Довольна?

- Да. Ресс...

- Ну что еще?!

- Я тебя тоже люблю.

- Что?!

- То.

- Что - то?! Повтори немедленно!

- Разбежался!

- Разлетелся! Тина!!!

Тихий смех. Треск поленьев в камине. Пляска огня и теней на старых стенах.

Тишина и покой.

Надолго ли?

Зная наших героев...

Нет!

Сноски

1

В Англии – одно из имен черта.